

ГЕГЕЛЬ

Политические произведения

Издательство · Наука ·

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Редакционная коллегия серии
«Памятники философской мысли»:

КЕДРОВ Б. М. (председатель), БОГУСЛАВСКИЙ В. М.,
ГУЛЫГА А. В., ЕВГРАФОВ В. Е., НАРСКИЙ И. С.,
ОЙЗЕРМАН Т. И., СОКОЛОВ В. В. (зам. председателя),
ГАБИТОВА Р. М. (уч. секретарь).

ГЕГЕЛЬ

Политические произведения

Издательство · Наука ·
Москва 1978

Книга содержит первую публикацию на русском языке важных произведений великого философа-диалектика Гегеля, посвященных политическим и правовым вопросам («Конституция Германии», «О научных способах исследования естественного права», «Система нравственности», «Английский билль о реформе 1831 г.» и др.). Эти работы характеризуют основные этапы создания Гегелем теории государства и права. Книга включает также вступительную статью, комментарии и указатели к гегелевским работам.

Редакционная коллегия тома:

член-корреспондент АН СССР

Д. А. КЕРИМОВ (ответственный редактор),

кандидат юридических наук

Л. С. МАМУТ,

доктор юридических наук

В. С. ПЕРСЕСЯНЦ

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ»

Развитие философской культуры советского читателя сопровождалось последние годы все возрастающим интересом к философскому наследию прошлого. Классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что изучение истории философии составляет лучшую школу теоретического мышления. Новая академическая серия «Памятники философской мысли» — она открывается предлагаемыми теперь вниманию читателей «Политическими произведениями» Гегеля — аналогична известной серии «Литературные памятники» и недавно возникшей серии «Памятники исторической мысли». Наша серия предназначена прежде всего для публикации произведений или совсем не издававшихся на русском языке, или давно уже ставших библиографической редкостью. Редколлегия серии «Памятники философской мысли» в перспективе ближайших и последующих лет предполагает опубликовать следующие книги: «Досократики. Фрагменты древнейших греческих философов» (в 3-х томах), «Фрагменты философов школы киников», Цицерон «О природе богов», «О пределах добра и зла» и др. трактаты. Плотин «Эннеады», Боэций «Утешение посредством философии», Скот Эриугена «О разделении природы», Мадхавачарья «Собрание всех философий», Роджер Бэкон «Большое сочинение», Уильям Оккам «Избранное», Эразм Роттердамский «Руководство христианского воина», Никколо Макьявелли «Рассуждение на первую декаду Тита Ливия», «Государь», Приложение, Антуан Арно и Пьер Николь «Логика, или Искусство мыслить», Буленвилье «Критика философии Спинозы», Философско-исторические произведения французских просветителей XVIII в. (Тюрго, Кондорсе, Рейналь и др.), Иммануил Кант «Трактаты и письма», П. Я. Чаадаев «Философические письма», А. Т. Болотов «Работы по эстетике», Э. Геккель «Мировые загадки».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831) — великий мыслитель-диалектик, творческие достижения которого представляют собой огромную вежу в истории философской и политико-правовой мысли.

К. Маркс и Ф. Энгельс наряду с принципиальной критикой дали высокую оценку теоретическому наследию Гегеля, признавали его большие научные заслуги. Учение Гегеля, по характеристике В. И. Ленина, является одним из теоретических источников марксизма. Основоположники марксизма, пройдя в начале своего духовного развития гегельянский период, в ходе критического расхождения с доктриной Гегеля разработали первые идеи нового направления. Значительное внимание при этом было уделено гегелевской теории государства и права — важной составной частью всего творчества Гегеля, в которой специфически проявляется и резюмируется его общеполитическая, мировоззренческая позиция.

Обширное теоретическое содержание и высокая философская культура гегелевского исследования общества, государства, права, социальных и политических явлений относятся к ценной стороне творческого наследия Гегеля. Они оказали значительное влияние на Маркса и Энгельса. Круг поставленных и освещенных в гегелевской политико-правовой философии проблем нередко совпадает или перекрещивается с проблематикой, привлекавшей их внимание как в ранний период творчества, так и в последующие годы.

Политико-правовая теория Гегеля вот уже более полутора веков привлекает пристальный интерес многочисленных исследователей. Вокруг нее постоянно идут острые теоретические и идеологические дискуссии. Инте-

рес к идеологическому, политико-правовому аспекту гегелевского учения особенно характерен для современных обращений к Гегелю.

В нашей стране уже давно уделяется большое внимание философским и политико-правовым произведениям Гегеля. Г. В. Плеханов, касаясь проблемы исторических судеб гегелевского учения, распространения и влияния его идей в различных странах, справедливо отмечал: «Вполне естественно, что влияние Гегеля всего больше на его родине, в Германии. А после Германии не было страны, на которую так сильно повлиял бы он, как Россия»¹.

Заметное внимание к учению Гегеля в России обнаруживается уже в 30-е годы XIX в. Значительный интерес к его идеям проявили такие ведущие представители прогрессивной русской общественно-политической мысли, как Н. В. Станкевич, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров и др. В своем подходе к философии Гегеля Герцен, Бакунин, Белинский и Чернышевский, критикуя идеи консервативного гегельянства в России, развивали плодотворную идею о необходимости союза новой философии (прежде всего гегелевской) с социализмом. Герцену принадлежит одна из самых блестящих во всей мировой литературе характеристик революционного смысла философии Гегеля как «алгебры революции»².

Линия прогрессивного, революционно-демократического и социалистического подхода к философии Гегеля в 60—70-е годы XIX в. в России была углублена и развита Н. Г. Чернышевским, который, по характеристике В. И. Ленина, был «великим русским гегельянцем и материалистом»³.

Заметное влияние идеи гегелевской философии права оказали на творчество таких видных русских ученых-юристов, как К. Неволин, П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, чьи труды по гегелевской проблематике представляли собой в определенной мере положи-

¹ Плеханов Г. В. Избр. филос. произв., т. III. М., 1957, с. 639.

² Герцен А. И. Избр. филос. произв., т. II. М., 1948, с. 185.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 381.

тельное явление в дореволюционной русской юридической литературе.

Начало марксистского, диалектико-материалистического подхода к творчеству Гегеля в России восходит к работам Г. В. Плеханова. В его многочисленных произведениях были затронуты и проанализированы различные стороны и проблемы гегелевского учения, истории европейского и русского гегельянства, соотношения гегелевской и марксистской диалектики, роли Гегеля в истории философской и политической мысли, смысла последующей борьбы вокруг учения Гегеля в целом и его философии права, в частности.

Выдающаяся страница во всей истории исследований философии Гегеля связана с творчеством В. И. Ленина, с ленинской характеристикой гегелевского учения. В статье «О значении воинствующего материализма» (март 1922 г.) В. И. Ленин, касаясь задач вновь организованного теоретического журнала «Под знаменем марксизма», отмечал важность пропаганды диалектики и призывал сотрудников журнала стать «своего рода «обществом материалистических друзей гегелевской диалектики»»⁴.

Высокая оценка К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным ценных и прогрессивных сторон учения Гегеля наряду с принципиальной критикой его идеализма, консервативных и антидемократических черт послужила исходной методологической основой для развертывания гегелеведческих исследований в советской литературе.

Наряду с трудами, посвященными анализу взглядов Гегеля, большая исследовательская работа в нашей стране проведена и проводится по переводу и изданию на русском языке (а также на языках ряда союзных республик) всех основных его произведений, в том числе по социально-политической и философско-правовой тематике⁵.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

⁵ Заметным событием в советском гегелеведении за последнее десятилетие явились публикации на русском языке многих ранее не издававшихся у нас произведений Гегеля (*Гегель. Работы раз-*

О значении гегелеведческих исследований для всей нашей общественной науки, о росте влияния и авторитета советского гегелеведения на международной арене свидетельствует, в частности, тот факт, что первый в нашей стране международный конгресс по профилю философской и общественно-политической мысли — X Международный гегелевский конгресс (Москва, август 1974 г.) — был связан с именем Гегеля. Знаменательно и то, что в работе этого конгресса, в целом посвященного гегелевской диалектике, большое место было уделено вопросам политико-правовой теории Гегеля и ее связи с современностью, методологии философско-правовых исследований, актуальным аспектам диалектики общества, государства, права и политики.

В центре внимания советского политико-правового гегелеведения, в частности, стоят сегодня проблемы дальнейшего углубленного сравнительного анализа гегелевской философии права и марксистско-ленинского учения о государстве и праве (аспекты исторической преемственности и принципиальной новизны; политико-правовые аспекты по темам «Гегель и Маркс», «Гегель и Ленин», «Гегель и молодой Маркс об отчуждении»; гегелевская и марксистская концепции соотношения личности, общества и государства). Большое место занимают также проблемы понятийного и категориального аппарата гегелевской и марксистско-ленинской методологии политико-правовых, юридических исследований, освещения ряда малоисследованных гегелевских тем (политико-правовые взгляды молодого Гегеля, генезис и эволюция его философско-правовых воззрений, соотношение конкретно-исторического и теоретического аспектов гегелевской философии права и проблема критериев адекватной ее интерпретации и т. п.), характеристики ведущих идей, тенденций и направлений современного буржуазного гегелеведения, активной идейно-теоретической борьбы за прогрессивные аспекты творческого наследия Гегеля в духе традиций марксистско-ленинского подхода к куль-

турному наследию прошлого и в тесной связи с решением актуальных задач современности.

Настоящее издание в заметной мере восполняет существенный пробел в деле публикации на русском языке ряда ранее не переведенных политико-правовых произведений Гегеля⁶. Инициатором начала работы по этому изданию был профессор А. А. Пионтковский, гегелеведческие труды которого широко известны у нас в стране и за рубежом.

Публикуемые в настоящем издании работы уже давно широко обсуждаются мировым гегелеведением и составляют предмет острых идейно-теоретических и источниковедческих дискуссий среди зарубежных исследователей Гегеля. Это особенно относится к ранним произведениям Гегеля, которые с начала XX в. и до настоящего времени продолжают привлекать интерес интерпретаторов различных направлений. Примечательно, что именно обращение к «молодому Гегелю» — «История молодого Гегеля» В. Дильтея (1905) и публикация в 1907 г. его учеником Г. Нолем ряда ранних гегелевских произведений — послужило начальной вехой «обновления» и «ренессанса» Гегеля. В молодом Гегеле был «открыт» тот «романтик», «мистик» и «иррационалист», которого так недоставало, по многим представлениям, тогдашней философии. «Дильтей, — отмечал позднее неогегельянец Г. Глокнер, — дал юного Гегеля... С тех пор появилось неогегельянство»⁷.

Не только неогегельянцы, но и многие западные гегелеведы в прошлом и ныне постоянно обращаются к тру-

⁶ Было бы, разумеется, преждевременно говорить о всестороннем преодолении такого пробела. Полного издания произведений Гегеля до сих пор не имеется и на языке оригинала. Появляются все новые и новые публикации его работ, в том числе философско-правового профиля. Особое место в этом ряду занимает начатое К.-Х. Ильтингом 6-томное немецкое издание материалов (как ранее изданных, так и неопубликованных) по гегелевской философии права (записи различных вариантов лекций Гегеля его слушателями, рецензии на «Философию права» и т. п.). — См.: *Hegel G. W. F. Vorlesungen über Rechtsphilosophie. 1818—1831. Ed. u. Kommen in 6 Bdn. von K.-H. Ilting. Stuttgart, B. 1, 1973; B. 2—4, 1974. См. также: «Hegel-Studien», Beiheft 7. Bonn, 1972, S. 9—59.*

⁷ *Glockner H. Krisen und Wandlungen in der Geschichte des Hegelianismus (см.: «Hegel-Studien», Beiheft 2. Bonn, 1965, S. 213).*

дам молодого Гегеля, к проблеме генезиса и эволюции его воззрений. Данный аспект гегелевской тематики — один из наименее разработанных разделов всего советского гегелеведения, как философского, так и особенно юридического⁸. Между тем ознакомление с ранними работами Гегеля, с генезисом и развитием его философских и политико-правовых идей позволяет уяснить существо и специфику различных стадий творческой эволюции взглядов Гегеля, соотношение философских и политических аспектов этой эволюции, проследить путь от первоначально лишь смутно намечившихся положений к завершённой философии права с ее особым местом, ролью и назначением в системе гегелевской философии. Освещение взглядов молодого Гегеля на право и государство в их эволюции способствует и более глубокому пониманию идей позднего Гегеля, всей гегелевской политической философии.

Представление о Гегеле как политическом мыслителе сложилось в советской литературе под значительным влиянием его «Философии права». Политико-правовые произведения, включенные в настоящее издание, знакомят нас наряду с философско-правовым профилем творчества Гегеля (работы о естественном праве и системе нравственности) также и с его политической публицистикой (статьи о Вюртемберге и английском билле, комментарии к письмам Карта), с его взглядами на историю немецкого государства и права (Конституция Германии) и т. д.

Как ранние, так и поздние произведения Гегеля свидетельствуют о его громадном и стойком интересе, помимо собственно философии, к социально-политической, исторической, правовой и нравственной проблематике. Так, уже в дневниковой записи от 1 июня 1785 г. юный Гегель отмечает, что «прагматическая история» зани-

⁸ По этой проблематике см., в частности: *Гулыга А. В.* Гегель. Вехи творческого пути (в кн.: *Гегель. Работы разных лет*, т. 1. М., 1970, с. 5—44); *Он же.* Молодой Гегель. К формированию концепции (Доклады X Международного гегелевского конгресса, вып. II. М., 1974, с. 1—11); *Пионтковский А. А.* Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1963, с. 7—32.

мается не пересказом голых фактов, а развитием характера великого человека, целой нации с ее нравами, обычаями, религией в сравнении с другими народами; показывает, как то или иное событие или изменение в государстве сказывается на жизни нации, ее характере и т. п.⁹

Значительное влияние на становление и формирование философских и политико-правовых воззрений молодого Гегеля оказали уже в гимназический период произведения Платона и Аристотеля, трагедии Софокла. В результате ознакомления с историей и литературой античного мира, с подходом классиков античной политической мысли к проблемам государства, права и нравственности молодой Гегель воспринял, а в дальнейшем (применительно к новой социально-исторической и политической эпохе) модифицировал, углубил и развил идею Платона и Аристотеля о государстве как надындивидуальной целостности и нравственной общности людей.

В университетские годы (1788—1793) Гегель наряду с работами античных авторов изучает философские и политико-правовые труды Руссо, Монтескье, Гердера, Шиллера, Якоби, Винкельмана, Канта и других мыслителей. Особый интерес Гегеля привлекает учение Руссо о воле («всеобщей воле» и «воле всех»), взгляд на государство как на «всеобщую волю».

Всемирно-историческим событием того времени была Французская революция, влияние которой сказалось на всем творчестве Гегеля и его политических воззрениях. Не только для позиции молодого Гегеля, но и в целом для его взглядов на различных этапах эволюции характерны одобрительное отношение (в молодости — восхищение) к антифеодальному характеру, к первым шагам Французской революции, к идеям 1789 г. и резко отрицательные отзывы, неприязнь к якобинскому террору в дальнейшем ходе революции. Восприняв в политическом отношении антидеспотический, антифеодальный, антиклерикальный характер Французской революции и завоеванных ею политико-правовых свобод, в философско-теоретическом плане Гегель занимается поисками синте-

⁹ *Hegel. Recht, Staat, Geschichte. Stuttgart, 1955. S. 4.*

за таких мировоззренческих компонентов его духовного опыта, как идеи Платона и Аристотеля, идеализированный образ античной Греции и греческого полиса, идеи французского и немецкого Просвещения, идеи и результаты Французской революции.

В одной из своих ранних работ — в «Народной религии и христианстве» (1792—1795)¹⁰ — Гегель остро критикует христианскую религию в качестве частной религии и выражения только лишь моральной точки зрения отдельно взятого человека. Целостная нравственная жизнь народа нуждается, по мысли Гегеля, в нравственной «народной религии», как это имело место в античной Греции и в платоновских конструкциях идеального государства. Назначение «народной религии» Гегель видит в том, что она, развиваясь вместе с государственным устройством, призвана охранять всеобщность и целостность свободной и нравственной жизни народа, включающей в себя свободного индивида, от морально-религиозной автономии отдельных граждан.

Идеализированную им целостность дохристианского греческого полиса Гегель трактует таким образом, чтобы в этой нравственной целостности найти место и для свободы отдельного человека, т. е. примирить нравственный идеал целого, усмотренный в жизни греческого народа, с идеями Французской революции о свободе и праве.

В этой связи представляется не вполне обоснованным утверждение доктора теологии Гамбургского университета Г. Шмидта, будто в это время «Гегелю не ясно, что греческий полис — как это показал уже провал Сократа — не мог никогда ни выполнить, ни признать требование отдельного человека»¹¹ (имеется в виду политическая свобода индивида в соотношении со свободной народной общностью). Дело не в том, будто Гегель плохо себе представлял меру свободы индивида в рамках гре-

¹⁰ Гегель. Работы разных лет, т. 1. М., 1970, с. 47—85.

¹¹ Schmidt Hans. Verheißung und Schrecken der Freiheit. Von der Krise des Antik-Abendländnisses dergestellt im Blick auf Hegel Erfahrung der Geschichte. Stuttgart—Berlin, 1964, S. 138.— Г. Шмидт, на наш взгляд, необоснованно считает, что Гегель не понимал христианской религии — ни тогда, когда отвергал ее, ни тогда, когда в последующем вновь признал ее.

ческого полиса, ее ограниченность, — ведь Гегель и не делает из этой свободы отдельного члена полиса необходимого для современности идеала личной свободы. Гегель идеализирует не ограниченную меру индивидуальной свободы гражданина полиса, а сам полис как модель целостной нравственной жизни народа. Таким образом, молодой Гегель уже в этот период признает права и свободы не в их атомистически-индивидуальной трактовке, не как свободу, с одной стороны, гражданина, а с другой — государства, но как целостную свободу, свободу целого народа, включающую свободу отдельных индивидов. Свобода как нравственное целое, обуславливающая вместе с тем и свободу составных компонентов этой целостности (в том числе — свободу индивида), — таков смысл концепции, которую развивает молодой Гегель в попытке примирения идеализированной античной нравственности и современной ему свободы, завоеванной в ходе Французской революции. Эта гегелевская концепция синтеза критически направлена против тогдашней немецкой феодальной государственности, против князей и церкви.

Окончив университет, Гегель работает домашним учителем в Берне (1793—1796 гг.), Франкфурте (1797—1800 гг.) и, готовясь к будущей университетской деятельности, углубленно изучает труды древних и новых классиков философской, исторической и политической мысли, в частности Платона, Аристотеля, Гроция, Гоббса, Юма, Локка, Вольтера, Монтескье, Руссо, Спинозы, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга, Гиббона.

В рукописи этого периода «Позитивность христианской религии» (над ней Гегель в основном работал в 1795—1796 гг., а затем неоднократно дописывал ее вплоть до 1800 г.) развивается и углубляется гегелевская концепция «народной религии» и критика христианства как частной религии¹². В данной работе Гегель с антифеодалных позиций критикует церковную систему и отстаивает права и свободы человеческого духа, человеческого разума. Замена языческой (античной) религии религией христианской знаменовала собой утрату наро-

¹² Гегель. Работы разных лет, т. 1, с. 87—207.

дом своей свободы и была следствием укоренения привычки подчиняться чужой воле и чуждым (для духа народа) законодательству и государственным учреждениям. Характеризуя изменения, происшедшие в процессе перехода от античной «народной религии» к христианству, Гегель писал: «Образ государства как результата своей деятельности исчез из сердца гражданина... незначительному числу граждан было поручено управление государственной машиной, и эти граждане служили только отдельными шестеренками, получая значение только от своего сочетания с другими...»¹³ В этих условиях целостность нравственной жизни народа распалась, индивиды углубились в свою частную жизнь, отчужденную от государства. Такую картину распада и отчуждения Гегель освещает на примере позднего Рима. Сходные идеи Гегель использовал в дальнейшем при характеристике состояний правового отчуждения в «Фепоменологии духа».

Письма Гегеля бернского периода к Шеллингу показывают, что верность «разуму и свободе» сочетается у него с выпадами против сторонников Робеспьера. Высокое достоинство человека состоит в том, чтобы быть свободным. «Это, — продолжает Гегель, — залог того, что исчезнет ореол, окружающий головы земных угнетателей и богов. Философы доказывают это достоинство, народы научатся его ощущать и тогда уже не станут требовать свое растоптанное в грязь право, а просто возьмут его обратно, присвоят его».

В процитированном выше письме (январь 1795 г.) содержится следующее любопытное утверждение: «С распространением идей того, каким что-либо *должно* быть, исчезнет безразличие серьезных людей, побуждавшее их без колебаний принимать то, что есть, таким, каким оно есть»¹⁴. Весьма поучительно сопоставить это положение молодого Гегеля с прямо противоположным его суждением из Предисловия к «Философии права» (1820).

К бернскому периоду относится «Первая программа системы немецкого идеализма» (написана в начале лета 1796 г.), в которой содержатся столь чуждые для более позднего Гегеля — восхвалителя государства — мысли о

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, т. 2. М., 1971, с. 224.

необходимости преодоления государства, установления вечного мира, достижения возможности равного развития для всех индивидов и т. д. «Прежде всего, — писал молодой Гегель, — идея человечества; я покажу, что не существует идеи *государства*, ибо государство есть нечто *механическое*, так же как не может быть идеи *машины*. Идею составляет только то, что имеет своим предметом *свободу*. Следовательно, мы должны выйти и за пределы государства! Ибо любое государство не может не рассматривать людей как механические шестеренки, а этого как раз делать нельзя... Одновременно я изложу принципы *истории человечества* и разоблачу до конца все эти жалкие творения рук человеческих — государство, конституцию, правительство, законодательство»¹⁵.

Последующая эволюция гегелевского взгляда на государство (в частности, обожествление им государства в «Философии права») в свете тезиса молодого Гегеля о преодолении государства может показаться произвольным и малопонятым радикальным разрывом с собственными предшествующими представлениями, даже если последние и были временно заимствованы у сторонников иных воззрений. Однако изменение в позиции Гегеля выглядит не столь разительным, если помимо внешней словесной формулировки гегелевского отношения к государству (отрицательное — в рассматриваемой работе, положительное — в последующих произведениях) учесть и собственно концептуальную сторону дела. Молодой Гегель отрицательно относился к государству как механизму, машине: государство отвергается им именно потому, что оно не есть воплощение и носитель идеи, что нет идеи государства. Поздний Гегель (в «Философии права» и других работах) восхваляет, обожествляет и философски оправдывает именно идею государства, государство как идею, но не государство как механизм и т. п. (отсюда — резкая критика Гегелем разного рода механистических концепций государства). И в том, и в другом случаях Гегель предстает как приверженец идеи — нравственного и разумного начала, наличие или отсутствие которого в рассматриваемом феномене (государстве) предопределяет

¹⁵ Гегель. Работы разных лет, т. 1, с. 211—212.

отношение к нему Гегеля (и раннего и позднего). Этот момент концептуального постоянства (определяющая роль идеи) на фоне эволюции отношения Гегеля к тем или иным политико-правовым институтам и учреждениям составляет существенный аспект в формировании гегелевской философии государства и права в рамках завершённой системы идеалистической философии.

Существо дела, таким образом, состоит не в том, что на одном из этапов своей творческой эволюции Гегель просто заменил прежнее отрицательное отношение к государству положительным,— сама эта смена, носившая диалектический характер, была обусловлена углублением и конкретизацией прежнего подхода, в результате чего ранее отвергаемый и отрицаемый феномен (государство) был позднее понят и раскрыт в своей разумности, принят в сферу идеи и поднят до уровня идеального. Отходя от своего прежнего вывода, Гегель вместе с тем углублял и развивал свою позицию приверженца идеи, исходя из которой и был сделан этот, теперь оказавшийся несостоятельным, вывод.

В 1798 г. Гегелем была написана небольшая работа «О внутренних отношениях в Вюртемберге...» (с. 49)¹⁶. Друзья Гегеля отсоветовали ее публиковать ввиду ее явно оппозиционного характера. В ней Гегель, касаясь спора между герцогом Вюртемберга Фридрихом и ландтагом о месте и роли представительства, критикует феодальное государственное устройство Вюртемберга и выступает за введение справедливой конституции. Старое государственное устройство обречено на гибель, доверие населения к старому порядку управления утеряно. Необходимые изменения, ощущаемые всеми, должны быть осуществлены на новых справедливых и разумных началах (введение новой конституции, признание прав граждан формировать магистраты, уравнивание прав сословий и т. д.), иначе, предупреждает Гегель, последствия окажутся еще более плачевными для правящих: произойдет взрыв и обманутая, угнетенная масса отомстит за несправедливость и бесчестность. Тогда и сами противники из-

¹⁶ Здесь и далее в скобках указаны страницы настоящего издания.

менений окажутся под обломками пришедшего в полную негодность здания Вюртембергского государственного устройства.

Подход Гегеля к рассматриваемой проблематике показывает, что его позиция не исключает признания правомерности насильственного, по сути дела революционного пути преобразования отживших феодальных учреждений. Подчеркивая неизбежность изменений, Гегель патетически замечает: «Сколь слепы те, кто полагает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более правам, потребностям и взглядам людей; что формы, к которым не проявляют более интереса рассудок и чувство, достаточно могущественны, чтобы и впредь служить узами, объединяющими народ» (с. 50).

В 1798 г. во Франкфурте-на-Майне увидела свет первая публикация Гегеля — перевод с французского на немецкий язык и комментарии к работе швейцарского адвоката Карта (памфлет в письмах), представлявшая собой критику бернской олигархии (с. 54). В комментариях Гегеля содержатся острые нападки на деспотический произвол и беззаконие в деятельности бернских властей, особенно в вопросах судопроизводства. Он критикует форму правления, не опирающуюся на конституцию и гражданские законы. При подобном правлении уголовная юрисдикция оказывается в руках чиновников правительства, обвиняемый лишается права иметь защитника, отсутствуют объективное следствие и суд. В этой связи Гегель ссылается на судебное дело одной девушки, которая была приговорена к смертной казни за вытравление плода. Нелепость приговора раскрылась лишь незадолго до казни, когда священник обнаружил беременность девушки. В Берне, заключает Гегель, нет уголовного кодекса, и само бернское правительство олицетворяет собой законодательную и судебную власть. Касаясь выборов в кантональный совет, Гегель рисует неприглядную картину политических махинаций бернской аристократии.

С антифеодальных, буржуазно-гуманистических позиций исследует Гегель проблемы уголовного права и процесса, преступления и наказания и, критикуя феодаль-

пую юстицию, отстаивает человеческое достоинство преступника (в суждениях о палаче и смертной казни, о тюремном заключении). Темы публичной казни Гегель касается в «Исторических этюдах» ффранкфуртского периода (фрагменты написаны в 1797—1800 гг.). Деспотизму, подчеркивает Гегель, удобнее убивать в темноте, нежели публично. В государствах, где судьба человека решается судом, не избранным самим народом из своей среды, публичность казни, по мысли Гегеля, приобретает какую-то видимость значения ввиду потребности суда оправдаться в глазах народа. Это соображение, однако, отпадает «в тех государствах, где у гражданина есть право требовать, чтобы его судили те, кто ему равны»¹⁷. Гегель при этом имеет в виду, конечно, суд присяжных.

Внимание Гегеля во ффранкфуртский период привлекают и проблемы политической экономии. Так, он конспектирует и пишет комментарии к работе английского экономиста Джемса Стюарта «Исследование основ государственного хозяйства».

В «Исторических этюдах» Гегель подмечает и четко фиксирует основополагающее значение проблемы собственности в соотношении с законодательством и формами государственного устройства. «*В государствах нового времени*, — подчеркивает он, — обеспечение собственности — это ось, вокруг которой вращается все законодательство и с которой так или иначе соотносятся большей частью права граждан»¹⁸.

В 1801 г. Гегель успешно проходит габилитацию (защита диссертации «Об орбитах планет» в ходе диспута и пробная лекция) и приступает к преподавательской деятельности в Иенском университете — центре тогдашней философской жизни, где ранее читали лекции Шиллер, Август и Фридрих Шлегели, Фихте, а с 1798 г. при содействии Гете — и молодой Шеллинг.

Идея, подчеркивает Гегель в тезисах к диссертации, есть синтез бесконечного и конечного, и вся философия заключается в идеях. Критическая же философия Канта, по оценке Гегеля, лишена идей. Противоречие,

¹⁷ Гегель. Работы разных лет, т. 1, с. 230.

¹⁸ Там же, с. 225—226.

утверждается в первом тезисе, есть критерий истины, отсутствие противоречий — критерий заблуждения. Гносеологический смысл этого принципа сохраняется и в последующих произведениях Гегеля-диалектика, хотя как систематик он стремился его преодолеть, а как автор политического учения нередко злоупотреблял им. Весьма любопытен девятый тезис: «Естественное состояние не является несправедливым, и именно поэтому из него необходимо выйти»⁹. В свете первого тезиса справедливое, непротиворечивое естественное состояние предстает как заблуждение; из последующего развития взглядов Гегеля мы знаем, что не добро, справедливость и т. п., а скорее зло — ведущее начало развития.

К 1798—1802 гг. относится незавершенная рукопись гегелевской работы — «Конституция Германии» (последняя редакция — в 1802 г.). В ней Гегель касается многих проблем, в частности истории Германской империи и ее распада на отдельные самостоятельные государства (княжества, земли и т. д.), современного ему положения дел с государственностью в Германии, характера взаимоотношений различных государств, европейской политики, войны, будущности германского государства и т. д.

Исходя из тезиса о том, что «Германия — больше не государство» (с. 65) и подкрепляя этот тезис многочисленными историческими, теоретико-правовыми, политическими и философскими соображениями, Гегель в конце работы высказывает надежду на возрождение Германской империи, на воссоздание в Германии единой государственной организации.

Гегель высмеивает тех авторов, которые упускают существо современного ему положения Германии в своем эпигонском применении аристотелевской классификации государственных форм (монархия, аристократия и т. д.). Гегель скорее склонен согласиться с вольтеровским определением состояния дел как анархии. Действительно, замечает Гегель, это было бы лучшим названием для германского государства, если бы Германия еще продолжала оставаться государством, но она уже даже и не государство. Германская империя, по характеристике

⁹ Гегель. Работы разных лет, т. 1, с. 265.

Гегеля, — не государственное целое, а конгломерат независимых и суверенных государств; в ней отсутствует необходимый общий центр (монарх и т. д.), обладающий верховной государственной властью.

Существенный момент понятия государства, по Гегелю, состоит в том, что масса людей объединяется (в государственную организацию) с целью создания совместной защиты своей собственности (Гегель при этом делает акцент на внешнеполитической стороне этой защиты) и государственной власти. Причем данная способность защищаться (от внешнего врага прежде всего) и власть государства должны быть реальны, а не фиктивны и иллюзорны. Постоянные поражения в войнах с другими европейскими державами (в последние годы — с Францией), потери все новых и новых имперских земель свидетельствуют, по оценке Гегеля, о том, что Германская империя не отвечает требованиям, вытекающим из понятия государства.

Расколотую на множество самостоятельных и враждующих между собой государств Германскую империю Гегель неоднократно сравнивает с раздробленной Италией. В этой связи он одобряет подход Макиавелли к проблеме объединения разрозненных частей страны в одно централизованное государство. Гегель отвергает поверхностные и пустые суждения людей, отождествляющих макиавеллизм с дурными принципами. Цель Макиавелли, замечает Гегель, состояла в том, чтобы возвысить Италию до уровня государства (заметим в скобках, что аналогичную цель применительно к Германии обосновывает и Гегель в рассматриваемой работе!), и совершенно неверно расценивать учение Макиавелли как призыв к тирании или собрание морально-политических принципов, пригодных при любых обстоятельствах. Позицию Макиавелли Гегель раскрывает так: речь шла (в «Государе») о борьбе государственного начала против всякого рода анархии, которая включает в себя все остальные антигосударственные преступления; такая борьба — самый высший долг государства (самосохранение и уничтожение своих противников).

В своих надеждах на возрождение Германской империи Гегель вслед за Макиавелли делает ставку на

великого государственного деятеля (типа Тезея или Ришелье), который сумел бы властной рукой завоевателя соединить толпу немецких обывателей, не желающих объединяться, в единую массу и принудить их к пониманию того, что они принадлежат к Германии (с. 176)²⁰.

Если Германия, пишет Гегель, не хочет после ряда войн разделить участь Италии и полностью подпасть под иноземную власть, она должна снова создать единую государственную организацию. Самым главным и существенным при этом является, по Гегелю, формирование государственной власти, которая осуществлялась бы верховным правителем страны при участии составных частей государства. Возрождение Германской империи в качестве государства (создание государственной власти и восстановление связи между императором и немецким народом) осуществимо, по мнению Гегеля, лишь посредством объединения всех немецких войск в одну армию.

Что же касается вопроса о тех или иных формах и путях организации судопроизводства, управления финансами и т. п., то Гегель относит их к числу несущественных для понятия государства. Речь при этом у Гегеля идет о принципиальной возможности двух типов государственного устройства — с централизацией и децентрализацией государственных функций (в области управления, финансов, суда и т. д.).

К первому типу — централизованному, «регулируемому государству» — Гегель относит Францию и Пруссию. В таком государстве все, имеющее сколько-нибудь общее значение, сосредоточено в руках центральной власти и изъято из ведения заинтересованных кругов населения.

²⁰ В литературе (см., например: *Irrlitz G. Einleitung des Herausgebers, S. XIV.* — In: *Hegel. Politische Schriften.* Berlin, 1970) высказано предположение, что под «завоевателем» Гегель имел в виду Наполеона. Подобное допущение явно противоречит содержанию рассматриваемой работы и смыслу гегелевской позиции. Гегель настойчиво обосновывает как раз противоположную идею: создание вновь единого германского государства (Германской империи) может быть результатом лишь внутригерманских усилий, тогда как иностранные державы, напротив, весьма заинтересованы в распаде империи на самостоятельные и враждующие между собой государства.

Государство здесь предстает как машина, весь сложный механизм которой приводится в движение одной пружиной для регулирования всех существенных и несущественных (с точки зрения понятия государства) сфер общественной жизни. Имея в виду сторонников подобного государства-машины, Гегель критически замечает: они выдают за разумные принципы стремление педантично определять все детали, лишенное подлинной свободы рвение сосредоточить в руках центральной власти все управление, неблагородную придирчивость центра по отношению ко всякой самостоятельной деятельности граждан, если только эта деятельность имеет какое-либо отношение даже не к государственной власти, а просто к вопросам общего значения.

Гегель защищает второй, децентрализованный, тип государства, в котором центральная государственная власть предоставляет своим подданным свободу во всем том, что не относится к прямому назначению государственной власти (ее организация и сохранение, внутренняя и внешняя ее безопасность). Священной обязанностью правительства (центральной власти) является, по Гегелю, как предоставление гражданам такой свободы самостоятельности, так и ее защита от разного рода посягательств. Гегель настойчиво проводит мысль об иллюзорности и эфемерности преимуществ государственной организации централизованного типа, которая не может рассчитывать на свободную приверженность своих подданных, на их чувство собственного достоинства и желание служить опорой государству — тот могучий дух, который проявляется лишь в государствах второго типа, где все, что можно, верховная власть передает в ведение своих подданных.

Резюмируя свои суждения по данной проблеме, Гегель пишет: мы различаем в государстве, с одной стороны, то, что необходимо государственной власти и, следовательно, должно находиться в ее прямом ведении; с другой стороны, — то, что необходимо для организованного в общество народа, но случайно, необязательно для государственной власти. Счастливым Гегель считает народ, которому государство предоставляет значительную свободу деятельности в вопросах общего характера, не

имеющих первостепенного значения для государства в целом; в этом случае и само государство, опирающееся на свободный дух своего народа, оказывается безгранично сильным и могущественным.

В «Конституции Германии» Гегель выступает приверженцем сословно-представительной монархии. Принципом исконного германского государства, который утвердился впоследствии во всех европейских государствах, был принцип монархии, при которой монарх, возглавляя государственную власть, осуществлял управление страной при участии народа через посредство делегированных им представителей.

Говоря о создании обновленного немецкого централизованного государства, Гегель критичен как к немецкой феодальной государственности, так и к французской модели буржуазного государства.

Возрождение и обновление немецкой государственности (Германской империи) Гегель связывает с необходимостью введения наряду с верховной властью монарха также и представительной системы. При этом Гегель — сторонник представительной системы в ее обновленной, а не архаической форме. Однако модернизация форм государственно-правовой жизни (в том числе системы представительства) является, по мысли Гегеля, результатом самобытного развития каждой отдельной нации и не может быть решена путем простого заимствования достижений других народов.

Гегель высказывается за систему представительства и расценивает ее в качестве целой эпохи всемирной истории. Германцев Гегель рассматривает как народ, давший третий универсальный образ мирового духа — вслед за восточным деспотизмом и господством республики. Именно к германцам восходят, по Гегелю, истоки представительной системы. Но этой системы, распространенной во всех новых европейских государствах, не было в готовом виде в германских лесах, так как каждая нация должна самостоятельно пройти собственные ступени культуры, прежде чем вступить во всеобщую мировую взаимосвязь.

В этих положениях Гегеля присутствуют как влияние идей Монтескье, так и скрытая полемика с французским

просветителем, который, рассматривая английскую представительную систему, в работе «О духе законов» писал, в частности, следующее: «Всякий, кто пожелает прочитать великолепное творение Тацита о нравах германцев, увидит, что свою идею политического правления англичане заимствовали у германцев. Эта прекрасная система найдена в лесах»²¹.

Возрождение государственности в Германии должно, по мысли Гегеля, сопровождаться введением конституции, исходящей из признания принципа представительства (в ее сословно-представительной форме) и соответствующего преобразования всей системы государственных органов.

Имея в виду грядущего создателя Германской империи, Гегель подчеркивает, что этот новый Тезей должен обладать достаточным великодушием, чтобы предоставить народу право участия в общих делах. Поскольку же, добавляет Гегель, демократическое устройство афинского образца устарело и превратилось в условиях больших государств современности во внутреннее противоречие, необходимо участием народа в государственных делах придать форму организации, т. е. представительства.

Значительное внимание в «Конституции Германии» уделено рассмотрению проблем войны и мира, анализу взаимосвязи внутренней и внешней политики государств, характеристике войны как фактора и формы политики. В целом, подчеркивает Гегель, здоровье, жизнеспособность государства проявляются не только в покое мира, но и в движении войны. Свои суждения о войне Гегель высказывает в контексте освещения истории европейских войн в новое время и вытекающего из нее опыта. Бросаются в глаза реализм гегелевского подхода к данной проблематике и его отрицательное отношение к беспредметному и пустому морализированию по поводу вопросов политики, войны и роли силы в отношениях между государствами. Взаимоотношения различных государств Ге-

²¹ *Монтескье Ш.* Избр. произв. М., 1955, с. 300. Берущее начало у германцев представительство Монтескье называл «готическим правлением» («готический» — синоним «германского». См. там же, с. 301).

гегель трактует как коллизийные, конфликтные столкновения противоположных интересов, прав и сил; делом комбинации сил и политического решения является ответ на вопрос о защите подвергшихся опасности интересов и прав. И в этих условиях конфликта война решает вопрос не о том, какое из двух столкнувшихся прав есть подлинное — так как оба суть подлинны права, — а вопрос о том, какое право должно уступить другому.

В плане формирования гегелевской концепции философии государства и права «Конституция Германии» знаменательна прежде всего тем, что в ней определено присутствует (хотя и непоследовательно, несистематически проводится) начало понятийного анализа политико-правовой действительности, стремление к постижению внутреннего смысла и разума происходящих явлений и существующего положения дел. Сюда относятся гегелевские попытки сформулировать «понятие государства», критика им подмены такого анализа реальности и ее тенденций разного рода благими пожеланиями, морализированием, порицаниями с точки зрения должного и т. п. В свете последующей эволюции взглядов Гегеля можно было бы сказать, что в «Конституции Германии» уже имеются довольно развитые фрагменты тех представлений, которые в завершенной форме сформулированы в Предисловии к «Философии права». В частности, мы имеем в виду гегелевскую формулировку задачи философии права (постижение в понятиях того, что есть, — разума действительности), зачатки концепции действительности разума и разумности действительности, его критику подхода к государству и праву с субъективистских позиций должного и т. п.

Важной вехой в становлении и развитии гегелевской концепции нравственности, охватывающей социальную и политико-правовую проблематику, является работа «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» (1802—1803). Наука естественного права, отмечает Гегель, — существенная часть философии. Гегель различает три способа научной трактовки естественного права: эмпирический, формальный и абсолютный. Два первых подхода Гегель критикует с по-

зиций разрабатываемого им применительно к праву абсолютного способа. Эмпирический способ соответствует лишь первичным и начальным требованиям научного исследования — наличие формы единства при освещении предмета, а не простое повествование. Но требуемая наукой форма единства достигается при эмпирическом подходе случайным образом, поскольку в качестве сущности отношений рассматривается каким-нибудь образом выхваченная и зафиксированная определенность. Но тем самым не достигается и не исчерпывается тотальность и органическая целостность, хотя каждая из этих взаимоотталкивающихся определенностей претендует на выражение цели и сущности целого.

В эмпирическом подходе (например, у Гоббса, Руссо — судя по гегелевской трактовке) господствует односторонность — при характеристике естественного состояния, природы человека и т. д. В отличие от эмпирического подхода формальный подход опирается на точку зрения рефлексии и абсолютизирует рассудок. Формальный подход, по Гегелю, представлен в учениях Канта и Фихте о естественном праве. В философии Канта отражена чистая абстракция, абстракция формы, безразличная к определенному содержанию.

Формальный подход проявляется и в учении Фихте о естественном праве. Хотя система Фихте страдает формализмом в меньшей степени, чем кантовская, однако и в ней единство не внутренне присуще всеобщей воле, а достигается внешним и насильственным образом, поскольку отдельная субъективная воля противопоставлена всеобщей воле, а свобода индивида — всеобщей свободе. С этой позиции, замечает Гегель, возможно лишь внешнее единство всеобщего и отдельного, но невозможна нравственность — единство всеобщей и индивидуальной свободы.

Смысл абсолютного подхода к естественному праву заключается в гегелевской конструкции абсолютной нравственности. «Абсолютная нравственная целостность, — подчеркивает Гегель, — есть не что иное, как *народ*» (с. 228). Абсолютная нравственность обозначается Гегелем также как всеобщее, как дух народа. Подлинная нравственность представлена всеобщим, органически

целым, а отдельный индивид, его мораль, право получают свой реальный смысл лишь как моменты тотальности. При этом Гегель ссылается на платоновское представление о справедливости как жизни в нравственном полисе и на аристотелевское положение о том, что государство по своей природе предшествует индивиду. Как болезнь или начало смерти живой нравственности характеризует Гегель состояние, когда отдельная часть выходит из-под господства целого, когда, например, моральный принцип возносят над абсолютной нравственностью, ставят на вершине публичного, частного и международного права. Легальность и моральность представляют собой лишь абстрактные моменты целостности, которые «снимаются» в абсолютной нравственности. Обосновывая свою концепцию абсолютной нравственности как целостности народной жизни, духа народа, Гегель ссылается на произведение Монтескье «О духе законов».

Касаясь проблемы отношения философии естественного права к науке о позитивном праве, Гегель замечает, что значительная часть этой науки или даже она вся в целом могла бы войти в развитую систему философии. Ведь именно к компетенции философии относится выяснение внутренней истины и необходимости средств научного исследования, его понятий и принципов.

Как столкновение различных народных индивидуальностей, духов различных народов Гегель обосновывает необходимость войны, которая так же оберегает «нравственное здоровье народа», как движение ветра оберегает озеро от загнивания. С этих позиций отвергается длительный, а тем более вечный мир (с. 229).

Рассматриваемая работа не только в отдельных суждениях, оценках и ориентировках, но и по существу методологического подхода к политико-правовой сфере с позиций абсолютной нравственности во многом предвосхищает окончательные суждения Гегеля по затронутой проблематике и, в частности, идеи «Философии права».

Идея абсолютной нравственности развивалась Гегелем и в рукописи «Система нравственности» (с. 276), которая также относится к иенскому периоду. Нравственность трактуется в этой работе как синтез предшествующих

моментов (абстрактной личности, семьи, морали). Она воплощается в народе как органическая тотальность.

Первое представление о гегелевской систематике философии, охватывающей как философию природы, так и философию духа, дают материалы лекционного курса, прочитанного Гегелем в 1805—1806 гг. Это — «Иенская реальная философия», впервые опубликованная И. Гофмейстером в 1931 г.²²

Политико-правовая проблематика, относящаяся к сфере философии духа, раскрывается Гегелем в разделах о субъективном духе (проблема воли), действительном духе (вопросы договора, преступления и наказания, закона); конституции. Гегель исходит из свободной воли индивида и абстрактного права индивида, которые получают свою реальность в действительности закона и государства. Представленная в государстве всеобщая воля субстанциальна по отношению к индивидуальным волям. С этой позиции Гегель критикует теории договорного происхождения общества и государства. Государство Гегель характеризует в этой работе как «дух действительности», «действительность царства небесного»²³. «Народный дух» употребляется теперь уже как синоним правительства (в широком смысле), государства. «Народ плох, — пишет он, — если плохо правительство, столь же плох, как и неразумен»²⁴

Говоря о той ужасной силе, которую получило государство, целое вообще, возникшее в результате Французской революции, Гегель подчеркивает необходимость и справедливость этой тирании и страшного господства, поскольку речь шла о конституировании и сохранении государства как действительного индивида и абсолютного духа (не различая пока объективный и абсолютный дух, Гегель в данной работе определяет государство как абсолютный дух). В этой связи Гегель солидаризируется со взглядами Макиавелли, согласно которому при конституировании государства убийство, коварство, бесчеловечность и т. д. не имеют значения зла: суверенитет госу-

²² См.: Гегель. Работы разных лет, т. 1, с. 285—385.

²³ Там же, с. 382.

²⁴ Там же, с. 362.

дарства можно основать лишь путем уничтожения противоборствующих претензий на суверенитет.

В 1807 г. вышла в свет «Феноменология духа». Научная задача того времени видится Гегелю в раскрытии истины как научной системы, в том, чтобы понять и выразить истинное не только как субстанцию, но и как субъект. Но это тождество субъекта и объекта как истинное содержание науки (что присутствует уже у Шеллинга) должно постигаться не способом «интеллектуальной интуиции» (как это имеет место в системе Шеллинга), а в понятии, так как «только в понятии истина обладает стихией своего существования»²⁵.

На определенной ступени развивающееся сознание постигает нравственную субстанцию и дух как нравственную действительность. К этому разделу «Феноменологии духа» относится освещение совокупности нравственной проблематики (право, мораль, государство, война и т. д.).

Правовое состояние предстает как состояние отчуждения, когда нравственность народа распалась и всеобщее раздроблено на атомы — абсолютное множество индивидов; все они равны как лица. Принцип правового состояния соответствует индивидуализму стоицизма. Правовая личность (лицо) противостоит всем. Но подлинная жизнь отдельных частей лишь в целом. Дух и есть сила целого. Она представлена в правительстве (в широком смысле — как олицетворение власти) как целостности нравственной субстанции. Общественность может организоваться в систему личной независимости и собственности, личного и вещного права и независимым способом расчлененно добиваться осуществления своих единичных целей. Но эти права личности и правила общественной жизни, свидетельствующие о буржуазно-правовом характере гегелевской концепции личности и общества, действительны лишь в правительстве, в государстве. Другими словами, подлинно действительным является государство, а не общество и личность. Средством для преодоления возможной изоляции и отчуждения общества и индивидов от государства как целого является, по Гегелю, война. «Для того чтобы последние (т. е. формы

²⁵ Гегель. Феноменология духа.— Соч., т. IV. М., 1959, с. 3.

изоляции от целого.— В. Н.) не укоренились и не укрепились в этом: изолировании, благодаря чему целое могло бы распастись и дух улетучился бы, правительство должно время от времени внутренне потрясать их посредством войн, нарушать этим и расстраивать наладившийся порядок и право независимости; индивидам же, которые, углубляясь в это, отрываются от целого и неуклонно стремятся к неприкосновенному *для-себя-бытию* и личной безопасности, дать почувствовать в указанной работе, возложенной на них, их господина-смерть»²⁶. Здесь война уже не внешняя, а внутренняя политика.

Результат всей феноменологии духа резюмируется в том, что дух достиг своего понятия; дальнейшее развертывание духа, достигшего своего понятия, есть собственно философская наука в ее гегелевском понимании. Следовательно, значение всей «Феноменологии духа» в ее отношении к системе гегелевской философии состоит в обосновании *понятия* как специфического инструмента гегелевского философского анализа. Без выявления особого смысла категории «понятие» вообще невозможно уяснить ни один из разделов гегелевской философии, в том числе и «Философию права».

Но сама «Феноменология духа» не содержит в себе «понятие права», как это имеет место в «Философии права»; конечным ее (феноменологии духа) достижением является *понятие вообще, дух, достигший своего понятия*. Этот дух как понятие в своем развертывании в науку, в систему философии в одном из своих обнаружений предстанет, как мы знаем из гегелевского учения, как понятие права. Но в сфере объективного духа (в философии права) Гегель уже не будет особо обосновывать научно-философский статус *понятия права*, поскольку в отношении *понятия вообще* он это сделал в «Феноменологии духа».

Таким образом, в «Феноменологии духа» нет понятийного рассмотрения предмета, но есть лишь путь являющегося и развивающегося сознания в направлении к понятию, тогда как в научной системе философии (начиная с «Логики» и включая «Философию права») речь

²⁶ Гегель. Феноменология духа, с. 241—242.

идет именно о движении понятия. Понятийное рассмотрение политико-правовой проблематики на уровне философии права обладает более высоким рангом (собственно научным, философским статусом), чем в плоскости феноменологии духа.

С марта 1807 г. по октябрь 1808 г. Гегель живет в Бамберге, работая редактором «Бамбергской газеты». Журналистская работа, связанные с этим политические трудности и неоднократные стычки с цензурными властями тяготили его. Освободившись от газетного гнета и галеры, как характеризовал эту свою работу он сам, Гегель переезжает в Нюрнберг, занимая там в 1808—1816 гг. должность ректора и профессора гимназии.

Уже в последние годы иенского периода Гегель находится под большим впечатлением личности и исторически-прогрессивных мероприятий Наполеона. С Наполеоном и его реформаторской деятельностью Гегель в это время связывает надежды на прогрессивное преобразование немецкой феодальной действительности в духе буржуазных прав, свобод и конституционных государственных учреждений. В Германии, по оценке Гегеля, отсутствует основной момент свободы, нет ясно очерченного круга обязанностей правительственных органов. «Есть великий, глубокий смысл в том, — пишет Гегель, — чтобы создать конституцию, тем более великий и глубокий, чем в большей степени в современной Германии правят и действуют безо всякой конституции, и это считают не только возможным, но даже более предпочтительным!»²⁷

Большие надежды связывает Гегель с введением в немецких государствах «Кодекса Наполеона», а еще лучше — также и некоторых частей французской конституции. Все это не может произойти добровольно, но лишь по воле французского императора, поскольку речь идет об устранении отживших, но все еще существующих государственных учреждений. «Но немцы, — отмечает Гегель в письме от 11 февраля 1808 г., — еще слепы так же, как двадцать лет тому назад»²⁸.

²⁷ Гегель. Работы разных лет, т. 2. М., 1971, с. 285.

²⁸ Там же, с. 291.

В Нюрнберге Гегель завершает одно из лучших творений своей философской мысли — «Науку логики»²⁹. «Наука логики», реализуя вывод «Феноменологии духа», освещает абсолютный метод познания, раскрывает диалектическое движение понятия, его «имманентное развитие»³⁰. На этом пути философия, по мысли Гегеля, предстает как объективная, доказательная наука. Называя свой подход спекулятивным, Гегель характеризует его как диалектическое постижение противоположностей в их единстве, постижение положительного в отрицательном.

«Наука логики», в которой разработана гегелевская диалектика, имеет не только специальный логико-философский, гносеологический, но и общесоциальный смысл. В ней представлены не только воззрения Гегеля-философа, но и Гегеля-исследователя социально-политической, этической и исторической проблематики. Разрабатывая свою концепцию логики и диалектики, Гегель исходит из того, что одна и та же диалектика, логика развития действительна и значима для всех сфер инобытия и бытия духа, в том числе, конечно, и для сферы общества, государства, права, политики, человеческой жизни, всемирной истории. Логическое изображение, подчеркивает Гегель, есть «всеобщий способ, в котором все отдельные способы сняты и заключены»³¹. Абсолютность диалектического метода Гегель видит в том, что ни один объект, в том числе государственно-правовая сфера и тематика, не может оказать ему (методу) сопротивления.

Представления Гегеля нюрнбергского периода о целостной системе философии и месте политико-правовых проблем в этой системе дает «Философская пропедевтика» (1808—1811)³². В ней Гегель обосновывает широкий круг прав и свобод граждан. В основе права, подчеркивает он, лежит свобода отдельного человека, поскольку по своей сущности каждый является свободным человеком.

²⁹ См.: Гегель. Наука логики, т. 1—3. М., 1970, 1971, 1972. Различные части работы были опубликованы Гегелем в 1812, 1813 и 1816 гг.

³⁰ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, с. 79.

³¹ Там же, т. 3. М., 1972, с. 289.

³² Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 5—209.

Отчуждать можно лишь внешнюю сферу права и свободы — собственность, тогда как свобода личности неотчуждаема.

Симпатии Гегеля на стороне наследственной монархии, необходимо ограниченной законами, чтобы не впасть в деспотизм. «Свобода, — пишет Гегель, — бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека»³³.

Существенным для монархии Гегель считает как твердость власти правительства, так и защищенность прав граждан законами.

Реализацию подобных идей разумного правового и государственного устройства Гегель в этот период последовательно связывал с идущими из Франции влияниями, с военно-политическими успехами Наполеона. Отсюда его скептическое и даже отрицательное отношение к «патриотам» и «освободителям», к победам союзнической коалиции над Наполеоном.

Падение Наполеона Гегель воспринял как всемирно-историческую трагедию. «Великие дела свершились вокруг нас, — писал он Нитхаммеру 29 апреля 1814 г. — Чудовищная драма — видеть, как гибнет небывалый гений. Это самое трагическое, что только бывает»³⁴. В том же письме Гегель отмечает, что этот поворот в событиях он предсказал уже в «Феноменологии духа».

Принципиальная позиция Гегеля в этот период, исходя из которой он отрицательно относился к победе «казаков, башкир, прусских патриотов» и «прочих освободителей», состояла в том, что свободу он связывал с преодолением политико-правовых, государственных институтов и отношений старого феодального строя. А это мыслилось ему возможным лишь с помощью Франции, совершившей уже буржуазную революцию. В революционные возможности немецкой общественности он не верил, а немецкую национальную оппозицию, в том числе и движение студентов (буршеншафт), клеймил как «демагогию». Отрицательно, с иронией и сарказмом, относился он и к деятельности Венского конгресса. «Освобождение» от

³³ Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 38.

³⁴ Там же, с. 343.

французов Гегель воспринял как отход назад, чреватый реставрацией разрушенных Наполеоном порядков. «Вчера,— иронически пишет Гегель 21 февраля 1815 г.,— я читал в «Moniteur», что герцог Брауншвейгский потребовал со своих вновь собравшихся сословий некую сумму денег, и, когда те отказали ему, велел арестовать их: хорошее зеркало грядущего»³⁵.

Как и Гете, Гегель не поддался царившим тогда в Германии антинаполеоновским настроениям и франкофобии. Временно торжествующая против Наполеона реакция, по мнению Гегеля, не может всерьез и надолго задержать ход исторического развития. Преодоление отживших политико-правовых порядков неминуемо. Все это хорошо понимал Гегель-диалектик. «Я считаю,— писал он 5 июля 1816 г.,— что мировой дух скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, все преодолевая и сметая на своем пути»³⁶.

Таковы общие стратегические параметры гегелевской политической ориентации после падения Наполеона и наступления реакции. Вместе с тем, как это видно из последующего творчества философа, эпоха реставрации наложила определенный отпечаток и на взгляды Гегеля.

С октября 1816 г. Гегель — профессор Гейдельбергского университета, где он наряду с другими философскими дисциплинами читает также курс лекций по естественному праву и науке о государстве. В духе сложившейся обстановки Гегель уже во вступительной речи 28 октября 1816 г. с удовлетворением отмечает, что «немецкая нация с помощью оружия оставила худшее позади себя и спасла свою национальность — основу всякой живой жизни»³⁷.

В ноябре-декабре 1817 г. в «Гейдельбергских литературных ежегодниках» появляется работа Гегеля «Отчеты сословного собрания королевства Вюртемберг»³⁸, в которой он отстаивает идеи наследственной, конституционно оформленной, сословно-представительной монархии.

³⁵ Там же, с. 350.

³⁶ Там же, с. 357.

³⁷ *Hegel. Recht, Staat, Geschichte*, S. 41.

³⁸ *Гегель. Работы разных лет*, т. 1, с. 427—562.

В названной работе Гегеля прослеживаются перипетии событий вокруг вопроса о вюртембергской конституции. Вюртембергский король Фридрих 15 марта 1815 г. предложил новую конституцию сословному собранию, куда входили главы княжеских и графских домов, выборные представители дворянства, а также депутаты городов. Конституция признавала свободу личности, равенство подданных перед законом, довольно широкие избирательные (активные и пассивные) права, предусматривала создание однопалатного сословного собрания. За представительным органом признавалось право участия в законодательстве, утверждения налогов, контроля над государственными расходами и т. п.

Представители прежних привилегированных сословий (агнаты королевского дома, князья, графы, дворяне) и некоторые другие члены созванного королем собрания со ссылкой на решение Венского конгресса отказались принять эту конституцию, требуя восстановления и сохранения всех своих прежних прав и привилегий. Дебаты длились почти два года, но так ни к чему и не привели.

Отстаивая идеи королевского проекта конституции, Гегель в названной работе резко критикует претензии владельцев господ вернуть то, что ушло безвозвратно. Старое право, на которое ссылаются привилегированные слои, подчеркивал Гегель, может быть отменено, если изменится основа, служившая условием его существования. Точке зрения старого права он противопоставляет идею разумного права, которая должна быть реализована во всей государственно-правовой жизни. С этих позиций Гегель в ряде пунктов расходится и с королевским проектом конституции. Эти расхождения весьма характерны для гегелевских теоретических положений о государстве и праве.

Чрезмерную крайность этого проекта он видит в почти неограниченном пассивном избирательном праве и широком активном избирательном праве, ограниченном лишь возрастом (25 лет) и незначительным имущественным цензом.

В этих положениях Гегеля не устраивает отсутствие органического принципа связи целого и части. «Граждане,— пишет он, критикуя проект конституции,— уподоб-

ляются изолированным атомам, а собрания избирателей — бесформенным, хаотическим скоплениям; народ в целом *растворяется в сборище* отдельных людей — облик, который никогда не должен принимать общественный организм при совершении целенаправленных действий. Это самый недостойный его облик, наиболее отдаляющий его от понятия духовного единства»³⁹. Противоядие против подобных «французских абстракций» и дробления органического целого на атомы Гегель видит в восстановлении политического значения средневековых корпораций и товариществ (сообществ) как важных жизненных сфер государства.

Правда, Гегель оговаривается, что эти организации следует включить в государство как некое органическое целое, предварительно лишив их прежних неправомерных претензий. Однако подобные оговорки не меняют существа дела: гегелевские мысли о государстве как органическом целом и корпорациях как такой его части, через которую и должно осуществляться участие индивидов в делах целого, направлены на примирение и компромисс нового и старого, носят определенно антидемократический, консервативный характер, столь типичный и для последующих политико-правовых построений Гегеля.

Подобные черты рассматриваемого произведения явно отличают его от работы о Бюртембергской конституции 1798 г. Поэтому нет оснований утверждать, как это делал Георг Лассон, будто Гегель даже в частностях остается верен прежней позиции⁴⁰.

В тот же Гейдельбергский период в печати появляется гегелевская «Энциклопедия философских наук» (1817), третья часть которой — «Философия духа»⁴¹ — содержит в уже почти законченном виде основные положения гегелевской философии права. Вся проблематика права, морали и нравственности рассматривается как сфера объективного духа.

³⁹ Гегель. Работы разных лет, т. 1, с. 448.

⁴⁰ Lasson G. Einleitung des Herausgebers (Hegel: Sämtliche Werke, B. VII. Leipzig, 1923, S. XXII).

⁴¹ Гегель. Философия духа, т. III. М., 1956.

В октябре 1818 г. Гегель при содействии прусского министра Карла Альтенштейна получает место профессора в Берлинском университете. Во вступительной речи к лекциям 22 октября 1818 г. Гегель во многом повторяет аналогичное выступление в Гейдельберге, однако уже восхваляя Пруссию, «великую борьбу» ее народа в единении со своим королем «за самостоятельность, за уничтожение чужой бездушной тирании» (с. 369).

Политические настроения Гегеля в этот период хорошо отражены в его письмах. Как и прежде, студенческую оппозицию он квалифицирует как «политические махинации буршеншафта»⁴². При этом Гегель не упускает случая взвалить часть вины на одобрительно относившихся к буршеншафту профессоров, в особенности на своего соперника профессора Якоба Фридриха Фриза, уволенного в 1817 г. реакцией с преподавательской работы.

Но Гегель не был, конечно, солидарен и с реакционными противниками буршеншафта. Его удручала вся обстановка деятельности так называемой Майнцской комиссии (специальная комиссия для расследования дел буршеншафта во всей Германии). В ряде случаев Гегель даже брал под защиту преследуемого полицией члена буршеншафта.

В берлинский период творчество Гегеля достигает своей вершины. Вместе с тем усиливаются консервативные черты его политических воззрений. В начале октября 1820 г. выходит из печати «Философия права» — одно из самых знаменитых произведений во всей истории политических учений.

В «Философии права» систематически разработана политико-правовая теория Гегеля как составная часть всей его философии.

Другие свои лекции в Берлинском университете (по философии истории, истории философии, истории религии и эстетике) Гегель сам не издал в качестве отдельных работ. Это посмертно сделали его ученики (Э. Ганс, Г. Гото, Ф. Мархейнеке и др.). Наибольший интерес из этих произведений с точки зрения проблем государства и права представляет «Философия истории», освещающая всемирно-исторический прогресс в сознании свободы.

⁴² Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 380.

Последней прижизненной публикацией Гегеля была статья 1831 г. «Английский билль о реформе». Статья отражает гегелевскую установку на такое постепенное вживание нового в уже существующее, которое исключило бы опасность революционного взрыва. Гегель выступает против проекта реформы, которая, по его мнению, предусматривает слишком значительное расширение избирательного права. После такой радикальной реформы народ, по его мнению, станет самостоятельной политической силой, вызывая у недовольных соблазн использовать его. Гегель высказывает опасение, что при слабости монархической власти недовольная итогами выборов в парламент оппозиция может опереться на народ, слишком широко вовлеченный биллем о реформе в активную политическую жизнь. А это, заключает он, повлечет за собой вместо реформы революцию (с. 413). Гегель берлинского периода в отличие от юного Гегеля уже не ждет революции, а предостерегает от нее. Угроза возможной революции, использованная как аргумент в пользу прогрессивных изменений в работе о Вюртембергской конституции 1798 г., превращается в довод против поспешного прогресса. Критик бернской аристократии в конце жизни защищает позиции английской аристократии от опасности демократических нововведений.

Но берлинские работы Гегеля — не только консервативны. В недрах гегелевской системы живет, хотя и в свернутой форме, дух диалектики, изменений, критики. Идея свободы, как сказал бы Гегель, признана в ее необходимости. А в ту эпоху эта идея развивалась под определяющим влиянием Французской революции, всемирно-историческое значение которой признает и поздний Гегель.

По сути дела Гегель и в конце своего творческого пути остался верен антитираническим и антидеспотическим настроениям своей юности, навеянным Французской революцией идеям свободы и прав человека. Углубилось понимание этих проблем, изменились их смысл и трактовка. Сами политические настроения философа эволюционировали в сторону консерватизма. Показательно в этом плане сопоставление его работ о Вюртембергской конституции (1798) и об английском билле о реформе (1831).

Правда, и здесь не следует впадать в упрощенчество и конструировать некую прямолинейную схему наращивания во взглядах Гегеля охранительно-консервативных тенденций. Так, применительно к названным работам необходимо учесть, что для Вюртемберга конца 90-х годов XVIII в. характерны феодальные политико-правовые порядки, тогда как Англия 30-х годов XIX в. была буржуазной конституционной монархией. Революция, допускаемая и уместная в первом случае, опасна и вредна во втором — таковы крайние полюса гегелевского радикализма и консерватизма, вполне естественные для умеренного буржуазного идеолога. Допуская революцию в виде крайней радикальной меры против старого, феодального произвола, Гегель вместе с тем с консервативно-охранительных позиций берет под свою философскую защиту буржуазный строй, его институты и порядки: его радикализм носит антифеодальный характер, консерватизм — буржуазный. Гегелевское философское оправдание действительности — социально-политической и государственно-правовой — подразумевает, как это хорошо видно из всего творчества Гегеля и особенно из его «Философии права», ее буржуазный характер. Только такое допущение позволяет ему философски раскрыть эту действительность как идею свободы и права — в ходе диалектического самодвижения понятия права и его реализации в формы наличного бытия объективного духа, в реальный мир разумных, свободных и правовых отношений и учреждений. Именно буржуазному строю эквивалентны и адекватны, по Гегелю, развитые понятия разума, свободы и права: обоснованию такого соответствия логического и исторического посвящены все философские усилия Гегеля при анализе смысла, результатов и перспектив всемирно-исторического прогресса свободы.

Буржуазная (по своему конкретно-историческому содержанию) действительность, о которой идет речь в «Философии права» и во всей его политической философии, существенно отличается от тогдашней полуфеодальной немецкой (в том числе — прусской) действительности (в обычном, негегелевском, употреблении этого слова). Однако эти две различные «действительности» критически не противопоставляются друг другу. И это не может

быть объяснено простым приспособленчеством философа к прусским порядкам, прямым отходом в «Философии права» от той критики Пруссии, которая имелась в «Конституции Германии». Прежде всего следует иметь в виду, что со времени «Конституции Германии» в определенной мере изменилась — в ходе буржуазных по своему характеру реформ Штейна и Гарденберга — и сама Пруссия, вступившая в принципе на путь буржуазных преобразований. Несколько преувеличивая меру прогрессивно-буржуазных преобразований в Пруссии, Гегель вместе с тем никак не идеализировал существовавшие прусские порядки и не копировал их в своих философско-правовых концепциях. Он определенно отмечал необходимость дальнейшего прогресса страны на путях буржуазных реформ. Показательно в этом плане его письмо (октябрь 1820 г.) прусскому канцлеру Гарденбергу. Направляя ему только что вышедшую из печати «Философию права», Гегель даже в своем «верноподданнейшем» обращении к канцлеру считал нужным отметить: «Я знал, что в моем изложении предмета, рассмотрение которого требуют от меня мои служебные обязанности, главной целью является научный разбор и теоретическая форма, что научные устремления мои направлены на удаление из философии всего того, что незаконно узурпировало это наименование, и, далее, на доказательство полного взаимосогласия философии с теми основоположениями, в которых испытывает нужду природа государства вообще, наиболее же непосредственно на доказательство полного взаимосогласия философии со всем тем, что отчасти обрело, отчасти же столь счастливо обретет в дальнейшем при просвещенном правлении Его величества короля и под мудрым руководством Вашего сиятельства. Прусское государство, принадлежность каковому именно посему не может не быть поводом для особенного удовлетворения»⁴³. Как видим, удовлетворенность Гегеля Пруссией даже в таком щепетильном случае (все же письмо к канцлеру!) было условное, с оговоркой.

Кроме того, известная не критичность и приукрашивание существующей действительности диктовались и об-

⁴³ Гегель. Работы разных лет, т. 2, с. 386.

щеметодологическими установками гегелевского объективного идеализма: конструирование целостной философской системы, исходящей из принципа тождества мышления и бытия, действительного и разумного и требовавшей постижения разума действительности в философских понятиях, неизбежно вынуждало преувеличивать степень совершенства и разумности современной философу немецкой действительности. Иначе Гегелю пришлось бы, оставив позиции «действительности», вступить в отвергаемый им зыбкий «мир должного». Этим во многом обусловлены характерные для гегелевской политической философии черты компромиссности, терпимого отношения к устаревшим формам и институтам политической жизни.

Подобные моменты не должны, однако, вводить нас в заблуждение относительно политического содержания гегелевского политико-правового идеала — конституционной монархии, которой в современной Гегелю Пруссии, конечно, не было. Это была философски обоснованная политико-правовая программа исторически-прогрессивных буржуазных преобразований. «Наконец,— писал Ф. Энгельс,— и немецкая философия, этот наиболее сложный, но в то же время и надежнейший показатель развития немецкой мысли, встала на сторону буржуазии, когда Гегель в своей «Философии права» объявил конституционную монархию высшей и совершеннейшей формой правления. Иными словами, он возвестил о близком пришествии отечественной буржуазии к власти»⁴⁴. Имея в виду именно буржуазный смысл гегелевской философии права, К. Маркс характеризовал ее как «немецкий мысленный образ современного государства»⁴⁵.

В конкретно-историческом плане политически прогрессивный, по существу — буржуазный характер гегелевского учения, при всей его умеренности и компромиссности, не подлежит сомнению. Поэтому очевидна несостоятельность ранее имевшей хождение оценки философии Гегеля (в том числе и его философии права) как «аристократической реакции», по сути дела зачислявшей ее в разряд феодальных доктрин.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 16.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 421.

Выяснение буржуазного политического характера гегелевского учения — важный, но не единственный аспект оценки политико-правового содержания гегелевской философии права, поскольку само это содержание не может быть сведено лишь к определенному набору умеренно-буржуазных воззрений. Эти воззрения лишь условно могут быть отделены от обосновывающих их логических форм и теоретических конструкций, поскольку в самом гегелевском учении они даны в единстве. Свой специфический смысл данные воззрения приобретают лишь в свете той роли, которую играют в гегелевской диалектике политики и права эти теоретические конструкции (в частности, концепция разумной действительности, реализация свободы в диалектически-конкретизированный и иерархизированный ряд прав, приоритет всеобщего и целостного над его составными частями, возвышение государства над обществом, народом и индивидом и т. д.). Поэтому при оценке политико-правового содержания гегелевского учения не следует упускать того, что теоретические конструкции его политической диалектики отмечены чертами антидемократичности, антилиберализма и конформизма.

Эти аспекты гегелевского учения были в свое время интерпретированы неогегельянами (Г. Лассон, Ю. Биндер, К. Ларенц, В. Шенфельд, Т. Гаеринг, Д. Джентиле и др.) в профашистских целях. Для либеральных же критиков Гегеля (К. Поппер, Б. Рассел, И. Фетчер, Э. Топич, В. Таймер, Я. Гоммес и др.) наличие в учении Гегеля таких аспектов послужило основанием для обвинения его в тоталитаризме и оправдания насилия. Если и те, и другие в своих односторонних трактовках и оценках гегелевской философии права явно игнорируют конкретно-исторический аспект ее содержания, то современные сторонники «реабилитации» философии Гегеля (З. Пельчинский, В. Кауфманн, И. Риттер, Э. Вейль, Д. Ансбро, Р. Бэрки, М. Вестфал, Р. Плант и др.) акцентируют внимание лишь на ее прогрессивных моментах, обходя молчанием антидемократический и антилиберальный этический и политический смысл гегелевских теоретических конструкций.

Гегель не был ни либералом или демократом, ни предтечей «третьего рейха» и приписываемого ему тоталитаризма.

литаризма. Подобные оценки гегелевской политической философии противоречат ее содержанию, ее месту и роли в истории политической и правовой мысли.

Подобно другим раннебуржуазным идеологам Гегель идеализировал буржуазный строй как царство справедливости, абсолютизировал буржуазные идеи свободы и права. Переход от старого, феодального, строя к новому, буржуазному, Гегель трактует как переход от насилия к свободе, от силы к праву, от произвола к разумным началам. Философское обоснование современности как царства права и свободы означает, что Гегель — буржуазный идеолог, защитник буржуазного строя, буржуазных свобод, правопорядка, законности и государственности.

«Юридическое мировоззрение», охарактеризованное Ф. Энгельсом как классическое мировоззрение буржуазии в эпоху ее расцвета, выступает у Гегеля в его государственно-правовой, государственно-правовой форме («государственное умонастроение»). Говоря о специфичном «этакристском» варианте развиваемого Гегелем «юридического мировоззрения», следует иметь в виду, что само государство у него — правовое образование, конкретное право. В соответствии с гегелевской диалектикой понятия права, движением от абстрактных форм права к конкретному праву государственного целого, находящему свое идеальное выражение в суверенитете, насилие и произвол представляют собой рецидив исторически и логически преодоленной несвободы и несправедливости, неразумное и неправомерное проявление тех или иных моментов органической целостности.

В гегелевском разумном государстве все полномочия (частей и целого) легитимированы в виде правомочий, а взаимоотношения — в виде правовых отношений; разумны только отношения, опосредованные правом.

Требования государства к его составным частям, индивидам и их объединениям выступают в «образе правовой обязанности». Соответственно права и свободы индивидов и различных кругов целого (общин, корпораций, сословий, товариществ, общества), а также права самих государственных властей (монарха, правительства и законодательной власти) действительны, разумны и правомерны лишь в их диалектико-органическом проявлении в ка-

честве определенных моментов расчлененного правопорядка, пронизанного идеей суверенитета государственного целого.

Основная мысль Гегеля, развиваемая им в различных вариациях, состоит в том, что уже достигнут уровень достаточно развитого строя свободы, права, разума и сформировался соответствующий этому уровню развития государственно-правовой принцип функционирования существующего строя, весь дальнейший прогресс которого должен происходить на собственной основе не только без насилия, но даже без видимых изменений. Признавая разделение властей только в форме их органического единства, Гегель предусматривает гарантии против возможного насилия со стороны различных властей. Государственный строй — предпосылка существующих властей, которые, не изменяя строя, должны содействовать его продолжающемуся формированию и движению.

Правовой характер гегелевского разумного государства приобретен, можно сказать, большой ценой, а именно — ценой заметной девальвации (на путях диалектики понятия) прав и свобод индивидов, их объединений, союзов и всего общества по сравнению с правом нравственного целого. Однако, согласно смыслу гегелевской концепции, только таким путем могут быть признаны права субъективных моментов и частей целого и одновременно суверенные права этого целого. Жесткость гегелевской государственной конструкции предстает, таким образом, как следствие гегелевского стремления оградить идею свободы от всякого рода угроз и посягательств на нее, как момент самозащиты и самообороны развитой идеи свободы, как ее самосохранение и в конечном счете консервация. Это — старая проблема. Уже Платон в своих построениях идеального государства отвергал всяческие нововведения и изменения, стремясь таким путем спасти гибнущий греческий полис. В XX в. буржуазная либерально-демократическая мысль, критикуя Гегеля и приравнивая гегелевский этатизм к тоталитаризму, оказывается в старой проблемной ситуации: может ли свобода успешно защищаться, не выходя за свои границы. Но на решение именно этой проблемы в интересах сохранения буржуазного строя, буржуазного государства и

правопорядка как раз и претендует гегелевская диалектика объективного духа.

Поскольку органические отношения в гегелевском государстве, как и оно само, носят правовой характер, может показаться странным то, что Гегель называет такое образование «политическим государством»⁴⁶. В контексте гегелевской концепции это — тавтология, поскольку для Гегеля, пользуясь терминами «политика», «политический» в платоновско-аристотелевском духе, «политическое» и есть «государственное»: в разумном, нравственном государстве представлена «политическая добродетель»⁴⁷. В «политическом государстве» Гегеля все пронизано государственным умонстроением и смыслом, определяется в конечном счете целями и интересами всеобщего. Поэтому всякий политический антагонизм между отдельными частями и целым, всякую партийную борьбу за власть и любое неорганическое, негосударственническое обнаружение силы Гегель с консервативно-охранительных позиций отвергает как неразумную абстракцию воли, ее несвободу.

В свете этого можно сказать, что политика у Гегеля «снята» в государственное дело. Если, по Платону и Аристотелю, развитая и совершенная форма общежития, государства есть политика и полития, то, по Гегелю, развитая, разумная форма политики есть государственная жизнь.

В рамках гегелевского государства непосредственное, неправовое применение силы (в том числе — политической) преступно и произвольно, поскольку диалектическая легитимация свободной воли требует легальности и соблюдения норм правопорядка. Уже Аристотель, определявший право как норму политической справедливости, видел в господстве права основной признак политической формы правления, отличающий ее от деспотии. Также и Гегель оценивает деспотизм как извращенную форму государства, в которой господствуют не конституция, право и закон, а произвол.

⁴⁶ Гегель. Соч., т. VII, с. 276.

⁴⁷ Там же, с. 263.

Огосударствление политической власти, государственная форма проявления политических отношений и т. п. в гегелевской концепции демонстрируют ту внутреннюю связь права и государства, в соответствии с которой всякая публично значимая компетенция в условиях развитой государственности есть правомочие, а не полномочие. Само нормотворчество в гегелевской концепции введено в правовое русло: закон (позитивное право) является одним из определений права, одним из «особых прав» — правом в его всеобщей определенности. Государственное законодательство, таким образом, является, по Гегелю, официальным формулированием и объективацией того, что есть «право в себе»⁴⁸. Отстаивая такие законы, Гегель отвергает право на произвол, произвол в форме права, неправоваго закон.

Основным определением гегелевского «политического государства» выступает суверенитет, трактуемый как господство идеи целого над его составными частями и функциями, как идеальность этой власти целого над всеми особенными правомочиями. Суверенитет же предполагает такое правовое, конституционное состояние, когда цели, функции и свобода действия всех составных частей и сфер определяются интересами целого, благом государства. В гегелевской конституционной монархии акцент сделан не на власть одного лица, а на государственное единовластие и полновластие, т. е. суверенитет. Монархия в гегелевской трактовке противостоит анархии (безвластию), полиархии (многовластию), всякой партикуляризации власти и партархии (власти абстрактной, обособившейся части над целым).

Своей концепцией суверенитета Гегель, таким образом, отвергает всякое насилие, не легитимированное в качестве момента суверенитета, совокупности правомочий. Примечательно в этой связи то обстоятельство, что «нравственный момент войны», по Гегелю, коренится в правомочии государства требовать от индивидов, сфер и частей нравственного целого крайних жертв, если речь идет о судьбе самого суверенитета⁴⁹.

⁴⁸ Гегель. Соч., т. VII, с. 230.

⁴⁹ См.: Гегель. Соч., т. VII, с. 344; т. IV, с. 241—242.

Нравственный момент войны, демонстрируя верховное право суверенитета (идеальность подчинения частей целому) во внутривнутриполитической сфере жизни, резюмирует государственнические воззрения Гегеля. Речь по существу идет о своеобразном правовом этатизме, но не о милитаризме, оправдании внешней агрессии или тоталитаризме.

В гегелевской политической философии в целом речь идет об идеализации буржуазных социально-экономических и политико-правовых отношений. Гегелевская политическая диалектика как раз и берет под свою философскую защиту эти отношения, в своей абсолютизации их «разумности» игнорируя их исторически преходящий характер. Философская консервация Гегелем буржуазных порядков имеет два облика и находится в круговой обороте — и против регресса, и против прогресса — как будто современный философу европейский мир достиг (в принципе!) своего совершенства и всякий отход от достигнутого не нужен и чреват опасностями.

Учет различных сторон и аспектов гегелевского политического учения, соблюдение принципа историзма при оценке тех или иных его положений, рассмотрение гегелевских идей в контексте всей системы его взглядов, их генезиса и эволюции представляют собой необходимое условие адекватной и целостной характеристики как самой политической философии Гегеля, так и ее места в истории политико-правовой мысли, ее роли в современной идейно-теоретической борьбе.

Одной из прочных традиций гегелеведения в нашей стране является бережный подход к творческому наследию великого немецкого философа, внесшего немеркнущий вклад в прогресс человеческого познания. Настоящее издание *Произведений Гегеля* — звено в цепи этих давних духовных традиций.

Доктор юридических наук
В. С. Нерсесянц

О ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ВЮРТЕМБЕРГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ,
ПРЕЖДЕ ВСЕГО
О НЕДОСТАТКАХ КОНСТИТУЦИИ,
КАСАЮЩИХСЯ УПРАВЛЕНИЯ
МАГИСТРАТОВ¹. 1798

Настало время, когда народу Вюртемберга следовало бы перестать переходить от опасений к надежде, от ожиданий к разочарованию. Тем самым я не хочу сказать, что уже настало время, когда каждый человек, который видит в изменении вещей или в сохранении прежнего лишь свою наибольшую выгоду или выгоду своего сословия, исходит лишь из личного тщеславия, — должен отказаться от подобных эгоистических стремлений, от этих мелочных забот и направить все силы своей души на благо общего. Настало время для того, чтобы люди, отличающиеся высокими идеалами и зрелостью помыслов, обратили внимание на те разделы конституции, в основе которых лежит несправедливость, и направили свои неосознанные стремления и свою деятельность на необходимое преобразование этой части конституции.

Спокойная удовлетворенность действительностью, безнадёжность, смиренная покорность неодолимой всевластной судьбе сменились надеждой на иное, лучшее, сменились мужеством². Образ лучшего, более справедливого управления глубоко проник в души людей, и жажда более чистого, свободного состояния, тоска о нем взволновала всех и заставила их отвернуться от действительности. Стремление³ снести жалкие преграды привело к тому, что люди стали связывать свои надежды с любым происшествием, с любым проблеском нового, даже со злодеянием. От кого же ждать помощи вюртембержцам, если не от собрания своих сословных представителей? Отсрочка удовлетворения этих надежд, время, может только очистить эти стремления, отделить чистые помыслы от нечистых; но оно лишь усилит стремление к тому, что

¹ Здесь и далее все цифровые ссылки в тексте см. в комментариях и примечаниях.

должно удовлетворить истинную потребность, промедление заставит эти чувства лишь глубже проникнуть в сердца; ведь это — не случайное возбуждение, которое может быстро пройти. Вы можете назвать его лихорадочным состоянием, пароксизмом, но этот пароксизм закончится гибелью или очищением больной материи. В нем выражены усилия еще здоровой силы изгнать из себя недуг.

Всеми глубоко ощущается, что государство в его теперешнем состоянии обречено на гибель; все опасаются того, что оно рухнет и в своем неизбежном крахе увлечет за собой всех. Следует ли при этой глубокой внутренней убежденности ждать того, что страх достигнет таких размеров, когда уже невозможно будет решить, что следует уничтожить и что сохранить, что снести и что оставить в неприкосновенности? Не лучше ли самим отказаться от того, что обречено? Спокойно решить, что подлежит уничтожению? Справедливость — единственный критерий этого решения; мужество, способное осуществить торжество справедливости, — единственная власть, которая с достоинством и спокойствием может устранить все шаткое и создать состояние прочной уверенности.

Сколь слепы те, кто полагает, что можно сохранить учреждения, конституции, законы, живой дух которых исчез и которые не соответствуют более нравам, потребностям и взглядам людей; что формы, к которым не проявляют более интереса рассудок и чувство, достаточно могущественны, чтобы и впредь служить узами, объединяющими народ.

Все попытки возродить широковещательными разглаговольствованиями доверие к разделам конституции, вера в которые потеряна, разукрасить гробы цветистыми узорами не только позорят глубокомысленных изобретателей, но ведут и к значительно более опасным последствиям, способствуя наступлению взрыва, в котором пойдет свое выражение не только потребность к улучшению существующих порядков, но и месть вечно обманываемой угнетенной массы населения, готовой покарать за бесчестность. Безучастно и спокойно ощущать шаткость всех вещей, равнодушно ждать краха старого во всех его частях, вплоть до самого фундамента обветшавшего здания, и ми-

риться с неизбежной гибелью под обвалившимися балками — не свидетельствует ни об уме, ни о чувстве чести.

Если изменение неизбежно, оно должно быть осуществлено. Подобная тривиальная истина должна быть высказана потому, что страх перед предстоящим действием заставляет отступить готовность мужества, и люди, преисполненные страха, понимая и признавая всю необходимость изменения, тем не менее в решающий момент проявляют слабость, предпочитают сохранить все принадлежащее им; в этом они уподобляются расточителю, который, будучи поставлен перед необходимостью сократить свои расходы, в каждом данном случае считает невозможным отказаться от своих прежних привычек, не хочет ни в чем себя ограничить и лишается в конечном итоге всего — как действительно необходимого, так и того, без чего можно было бы обойтись.

Не следует народу, не следует немцам выставлять напоказ такую слабость; и, придя к трезвому решению, к убеждению в том, что изменение необходимо, не следует из боязни отступить перед глубоким, всесторонним исследованием вопроса; каждый, обнаруживший несправедливость, обязан требовать ее устранения, а тот, чье владение неоправданно, должен добровольно отказаться от него.

Проведение такого рода исследования предполагает паличие у людей достаточной силы, чтобы отказаться от своих мелких интересов перед лицом справедливости, и достаточной честности, чтобы действительно стремиться к справедливости, а не только изображать готовность к этому. Ведь часто за горячим стремлением к общему благу скрывается оговорка: поскольку это соответствует нашим интересам. Подобная готовность поддержать любые преобразования сразу же исчезает, утрачивается людьми, как только предъявляется требование к ним самим.

Пусть каждый человек, каждое сословие откажется от подобного лицемерия и, прежде чем предъявлять требования другим, искать причину зла вовне, начнет с того, что взвесит свое положение, свои права и, обнаружив в своем владении несправедливость, направит свои усилия на то, чтобы уравнивать себя в правах с другими. Можно, если угодно, считать это требование — начать с себя — нере-

альным и недееспособным, отказаться от надежды на устранение подобного бесправия...⁴

⁵ Не обладая достаточной полнотой власти, позволяющей проводить реформы и отменять их, если они себя не оправдают, лучше ограничиться такими преобразованиями, все последствия которых можно полностью предусмотреть и рассчитать, и удовлетвориться устранением источников злоупотреблений.

Как в древние, так и в новые времена все недостатки проистекали главным образом из злоупотреблений высших официалов. Комитету было весьма удобно иметь в своем услужении людей, которые говорили и писали за него, а если нужно, и думали за него. Большинство членов комитета спокойно проедало между тем свои доходы, заботилось одновременно о спасении души и предоставляло воле провидения страну и тех, кто хотел ею заниматься. Плохо приходилось, правда, бедному стаду, когда один пастух тянул его на восток, а другой — на запад. Большая часть следовала, впрочем, за тем, у кого был ключ от амбара, кто умел внушительно держать речь и ловко скрывать свою волчью природу под овечьей шкурой. Так официалы водили за нос комитет, а вместе с ним и все население страны.

Сам комитет не повинен в злоупотреблениях. Повинны в этом его консультанты и адвокаты. Комитет был лишь инертен и, не задумываясь, санкционировал их самоуправство. Именно они склонили комитет к такой щедрости по отношению ко двору, которую можно сопоставить лишь с фривольностью обоснований, направленных на оправдание подобных выражений верноподданнических чувств. Именно их пытался склонить в свою пользу двор, будучи уверен, что достигнет своих целей, если сумеет заинтересовать в исходе дела консультанта или адвоката. Именно от них зависело, будут ли приняты во внимание петиции и пожелания отдельных сословий. Именно они захватывали поступающие акты и скрывали их от комитета до тех пор, пока им не представлялось своевременным доложить о них. И не было, вероятно, власти духовника над совестью прихожан, равной власти этих политических духовников над должностной совестью членов комитета.

Впрочем, консультанты в узком смысле слова ни в какой степени не были причастны к делам кассы. Операции, связанные с таинственным ларем, оставались для них тайной. От них, следовательно, членам комитета нечего было ждать поблажек своему корыстолюбию. Должности раздавались без их вмешательства; в выборах они никогда не принимали непосредственного участия. Это давало значительное преимущество адвокатам безотносительно к их талантам и знаниям. Впрочем, консультанты, несомненно, оказывали косвенное влияние на выборы. Если привилегированный консультант был другом и защитником кандидата на должность, то последний вполне мог надеяться на то, что ему удастся оттеснить ставленника адвоката.

К счастью, в число консультантов комитета иногда входили люди с умом и сердцем, которые, правда, водили комитет на помочах, ибо он не научился передвигаться самостоятельно, но никогда, по крайней мере преднамеренно и сознательно, не заводили его в грязь.

С появлением ландтага опасное влияние, связанное с этой ужасной должностью, не только не уменьшилось, но, пожалуй, даже увеличилось. По установившейся привычке консультантов стали считать существенной частью земельной конституции. Их официальную сферу действия расширили. Из соперничества депутатов они извлекали выгоды. Они сумели стать независимыми от своего начальства, своего судьи по делам службы, от комитета. В период, когда еще не было ландтага, комитет мог без какого-либо противодействия уволить не исполняющего своих обязанностей консультанта. И это делалось неоднократно. Теперь же консультант, пожалуй, мог бы потребовать, чтобы князь, которому он предал интересы земли, был его судьей.

ИЗ «КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ О ПРЕЖНЕМ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ ОТНОШЕНИИ ЗЕМЛИ ВААДТА (ВО) К ГОРОДУ БЕРНУ»

Полное разоблачение прежней олигархии
сословия Берна.

*Перевод с французского писем покойного швейцарского автора
и комментариев к ним. Франкфурт-на-Майне.
Книгоиздательство Егера. 1798.*

Предварительные замечания

Письма, выдержки из которых даны в настоящем переводе, принадлежат лозаннскому адвокату Карту, умершему в Филадельфии. Сразу после появления этих писем в печати они были запрещены бернским правительством под угрозой высокого штрафа. Дело заключается в том, что в них содержится основанное на документах описание политических прав Ваадта, сравнение того состояния, которое должно было бы быть установлено здесь в соответствии со старыми правами, с тем, в которое его ввергло господство Берна; в них содержится, в частности, история эфемерной победы этого правительства в 1791 г. над пробудившейся в Ваадте потребностью восстановить свое прежнее государственное устройство — победы, результатом которой были утрата жителями Ваадта остатка своих прав и соединение их мечты о свободе с глубочайшим ожесточением против угнетателей. Поскольку описываемые здесь события и обстоятельства даны в эпистолярной форме, их изображение содержит и вызванные ими чувства и, несмотря на то, что некоторые люди, требующие от источника лишь чисто фактических данных, которые позволили бы им свободно составить свое суждение и определить к ним свое отношение, — что эти люди легко могут усомниться в достоверности самих сообщаемых здесь фактов, следует тем не менее принять во внимание два обстоятельства: с одной стороны, это опасение в известной степени предотвращается тем, что права, о которых идет речь, подтверждаются документами и официальным сводом законов, а события — свидетельством всего населе-

пия; с другой — надо иметь в виду, что для большинства людей выражение чувств необходимо, ибо только оно заставляет их обратить внимание на важность существа дела, что не было бы ими оценено при сухом изложении фактических событий и обстоятельств либо потому, что они сами никогда не были в подобном положении, либо потому, что, пребывая в ничем не омраченной беззаботности, они вообще не допускают возможности потерять из-за чего-либо терпение и, будучи достаточно хорошо осведомлены о положении вещей, тем не менее оказываются крайне удивлены, узнав к чему оно привело.

Из сравнения содержания этих писем с последними событиями в Ваадте, из контраста, в котором находится видимость умиротворения, достигнутая в 1792 г., и гордость правительства своей победой, с одной стороны, и его фактическая слабость в этой земле, внезапное отделение Ваадта — с другой, — из всего этого можно было бы вывести множество полезных заключений. Однако факты достаточно громко говорят сами за себя; все дело только в том, чтобы достаточно полно ознакомиться с ними; они вопиют на весь мир.

Discite justitiam moniti —

глухих же тяжело поразит их судьба.

Комментарии публикуются впервые; они содержат ряд еще не известных данных по статистике и государственному устройству Берна.

Карг, с. 71 *: «Большая ошибка оценивать государственное устройство в зависимости от высоты налогов, к уплате которых принуждают население. Под этим углом зрения государственное устройство Англии было бы наилучшим, ибо нигде не платят таких налогов, как в Англии. А между тем нет в Европе народа, который бы располагал бóльшим благосостоянием, чем англичане, и пользовался бы таким уважением и как нация, и в лице своих отдельных представителей.

Происходит это потому, что англичанин свободен, что он пользуется правами, даруемыми свободой, — одним словом, потому что он сам облагает себя налогами».

* Все ссылки на страницы даются по работе Карга, которой пользовался Гегель.

По этому поводу *Гегель*, с. 81 и сл.:

Автор рассматриваемой работы не дожил до недавнего времени, когда стало очевидным, как власть, предоставленная сборщикам некоторых налогов, в ряде отношений затрагивает безопасность владения собственностью и ущемляет индивидуальные имущественные права, как посредством приостановления действия конституции была ограничена личная свобода, посредством позитивных законов были ограничены гражданские права государственных подданных; когда стало очевидным, что министр, создавший себе опору в лице парламентского большинства, способен противостоять мнению народа, что неполнота представительства нации препятствует тому, чтобы она могла заставить парламент считаться с ее голосом, что основой прочности национального существования является скорее страх перед ее неконституционной властью, мудрость министров или сдержанность высших сословий. Это понимание и перечисленные факты привели к тому, что уважение к английской нации многих ее самых рьяных почитателей значительно уменьшилось. Впрочем, несостоятельность этого примера для нашего времени ни в коей мере не затрагивает основного положения автора, согласно которому оценка государственного устройства страны не должна производиться в зависимости от величины установленных в ней налогов.

Тот факт, что при упоминании о дурном государственном строе кантона Берна всегда можно услышать в ответ, что его подданные почти не платят налогов, на основании чего их объявляют счастливыми и достойными зависти, этот факт свидетельствует лишь о том, что большинство людей считает значительно меньшим ущербом отсутствие гражданских законов, чем необходимость ежегодно отказываться от нескольких талеров.

Налог, введенный английским парламентом на чай, который импортировала Америка, был ничтожен; однако уверенность американцев в том, что вместе с совершенно незначительной суммой, составляющей этот налог, они потеряют и свое важнейшее право, привела к революции.

Карп, с. 91: «Я не думаю, чтобы в Ваадте нравственность была выше, чем в немецкой части кантона, и тем не менее в тюрьме на одного жителя Ваадта приходится де-

сять немцев. Быть может, это объясняется тем, что в одной земле уголовная юрисдикция находится в руках ландфогтов, а в других нет?»

По этому вопросу Гегель, с. 116 и сл.:

Ваадт имеет в этом отношении ряд преимуществ перед немецкими землями кантона: суды по уголовным делам земли Ваадт ведут процесс и выносят приговор как суды первой инстанции: малому совету Берна принадлежит *jus aggratiandi*¹ и *jus aggravandi*². Только в Лозанне ему принадлежит лишь право помилования; в немецком же кантоне (за исключением нескольких городов) уголовная юстиция полностью находится в руках правительства; оно допрашивает обвиняемого в тяжком преступлении, заслушивает показания свидетелей и ведет все расследование дела; обвиняемому не предоставляется право иметь защитника; протокол следствия направляется в малый совет, который в соответствии с этим протоколом и с сообщением комиссии по уголовным делам, состоящей из трех самых молодых по стажу членов муниципалитета, выносит приговор в первой и последней инстанции, карающий преступника смертью или дарующий ему жизнь; над ним нет инстанции, которая обладала бы правом помилования. В городе следствие по уголовным делам ведет Grossweibel (grand sautier) — член кантонального совета, полицейский комиссар и судья по гражданским делам, обладающий ограниченной компетенцией и являющийся одновременно служащим кантонального и малого совета. Он передает материалы на рассмотрение членов кантонального совета; малый совет выносит приговор в первой инстанции, кантональный совет отягчает, смягчает или подтверждает первый приговор, причем Grossweibel, который вел уголовное расследование, выступает в качестве официального защитника. Легко себе представить, что обвиняемый немного выигрывает от такой защиты; поэтому он старается во время допроса умолчать обо всем, что можно, и часто умалчивает таким образом о ряде смягчающих вину обстоятельств. Только этим можно объяснить известную историю девушки, приговоренной к смертной казни за убийство своего ребенка; когда ее вели на казнь, она сказала священнику, что ей только жаль ребенка, которого она носит под сердцем; обследование показало, что она

действительно ждет ребенка; за предполагаемое убийство которого она должна была через несколько часов умереть; на вопрос, почему же она не сказала об этом раньше, обвиняемая ответила, что ей не хватило смелости противоречить допрашивавшим ее важным господам.

В 1794 г. некий крестьянин, который, согласно свидетельству его общины, отличался хорошим поведением и не был склонен к пьянству (при этом он имел репутацию ограниченного человека), поссорился, рассчитываясь за поставку вина, с неким господином из Берна; крестьянин, выпивший в этот день больше, чем он себе обычно позволял, решил, что с ним поступили не по справедливости; в состоянии опьянения он в ходе перебранки начинает ругать всех знатных господ и выражает желание, чтобы их усмирили французы. Господин из Берна подает на него жалобу фогту; крестьянин, которому сказали, что признание в том, что он был пьян, не уменьшит его вины, умалчивает при допросе об этом смягчающем его вину обстоятельстве, и местный совет присуждает его к шести годам заключения в тюрьме для особо тяжелых преступников. Благодаря вмешательству деревенского старосты и родственников, бедного парня, который заболел, узнав о вынесенном ему приговоре, наконец отпустили на свободу, запретив ему в течение года отлучаться из деревни. Мне не хотелось бы на основании подобных опрометчивых решений, случайно получивших гласность из-за пересмотра дела, выводить заключение о характере многих других, не получивших гласность дел; пусть каждый судит сам, не дает ли само судопроизводство право выводить подобное заключение.

Обычай, еще некоторое время тому назад существовавший во многих городах, указывает на то, что некогда крестьянин, обвиняемый в уголовном преступлении, мог иметь защитника. В день казни все местные должностные лица собирались под председательством фогта в каком-либо общественном месте; выступает прокурор, затем защитник, который в присутствии осужденного (уже несколько дней тому назад ознакомившегося со своим смертным приговором) не щадит сил для его оправдания; после этого ландфогт предлагает во всеуслышание объявить вынесенный в Берне смертный приговор и преступника ве-

дут на казнь. Этот обычай, который, превратившись в пустую формальность, не мог не вызывать возмущения, несколько лет тому назад отменили, уничтожив тем самым последние следы одного из самых важных прав граждан цивилизованных государств.

Я не берусь решать, падает ли вина за то, о чем здесь пойдет речь, на судопроизводство *, которое по существу вообще таковым не является, следует ли объяснять аморальностью народа или, если угодно, испорченностью человеческой природы то обстоятельство, что в тюрьме на одного жителя Ваадта приходится десять немцев — как утверждает Карт, что по моему глубокому убеждению, ни в одной из известных мне стран не вешают, не колесуют, не обезглавливают, не сжигают стольких людей, как в этом кантоне (соотносительно с его величиной); не имея достаточно веских доказательств, лучше было бы, быть может, вообще не высказывать подобных утверждений: цель их опубликования — побудить к тому, чтобы для блага общества был обнародован список повешенных в кантоне только за последние десять лет, ибо лишь ознакомление с таким перечнем может показать несостоятельность наших утверждений.

В течение нескольких последних лет правительство стало само ощущать эти недостатки; оно выразило готовность рассмотреть предложения, направленные на их искоренение, и назначило награду за проект целесообразных реформ.

Карт (с. 103) о военных расквартированиах в Ваадте (1791/2):

«Солдат в количестве десяти, пятнадцати, двадцати человек размещают в доме какого-либо человека не потому, что там много комнат и не по этой причине используют этот дом под лазарет, выгнав хозяина; причина заключается в том, что этот человек — патриот, и противоположная причина освобождает от всего этого аристократа».

По этому вопросу *Гегель*, с. 121 и сл.:

Квартирмейстеры привезли из Берна списки жителей городов, в которых предполагалось разместить воинские

* При этом следует, однако, указать, что в Верне а) еще до сих пор существует пытка; б) что признания осужденным правильности вынесенного ему приговора не требуется.

подразделения. Лица, находящиеся под подозрением в неблагоденности, были обозначены в этом списке буквой М (*mauvais*), ММ или даже МММ; в соответствии с этими обозначениями квартирмейстер направлял в дом то или иное количество солдат, которые очень быстро усвоили этот критерий и стали руководствоваться им в своем поведении. Тем самым эти подозреваемые бюргеры понесли наказание ранее какого бы то ни было расследования только по той причине, что они казались подозрительными.

Карп (с. 113) говорит, что в делах заключенных в тюрьму жителей Ваадта не было и намека на государственную измену.

По этому вопросу *Гегель*, с. 122:

Действия, послужившие основанием к вынесению приговора, были только проявлениями чувств, признаками; их можно было рассматривать как признак радости по поводу того, что французскому народу удалось обрести свободу, или желания также обладать ею, решения вновь обрести свои утраченные законные права или намерения использовать недозволенные средства в нападении на законную власть правительства. Правительство решило, по видимому, что имело место последнее.

Примечание к письму 7, с. 138 и сл.:

Как обстояло дело в Ваадте с введением уголовного кодекса, рассказывает в своей книге Сенье (*Seigneux*); из его изложения явствует, что и в данном случае законодательную власть осуществляло одно только бернское правительство. «Швейцарцы,— пишет он,— приняли Каролину³, не придав этому кодексу силы закона». (Бернское правительство по сей день не имеет уголовного кодекса, который ему, впрочем, и не нужен, поскольку оно олицетворяет в себе законодательную и судебную власть.) Правительство повелело своим вассалам, располагавшим правом жизни и смерти, и особенно городу Лозанне, следовать Каролине; что касается последнего обстоятельства, то это очевидно из протоколов суда, где можно прочесть, что в 1555 г. уголовный суд заменил наказание, предусмотренное Каролиной, и не утопил девушку, вытравившую плод, в связи с чем distinguished господа сделали членам суда резкий выговор; на представленные им вер-

поподданнические извинения они ответили, что они, правда, не удовлетворены предъявленными им извинениями, но на этот раз не дадут делу хода; однако в дальнейшем они (члены лозаннского уголовного суда) должны быть осмотрительнее и карать преступников по их преступлениям в соответствии с императорскими законами, не оказывая им пощады.

Примечание к письму 9, с. 163 и сл.:

Аристократическим правительствам, пишет Монте-скье, следует опасаться тех патрициев, которые не участвуют в управлении государством; для обуздания их и был прежде всего нужен в Венеции ужасный инквизиционный трибунал. Правительство Берна отчасти умиротворяет излишек своих патрициев множеством необходимых для государственного управления мест в кантоне, отчасти же избавляется от них благодаря тому, что они несут военную службу в армиях других государств; с тех пор как это прекратилось, правительство Берна оказалось в затруднительном положении, тем более что и низшие слои бернского бюргерства стали предъявлять претензии на так называемые гражданские посты; доступ к ним этого класса, не принадлежащего к правящим семействам города, становится все труднее из-за теперешней большой и серьезной конкуренции знатных патрициев.

Примечание к письму 10, с. 169 и сл.:

Приходы в немецком кантоне бывают двух типов: по рангу и по кредиту; первые предоставляются кандидатам в соответствии с возрастом, вторые, как показывает само их наименование, — в соответствии с кредитом, которым пользуются соискатели по своему семейному положению и пр.; к приходам по рангу относятся все приходы с незначительными доходами, в редких случаях со средними; среди приходов по кредиту есть и такие, ежегодный доход которых равняется 3000 талеров и более; само собой разумеется, что первые предоставляются бернским бюргерам, а наиболее доходные — младшим сыновьям знатных семейств, мужьям их дочерей, членам муниципалитета и т. д. Для тех жителей немецкого кантона, которые изъявляют желание стать священниками, — на что имеют право только горожане — в Берне учреждена теологическая семинария; кандидата не принуждают действительно

изучать теологию в течение трех лет, предназначенных для занятий; он должен только дать им пройти и после завершения этого срока экзаменоваться, ибо он может получить разрешение одновременно занимать должность домашнего учителя и отсутствовать в течение нескольких месяцев и даже лет; более того, он может все эти три года занимать должность школьного учителя и явиться по истечении этого срока на экзамен.

Карт (с. 178): «Должность ландфогта предоставляется по жребию или по рангу; ландфогтами часто становятся люди, которые не знают ни наших законов, ни наших обычаев, ни наших условий».

По этому вопросу *Гегель*, с. 194 и сл.:

Ландфогтом может стать только член кантонального совета. Число членов кантонального и малого совета составляет — при полном их составе — 299 человек и не может быть меньше 200. При уходе какого-либо члена малого совета его должность замещается кантональным советом посредством голосования и баллотировки. Пополнение кантонального совета происходит тогда, когда число его членов приближается к 200, что случается обычно раз в десять лет. Избирателями являются, кроме членов малого совета (вместе с двумя шультгейсами⁴, т. е. 27 человек), 16 членов кантонального совета (*seizeniers*), уже состоявших в должности ландфогтов (старые ландфогты). Из числа старых ландфогтов, принадлежащих к одной корпорации, — все бернские бюргеры должны быть членами какой-либо корпорации (общества) — избирателем становится тот, на кого падает жребий; часто в корпорации оказывается 15, 12 человек, иногда только 1 или 2, способных войти в число 16-ти избирателей; поскольку жеребьевка происходит всегда в среду, предшествующую страстной пятнице (дню, когда происходит замещение должностей в кантональном совете), а число всех старых ландфогтов в 1795 г., например, составило 70, то сначала посещаются все 70, плетутся интриги, ведутся подсчеты; легко себе представить, сколь многообразными должны быть комбинации, посредством которых кандидат собирает нужное ему число голосов. Формально члены кантонального совета избираются большинством голосов; однако каждый избиратель фактически назначает одного, ино-

гда двух кандидатов посредством договоренности со всеми избирателями, согласно которой каждый из них отдает *одному* их клиенту свой голос. Что касается остальных кандидатов, то подачу голосов определяет влияние их семейства и множество других соображений. Обычно наибольшее влияние обретает тот, кому удастся воздействовать на других угрозой, что в случае невыполнения его желания он в свою очередь не будет голосовать за их ставленников. Поскольку каждому избирателю дано право назначать (*namsen*) одного или двух новых членов совета, отец назначает либо своего сына, либо двух своих сыновей, либо брата; если у него есть дочь, он выбирает богатого зятя и т. д. Если в какой-либо семье есть несколько молодых людей, которые достигли возраста, позволяющего им стать членами совета, а семья надеется провести только одного из них, то тот, кто хочет выдвинуть свою кандидатуру, откупает у других аналогичное право — короче говоря, только об одном из 92-х членов, принятых в 1792 г. в кантональный совет, было сказано, что его достоинства в некоторой степени повлияли на его избрание. Из всего сказанного можно представить себе общий характер этих выборов; однако для того, чтобы составить себе полное представление обо всей предшествующей деятельности, о происходящих интригах, о бесчисленных комбинациях, направленных на согласование различных интересов, о страстности, с которой все это совершается, о чувствах, сопровождающих благоприятный или неблагоприятный исход дела, — силе надежд, опасений, страха, — о глубине радости или отчаяния, — надо самому быть свидетелем всего этого. Известны примеры, когда люди, заранее уверенные в том, что они будут избраны (впрочем, сомневаются в этом вообще очень немногие), достигнув реального успеха, на некоторое время как бы лишались рассудка; те же, чьи труды и старания оказались напрасными, кого постигла неудача, с тех пор вечно испытывают ощущение подавленности, гложущей тоски; ибо для знатного жителя Берна это — единственный, важнейший жизненный путь; если он потерпел здесь неудачу, то ничто уже не может дать его душе ощущение удовлетворенности. Ландфогства распределяются по жребью между теми, кто в текущем году вошел в кантональный совет; более старые члены

совета решают сами, будут ли они претендовать на должность ландфогта; если среди них не найдется желающих, то должность переходит к более молодым; таким образом, тот, кто достаточно богат, может дольше всех обходиться без ландфогства и, когда ему понадобится, получить наилучшее; этим и объясняется, что в Romain Motiers (пример у Карта на с. 178 и сл.) столько старых офицеров один за другим становились ландфогтами; должность полковников иностранных армий давала им весьма значительный доход, и теперь, в преклонном возрасте, они вернулись на родину для того, чтобы, будучи некогда членами кантонального совета и, быть может, присутствовал тогда на его заседании, теперь вновь побывать на таком заседании и в качестве самых старших получить вне всякой конкуренции наилучшее ландфогство.

КОНСТИТУЦИЯ ГЕРМАНИИ

(Последняя редакция 1802 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Германия — больше не государство. Когда прежние ученые в области государственного права¹ занимались немецким государственным правом, они исходили из идеи науки и стремились поэтому прежде всего установить понятие немецкого государственного строя; однако им не удалось выработать единое определение этого понятия; что же касается специалистов нового времени, то они вообще отказываются от попыток такого рода и рассматривают государственное право уже не как науку, а как описание того, что дано эмпирически, без какого-либо соответствия разумной идее, полагая, что немецкому государству может быть дано только одно наименование — империи или государственного организма.

Теперь уже не спорят о том, под какое понятие можно подвести государственное устройство Германии. А то, что уже не может быть выражено в понятиях, больше не существует. Будь Германия государством, это состояние распада можно было бы с полным основанием вслед за одним иностранным ученым² в области государственного права назвать анархией; однако этому препятствует то обстоятельство, что отдельные части империи конституировались в государства, сохраняющие некую видимость единства — не столько в силу реально существующих связей, сколько благодаря воспоминанию о существовании этих связей в прошлом; так, мы узнаем, что плоды упали с того дерева, под которым они лежат; однако ни близость дерева, ни даруемая им тень не спасут их от гниения и власти элементов, на милость которых они теперь отданы.

Здоровье государства обнаруживается не столько в покое мирного времени, сколько в движении войны; мир — это состояние наслаждения и обособленной деятельности,

когда управление государством носит характер мудрой патриархальности, а требования к подданным не выходят за рамки привычного, в войне же проявляется прочность связи между целым и его частями, обнаруживается, что государство может требовать от них и в какой степени они готовы сами содействовать ему по собственному побуждению и внутренней склонности.

Так, в войне³ с Французской республикой Германия убедилась на опыте в том, что она больше не государство, и осознала она это свое политическое состояние как в ходе самой войны, так и при заключении мира⁴, эту войну завершившего, чьи осязательные результаты сводятся к следующему: к потере ряда прекраснейших немецких земель, нескольких миллионов людей, к налогам, обременяющим земли Южной Германии сильнее, чем северные, в результате чего бедствия, нанесенные войной, будут еще долго ощущаться и в мирное время, и еще многие государства Германии, помимо тех, которые оказались под властью завоевателей с их чуждыми законами и нравами, потеряют то, что для них превыше всего,— свою независимость в качестве самостоятельных государств.

Каковы же внутренние причины, каков дух этих результатов, в какой степени эти результаты являются лишь внешним и необходимым выражением внутренних причин — для подобных размышлений нам послан мир; эти размышления сами по себе должны быть делом каждого, кто не принимает все происходящее как данное, а познает сущность событий и их необходимость, отличается этим познанием от людей, рассматривающих проявления произвола и случайности лишь с позиций своего тщеславия, полагая, что они бы сделали все разумнее и лучше; такое понимание подлинных причин важно для большинства людей лишь потому, что оно в сочетании со способностью к рассудительному суждению об отдельных вещах, которое на этом понимании зиждется, дает им знания, а совсем не для того, чтобы на опыте научиться, как действовать в аналогичных обстоятельствах в будущем. Ибо очень немногие способны своей деятельностью направлять эти грандиозные события в определенное русло; всем остальным надлежит с рассудительностью и пониманием покориться необходимости происходящего. На опыте ошибок,

являющихся выражением внутренней слабости и неразумия, учатся не столько те, кто их совершил, — в них лишь укореняется привычка совершать их и впредь, — с этим опытом знакомятся другие и извлекают из него пользу; если они вообще способны к этому и внешние обстоятельства тому способствуют, они тем самым обретают ту способность проникновения в сущность происходящего, которая не является необходимой для частного лица.

Опубликование мыслей, содержащихся в данной работе, направлено только на одну цель: содействовать пониманию того, что есть, и тем самым более спокойному отношению к действительности и умению с большим спокойствием принимать ее как при реальном соприкосновении с ней, так и на словах. Ибо не то, что есть, вызывает в нас чувство нетерпения и страдания, а то, что оно не таково, каким оно должно быть; осознав же, что оно не таково, каким оно должно быть; т. е. не является результатом произвола и случайности, мы тем самым осознаем, что оно таким и должно быть. Людям вообще трудно возвыситься до такого состояния, при котором необходимость познания и мышления становится привычкой. Между событиями и свободным их восприятием они ведь ставят множество понятий и целей, требуя, чтобы все происходящее было соразмерно им. И если, что вполне естественно, обычно все происходит по-иному, они чванятся своими понятиями, будто именно в них заключена необходимость, а все происходящее — лишь результат случайности; их понятия столь же ограничены, как их воззрения на вещи, которые они воспринимают как отдельные явления, а не как систему, управляемую духом. И страдая от них или просто усматривая их противоречивость своим понятиям, они основывают свое право горько порицать происходящее на том, что остаются верны своим понятиям.

Этот порок прежде всего свойствен немцам нашего времени. Ощущая постоянное противоречие того, что они требуют, тому, что совершается не по их требованию, они проявляют не только склонность к постоянному порицанию, но, говоря лишь о своих понятиях, — также и отсутствие искренности и добросовестности, ибо в свои понятия о праве и обязанностях они полагают необходимость, хотя

ничто не происходит соразмерно этой необходимости, и они сами привыкли к тому, что либо их слова всегда противоречат их действиям, либо они стремятся истолковать происходящие события как нечто совершенно иное, а не то, чем они являются в действительности, и в своем истолковании жонглируют ими применительно к определенным понятиям.

Однако тот, кто захотел бы узнать, что обычно происходит в Германии, руководствуясь понятиями того, что должно происходить, т. е. государственными законами, пошел бы по совершенно ложному пути. Ибо распад государства и проявляется прежде всего в том, что все происходит не так, как того требуют законы. Заблуждением было бы также считать форму этих законов их истинным основанием и причиной. Ведь именно из-за своих понятий немцы проявляют себя столь недобросовестными, не желая признать существующее в том виде, как оно есть, и представить его, не преувеличивая и не преуменьшая, именно таким, каким оно является в силу порядка вещей. Они сохраняют верность своим понятиям, праву и законам, хотя действительность и не совпадает с ними, и та сторона, чьим интересам это отвечает, стремится словом и силою понятий привести то и другое в соответствие друг другу.

Понятием, заключающим в себе все остальные, служит то, согласно которому Германия и теперь является государством, поскольку она некогда была таковым, и формы, лишенные теперь того, что некогда составляло их жизнь, существуют по сей день.

Организация этого политического тела, именуемая конституцией Германии, сложилась в совсем иной жизни, отличной от той, которая образовалась позже и существует по сей день. В формах этого организма выражены справедливость и власть, мудрость и храбрость давно прошедших времен, честь и кровь, благополучие и нужда давно истлевших поколений, исчезнувших вместе с ними нравов и отношений. Время и связанное с ним развитие образованности разъединили судьбу той эпохи и жизнь наших дней. Здание, где обитала та судьба, не служит уже пристанищем судьбы современного поколения; безучастное к его интересам и деятельности, ненужное, оно стоит в сто-

роне от мирового духа. Если эти законы утратили свою прежнюю жизненность, то современная жизнь в свою очередь не сумела воплотиться в законы; оба они шли своим путем, устанавливали себя для себя, а целое распалось, государства больше нет.

Эта форма немецкого государственного права глубоко коренится в том, чем особенно прославились немцы, а именно в их стремлении к свободе. Это стремление и послужило причиной того, что немцы не стали народом, подчиненным единой государственной власти даже тогда, когда все остальные народы Европы уже подчинились господству централизованного государства. Не удалось настолько преодолеть упорство, свойственное немецкому характеру, чтобы заставить отдельные части Германии пожертвовать своими специфическими особенностями на благо обществу, объединиться во всеобщее и обрести свободу в совместном добровольном подчинении верховной власти государства.

Своеобразный принцип немецкого государственного права находится в неразрывной связи с состоянием Европы, при котором народы принимали участие в функционировании верховной власти не опосредствованно через законы, а непосредственно. Высшая государственная власть была у европейских народов всеобщей властью, долей которой свободно располагал каждый; и это личное, свободное, зависящее от произвола участие каждого в управлении государством немцы не пожелали превратить в участие свободное, независимое от произвола, выраженное во всеобщности и силе законов, но положили в основу своей наиболее поздней стадии государственного развития то прежнее состояние, не противоречащее законам, но основанное на незаконном произволе.

Это позднее состояние немецкого государства непосредственно отправляется от того состояния, когда нация, не будучи государством, составляла народ. Во времена древней немецкой свободы каждый отдельный человек отвечал в своей жизни и деятельности сам за себя. Его честь и его судьба не были связаны с каким-либо сословием, но покоились только в нем самом. Согласно своему собственному разуму и в зависимости от своей силы он вступал в единоборство с миром, либо погибая, либо пре-

образуя его в соответствии со своими желаниями. С целым его соединяли обычаи, религия, невидимый живой дух и ряд существенных интересов. В остальном же — во всех своих предприятиях и действиях — он не позволял целому ограничивать себя и без каких-либо опасений и сомнений ограничивал себя сам. Но то, что находилось в его сфере, было в такой степени и настолько полностью им самим, что это даже нельзя было назвать его собственностью; то, что принадлежало к его жизненной сфере, что мы назвали бы частью, в чем мы, следовательно, также полагали бы некую часть самих себя, для него составляло плоть от плоти его, жизнь, душу и блаженство.

Деление и расчет, составляющие основу нашей законности, в силу которых за кражу коровы не стоит рисковать головой или открыто противопоставлять свою индивидуальность в десять раз бесконечно более сильной власти (подобно власти государства), были ему неизвестны — он был целиком и полностью в сфере своего. (Французы понимают под словом entier — целый и своенравный.)

На основе этого своевольного поведения, которое только и считалось свободой, по воле случая или характера образовались круги господства без какого-либо соотношения со всеобщим и почти без ограничения со стороны того, что называют государственной властью, ибо противостоящей отдельным индивидуумам государственной власти почти не существовало.

С течением времени эти круги господства упрочились. Прерогативы государственной власти превратились в многообразную, исключаящую всякое вмешательство, независимую даже от государства, распределенную без применения каких-либо правил и принципов собственностью. Эта многообразная собственность образует не систему прав, а их лишенное всякого единого принципа сочетание, сохранить которое при его непоследовательности и запутанности можно было только посредством самой изощренной проницательности, способной при возникающих коллизиях уберечь его от действия внутренних противоречий или, вернее, только необходимость и превосходство позволяли сохранить некое равновесие; что же касается государства в целом, возможности хоть как-то сохранить его,

то это целиком зависело от воли божественного провидения*.

Политическая власть и политические права предоставляются не в качестве государственных должностей, соответствующих организации целого; деятельность отдельного человека и его обязанности определяются не в соответствии с потребностями целого, но каждый член политической иерархии, каждый княжеский дом, каждое сословие, каждый город, цех и т. д., все те, кто обладает правами государственного характера, завоевали их сами, а государству оставалось при этом сокращении его мощи в каждом данном случае только подтвердить, что оно лишилось своих прерогатив; и если государство в конечном итоге вообще потеряет всякую власть, — а между тем всякое владение отдельного человека основано именно на власти государства, — то весьма шатким окажется владение тех, единственной опорой которых служит государственная власть, равная нулю.

Принципы немецкого публичного права не могут быть поэтому выведены из общего понятия государства или из понятия определенного государственного строя, монархии и т. д., а немецкое государственное право не есть наука, в основу которой положены определенные принципы, но свод самых различных прав государства, приобретенных по типу частного права. Законодательная, судебная, духовная и военная власти беспорядочно и неравномерно смешивались, делились и соединялись столь же многообразными способами, как собственность частных лиц.

В решениях рейхстага, в мирных договорах, в избирательных капитуляциях, в договорах между княжескими домами, в решениях имперских судов и т. д. самым тщательным образом определяются политические права каждого члена немецкого государственного организма. Эта тщательность распространялась на все и вся едва ли не с религиозным рвением, и годами усилия тратились

* Вычеркнуто: поэтому немецкое государственное право является собранием частных прав; часть государства, каждый княжеский род, каждое сословие, каждый город, цех и т. д., все те, кто обладает правами государственного характера, завоевали их сами; функции государства сводились преимущественно к подтверждению того, что оно теряло свою власть.

на вещи, как будто совершенно незначительные, подобно титулатуре, правилам устанавливая порядок, как следует ходить и в каком порядке занимать места, цвет мебели и т. п. И с этой точки зрения, по точному определению всех, даже самых ничтожных обстоятельств, относящихся к области права, немецкое государство безусловно обладает наилучшей организацией. Германская империя подобна царству природы — она непостижима в крупном и неисчерпаема в мелком; именно это свойство вызывает у лиц, посвященных в бесчисленные детали права, почтительное изумление перед достоинствами немецкой государственности и восхищение системой столь последовательно проведенной справедливости.

Эта справедливость, направленная на то, чтобы сохранить каждую часть отдельной от государства, находится в самом резком противоречии к притязаниям государства по отношению к своему отдельному члену. Государству необходим общий центр — монарх и сословия, — обладающий всеми разновидностями власти; этот центр осуществляет связь с иностранными державами, обладает военной властью, финансами, связанными со всем этим, и т. д.; помимо функций управления, этот центр должен обладать и необходимой властью, для того чтобы отстаивать свои права, проводить свои решения и держать в повиновении отдельные части государства. Право же предоставляет отдельным сословиям почти полную или, вернее, полную независимость. Если остаются еще такие стороны независимости, которые не определены ясно и торжественно в избирательных капитуляциях, в решениях рейхстага и т. д., то они санкционируются практикой, что является более серьезным и полным правовым основанием, чем все остальное. Здание немецкой государственности — не что иное, как сумма прав, отнятых отдельными частями у государства, а названная справедливость, зорко наблюдающая за тем, чтобы государство не сохранило какого-либо остатка власти, есть сущность этого государственного устройства.

Пусть несчастные провинции, погибающие из-за беспомощности государства, к которому они принадлежат, обвиняют в своих несчастьях политическое состояние государства, пусть верховный глава империи и патриотиче-

ски настроенные сословия, более других обеспокоенные случившимся, тщетно призывают остальных к совместным действиям, пусть Германию предадут грабежу и поруганию — ученый знаток государственного права всегда сумеет доказать, что всё происходит в полном соответствии с правом и практикой, а все неурядицы — лишь мелочи по сравнению с соблюдением справедливости. Если неудачи в ведении войны находят свое объяснение в поведении отдельных сословий, одни из которых вообще не поставляют должных контингентов войск или посылают вместо обученных солдат только что набранных рекрутов, другие не платят римских денег⁵, третьи в минуту величайшей опасности отзывают свои контингенты, многие самостоятельно заключают договоры о мире и нейтралитете, и в общем все они, каждый на свой лад, подрывают обороноспособность Германии, то государственное право доказывает, что поведение сословий не противоречит их праву, праву подвергнуть государство величайшей опасности, разорению и бедствиям; а поскольку речь идет о правах, то отдельные лица и все граждане в целом должны строжайшим образом оберегать и охранять это право быть уничтоженным. И нет, вероятно, более подходящего для правового состояния немецкого государства изречения, чем *Fiat justitia, pereat Germania!*⁶

Немецкому характеру свойственна одна, если не разумная, то в известной степени благородная черта, которая выражается в том, что право как таковое, независимо от его основы и следствий, для него свято. И если Германия как независимое самоуправляющееся государство придет в полный упадок, — что, судя по всему, вполне вероятно, — и немецкая нация вообще перестанет существовать, то отрадно все-таки видеть, что во главе разрушающих духов шествует перед правом благоговение.

Политическое состояние Германии и ее государственное право предоставили бы нам возможность насладиться подобным зрелищем, если бы Германию можно было считать государством; в этом случае ее политическое состояние следовало бы рассматривать как правовую анархию, а ее государственное право — как правовую систему, противопоставленную государству. Однако все признаки указывают на то, что Германию следует рассматривать не как

единое государство, государственное целое, а как конгломерат независимых и по существу суверенных государств. Но ведь говорят, что Германия — империя, государственный организм, она подвластна верховному главе государства и входит в имперский союз. В качестве юридических терминов эти определения нерушимы; однако исследование, занимающееся понятиями, не интересуется подобными терминами как таковыми; их подлинный смысл может быть выявлен лишь из определения понятий. Правда, выражения, подобно «империи», «верховному главе империи» часто используются вместо понятий и выручают в безвыходном положении.

Специалист в области государственного права, который не может назвать Германию государством, — ибо ему пришлось бы тогда сделать ряд несомненно следующих из этого понятия выводов, а их он сделать не может — находит выход в том, что пользуется термином «империя» как понятием (не может ведь он допустить, чтобы Германия считалась не-государством); поскольку же Германия не является ни аристократией, ни демократией, а должна бы по своей природе быть монархией, император же не может рассматриваться как монарх, то выход находят в титуле «верховный глава империи», хотя речь идет о системе, где господствовать должны не титулы, а определенные понятия.

Следствием применения такого совершенно общего понятия, как «верховный глава империи», является то, что император подпадает под одну категорию с венецианским дожем и турецким султаном. Тот и другой также могут быть названы верховным главой государства, однако первый, являясь верховным главой, был в сильнейшей степени ограничен аристократией, второй же — ничем не ограниченный деспот. И поскольку названное понятие может быть применено к высшей государственной власти самого различного объема, то оно, будучи совершенно неопределенным, не имеет никакого смысла; оно претендует на то, чтобы что-то выразить, и не выражает по существу ничего.

В области науки и истории следует всячески избегать подобных ничего не значащих выражений, даже если они в обыденной жизни являются необходимым, соответ-

ствующим немецкому характеру паллиативом. Если в силу каких-либо важных причин настоятельно необходимо прийти к соглашению, будь то в сфере гражданской жизни или в политике, когда внутри государства сталкиваются различные непримиримые интересы, то при врожденном упрямстве немцев, их постоянном стремлении всегда настоять на своем нет лучшего средства, чем использование выражения самого общего характера; оно удовлетворит обе стороны и позволит обеим сторонам сохранить свои позиции, разногласия останутся при этом прежними; или если одна сторона действительно вынуждена будет пойти на уступки, это общее по своему характеру выражение позволит ей не сознаться в этом.

Если немцы веками и держались подобных представлений, создававших видимость единения, внутри которого ни одна из сторон по существу ни в коей мере не отказывалась от своих сепаратистских притязаний, то исследование этого вопроса, особенно если оно претендует на научность, должно твердо держаться понятий, и в суждении, является ли данная страна государством, не жонглировать выражениями общего характера, а принимать во внимание объем власти, предоставляемой тому, что именуется здесь государством; если же при более пристальном рассмотрении то, что в целом именуется государственным правом, в действительности окажется правами, противопоставляемыми государству, тогда следует поставить вопрос: располагает ли, несмотря на это, данное государство той властью, которая только и превращает его в подлинное государство. При внимательном изучении этого вопроса применительно к состоянию Германии и ее государственной власти станет очевидным, что Германию больше нельзя называть государством. Мы последовательно рассмотрим различные формы власти, которые необходимо должны присутствовать в государстве.

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВА

Масса людей может называть себя государством лишь в том случае, если она объединена для совместной защиты всей совокупности своей собственности. Само собой

разумеется (однако мы все-таки считаем необходимым это подчеркнуть), что подобное объединение не только намерено защищаться, но что оно действительно защищается, какими бы ни были его сила и степень удачи в осуществлении этой защиты. Ибо никто не станет отрицать, что буквой закона и на словах Германия объединена для осуществления совместной защиты; однако в данном случае мы не можем отделять закон и слово от действительности и дела, утверждая, что Германия осуществляет совместную защиту, правда, не делами, не в действительности, а буквой закона и на словах. Ибо собственность и ее защита посредством объединения в государство — вещи, полностью относящиеся к сфере реальности; идеальное же их выражение свойственно чему угодно, только не государству.

Планы и теории могут претендовать на реальность в той мере, в какой они *осуществимы*, значимость их не меняется от того, обрели ли они свое воплощение в реальности или нет; что же касается теории государства, то она может отражать состояние государства и конституции лишь постольку, поскольку она реальна. Если бы Германия выдавала себя за государство, имеющее определенную структуру, невзирая на то, что формы ее государственного устройства лишены жизни, а теория — реальности, то это было бы неправдой; если же она в самом деле обещала бы осуществлять совместную защиту, то это можно было бы расценить либо как старческую слабость, сохраняющую стремление к действиям при полной неспособности что-либо совершить, либо как непорядочность, которая позволяет не выполнять данное обещание.

Для того чтобы масса людей образовала государство, ей необходимо создать совместную защиту и государственную власть. Характер же вытекающих из этого особых воздействий и аспектов подобного объединения, специфическое их устройство безразличны с точки зрения того, образует ли данная масса людей определенную власть. Что касается вида и способов осуществления власти, то они вообще могут быть самыми разнообразными, в том или ином государстве может царить полная беспорядочность и несоразмерность, и в нашем рассмотрении необходимо строго различать следующие два обстоятельства:

с одной стороны, необходимость того, чтобы масса людей являла собой государство и совместную власть, и, с другой — особые модификации этой власти, относящиеся не к сфере необходимости, а к сфере того, что лучше в той или иной степени, если говорить о понятии, или, если иметь в виду действительность, — к сфере случайности и произвола.

Это различие имеет большое значение для спокойствия государств, устойчивости правительств и свободы народов. Ибо если всеобщая государственная власть требует от отдельного человека только то, что ей необходимо, и ограничивает этим применяемые ею меры, то в остальном она может предоставить своим гражданам значительную свободу в их жизни и волеизъявлении; при этом государственная власть, которую правительство в качестве необходимого для государства средоточия концентрирует в своих руках, не вызывает неудовольствия отдельных, находящихся на ее периферии, граждан, когда она предъявляет им требования, необходимость которых для целого очевидна каждому; она не подвергается опасности, неизбежной, когда действительно необходимое и в той или иной степени произвольное находятся в исключительном ведении центральной государственной власти, с одинаковой строгостью контролируются правительством; тогда подданные также перестают различать эти две сферы и, испытывая одинаковое раздражение по отношению к обеим, ставят под угрозу государство в сфере того, что для него необходимо.

К тому аспекту государства, который принадлежит к сфере случайности, следует отнести характер государственной власти в высшей точке ее концентрации. Осуществляется ли эта власть одним человеком или несколькими, принадлежит ли она этому одному или этим нескольким по праву рождения или в результате избрания — все это в свете того единственно необходимого, которое превращает массу людей в государство, безразлично. Столь же безразлично, как и гражданское равноправие или неравноправие отдельных лиц, подчиненных общей государственной власти. Мы совершенно не касаемся здесь неравенства природных свойств, талантов и душевной энергии, неравенства, которое создает значительно большее разли-

чие, чем неравенство в сфере гражданских отношений. То обстоятельство, что среди подданных государства есть крепостные, горожане, свободные дворяне и князья, которые в свою очередь также имеют подданных, что сами отношения этих отдельных сословий даже в качестве политических звеньев существуют не в чистом виде, а в бесчисленных модификациях, столь же мало препятствует превращению массы людей в государство, как и то, что отдельные географические области образуют провинции, отличающиеся по своему месту в сфере внутреннего государственного права.

Что касается собственно гражданских законов и отправления правосудия, то единство закона и судопроизводства столь же мало способствовало бы превращению Европы в одно государство, как единство мер, веса и денежных единиц; различие же между ними не устраняет единства государства. Даже если бы из самого понятия государства не следовало, что конкретные определения правовых отношений отдельных лиц в сфере собственности не входят в круг интересов государственной власти, — ей надлежит только определить отношение собственности к государству, — то мы могли бы увидеть это на примере почти всех европейских государств; в наиболее могущественных странах, тех, которые действительно являются государствами в подлинном смысле слова, безусловно, отсутствует единство закона. В дореволюционной Франции было такое многообразие законов, что, помимо римского права, действовавшего во многих провинциях, в ряде других господствовало бургундское, бретонское и т. д.; и едва ли не каждая провинция, едва ли не каждый город имели свои особые законы, что дало одному французскому писателю основание сказать: тот, кто путешествует по Франции, меняет законы так же часто, как почтовых лошадей.

Таким же внешним для понятия государства обстоятельством является то, какая особая власть или какое соотношение различных сословий или граждан издает законы, а также характер судов — замещаются ли должности в различных судебных инстанциях по наследству, по распоряжению верховной власти, в силу свободного решения граждан или самих судебных инстанций, — размер оп-

ределенных судебных округов, способ образования определенных округов — сложились ли они по воле случая, — наличие общей верховной инстанции для всего государства и т. д.

Столь же независима от государства и форма управления вообще, которая может быть самой разнообразной, а также устройство магистратов, права городов и сословий и т. д. Все эти обстоятельства имеют для государства лишь второстепенное значение, для его подлинной сущности форма их организации безразлична.

Неравенство податей, взимаемых с различных классов в зависимости от их материального благосостояния, и еще в большей степени неравенство идеального характера, а именно неравенство прав и обязанностей и их происхождения, обнаруживается во всех европейских государствах. Так же как государству не наносит никакого ущерба возникающее из имущественного неравенства неравенство доли участия граждан в государственных расходах, более того, на нем зиждется государственное устройство нового времени, его не затрагивает и неравенство вкладов различных сословий — знати, духовенства, горожан и крестьян; причиной этого неравенства независимо от всего того, что именуется привилегиями, является различие сословного характера; ведь соотношение налогов не может быть определено существенной стороной отдаваемой государству доли, т. е. трудом, — он не может быть исчислен и сам по себе неравен — это соотношение может быть определено только по продукту труда.

Все остальные случайные обстоятельства: обременены ли различные по своему географическому положению части государства различными налогами, подвержены ли налоги изменениям и подчиняются ли они системе субординации, получает ли с одного и того же участка город поземельный налог, частное лицо — арендную плату, аббатство — десятину, имеет ли там дворянин право охоты, а община — право пасти скот и т. д., составляют ли различные сословия и корпорации всех видов особые группы в системе налогов — все эти случайности остаются вне понятия государственной власти; в качестве центра она заинтересована только в определенном количестве поступающих налогов, а их неравномерное поступление и проис-

хождение ее не интересует. Государство может вообще оставить вне сферы своего внимания всю систему налогообложения, не поступаясь при этом своим могуществом наподобие того как это было при прежней ленной системе, когда вассал в случае необходимости сам, неся свою личную повинность, заботился обо всем, что ему необходимо для службы государству, а источником для прочих государственных расходов служили доходы с доменов; можно даже допустить, что таким образом расходы могли бы быть вообще полностью покрыты без того, чтобы государство даже в качестве финансовой мощи составляло центр поступления податей, как в новое время, но пользовалось бы тем, что оно получает в виде податей, так же как это делают другие обладатели особого права, являющиеся по отношению к государству частными лицами.

В наше время отдельные части государства могут быть очень мало связаны или даже совершенно различаться по своим нравам, образованию, языку; подобное единство — в прошлом основа объединения народа — должно быть теперь отнесено к тем случайностям, которые не препятствуют тому, чтобы масса людей составляла государственную власть. Рим, Афины, а также любое маленькое современное государство не могли бы существовать, если бы там говорили на стольких языках, как в Российской империи, а нравы были бы столь различны, как в названном государстве, или составляли бы такое многообразие, как нравы и культура в столице любой большой страны. Различие языка и диалектов, причем последнее обстоятельство раздражает и разъединяет людей в большей степени, чем полное непонимание, различие отдельных сословий по своим нравам и образованию, в результате чего принадлежность людей к одному народу едва ли не распознается только по их внешнему облику, подобная гетерогенность важнейших элементов может быть преодолена и сведена воедино — в расширившей свои границы Римской империи это было осуществлено могуществом власти, в современных государствах — силою духа и действенностью государственной организации; тем самым различие в образовании и нравах становится не только необходимым следствием, но и обязательным условием существования современных государств.

В современных государствах может отсутствовать даже единая религия, хотя именно в религии находит свое выражение сокровеннейшая сущность человеческого бытия, и люди, даже если все другие, внешние и разбросанные вещи оставляют их равнодушными, ощущают в этом едином центре прочность объединяющих их уз и способность возвыситься во взаимном доверии и уверенности друг в друге над неравенством и неустойчивостью отношений и условий.

Даже в менее пылкой Европе единство религии всегда было основным условием существования государства. Ни о чем другом не помышляли, и без этого главного единства не представлялось возможным какое-либо иное единство или доверие. Временами эти узлы достигали такой степени интенсивности, что внезапно объединяли обычно чуждые или даже разъединенные национальной враждой народы в одно государство; и это государство, выступая не только в качестве священной христианской общины или коалиции, чьи совместные действия продиктованы общностью интересов, но и в качестве единой светской власти, в качестве государства, одного народа и одной армии, завоевало в войне с Востоком обитель как своей вечной, так и своей временной жизни.

Так же как до и после этого времени единство религии не служило препятствием для войн между разъединенными народами и не связывало их в единое государство, и в наше время различие религии не разрывает государство на отдельные части. Государственная власть в качестве чистого государственного права сумела отделиться от власти религии и ее права и настолько упрочиться, что перестала нуждаться в церкви; отделив ее от себя, она вернула церкви положение, которое та занимала в начальной стадии своего существования в римском государстве.

Правда, в соответствии с государственными теориями, которые в наши дни разрабатываются так называемыми философами и провозвестниками прав человека или реализуются в виде грандиозных политических экспериментов, все то, что мы исключили из необходимого понятия государственной власти (кроме самого главного — языка,

культуры, нравов и религии), подчинено непосредственной деятельности государственной власти, причем так, что государственная власть полностью определяет все эти стороны жизни и регулирует их вплоть до мельчайших деталей.

Не подлежит сомнению, что высшая государственная власть должна осуществлять верховный контроль над вышеперечисленными сторонами жизни народа и его сложившимися по воле случая или древнего произвола институтами, не позволяя им препятствовать осуществлению главных функций государства и обеспечивая в первую очередь эти функции, а в случае необходимости не щадить для этого второстепенные по своему значению системы прав и привилегий; однако большим преимуществом древних государств Европы является то, что государственная власть может, обеспечив удовлетворение своих необходимых потребностей, предоставить своим подданным известную свободу действий в ряде областей судопроизводства, управления и т. д., оставляя в их ведении как назначение должностных лиц, так и решение текущих дел и соблюдение законов и обычаев.

В современных больших государствах невозможна реализация идеала, согласно которому каждый свободный человек участвует в обсуждении и определении всех государственных дел. Государственная власть должна быть сосредоточена в одном центре, который принимает необходимые решения и в качестве правительства следит за проведением их в жизнь. Если этот центр сам по себе прочен вследствие уважения к нему народов, если его устойчивость освящена личностью монарха, предназначенного для своего сана в силу естественного закона и по праву рождения, то государственная власть может без какого-либо опасения и боязни соперничества свободно предоставить ведению подчиненных ей систем и институтов значительную долю тех отношений, которые складываются в обществе, и контроль над тем, чтобы они соответствовали законам; тогда каждое сословие, каждый город, каждая деревня и т. д. смогут свободно совершать и осуществлять все то, что находится в сфере их непосредственной деятельности.

Подобно тому как законы такого рода постепенно воз-

никли непосредственно из обычаев в виде освященного временем установления, так и правовое устройство, институты низшей юрисдикции, права горожан в этой сфере — право городского управления, взимания налогов как общих, так и необходимых для самих городов и законное их использование — все относящееся к этой области сложилось под действием внутренних сил, самостоятельно достигло развития и, однажды возникнув, сумело сохраниться.

Сложная организация церковных учреждений также ни в коей мере не была создана верховной государственной властью, и все духовное сословие само сохраняет себя и преобразует свой состав, используя в большей или меньшей степени внутренние возможности. Крупные суммы, ежегодно затрачиваемые большим государством на помощь бедным, и связанные с этим разветвленные учреждения, охватывающие все области страны, складываются не из установленных государством палатов и не по государственному распоряжению содержится и функционирует эта система. Вся совокупность владений и доходов, относящихся к этой области, состоит из благотворительных фондов и пожертвований отдельных лиц, и вся система в целом, ее управление и функционирование, не зависит от верховной власти государства; подобно тому как большая часть общественных институтов сложилась внутри каждого круга потребностей на основе свободной деятельности граждан, длительность их существования и жизнеспособность сохраняются столь же свободно, без каких-либо помех со стороны государственной власти, вызванных боязнью соперничества или какими-либо иными опасениями: правительство выступает только тогда, когда необходимо либо защитить их, либо ограничить рост той области, которая в силу своего чрезмерного развития неминуемо будет мешать процветанию других необходимых видов деятельности.

Между тем в новых, частично реализованных теориях господствует предубеждение, согласно которому государство рассматривается как машина⁷, весь бесконечно сложный механизм которой приводится в действие одной пружиной; все учреждения, связанные с самой природой общества, должны, согласно этим теориям, создаваться

государственной властью, регулироваться ею, преобразовываться в соответствии с ее приказами и подвергаться ее контролю.

Стремление педантично определять все детали, это лишенное подлинной свободы посягательство на управление всеми делами сословий, корпораций и т. д., эта неблагородная придирчивость по отношению ко всякой самостоятельной деятельности граждан, если только она имеет какое-либо отношение даже не к государственной власти, а просто к вопросам общего значения,— все это облекается в разумные принципы; согласно этим принципам, ни один геллер из сумм, отведенных в стране с 20—30-миллионным населением на помощь бедным, не может быть израсходован не только без разрешения высших правительственных инстанций, но и без их прямого распоряжения, контроля и проверки. Заботясь о воспитании, создатели этих теорий требуют, чтобы назначение каждого сельского учителя, трата каждого пфеннига на оконное стекло в школе или в помещении деревенского совета, назначение каждого писаря и судейского служащего, каждого деревенского судьи происходило по прямому указанию и под непосредственным воздействием высших правительственных инстанций; и все, что производит земля в государстве, должно двигаться ко ртам подданных единым путем, расследованным, рассчитанным, проверенным и установленным государством, законом и правительством.

Здесь не место подробно останавливаться на том, что центральной государственной власти, правительству, надлежит предоставлять своим подданным свободу во всем том, что не относится к прямому ее назначению — к организации власти и ее сохранению, что не связано с внешней и внутренней безопасностью, что не может быть более священной для правительства обязанности, чем предоставление гражданам свободы в такого рода вопросах и их защита, независимо от каких бы то ни было соображений утилитарного характера, ибо эта свобода священна сама по себе.

Что же касается полезности всего этого, если мы захотим обратиться к исчислению тех преимуществ, которые дает государству самоуправление граждан посредст-

вом особых учрежденных для этой цели органов, отправление ими правосудия в своих судах, назначение ими местных должностных лиц и т. п., — то в этом вопросе можно руководствоваться тремя соображениями: во-первых, можно исходить из наиболее осязаемых соображений денежного характера, т. е. из той материальной выгоды, которую получит тем самым государственная власть; во-вторых, стремиться прежде всего к созданию безупречной государственной машины, равномерно работающей в соответствии с тщательно продуманным планом и мудро предусмотренной целью; в-третьих, сообразоваться с жизненной неспособностью институтов, с духовной удовлетворенностью, ощущением свободы и чувством собственного достоинства граждан, проистекающих из участия в общих делах государства в той мере, в какой эти дела, с точки зрения верховной власти, носят случайный характер.

В первом случае, где речь идет о непосредственно ощутимой выгоде, государство, организованное по принципу единой машины, совершенно уверено в том, что обладает безусловными преимуществами по сравнению с тем государством, которое в значительной степени предоставляет своим подданным право принимать решения по частным вопросам и проводить их в жизнь. Следует, однако, заметить, что государство первого типа не может обладать какими-либо финансовыми преимуществами, разве только оно прибегнет к высоким налогам. Подчиняя себе все области управления, судопроизводства и т. д., оно берет на себя и все тяготы расходов, которые при организации целого в виде всеобщей иерархии должны быть в свою очередь покрыты посредством введения постоянных налогов; напротив, государство, которое передает заинтересованным в местных делах кругам населения вместе с учреждениями, регулирующими сферу случайного и единичного, — отправление правосудия, расходы по воспитанию, по оказанию помощи неимущим и т. д. — связанные с ними затраты, достигает покрытия этих расходов без введения налогов. Тот, кто нуждается в судье, делопроизводителе, воспитателе или по собственному побуждению заботится о бедных, платит здесь сам; налогов нет, никто не оплачивает суд, поверенного, воспитателя или духовника, в которых он не нуждается; тот

же, кто избирается своими согражданами для замещения низших административных или судебных должностей, в чье ведение передаются дела города или корпораций, видит возмещение своих трудов в самой оказанной ему чести, тогда как от государства он потребовал бы оплаты своей деятельности, так как не считал бы ее для себя делом чести. Оба эти обстоятельства, даже если допустить, что первое требует от населения больших затрат (а это маловероятно), приводят к следующему: в одном случае люди не расходуют деньги на то, что им не нужно, если оно не является необходимым для государства в целом, в другом — достигается реальная экономия; и в обоих случаях народ либо ощущает, что предъявляемые к нему требования разумны и необходимы, либо ценит предоставленную ему свободу и оказанное доверие; последнее обстоятельство составляет главное различие между названными выше соображениями второго и третьего типа.

Механическая, осмысленная и подчиненная благородным целям иерархия ни в чем не проявляет доверия к гражданам и не вправе, следовательно, рассчитывать на доверие с их стороны. Она уверена только в том, что совершается по ее прямому приказу и под ее наблюдением и отвергает тем самым добровольные дары и жертвы своих подданных, не скрывает ни своей презрительной уверенности в их безрассудстве и неспособности судить и действовать себе на благо, ни своей убежденности во всеобщем бесстыдстве; поэтому она и не может уповать на какую-либо живую деятельность своих подданных, на то, что обретет опору в их чувстве собственного достоинства.

Это различие между двумя типами государственного устройства столь велико, что оно не может быть постигнуто теми государственными деятелями, которые привыкли принимать во внимание только то, что может быть выражено в определенных цифрах: для государства одного типа характерны благосостояние, благополучие, порядочность и довольство подданных; для другого — тупое безразличие, постоянные переходы от низости к наглости, нищета; и в наиболее серьезных обстоятельствах, когда на поверхность выступает лишь случайная сторона событий, именно это различие в государственном устройстве определяет эту случайность и делает ее необходимой.

Громадная разница заключается в том, направлено ли стремление государственной власти на то, чтобы держать в своих руках все, на что она может рассчитывать,— именно поэтому ей тогда больше рассчитывать не на что,— или же она может, помимо находящегося в ее руках, рассчитывать и на свободную приверженность своих подданных, на их чувство собственного достоинства и желание служить опорой государству — на могучий неодолимый дух, изгнанный в иерархическом государстве и присутствующий только там, где верховная власть предоставляет все, что только можно, в непосредственное ведение своих подданных. В современном государстве, где все сверху донизу регламентировано, где все, имеющее какое-либо общее значение, изъято из ведения и деятельности заинтересованных в этом кругов населения,— наподобие того, что мы обнаруживаем во французской республике — постепенно сложится нудная, лишенная духовности жизнь; это нам покажет будущее, если, конечно, такой тип педантичного господства будет сохранен. Но какая неплодотворность и закостенелость царит в жизни другого, столь же регулируемого государства, государства прусского, становится очевидным каждому, кто войдет в первую же его деревню, кто увидит, насколько в Пруссии отсутствуют какие бы то ни было проявления таланта в науке и искусстве, кто, оценивая силу этой страны, отвлечется от той эфемерной энергии, которую сумел на время вдохнуть в нее один гениальный человек⁸.

Мы, следовательно, не только различаем в государстве, с одной стороны, необходимое, что должно находиться в непосредственном ведении государственной власти и только ею определяться, с другой — безусловно необходимое связанному в общество народу, но для государственной власти как таковой относящееся к области случайного, но и считаем счастливым тот народ, которому государство предоставляет значительную свободу деятельности в вопросах общего характера, не имеющих первостепенного значения для государства в целом; саму же государственную власть, которая может найти поддержку в свободном, лишенном педантизма духе своего народа,— безгранично могущественной.

Следовательно, то обстоятельство, что в Германии не получило реализации ограничивающее свободу требование, согласно которому законы, судопроизводство, утверждение и взимание налогов и т. п., язык, нравы, образование и религия должны находиться в ведении и во власти одного центра, но что в этих сферах царит самое пестрое многообразие, само по себе не препятствовало бы конституированию Германии в единое государство, если бы она обладала иной организацией государственной власти...

ВОЕННАЯ МОЩЬ ГЕРМАНИИ

Сама распространенность военных талантов может служить доказательством того, что эти толпы вооруженных людей не пребывают в бездействии; на протяжении столетий не было между европейскими державами войны, где бы мужество немцев не обрело, если не лавры, то, во всяком случае, почетное признание, где бы не лилась рекою немецкая кровь.

При всей многочисленности населения, военных талантах, при полной готовности правителей Германии проливать кровь своих подданных, при всем богатстве Германии в необходимых для ведения войны материальных ресурсах и живой силе — нет страны более беззащитной, более не способной не только к завоеваниям, но и к простой самозащите, чем Германия. Даже все ее попытки к обороне, само стремление защитить себя нельзя считать значительными или достойными.

Военная мощь Германии формируется, как известно, из контингентов, поставляемых высшими и низшими условиями. Что касается последних, то эти армии, войска, военные подразделения и как бы их еще ни называть могут быть обычно использованы только в качестве полицейских частей или солдат для парадов, а не в качестве воинов, для которых нет ничего более высокого, чем честь их армии и службы. Военственный дух, заставляющий биться сердце каждого солдата большого войска при словах «наша армия», эта гордость своим положением и службой, которая и составляет душу армии, не может произрастать в сторожевых отрядах имперского

города или лейб-гвардии аббата. Уважение, которое вызывает незнакомый еще воин самой формой одежды большой армии, не распространяется на обмундирование солдата имперского города. Слова «я 20, 30 лет состоял на этой службе», произнесенные самым храбрым солдатом контингента небольшого имперского города, вызывают совсем иное ощущение и впечатление, чем эта же фраза в устах офицера большой армии; ибо чувство собственного достоинства человека и уважение к нему других соразмерны величине целого, к которому этот человек принадлежит; на него падает отблеск той славы, которая в течение ряда веков завоевывалась ратными подвигами армии.

Незначительность мелких войсковых подразделений, вызванную их небольшим составом, не следует еще усугублять неумелостью и рядом неблагоприятных организационных мер. Трудно преувеличить вред, который приносит то, что к началу войны мелкие сословия только начинают вербовать солдат, иногда и назначать офицеров, — другими словами, посылают в сражение необученных людей, что одно сословие поставляет барабанщика, а другое — барабан и т. п., что ввиду многочисленности сословий, посылающих отдельные контингенты, солдаты неодинаково вооружены, обучены и т. п., не знают часто своих офицеров, что каждое сословие имеет, собственно говоря, право самостоятельно поставлять провиант, в результате чего возникают большие беспорядки по службе, перегруженность армии гражданскими лицами и обозом, не говоря уже о ненужных расходах. В соответствии с правовой теорией, к каждому пикету из 20-ти человек различных сословий должны быть прикреплены 20 человек, ведающих провиантом, пекарей и пр. Имперский сословный матрикул составлен несколько веков тому назад, следовательно, совершенно не соответствует более теперешней величине и значению отдельных сословий и поэтому служит постоянным источником недовольств, жалоб и недоимок; в нем упоминаются области, географическое положение которых невозможно определить. Эти и множество других подобных обстоятельств слишком хорошо известны и перечисление их способно вызвать только скуку.

Если незначительность военных сил мелких сословий исчезает при их объединении в имперскую армию, то названные выше и бесчисленное множество других недостатков превращают эту армию в самую недееспособную из всех европейских армий, не исключая даже турецкой; даже самому наименованию имперской армии уготовлена печальная судьба. Если наименования других армий, даже армий чужих стран, вызывают представление о храбрости и грозности, то при одном упоминании в немецком обществе об имперской армии все лица оживляются, начинают сыпаться всевозможные шутки и каждый выворачивает на забаву общества весь запас своих анекдотов на эту тему. И если немецкий народ считают склонным к серьезности и неспособным к восприятию смешного, то забывают, вероятно, о фарсах, именуемых имперскими войнами, которые разыгрываются со всей внешней серьезностью при самом подлинном внутреннем комизме.

Несмотря на то что организация имперской армии со всеми протекающими отсюда последствиями несколько не изменилась к лучшему, желание немцев смеяться над ней уменьшилось вместе с пониманием всей глубины беды и позора Германии; и только благодаря тому, что при создавшемся положении в последней войне был принят ряд мер, противоречивших букве закона и конституции, например, в области снабжения армии провиантом, эти войска принесли некоторую пользу.

Еще больший вред, чем все перечисленные недостатки в организации имперской армии, заключается в том, что армия эта по существу никогда полностью не собиралась; и это с наибольшей очевидностью свидетельствует о распаде Германии на отдельные независимые государства.

Теоретически, согласно основным законам, имперская армия могла бы олицетворять собой грозную силу; однако практика, этот могущественный принцип немецкого государственного права, свидетельствует о совершенно ином. И если мы часто видим на полях сражения огромную массу немецких солдат, то не может быть никакого сомнения в том, что они не сражаются в качестве имперской армии, не защищают Германию, а раздирают ее на части. То, что именуется германской конституцией,

не только не способно предотвратить подобные войны, но дает им санкцию права и закона.

Еще меньше значение немецкой армии, когда она выступает для защиты Германии, ибо если каждый из пяти контингентов — Бранденбурга, Саксонии, Ганновера, Баварии и Гессена — уже сам по себе образует войско, а все вместе они составляют огромную армию, внутри которой потонула бы неумелость включенных в нее небольших контингентов, то вся беда заключается в том, что они подчинены совсем не законам Германии, а их содействие ее защите столь же ненадежно и случайно, как содействие армии любой другой державы.

Что касается больших контингентов, то империя не может рассчитывать ни на их установленную законом силу, ни на то, что они вообще будут поставлены; не исключено также, что сословие, пославшее контингент, не заключит в разгар войны, в самый опасный ее момент, сепаратный договор о нейтралитете и мире с врагом империи, предоставив сражающиеся войска других сословий их собственной слабости и сокрушающей силе врага. (К названным контингентам мы не причисляем Австрию, ибо император в качестве монарха других государств вынужден из-за слабости и ненадежности имперской армии усиливать австрийский контингент значительно больше, чем того требуют его сословные обязательства, невольно предоставляя Германии возможность пользоваться плодами усилий, прилагаемых властью иного происхождения.)

Несмотря на то что в имперских законах право сословий заключать союзы с иностранными державами и делать выбор между чужими странами и Германией ограничено оговоркой⁹, «поскольку подобные союзы не противоречат обязанностям по отношению к императору и империи», на практике эта оговорка стала в качестве правового положения носить неопределенный характер или совсем устраняться; причем это касается не только совершаемых действий: сами решения сословий, принятые в рейхстаге, могут сводиться к тому, что заключенные ими союзы не позволяют им принимать участие в формировании имперских контингентов и вносить свой вклад в ведение войны.

Отказ наиболее значительных сословий участвовать в общей защите вызывает у остальных ощущение беспомощности, которое побуждает их также уклоняться от грозящих им бед и опасностей и тем самым и от своих обязательств перед государством. Да и странно было бы действительно требовать, чтобы они полагались на защиту, которая, как всему миру известно, никого не защищает, участвовали бы в защите, которую, разрешая заключение сепаратных договоров, отвергают законы и право. При таких обстоятельствах более слабые сословия неизбежно ищут защиты у более сильных, которые к тому же находятся в дружественных отношениях с врагом, и тем самым способствуют еще большему сокращению общих сил: могущественные же сословия выигрывают не только от того, что им не приходится затрачивать усилия, но получают за свою пассивность определенные преимущества от врага; ослабляя армию и лишая ее тех, кого они вынудили перейти под их защиту, они извлекают пользу и из подопечных как возмещение за эту защиту.

Если оказывается, что ряд больших контингентов действительно объединился, то неопределенность их положения и неуверенность по поводу того, что они не будут отозваны, служит препятствием для совместной деятельности. Отсутствует свободная диспозиция этих воинских частей, необходимая для уверенного проведения стратегического плана, и для реализации плана не только похода, но даже отдельных операций, не столько даются приказы, сколько ведутся переговоры. Дело не обходится без подсчетов, не слишком ли часто посылают в бой контингент одного сословия, тогда как других щадят, нарушая этим равноправие,— в армиях же других государств спорят обычно за право занимать в бою наиболее опасное место, а неудовольствие возникает из-за недостаточного использования в сражениях.

Соперничество между отдельными воинскими отрядами, рассматривающими себя как отдельные нации, постоянная возможность того, что они в критический момент уйдут с поля сражения,— все это неизбежно приводит к тому, что значительная по своей численности и военному составу имперская армия не может достигнуть необходимых результатов.

Военная слабость Германии не является следствием трусости и военной непригодности ее подданных или незнания тех современных методов ведения войны, которые являются столь же необходимым условием победы, как личная храбрость: имперские контингенты проявляют при малейшей возможности величайшую храбрость и готовность к самопожертвованию, доказывая, что они достойны своих предков и прежней военной славы Германии; но из-за характера организации целого и общего распада все усилия и жертвы как отдельных людей, так и отдельных подразделений оказываются тщетными, заранее обреченными на неудачу; над ними как бы тяготеет проклятие, уничтожающее все плоды их стремлений и уподобляющее их землепашцу, засеивающему море или вспахивающему скалу.

ФИНАНСЫ

В таком же состоянии, как военные силы немецкого государства, находятся и его *финансы*; между тем, после того как в европейских государствах в большей или меньшей степени была уничтожена ленная система, финансы стали существенной частью того могущества, которым должна непосредственно располагать верховная государственная власть.

По отношению к той крайности финансового устройства, когда каждый расход, совершаемый государственным должностным лицом, вплоть до рядового деревенского судьи, стряпчего или еще менее значительных служащих, любая трата для удовлетворения общественных потребностей, даже если она ограничена рамками деревни, а также каждый вид доходов, которые сначала в качестве налогов поднимаются до вершины государственной власти, а затем, возвращаясь в качестве государственных расходов, проникают во все мельчайшие разветвления общественной деятельности, проходят через всю совокупность законов, декретов, расчетов и чиновников, причем ни одна коллегия этих чиновников не составляет высшего ведомства по какому-либо кругу вопросов,— по отношению к этой крайности отсутствие финансовой системы в Германии составляет другую крайность.

Важные вопросы государственного характера и проблемы, связанные с установлением наиболее справедливых и наименее разорительных, равномерно распределенных между сословиями налогов, с государственным долгом, кредитом, — подобные и иные вопросы такого рода, которые в других государствах требуют привлечения наиболее талантливых людей и при совершении какой-либо ошибки имеют роковые последствия, не обременяют Германию. Здесь не только отсутствует всякое вмешательство государства в публичные расходы — деревня, город, цех и т. д. сами ведают своими финансовыми делами, правда, под общим контролем, однако не по прямому приказу государства, — но и вообще не существует организации финансов, которая отражала бы непосредственные интересы государственной власти.

Постоянные финансы Германии ограничиваются по существу *камеральными налогами*, уплачиваемыми сословиями для содержания имперского суда. Они очень просты, и, для того чтобы весть ими, не требуется Питт¹⁰.

Регулярные расходы, связанные с существованием другого высшего суда империи, полностью падают на императора. В новое время была предпринята попытка основать для покрытия такого рода расходов фонд посредством распродажи возвращенных имперских ленов.

Даже по поводу единственного финансового мероприятия, имперского налога, раздаются постоянные жалобы на то, что этот налог нерегулярно поступает; для характеристики немецкого государственного устройства показательна та причина, по которой Бранденбург не платит повышенные налоги, декретированные рейхстагом несколько лет тому назад: обосновывается это неуверенностью в том, обязательно ли для члена рейхстага решение большинства в таком вопросе, как участие в покрытии государственных расходов. Там, где высказывается подобное сомнение, отсутствует то, что составляет государство, а именно — единство по отношению к государственной власти.

Соответственно принципу ленного устройства *контингенты* войск оплачиваются и снабжаются всем необходимым самими сословиями. Уже выше было упомянуто, что в последней войне крайняя необходимость побудила ряд

сословий отказаться от этого предоставляемого им права и найти удачный выход в частном соглашении с главой империи по поводу совместной поставки провианта; и мелкие сословия также не воспользовались на этот раз своим правом самим посылать солдат на поле боя; они вошли в соглашение с более крупными сословиями, по которому последние заботились о формировании требуемых с мелких сословий контингентов. Из этого следует, что если здесь и мерцает некая возможность замены предоставляемых сословиями контингентов и всего для них необходимого денежными суммами, поступающими в общий центр, который берет на себя все дела и распоряжения, если это и можно рассматривать как начальную стадию в процессе преобразования единичных, по существу едва ли не личных повинностей, в подлинно государственную структуру военного дела и финансов, как передачу названных областей в ведение верховного главы государства, посредством чего только и может реализовать себя понятие государства, то все это либо касается незначительных сословий, либо является делом преходящего случая.

Что касается расходов, относящихся к тем сторонам современной войны, которые не исчерпываются поставкой солдат, расходов, охватываемых понятием *римских денег*, то с ними дело обстоит так же, как с поставкой контингентов. По подсчетам кассы военных операций Германской империи оказалось, что поступило около половины утвержденной суммы. В течение последних месяцев войны до открытия Рапштатского конгресса в официальных сообщениях о наличии кассы называлась сумма в 300, 400 гульденов; и если в других государствах наличные фонды главной военной кассы не предаются гласности, особенно если они столь незначительны, то это сообщение не оказало влияния ни на военные операции врага, ни на его попытки заключить мир с Германской империей.

Одни и те же принципы лежат в основе того, что решения большинства не имеют обязательной силы для меньшинства (ввиду иных обязательств можно не платить римские деньги в размере, установленном большинством) и применительно к военным обязательствам сословий.

Если когда-либо в области финансов и наблюдалось действие своего рода государственной власти, что находило свое выражение в *имперских пошлинах*, налогах имперских городов и т. п., то подобные времена были настолько далеки от идеи государства и понятия всеобщего, что эти доходы рассматривались как частная собственность императора; император мог продавать эти доходы и, что уже совершенно невероятно, сословия могли их покупать или превращать в не подлежащий последующему выкупу залог; подобно этому и непосредственная государственная власть покупалась или принималась в виде залога — более яркое проявление варварства в народе, образующем государство, трудно себе представить.

Нельзя, впрочем, отрицать, что время от времени ощущалась потребность создать в Германии государственные финансы и что высказывались предложения по вопросу об образовании источников доходов для империи как государства. Однако поскольку сословия отнюдь не стремились к тому, чтобы учредить финансовую власть такого рода посредством налогового законодательства, ибо тем самым возникло бы нечто, напоминающее государственное учреждение, то потребовалось решить двоякую задачу — создать постоянный государственный фонд и не обременить, ничем не связать сословия. Последнее соображение было наиболее серьезным, а все то, что относилось к целому, было не более чем благое пожелание (за подобными пожеланиями, высказанными в сверхпатриотических тонах и выражениях, обычно скрывается глубокое внутреннее равнодушие и уж, безусловно, твердая решимость ничем не поступиться для осуществления этих пожеланий); нет никакого сомнения в том, что если в момент, когда империя занята устройством своих финансов, нашелся бы человек, который в среде добрых немецких граждан высказал бы пожелание, чтобы в Германии возвысилась гора золота, и чтобы каждый дукат, отчеканенный из этого золота и не использованный при первой же трате на благо империи, сразу же превратился в воду, что подобный благожелатель был бы объявлен величайшим из всех когда-либо существовавших немецких патриотов, ибо ощущение, что тем самым ничего не

придется платить, возникло бы раньше, чем понимание, что при осуществлении подобного пожелания ни один тфенниг не поступит в имперскую казну; если же подобное понимание все-таки осенило бы имперских граждан, то они обнаружили бы, что высказано лишь то, к чему они, невзирая на их разглагольствования, по существу стремились.

Оставляя это в стороне, следует указать, что прежние рейхстаги изыскивали для подобного фонда не идеальные, фантастические источники, а действительно существующие земли, т. е. реальности, способные без каких-либо жертв со стороны сословий покрыть государственные расходы, подобно тому как охотники того времени оплачивали свои счета не вымышленным, а вполне реальным медведем.

Несколько столетий назад вышел закон, согласно которому для создания имперского фонда предназначаются все земли, которые когда-либо отошли к другим государствам, *если* Германская империя вновь завоюет их; и если в ходе войн создавалась возможность вновь присоединить эти земли к империи, то последней всегда удавалось потерять еще большее количество земель, увеличив тем самым имперский фонд. Поэтому и потерю левого берега Рейна следует рассматривать в благоприятном свете, поскольку и эта утрата может служить путем к созданию имперского финансового фонда.

Если подобные, вполне основательные для своего времени идеи (причем нет никакого сомнения в том, что и теперь немецкий ученый в области государственного права, которому укажут на катастрофическое положение немецких финансов, безусловно, сошлется, настаивая на совершенстве и этой области немецкого государственного устройства, на плодотворность описанного нами метода), если подобные идеи еще способны в данной политической ситуации Европы и Германии породить в душе немцев надежду, основанную на их сангвиническом характере, то при серьезном рассмотрении вопроса, обладает ли Германия в настоящее время той мощью, которая в наше время является непременным атрибутом государства, мощью финансовой, эти идеи не могут быть приняты в расчет.

Некогда, если какое-либо сословие несло государственные расходы не в войне с чужеземным государством, а при подавлении мятежа восставшего и объявленного вне закона сословия, существовал особый способ возмещения этих общих расходов тому, на кого они пали. Если, например, решения по объявлению вне закона и другие распоряжения имперских судов действительно *выполнялись*, что не всегда случалось, то издержки падали на побежденную партию, конечно, в том случае, если эта победа была не только юридической, но и фактической. В Семилетней войне¹¹ имперское экзекуционное войско не получило возмещения убытков, несмотря на затраченные им усилия. Этот способ оплачивать расходы по выполнению судебных решений служил в прежние времена мощным стимулом действий и в ряде случаев позволял действительно провести в жизнь подобные приговоры, поскольку сторона, исполняющая решения, могла без каких-либо дополнительных санкций или исчислений захватить земли побежденной стороны; именно таким способом к Швейцарии была присоединена большая часть владений Габсбургского дома, к Баварии — Донауверт и т. д.

Масса людей, которая вследствие распада военных сил и недостатка в финансах не сумела создать государственную власть, не способна и сохранить свою независимость перед лицом внешнего врага. Такая страна неизбежно, если не сразу, то постепенно, станет свидетелем уничтожения своей независимости, в войне ее ждут грабежи и опустошения, на нее падут все военные издержки друзей и врагов, ее провинции будут захвачены иностранными державами; поскольку же государственная власть над отдельными ее частями будет уничтожена, а верховное владычество над вассалами утеряно, она превратится в конгломерат суверенных государств, которые в качестве таковых строят свои взаимоотношения на силе и хитрости, — более сильные из них расширяются, поглощая более слабых, и в свою очередь оказываются беспомощными перед могущественной державой.

ИМПЕРСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Земли, которые Германская империя теряла в течение ряда веков, составляют длинный, грустный список. Специалисты в области государственного права вынуждены заниматься описанием лишенных всякого содержания и значения признаков — в качестве инсигний того, что было, — и притязаний; отчасти это объясняется тем, что законы государства и организация государственной власти полностью потеряли свое значение и дают либо весьма незначительный материал для исследования, либо вообще его не дают; отчасти же тем, что эти притязания вызывают состояние умиротворяющей растроганности, подобное тому, которое заставляет обедневшего аристократа хранить портреты своих давно умерших предков, — преимущество подобного утешения заключается в том, что его никто не нарушает и на него никто не посягает. В такой же мере, как эти портреты не способны обеспокоить своими возражениями теперешних владельцев их рыцарских поместий, и государственно-правовые притязания Германской империи не могут вызвать опасения какого-либо серьезного протеста ни у одного министра — оба они, и аристократ, и ученый, в области государственного права могут спокойно предаваться своим невинным и безобидным развлечениям.

Специалистам по государственному праву, которые находят удовлетворение в обосновании притязаний Священной Римской империи германской нации на Венгрию, Польшу, Пруссию, Неаполь и пр., можно указать на то, что эти права и политически несостоятельны, ибо принадлежат не Германской империи как таковой, а римской императорской власти и являются достоянием главы всего христианского мира и владыки всех стран: римский император и король Германии, разделенные в титуле, различны и по существу. Ни интересам, ни воле Германской империи (а впоследствии и ее силе) не отвечает посягательство на то, что являлось прерогативой верховной власти императора, на подобное противоестественное объединение стран, далеких от нее как по своему географическому положению, так и по характеру заселяющих их народов, тем более что империя не хотела и не могла

сохранить даже те земли, которые являлись ее составной частью.

Следы связи с Ломбардским королевством сохранились вплоть до последнего времени; однако считать его существенной частью собственно немецкого государства нельзя, хотя бы по одному тому, что оно было самостоятельным королевством, а что касается прав имперских сословий, предоставленных некоторым его землям, то они уже давно потеряли свою силу.

Если обратиться к землям, действительно входящим в состав Германской империи, обладающим правами имперских сословий и эти права осуществляющим, то почти каждая война, которую вела империя, завершалась потерей ряда этих земель.

Подобная потеря может быть двойкой: помимо действительного подчинения немецких земель чужой власти и полного отпадения их от империи, отказа от всех своих прав и обязанностей по отношению к ней, потерей этих земель для государства следует считать и то состояние, когда многие земли внешне сохраняют все прежние правовые обязательства по отношению к императору и империи, но получают князей, которые, становясь членами империи или продолжая ими состоять, одновременно являются монархами независимых государств. Именно это обстоятельство, которое как будто не может быть отождествлено с потерей и внешне все оставляет без изменений, подорвало самые основы государственного единства, поскольку такие земли по существу обрели независимость от государственной власти.

Если обращаясь к событиям давнего времени, мы дадим лишь краткий обзор того, как начиная с Вестфальского мира складывалось бессилие Германии и формировалась ее неизбежная судьба, выразившаяся в ее взаимоотношениях с другими странами; речь может, конечно, идти только об утрате Германией земель по мирным договорам, ибо ущерб, нанесенный войной, остается неизмеримым.

По Вестфальскому миру Германская империя лишилась не только всякой связи с Объединенными провинциями Нидерландов, но и с Швейцарией, независимость которой давно уже существовала в действительности, теперь же была признана и формально; здесь шла речь о

потере не владений, а притязаний, самой по себе незначительной, но для Германской империи чрезвычайно важной — ведь она неоднократно демонстрировала, насколько химерические притязания и права, лишённые всякой реальности, для нее важнее действительного владения.

Так, теперь Германия формально уступила Франции епископства Мец, Туль и Верден, потерянные ею уже сто лет тому назад. Реальной потерей для империи была уступка ландграфства Эльзас, поскольку оно принадлежало Австрии, и имперского города Бизанц, который отошел к Испании.

Эти земли порвали всякую связь с Германией, однако значительно большее количество земель, юридически и теоретически сохранивших свою зависимость от империи, на практике скоро отделились от нее, поскольку их князья были одновременно монархами других стран. К Швеции отошла западная и часть восточной Померании, Бременское архиепископство, епископство Верден и город Висмар. К бранденбургскому маркграфу, герцогу, а впоследствии королю Пруссии — Магдебургское архиепископство, епископства Хальберштадт, Каммин и Минден.

Если бы бранденбургский князь и не был одновременно суверенным монархом, то сокращение числа немецких сословий и их объединение имело бы примерно такие же последствия: возникла бы государственная власть, которая могла отказать в повиновении государственной власти Германии и оказать ей то противодействие, которое, будучи разделенной между многими правителями, она оказать не могла. Помимо этих приведенных выше сокращений имперских владений, был потерян еще ряд сословий — Шверин, Рацебург и пр.

Столь же катастрофичным для немецкого государства было то обстоятельство, что после того как чужеземные правители силою или по просьбе отдельных сословий вмешались во внутренние дела Германии, опустошили ее и почти продиктовали ей условия мира, Германская империя сделала их, по этому мирному договору, гарантами своего государственного устройства и внутренних отношений, признав тем самым свою неспособность сохранить себя как государство и обеспечить прочность своего го-

сударственного устройства и предоставив чужим решать в своих интересах ее внутренние дела.

Ослабило государственную власть Германии также предоставление ряду земель права апелляций, а некоторым также право выбора имперского суда, перед которым ответчик готов предстать,—оттягивая свое решение, ответчик еще более задерживает ход судебного дела; и еще в большей степени, чем все это, постановление о том, что при обсуждении в рейхстаге не только вопросов религии (причем таких, которые касаются внешней, чисто светской, ее стороны), но и других вопросов, затрагивающих интересы государства в целом, решение большинством голосов не является обязательным для каждого; а также решение, по которому Германская империя не имеет больше права выкупать свои суверенные права, отданные ею в залог имперским городам, и т. д.

Следующий мирный договор, Нимвегенский¹², заключенный без имперской делегации и исключавший возможность протеста со стороны империи, лишил ее суверенитета над Бургундским графством; ряд областей северной Германии оказались под властью новых правителей, а в южной Германии были изменены оккупационные права Франции в немецких крепостях.

Однако помимо этих потерь, понесенных империей по условиям мирных договоров, здесь обнаруживаются совершенно невероятные, едва ли мыслимые в других странах происшествия: в период нерушимого мира, после заключения Нимвегенского договора, десять имперских городов в Эльзасе и ряд других областей отошли к Франции.

При заключении Рисвикского мира¹³ имперская делегация присутствовала, но к переговорам с иностранными послами не допускалась: ее информировали о самочувствии имперского посла и обращались к ней только для того, чтобы она выразила свое согласие. Этот мирный договор подтвердил передачу Франции названных областей, империи же предоставил крепость Кель; в нем-то и содержалась знаменитая оговорка о религиозных порядках в завоеванных, возвращенных Францией землях, столь занимавшая протестантские сословия и послужившая одной из причин многочисленных бедствий Пфальца.

В баденских мирных переговорах¹⁴ имперская депутация участия не принимала, и этот мирный договор не принес империи особых изменений. Австрии были возвращены Брейзах и Фрейбург.

Это, собственно говоря, последний мир, заключенный Германской империей. Не обнаруживая в хронологической таблице, посвященной истории Германской империи от Баденского мира до Семилетней войны, ни объявления войны, ни заключения мира, можно было бы предположить, что в этот длительный период Германия наслаждалась нерушимым миром; в действительности она по-прежнему была ареной битв и подвергалась опустошениям.

Мирные договоры, заключенные Швецией после смерти Карла XII¹⁵ с Ганновером, Пруссией, Данией и Россией, лишили ее не только того места среди европейских держав, которое она заняла благодаря своему храброму королю, но и ее власти в Германии; однако Германия от этого ничего не выиграла, ибо земли, потерянные Швецией, отошли к немецким князьям, представлявшим собой не меньшую угрозу для единства Германии.

По Венскому миру¹⁶ Германия потеряла только связь с Лотарингией, которая и до этого не была прочной; до ратификации этого мира империей дело не дошло.

В войне за австрийское наследство Германия длительное время служила театром военных действий и подвергалась опустошению. Все наиболее крупные князья империи были втянуты в эту войну, на ее земле сражались армии чужеземных монархов, но Германская империя, невзирая на это, находилась в состоянии нерушимого мира. В этой войне Пруссия — держава, занявшая место Швеции, расширила свои владения.

Значительно бóльшие опустошения принесла Германии, особенно северным ее землям, Семилетняя война. Правда, на этот раз Германская империя в войне участвовала, выполняя функции эзекуционной армии, однако ее враги не сочли нужным признать, что она является воюющей стороной, или заключить с ней мир.

И наконец, Люневильский мир лишил Германию не только многих прав верховного господства в Италии, но и левого берега Рейна и, уменьшив число немецких князей, положил начало процессу дальнейшего сокращения

имперских сословий и превращения отдельных частей государства в грозную силу, противостоящую как государству в целом, так и более мелким сословиям.

Если страна, половина которой занята в войне внутренними дразгами, пренебрегает общими мерами по защите государства и, сохраняя нейтралитет, отдает другую половину во власть врага, она должна быть в ходе войны обескровлена, а при заключении мира раздроблена, ибо сила страны состоит не в количестве ее жителей и солдат, не в плодородии земли и не в величине территории, а в том, как посредством разумного соединения частей в единую государственную власть все это используется для реализации великой цели — совместной защиты.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Германия не образовала государственной власти в области военного и финансового дела и поэтому не может считаться государством, а являет собой лишь конгломерат множества независимых государств, из которых большие независимы и в своих внешних отношениях, а меньшие присоединяются к могущественным союзам; ассоциации же, возникающие время от времени для осуществления какой-либо определенной цели под названием Германской империи, всегда носят частный характер, заключаются по желанию самих союзников и лишены всех тех преимуществ, которые создают коалиции держав. Ибо в подобных коалициях — пусть они даже непродолжительны или в ряде случаев, например, в военное время, не оказывают такого воздействия и не ведут к столь очевидному успеху, как при концентрации всей власти в одних руках, — разумно применяются все необходимые меры и средства для осуществления поставленной коалицией цели, которой все подчинено. Коалиции же немецких сословий связаны таким количеством формальностей, соображений и бесконечных специально созданных для этого мероприятия ограничений, что всякая коалиционная деятельность парализуется, и уже с самого начала становится невозможным достичь того, для чего эта коалиция была создана.

То, что Германская империя совершает в качестве таковой, никогда не бывает деятельностью единого целого — это деятельность ассоциаций больших или меньших размеров.

Средства же, применяемые союзниками для того, чтобы достигнуть желаемого результата, выбираются не соразмерно цели, а в соответствии с главной и единственной заботой — сохранить между членами ассоциации такие взаимоотношения, которые способствовали бы их разобщению и препятствовали единению.

Такого рода ассоциации подобны груде круглых камней; складывающихся в пирамиду; поскольку этим камням предназначено остаться круглыми и непригнанными друг к другу, они сразу же рассыпаются, не будучи способны оказать противодействия, как только пирамида приходит в движение для осуществления той цели, для которой она была создана. Вследствие этого подобные государства не только лишаются громадных преимуществ, присущих единому государству, но и преимуществ независимости — возможности объединиться с другими государствами для достижения определенных совместных целей: ибо на этот случай они заранее заковали себя в кандалы, в результате чего все их объединения ни к чему не приводят и уже с самого начала обречены на провал.

Несмотря на то что немецкие сословия тем самым устранили возможность своего объединения и закрыли себе путь даже к тому, чтобы в случае необходимости объединиться на разумной основе для достижения временных, преходящих целей, требование считать Германию государством сохраняет свою силу. Выдвигается противоречивое требование — определить положение сословий таким образом, чтобы существование государства было невозможно, и вместе с тем считать Германию государством, рассматривать ее как единый организм. Этот дух, заставляющий Германию колебаться между желанием сделать государство невозможным и желанием быть государством, испокон веков бросал ее в бездну непоследовательности; он был причиной ее несчастий, порожденных подозрительностью сословий по отношению к любой попытке подчинить их целому и невозможностью для государства существовать без этого подчинения.

Решение проблемы, каким образом Германия может не быть государством и тем не менее быть им, очень проста — она является государством мысленно и не является им в действительности; формальность и реальность разделяются таким образом, что пустая формальность принадлежит государству, реальность же — его отсутствию.

Системе мысленного государства соответствует такое правовое устройство, которое во всем том, что определяет сущность государства, не имеет силы. Обязанности каждого сословия по отношению к императору и империи, к верховной правительственной власти, которая состоит из главы государства и сословий, точнейшим образом определены бесконечным количеством торжественных основополагающих законодательных актов. Эти права и обязанности составляют систему законов, точно устанавливающую государственно-правовое положение каждого сословия и его неперенные обязанности; и вклад каждого отдельного сословия в государственное целое должен точно соответствовать этим предписаниям законов. Однако сущность этих установлений заключается в том, что государственно-правовое положение сословий и их обязанности определяются не подлинными, общими законами, но отношение каждого сословия к целому рассматривается так, как это делается в гражданском праве, в качестве особенного, в форме собственности. Тем самым оказывается серьезное воздействие на природу государственной власти.

Акт, исходящий от государственной власти, есть акт всеобщий, и вследствие своей истинной всеобщности он содержит в себе и правило своего применения. Все то, к чему он относится, есть всеобщее, самому себе равное. Акт государственной власти приносит свободную и всеобщую определенность, и его осуществление является одновременно его применением, так как его применение (поскольку в том, к чему он применяется, не заключено ничего различного) должно быть определено в самом акте, и его применению не противостоит какой-либо неподатливый и разнородный материал.

Если государственная власть постановляет, что каждый сотый мужчина определенного возраста должен быть

призван на военную службу, что должен быть уплачен определенный процент с имущества и определенная подать с каждой гуды земли, то объектом декрета являются люди определенного возраста, имущество или земля в самой общей форме и здесь нет никакого различия между теми или другими людьми, тем или другим имуществом, той или другой землей. Определенность, падающая на однородную поверхность, может быть непосредственно установлена государственной властью. Сотый человек, пятый процент и т. п. суть эти вполне общие определенности, которые могут быть привнесены в однородный по своему характеру материал без специального указания о его применении: ибо здесь нет описаний каких-либо линий, которые следует сначала устранить или с которыми следует согласовать линии, данные в определении, подобно тому как на стволе дерева проводится линия, по которой его надлежит срубить.

Но если то, к чему должен быть применен закон, определено для самого этого закона многообразно, то закон не может полностью содержать в себе правило своего применения; напротив, в этом случае для каждой особой части материала должно быть особое применение, и между законом и его исполнением вклинивается особый акт применения закона, который входит в ведение судебной власти.

Поэтому имперский закон не может предначертать общий распорядок линий и разделов, подобно тому как их можно было бы нанести на чистую доску, или осуществить действительное мероприятие согласно общему для всех правилу; имперскому закону материя, которая является его объектом, противостоит в ее специфических, ранее сложившихся определенностях, и прежде чем закон может быть осуществлен, необходимо выяснить, как привести в соответствие с линиями и образами, предписанными законом, те особенные линии и образы, которые существуют в отдельных частях, или насколько общий закон обязателен для каждой из них. Если выявляются противоречия, то их устраняет судебная власть, но в ходе этого устранения противоречия оказывается, что в результате этого вмешательства, во-первых, мало что может быть установлено; во-вторых, то, что установлено теорети-

чески, не получает своей реализации, остается чисто мысленным установлением; и наконец, все дело устранения противоречий вообще лишь незначительно выходит за рамки полной невозможности, поскольку особая определенность, которой обладает материя, относится к общему закону, как кривая к прямой, и несовместимость этой определенности общего материала, на который должна воздействовать государственная власть, и закона этой власти тем самым заранее предрешена. В нашем сопоставлении мысленное государство и система государственного права и государственных законов — прямая линия, а то, в чем это мысленное государство должно быть реализовано, имеет форму окружности; между тем известно, что подобные линии несоизмеримы. При этом окружность не создает эту несоизмеримость с прямой линией *de facto*, она не прибегает к каким-либо формам насилия, беззакония или произвола; напротив, ее существование в качестве линии, не соизмеримой с прямой, возведено в право: она действует в соответствии с правом, вступая в противоречие с государственным правом, действует законно — вступая в противоречие с государственными законами.

Итак, решить проблему, как Германии быть государством и одновременно не быть им, можно только одним способом: поскольку Германия является государством, она является им только мысленно, несуществование же ее в качестве государства должно быть реальностью. Для того чтобы это мысленное государство существовало, судебная власть, которой надлежит снять противоречие и применить к действительности то, что является только мыслью, т. е. реализовать эту мысль и привести действительность в соответствие с ней, эта судебная власть должна обладать такими свойствами, благодаря которым и ее применение является только мыслью, и, следовательно, общие распоряжения, посредством которых страна превратилась бы в государство, неминуемо должны быть парализованы в стадии их реализации; эта реализация, правда, установлена и предписана, ибо распоряжения, не предназначенные к проведению в жизнь, бессмысленны, но самый акт этой реализации также превращен в мысленный акт.

Парализация этого практического осуществления может произойти на любой его стадии. Принимается общее постановление, оно должно быть осуществлено; в случае отказа вопрос решается в судебном порядке, если отказ выполнить распоряжение не рассматривается судом, то оно кладется под сукно, если же отказ подвергается судебному разбирательству, то можно воспрепятствовать вынесению решения; если же решение суда состоится, то оно не выполняется. Однако поскольку это мысленное решение должно быть приведено в исполнение, а виновный должен понести наказание, издается приказ о принудительном выполнении принятого решения. Этот приказ также не выполняется; поэтому за ним следует решение, направленное против лиц, не выполняющих приказ, которое должно принудить их к его выполнению. Это решение также не выполняется, поэтому издается декрет о применении наказания к тем, кто не применил его, чтобы принудить их выполнить это решение. Такова скучная история о том, как меры, предназначенные для приведения в действие закона, одна за другой превращаются в чисто мысленный акт.

Если, следовательно, судебной власти надлежит сопоставить обязанности сословий по отношению к империи с их особыми правами и противоречие между теми и другими действительно станет делом судебного разбирательства, то сама организация суда, независимо от выполнения его приговора, может быть такова, что даже вынесение приговора натолкнется на ряд препятствий, и даже этот не приведенный в исполнение приговор, остающийся сам по себе просто мыслью, не может быть вынесенным даже в этом своем мысленном образе, и сама мысль не выйдет за пределы мысленного представления о ней.

Что касается вынесения приговора, то сама организация судебной власти носит такой характер, что ее наиболее существенная задача, о которой здесь идет речь, — обеспечение выполнения общих распоряжений государства; которое оно в качестве государства предъявляет к отдельным своим частям, — встречает серьезнейшие препятствия. В судебной власти смешано судопроизводство гражданско- и государственно-правового характера. Государственное и частное право отдано в ведение одних

и тех же судов. Имперские суды являются высшими апелляционными инстанциями как для судебных тяжб граждан, так и для защиты государственных прав. Объем их власти в области государственного права, сам по себе весьма ограниченный, ибо наиболее важные вопросы этого рода рассматриваются рейхстагом, а многое из того, что должно было бы находиться в их ведении, решается инстанциями третейского суда — наталкивается на бесконечные препятствия даже при вынесении приговора и зависит от множества случайностей, которые становятся необходимыми предпосылками бездействия этих судов.

Объединение судопроизводства по гражданскому и государственному праву ведет к такому увеличению круга дел, подлежащих рассмотрению имперских судов, что они просто не в состоянии с этим справиться. Императором, империей и камеральным судом признано, что последний еще в меньшей степени, чем рейхсгофрат, способен справиться со своими делами.

Нет, казалось бы, более уместного в данном случае и простого средства для устранения этого недостатка, если уж нельзя увеличить число отдельных судов, чем увеличение числа судей в существующих судах, чтобы тем самым ускорить непосредственное рассмотрение дел и разделить данную судебную инстанцию на несколько отделов, что по существу было бы равноценным увеличению числа судов. Однако в Германии такое простое средство не может быть применено. Правда, было принято решение, чтобы число заседателей камерального суда было доведено до пятидесяти, но Германская империя не сумела найти средств для оплаты их труда. Со временем их число упало до двенадцати и ниже, затем, наконец, достигло двадцати пяти.

Официальные данные свидетельствуют о том, что количество ежегодно поступающих на рассмотрение суда дел намного превышает те, по которым вынесено решение, и это в том случае, если следствие по одному делу идет не годы, как это иногда случалось, а заканчивается в несколько месяцев; в результате всего этого, как показывают подсчеты, тысячи судебных дел неизбежно остаются нерассмотренными и ходатайства, — пусть даже

наибольшие злоупотребления, связанные с ними, устранены, и евреи больше не делают их предметом торговли — остаются неизбежным злом; ибо, поскольку все переданные в суд дела рассмотрены быть не могут, каждая партия вынуждена прилагать все усилия к тому, чтобы добиться судебного решения по своему делу.

Тысячи других коллизий, связанные с представлениями членов суда, с *itio in partes*, часто в течение многих лет приостанавливали деятельность имперского камерального суда и препятствовали отправлению правосудия даже помимо тех случаев, когда этот суд сам намеренно создавал проволочки, чтобы заставить могущественных представителей знати ощутить всю меру его власти.

Поскольку в рейсхгофрате, члены которого назначаются императором, ряд перечисленных выше недостатков отсутствует — так, например, ни разу не было *itio in partes*, несмотря на формальное право подобного разделения, — и существуют формы, позволяющие ускорить непосредственное решение, не увязая в соблюдении формальностей, в последнее время естественно предпочитают обращаться к юрисдикции этого суда.

Потребность в улучшении юстиции была всегда настолько очевидна, что не заниматься этой проблемой было невозможно; результаты последней попытки Иосифа II¹⁷ провести соответствующее имперским законам, но ни разу за последние двести лет не применявшееся обследование камерального суда и причины того, что участники этого обследования разошлись, ничего не предприняв, по существу сводятся к состоянию имперской юстиции в целом, когда сословия, правда, объединяются для отправления правосудия, но при этом не проявляют ни малейшей склонности поступиться чем-либо в своем обособленном, основанном на чисто личных интересах существовании, когда они объединяются, не желая прийти к совместному решению.

Тем самым затрудняется даже вынесение судебного решения, не говоря уже о его выполнении. А как обстоит дело с приведением в исполнение приговоров имперских судов в тех случаях, когда речь идет о государственном праве или важных государственных делах, общеизвестно. Наиболее важные вопросы такого рода

вообще относятся к ведению не имперских судов, а рейхстага. Тем самым они переносятся из сферы права непосредственно в сферу политики; ибо там, где выступает верховная власть, государство говорит не о применении законов, а издает их.

Ряд особо важных вопросов, связанных с территориальным владением и т. д., изъят из ведения рейхстага, свободен и от этой формальной процедуры; в соответствии с избирательной капитуляцией и другими основными законами подобные вопросы решаются не имперскими судами и не высшей судебной властью, а посредством полюбовного соглашения между противоборствующими сословиями; если же сословия не приходят к соглашению, то дело неизбежно решается войной.

Так, дело о наследии Юлиха и Берга¹⁸ не могло быть решено правовым путем и в результате этого привело к Тридцатилетней войне¹⁹. И недавно в деле о баварском наследии²⁰ говорили не имперские суды, а пунки, решали не судьи, а политические деятели. В делах, затрагивающих интересы менее сильных сословий, окончательный приговор также выносит отнюдь не имперская юстиция. Известно, что в спорах о наследии саксонских домов из-за земель исчезнувших ветвей семейств Кобург — Эйзенберга и Ремгильда было принято 206 заключений рейсгофрата; но важнейшие пункты были тем не менее установлены в результате соглашения между сторонами²¹. Известно также, что в Люттихском деле²² имперский камеральный суд не только вынес приговор и проследил за его выполнением, заставив подчиниться ему ряд сословий, но что и сословия действительно выполняли предписанные им обязательства. Однако едва только было положено начало этому предприятию, как могущественнейшее среди исполнителей приговора сословие не захотело ограничиться положением простого исполнителя решения камерального суда и приступило к делу по собственному побуждению; когда же оказалось, что вне суда решить этот вопрос невозможно, оно вообще отказалось от своей роли исполнителя приговора.

Если в результате недоразумения между правителем и подчиненным складывается такое щекотливое положение, при котором посредничество может быть уместно,

то при наличии определенного решения суда посредничество, занимающее место принудительного исполнения приговора, меняет все состояние расследования дела и, создавая на минуту впечатление благоприятного воздействия, существенно нарушает важный принцип государственного устройства; более того, именно в подобных обстоятельствах обнаруживается, что этот принцип уже давно нарушен.

В этом вопросе необходимо, по-видимому, проводить определенное различие. Совершенно очевидно, что взаимоотношения между могущественными сословиями регулируются политическими соображениями. Мелкие же сословия, напротив, полностью обязаны своим существованием действию имперского права. Нет имперского города, который полагал бы, что может самостоятельно оказать сопротивление находящимся по соседству крупным сословиям; не считает возможным отстоять свое положение от посягательств князя и имперский рыцарь ни своими силами, ни в союзе с другими имперскими рыцарями. На это указывает само их наименование, и нет необходимости напоминать о судьбе имперских рыцарей во Франконии; попытку²³, подобную той, которая была предпринята Францем Зиккингеном, надеявшимся завоевать курфюршество, не говоря уже о самой возможности успеха подобной попытки, нельзя относить к числу возможного в наши дни; так же как и союзы имперских городов или аббатств не способны теперь к тем свершениям, которые удавались им в прежние времена.

Если отдельные сословия сохраняют свою независимость не благодаря своей мощи или мощи, складывающейся из их объединения, то, по-видимому, они обязаны своим существованием в качестве непосредственно подчиненных империи и в значительной степени независимых государств только имперскому союзу и созданному земским миром правовому устройству. Возникает вопрос, на чем же еще держится это так называемое правовое устройство, а вместе с ним и существование рыцарства, аббатств, имперских городов и т. д. Совершенно очевидно, что не на своей собственной мощи, ибо мощи государства нет; следовательно, также на политике. Если политику не рассматривают как непосредственную основу

существования менее могущественных сословий, то происходит это только потому, что обычно рассуждающие на эту тему останавливаются на имперском союзе, считая его основой — тогда как по существу он составляет только промежуточное звено — и забывая, на чем зиждется сам имперский союз.

Государства, подобно Лукке, Генуе и др., веками существовали, не вступая в имперский союз, пока они не разделили судьбу Пизы, Сиены, Ареццо, Вероны, Болоньи, Виченцы и т. д. и т. п., — в это перечисление могли бы войти все города, княжества и т. д. Италии. Существованию как будто достаточно могущественной республики, поглотившей в прошлом множество независимых городов, внезапно приходил конец с появлением адъютанта, который просто передавал приказ генерала чужеземной державы. Эти государства, которым по воле судьбы достались немногочисленные счастливые билеты, сулившие несколько более продолжительную независимость — тогда как сотни суверенных земель Италии вытянули в этой лотерее пустые билеты, — устояли только благодаря политическому соперничеству граничивших с ними крупных государств; в прошлом столетии они пытались бороться с этими превосходившими их по силе державами, но вскоре без каких-либо видимых потерь утратили всякую способность противостоять им. Однако политическое соперничество может найти свое умиротворение и в равной доле добычи, в равном увеличении или сокращении территории; в проистекающих отсюда комбинациях и столкновениях интересов погибли такие государства, как Венеция, Польша и др.

Преобразование кулачного права в политике не следует рассматривать как переход от анархии к упорядоченному государственному устройству. Изменяется не сущность принципа, а его внешняя сторона. До установления земского мира обиженная или стремящаяся к захватам сторона непосредственно прибегала к силе. Политик же, прежде чем нанести удар, рассчитывает, не желая из-за незначительной выгоды ставить на карту крупные интересы; однако там, где успех обеспечен, он не преминет извлечь из него пользу.

Поскольку множество немецких государств не облада-

ют достаточной мощью, независимость отдельных частей Германии останется неприкосновенной до той поры, пока это будет выгодно другим державам и они не попадут в орбиту столкновений высших интересов, прав на возмещение и т. п. Что касается подобных интересов, то Франция, например, уничтожившая, когда ее армия заняла половину территории Германии, независимые государства и непосредственно подчиненные империи сословия в Нидерландах и на левом берегу Рейна (по мирному договору они позже отошли к Франции), могла также упразднить и государства на правом берегу Рейна; и хотя подобное уничтожение независимости стольких княжеств, графств, епископств, аббатств, имперских городов, территориальных владений и не могло бы долго сохраняться, эти земли испытали бы тем самым еще значительно ббльшие беды, если бы Францию не удержали от этого политические соображения, а именно обязательства по отношению к Пруссии, а также опасения, что это может усложнить заключение мира и т. д. Известную роль играл и тот факт, что сохранение установленного порядка облегчает взимание контрибуции, которая, по официальным сообщениям французской прессы, шла с этих земель в незначительном размере.

Подобный переход от состояния прямого насилия к состоянию насилия рассчитанного произошел, разумеется, не внезапно, а посредством правового устройства. После введения земского мира Германию можно было, пожалуй, с ббльшим основанием считать государством, чем в наши дни. Ленное устройство раздробило государственную власть на множество частей; но ввиду большого их количества отдельные части не обладали достаточной силой, чтобы противопоставить себя целому. Однако Германии, очевидно, не было предназначено судьбой подобное состояние, ибо она вскоре преодолела свое стремление избежать бесправия, отказалась от попытки создать посредством земского мира прочную связь между отдельными частями; и более глубокие религиозные разногласия навеки разделили ее народ.

РЕЛИГИЯ

В бурях феодальных междоусобиц, когда и во взаимоотношениях между сословиями, и в их отношениях к целому царило полное беззаконие, внутренние узы целого тем не менее в какой-то степени сохранялись. Если выполнение обязанностей и зависело как будто не только от свободной воли сословий в целом, но и от воли отдельных лиц, а правовая связь казалась очень слабой, то в государстве, несмотря на все это, безусловно, существовало некое духовное единение людей. Общность религии и тот факт, что бюргерское сословие еще не достигло той стадии развития, когда оно привносит пестрое многообразие в сложившееся целое, позволяли князьям, графам и территориальным властителям ощущать свою близость друг к другу, воспринимать себя в качестве составных частей целого и поэтому и в своих действиях выступать как целое. В те времена не было противопоставленной отдельным индивидуумам и независимой от них государственной власти, подобной той, которая сложилась в современных государствах — государственная власть совпадала с властью и свободной волей отдельных людей. А эта воля отдельных индивидуумов была в общем направлена на то, чтобы сохранить себя и свою власть в рамках государства.

Когда же вместе с ростом имперских городов стало складываться и превращаться в силу бюргерское мировоззрение, в центре которого находится только единичное, лишенное самостоятельности и повимания целого, возникшее духовное разъединение породило необходимость в более общей позитивной связи; когда Германия в ходе роста образования и развития промышленности оказалась на перепутье — либо подчиниться в лице государства всеобщему, либо полностью разорвать с ним связь — исконные свойства немецкого характера победили, предпочтение было отдано свободной воле единичного и отказу от подчинения общему, в результате чего судьба Германии была предрешена в соответствии с исконными свойствами ее народа.

С течением времени в Германии образовалось большое количество государств и утвердилось господство торговли.

и ремесленных промыслов; ибо неукротимость немецкого характера исключала непосредственное участие в образовании независимых государств; древняя свободная власть знати не могла противостоять возникшему множеству государств; в первую очередь нуждался в определенной внутренней и внешней легализации бюргерский дух, который обретал все большее влияние и политическое значение. Немцы в соответствии со своим характером обратились к внутренним глубинам человеческого духа, к религии и совести и именно в этой сфере утвердили то разъединение, по отношению к которому внешнее разделение явилось лишь следствием.

Исконные неукротимые черты немецкой нации определили железную необходимость ее судьбы. Внутри созданной этой судьбой сферы политика, религия, нужда, добродетель, насилие, разум, хитрость и все движущие родом человеческим силы ведут на широкой отведенной для них арене свою грозную, внешне беспорядочную игру. Каждая из этих сил выступает как абсолютно свободная и самостоятельная, не сознавая того, что все они являются лишь орудием высших сил, от века существующей судьбы и всепобеждающего времени, у которых эта свобода и независимость вызывает лишь смех. Даже лишения, этот страшный бич, не укротили немецкий характер и не изменили его судьбу. Все страдания, которые принесли религиозные войны, и особенно Тридцатилетняя война, лишь углубили и расширили неодолимость этой судьбы, в результате чего увеличилось и консолидировалось разъединение Германии и обособление отдельных ее частей.

Религия в результате происшедшего в ней раскола не только не отделилась от государства, но внесла этот раскол в само государство; она в наибольшей степени способствовала уничтожению государства, и, глубоко проникнув в то, что именуется государственным устройством, стала условием обладания государственными правами.

В отдельных государствах, составляющих Германию с религией связаны даже гражданские права. Религиозная нетерпимость в равной степени свойственна обеим религиям, и ни одна из них не имеет достаточных оснований в чем-либо обвинить другую. Австрийские и бранденбургские князья, в противовес нетерпимости импер-

ских законов, сочли свободу совести важнее варварских постановлений.

Разруха, привнесенная разделением религии, была в Германии особенно сильной, ибо ни в одной стране не было столь непрочных государственных связей, как здесь; ожесточение господствующей религии против тех, кто от нее отделялся, было тем сильнее, что вместе с религиозным разделением рвалась не только глубокая внутренняя связь людей, но и едва ли не единственная связь между ними вообще, тогда как в других государствах в подобной ситуации сохранялось еще множество других прочных связей. Поскольку религиозная общность есть более глубокая общность, по сравнению с которой общность физических потребностей, имущества, приобретения является менее существенной, а требование отделения само по себе менее естественно, чем требование сохранить существующее единство, католическая церковь проявила большой фанатизм именно потому, что ее требования были в целом направлены на сохранение единства и его священной основы, она еще готова была внимать призывам к милосердию и терпению, но отнюдь не требованиям законного права, т. е. юридического подтверждения религиозного разделения, на чем настаивали протестанты. Обе стороны сошлись наконец на том, что они взаимно лишают друг друга гражданских прав и оформляют это решение со всей точностью, присущей юридическим постановлениям.

Одно и то же явление наблюдается как в католических, так и в протестантских землях: в первых гражданских права лишены протестанты, во вторых — католики. Однако основания к этому в том и другом случае были, по всей видимости, различны. Католики выступали как угнетатели, протестанты — как угнетенные, католики отказывали находящимся на их землях протестантам в праве свободно исповедовать свою религию, считая их преступниками; там, где господствовала протестантская церковь, для протестантов эта причина отпадала, так же как и опасение оказаться в положении угнетенных. Причиной протестантской нетерпимости могло быть либо стремление отплатить католикам той же ненавистью и нетерпимостью, — что было бы мотивом слишком далеким от

духа христианского учения, — либо недостаточная уверенность в силе и истине собственной религии, страх перед соблазном, таившимся в пышности католического богослужения, рвении его сторонников и т. д.

Этот вечный страх, что протестантская вера станет жертвой вражеской хитрости и коварства, эта убежденность новоявленных стражей Сиона в своей бессилии и страх перед лукавым врагом особенно процветали в прошлом столетии, когда милость божью ограждали бесчисленными мерами предосторожности и бастионами правовых установлений.

Это правовое положение отстаивалось с величайшим ожесточением при любых попытках противной партии представить его как акт милосердия; и в самом деле милосердие в определенном отношении уступает праву, ибо право обладает определенностью, и то, что оно предписывает, исключает произвол обеих сторон; милосердие же для права не более чем произвол. Однако это признание одного только права способствовало утрате высшего смысла милосердия; и долгое время обе стороны не могли стать выше права и обратиться к милосердию. То, что сделали Фридрих II и Иосиф, первый — для католиков, второй — для протестантов; было милосердием, проявленным вопреки правам Пражского²⁴ и Вестфальского мира. Подобное милосердие совпадает с высшими естественными правами — свободой совести и независимостью гражданских прав от религиозных убеждений; однако эти высшие права не только не признаются религиозным и Вестфальским миром, но полностью ими исключаются, причем это исключение торжественно гарантируется как протестантами, так и католиками, и с этой точки зрения звать к этим гарантированным правам настолько бесполезно, что отвергнутое с презрением милосердие оказывается несравненно выше их.

Религия является важным фактором в определении отношений отдельных частей Германии к целому; именно она более всего содействовала разрыву государственных связей и его узаконению. Время, когда произошел религиозный раскол, еще не обладало достаточной изоэтренностью для того, чтобы отделить церковь от государства и сохранить при этом государство; что же касается кня-

зей, то они не могли найти лучшего союзника в своем стремлении освободиться от верховной власти империи, чем совесть своих подданных.

Посредством постепенного оформления этих взаимоотношений в законах империи была юридически определена религия каждой земли, каждого имперского города — одна земля была объявлена чисто католической, другая — чисто протестантской, третья — паритетной. А что если найдется земля, которая осмелится нарушить Вестфальский мир, перейдя от чистоты одного вероисповедания к чистоте другого или от паритетного состояния к чистоте какого-либо из них?

Столь же точно в соответствии с вероисповеданием фиксированы и голоса в рейхстаге, в камеральном суде, в рейхсгофрате, отдельные должности, обслуживающий персонал и т. д. Среди всех этих определенных в соответствии с религией государственных отношений самым важным является знаменитая *itio in partes* — право той или иной религиозной партии не подчиняться решению большинства. Если бы это право распространялось только на религиозные вопросы, то его справедливость и необходимость не вызывали бы сомнения. Подобное обособление не наносило бы непосредственного вреда государству, поскольку оно затрагивало бы только ту сферу, которая по существу его не касается. Однако посредством *itio in partes* отделение меньшинства от большинства узаконено в любом государственном деле, ничего общего не имеющем с религией: в вопросах войны и мира, позиции имперской армии, налогов, — в общем по всем тем немногим вопросам, в решении которых прежние времена еще сохраняли хоть тень государственного целого, большинство потеряло законное право выносить окончательное решение, и меньшинство, сформированное в религиозную партию, может без применения каких-либо политических хитросплетений препятствовать деятельности государства.

Мы считаем преувеличением проводить параллель, как это некоторые делают, между этим правом и правом восстания, санкционированным рядом обнародованных в течение последнего десятилетия французских конституций. Германию следует рассматривать как распавшееся на

отдельные части государства, а эти отдельные части, не подчиняющиеся решению государственного целого, выраженного в большинстве голосов,— как независимые, существующие сами по себе государства, разделение которых в том случае, если они не могут прийти к общему решению, не обязательно должно вести к распаду всех общественных связей и не всегда приводит в качестве обязательного следствия к внутренней войне.

Полностью разорвав государственное целое, религия странным образом создала вместе с тем некоторое смутное представление о ряде принципов, которые могут быть положены в основу государства. Разорвав сокровеннейшие внутренние узы людей и стремясь вместе с тем сохранить известную связь между людьми, религия должна была объединять их в решении ряда чисто внешних вопросов, таких, как ведение войны и т. п.; между тем именно это объединение и составляет основополагающий принцип современного государства. Благодаря тому что важнейшие области государственного права были втянуты в процесс разделения религий, внутри государства утвердились две религии, в результате чего все политические права были поставлены в зависимость от двух, собственно говоря, даже трех религий.

Это как будто противоречит принципу независимости государства от церкви и возможности существования государства, невзирая на наличие в нем различных религий; в действительности же тот факт, что в Германии имеются различные религии, и она тем не менее должна рассматриваться как государство, служит свидетельством в пользу признания названного принципа.

Значительно важнее другое, также созданное религией разделение, которое в еще большей степени связано с существованием государства. Первоначально при проведении совещаний и вынесении решений голоса были полностью связаны с личностью князей; князья имели право голоса, только если они лично присутствовали в рейхстаге, причем правитель различных разделенных земель имел один голос. Личность князя и его земля, личное право князя и его право представлять определенную землю не отделялись друг от друга. Религиозный раскол привел к тому, что это различие выступило на поверх-

ность. К какой стороне следует отнести голос того князя, вероисповедание которого не совпадало с вероисповеданием его земли, если этот голос в соответствии с имперским законом надлежало отнести к одной из религиозных партий?

В той мере, в какой правитель земли олицетворял собой государственную власть, он вообще не должен был бы принимать сторону какой-либо партии, однако подобная точка зрения еще не соответствовала пониманию того времени. К тому же над этим вначале не особенно задумывались. Голос правителя протестантского Пфальцнеибурга, перешедшего в XVII в. в католичество, причислялся в рейхстаге и в имперских судах к голосам католиков; голос же саксонского курфюрста, изменившего к концу того же века свое вероисповедание, по-прежнему принадлежал протестантам, как и голоса также перешедших позже в другую веру правителей Гессена и Вюртемберга.

Несмотря на то что местом и голосом в рейхстаге издавна обладали лишь правившие землей и людьми князья, и земля, следовательно, рассматривалась в рейхстаге в нерасторжимой связи с понятием сословия, это различие между князем как личностью и как представителем земли стало все более заметным и во взаимоотношениях с немецким государством в целом, и особенно тогда, если внутри земли это отделение князя от его подданных уже конституировалось благодаря сословным представителям. Пфальц, не имевший сословных представителей, без всякого сопротивления перешел на сторону католиков, и борьба его жителей с их католическими князьями, вызванная религиозными расхождениями, продолжалась вплоть до самого последнего времени, тогда как в Гессене и Вюртемберге, где это разделение было узаконено сословными представителями, религия земли обрела должное значение и во взаимоотношениях с империей; она, а не личность князя, получила первостепенное значение, вследствие чего князь выступал в рейхстаге уже не как носитель индивидуальных прав, а как представитель земли.

Это различие, созданное религией, оказало влияние и на другие обстоятельства: так, земли, объединенные под

властью одного князя, получили теперь отдельные, независимые от голоса князя голоса; тем самым и здесь проявляется тот же принцип, согласно которому голос принадлежит князю не как определенному индивидууму, а как представителю земли, что в корне отличается от прежнего положения, когда правитель, обладавший несколькими княжествами, имел только один голос, а каждый из нескольких князей, между которыми было разделено княжество, имел свой голос.

Однако подобно тому как пища, пригодная для здорового организма, лишь ухудшает состояние больного организма, этот единственно правильный принцип, предоставляющий право голоса земле, будучи применен в условиях Германской империи, принес лишь вред и способствовал ее скорейшему распаду.

ВЛАСТЬ СОСЛОВИЙ

Когда с течением времени произошло изменение в нравах, религии, особенно же в положении сословий в зависимости от степени их богатства, а это в свою очередь повлекло за собой разрыв сложившихся на основе общности характера и интересов внутренних связей, тогда для объединения Германии, чьи жители перестали составлять народ и превратились в массу людей, понадобились внешние правовые узы.

Теория, рассматривающая подобные необходимые для объединения предпосылки, составляет часть немецкого государственного права. Прежняя, ленная система могла перейти в государство нового типа, в соответствии с которым в той или иной степени организованы все европейские государства, не претерпевшие в новое время полного переворота, если бы отдельные вассалы в Германии не были столь могущественны или не могли бы этого могущества достигнуть. Правда, и большое число слабых вассалов может стать грозной силой, если они, как это случилось в Польше, объединившись, создадут прочную организацию, противостоящую государству; при этих условиях вся пышность императорского двора не спасла бы императора от подобного натиска. Однако если в Германии

меньшинство и не обязано подчиняться решениям большинства, то, во-первых, это, основанное на *itio in partes* право всегда в известной степени ограничено, во-вторых; парализовать деятельность целого может не отдельный голос, а только религиозная партия; в-третьих, если какое-либо сословие и не считает себя обязанным подчиняться большинству — подобно тому как Пруссия, отказавшись платить повышенные имперские налоги, обосновала это тем, что у нее нет уверенности, обязательно ли для всех решение большинства по налоговым вопросам, — и каждое сословие самостоятельно заключает договоры о мире и нейтралитете; то все эти права и взаимоотношения относятся к более позднему времени; и если бы домены способны были обеспечить императору достаточную власть в государстве и отдельным вассалам не удалось бы в силу этого достигнуть чрезмерного могущества, то вполне вероятно, что ленная система могла бы сохранить Германию как государство. Не принцип ленного устройства помешал Германии быть государством, а ни с чем не соразмерное могущество отдельных сословий уничтожило и самый принцип ленного устройства, и существование Германии как государства.

Могущество этих отдельных государств послужило препятствием тому, чтобы в Германии сложилась государственная власть, а дальнейшее их усиление делало это все менее осуществимым. Упрямое требование независимости, это основное проявление немецкого характера, превращало все то, что могло способствовать созданию государственной власти и объединению общества в рамках единого государства, в совершеннейшую формальность, и эта формальность отстаивалась с таким же упорством. Это упорство в сохранении формальности можно понять только как желание противодействовать установлению реальной связи, которая заменяется данной формальностью; так неизменность формы выдается за неизменность сущности.

Подобно тому как римские императоры, положив конец республиканской анархии и воссоединив империю в рамках единого государства, сохранили неприкосновенными все внешние формы республиканского устройства, в Германии с противоположной целью в течение ряда ве-

ков тщательно сохранялись все признаки немецкого государственного объединения, даже тогда, когда суть дела — государство, уже исчезло: если оно и не растворилось в полной анархии, то распалось на множество обособленных государств. За тысячелетие, протекшее со времен Карла Великого²⁵, государственное устройство как будто не претерпело изменений при короновании — вновь избранный император увенчан короной Карла Великого, он держит в руках его скипетр и державу, на нем даже обувь, мантия и драгоценности Карла Великого. Тем самым император нового времени ничем не отличается от Карла Великого, ведь он даже облачен в его одеяния. И если теперь в распоряжении маркграфа бранденбургского 200 тыс. солдат, то его отношение к Германской империи не изменилось по сравнению с тем временем, когда он не располагал регулярной армией даже в 2 тыс. солдат, поскольку и теперь бранденбургский посланник при короновании презентует императору овес. Это типично немецкое, столь забавное для других народов, суеверное пристрастие к чисто внешним формам, к церемониалу, не случайно; оно связано с исконной природой немцев, которая находит свое выражение в неистребимом стремлении сохранить свою независимость. В сохранении этих форм немцы заставляют себя видеть сохранение своего государственного устройства. В том же духе составляются манифесты и государственные документы.

Выше шла речь о территориальных потерях Германии в пользу других держав; однако значительно больший ущерб Германии как государству наносится тем обстоятельством, что чужеземные правители становятся обладателями имперских земель и тем самым входят в состав членов Германской империи, — любое усиление такого княжеского дома наносит большой ущерб государственному устройству Германии. Германия вообще сохранилась как государство лишь потому, что австрийский дом, который можно назвать императорским, оказался достаточно сильным, чтобы хоть в какой-то степени противостоять принципу полного распада, причем опираясь не на мощь Германской империи, а на могущество других своих земель. Германское государство не гарантировано даже от того, что ряд немецких земель самым законным

образом, посредством наследования, объединится под властью одного знатного дома; напротив, поскольку государственная власть рассматривается только в правовых формах частной собственности, о каком-либо противодействии подобному объединению, которому в политике придается большее значение, чем семейным или частным правам, не может быть и речи. Неаполь и Сицилия были отделены от Испании, и право на них знатного дома было признано, также и Тоскана осталась отделенной от императорского дома.

Подобно тому как Римская империя была уничтожена северными варварами, принцип уничтожения Римско-Германской империи также пришел с севера. Дания, Швеция, Англия, а вслед за ними Пруссия являются теми чужеземными державами, которые, будучи имперскими сословиями, располагают центром вне границ Германской империи и вместе с тем в соответствии с конституцией оказывают влияние на ее государственные дела.

Дания сыграла в этом отношении лишь незначительную и преходящую роль в первые годы Тридцатилетней войны.

Вестфальский мир вообще утвердил принцип того, что в те годы принято было называть немецкой свободой, а именно — распад империи на независимые государства; по Вестфальскому миру уменьшилось количество этих независимых государств, т. е. была уничтожена последняя возможность превосходства целого над частями, и посредством объединения их в более крупные государства увеличено разделение страны; иностранные державы получили законное право вмешиваться во внутренние дела Германии либо в качестве владельцев имперских земель, либо в качестве гарантов. Издавна считалось, что партия, обращающаяся в ходе внутренней борьбы за помощь к иностранной державе, виновна в совершении наиболее враждебного акта по отношению к своей стране, и если в условиях подобного распада государства вообще еще может идти речь о наказании, то это преступление достойно наивысшей кары. Когда внутренние войны раздирают на части государство, когда страну настигает это величайшее зло, то при всей ненависти враждующих элементов, которая значительно превышает любую другую

ненависть, в ней еще господствует принцип, согласно которому эти враждебные элементы должны, несмотря ни на что, составлять единое государство; и даже если подобное объединение осуществляется в виде тирании,— и в этом случае сохранено то, что является для людей наиболее священным,— требование единения. Партия же, призывающая на помощь чужие державы, от этого принципа отказывается; этим актом она достигает расторжения государственного целого, пусть даже ее осознанным, подлинным намерением было только обрести в чужой помощи защиту от угнетения, отвратить которое она своими силами не могла.

После того как в Тридцатилетней войне Дания потерпела неудачу в своей попытке стать добрым гением Германии и войска Фердинанда²⁶ без противодействия и противоречия заставили замолчать не только то, что именуется немецким государственным правом, но и вообще все законы, выступил едва ли не вопреки желанию немецких сословий благородный *Густав Адольф*²⁷. Героическая смерть на поле боя помешала ему завершить свою роль спасителя немецкого государства и защитника свободы совести. Густав заранее ознакомил подданных империи со своим намерением, заключил с немецкими князьями определеннейшие, недвусмысленные договоры по поводу общих дел нации и, руководствуясь свободно принятым решением и благородным великодушием, возглавил их борьбу. Он разбил армии, несущие Германии угнетение, освободил ее земли от бремени оккупации и от еще более тяжелого бремени — лишения религиозных прав. Его лагерь был подобен церкви, он и его армия вступали в бой с пением огненных религиозных гимнов. Победоносное продвижение Густава Адольфа, предпринятое для восстановления религии и возвращения немецким князьям отнятых у них прав, не вернуло пфальцграфу его вновь завоеванные наследственные земли; ряд других земель остался во власти Густава Адольфа, а ряд незавершенных замыслов умер вместе с ним; в ходе войны его канцлер завершил эти планы таким образом, что по условиям мира Западная Померания, часть Восточной Померании, архиепископство Бременское, епископство Верден и город Висмар отошли к Швеции и, теоретически сохраняя за-

висимость от Германской империи, в действительности отделились от нее и от ее интересов; тем самым Швеция помимо политического влияния сильной державы, имеющей к тому же в качестве гаранта законное право на это влияние, обрела и постоянное право участвовать в решении внутренних дел империи в качестве ее члена.

Такова безрассудность людей; в пылу своих идеальных представлений о бескорыстной борьбе за политическую и религиозную свободу, преисполненные горячим воодушевлением, они не видят истины высшего могущества, полагают, что им дано отстоять справедливость, как они ее понимают, свои измышления и грезы перед лицом высшей справедливости, заключенной в природе и истине, которая пользуется бедствиями и лишениями в качестве орудия, заставляющего подчиниться ее власти людей со всеми их убеждениями, теориями и внутренним горением. Подобная справедливость, которая позволяет иноземной державе, допущенной слабым государством к участию в своих внутренних делах, захватить часть его владений, нашла свое выражение в Вестфальском мире и применительно к герцогству Пруссии, впоследствии ставшему королевством; прусский герцог получил магдебургское архиепископство, епископства Хальберштадт, Камин и Минден. Если бы бранденбургский дом не был одновременно чужой, иноземной властью, подобно той, которая в настоящее время получила герцогское достоинство Померании и пр., то сокращение числа немецких сословий и их объединение в одну, пусть даже полностью связанную своими корнями с отечеством силу, все равно привело бы к уменьшению власти всеобщего, поскольку небольшие раньше части теперь соединились в силу, способную противостоять могуществу целого.

Мирные договоры, которые Швеция после смерти Карла XII вынуждена была заключить с Ганновером, Пруссией, Данией и Россией, лишили ее того места среди европейских держав, которое завоевал для нее своими молниеносными победами ее храбрый король, а одновременно и ее власти в Германии; однако немецкое государство ничего от этого не выиграло, ибо сразу же образовался другой центр сопротивления Германии, и немецкие земли, потерянные Швецией, поступили не в непосредст-

венное владение Германской империи — что могло бы увеличить фонд имперской кассы — или во владение своих собственных князей, а отошли к правителям, которые уже принадлежали к числу сословий и теперь олицетворяли собой грозную силу, противостоящую государственному единству.

В том состоянии Германии, когда она, формально пребывая в состоянии мира, в действительности служила ареной сражений между различными странами, определенная роль выпала на долю *Ганновера*, правитель которого был тогда одновременно английским королем; однако роль эта была недолговечна, ибо Ганновер не мог выставить какой-либо принцип, непосредственно связанный с интересами Германии, объявить себя защитником политической или религиозной свободы, и вообще даже впоследствии Ганновер никогда не имел в Германии такого влияния, как Швеция, а позже Пруссия. Характер английского государства и его далекие от Германии интересы не позволяли ввести Ганновер и тем самым Германию в орбиту политических действий Англии, что было естественно, когда трон Англии впервые занял правитель Брауншвейга, сохранивший еще непосредственную связь со своими владениями в Германии. Различие между интересами Англии и Брауншвейгского курфюршества особенно отчетливо проявилось в Семилетней войне, когда Франция носилась в Ганновере с проектом: завоевать Америку и Индию, но, достигнув военного успеха, быстро убедилась в том, какой незначительный ущерб приносит Англии опустошение Ганновера. Английский монарх в качестве обладателя прав имперского сословия сохранил это объединенное положение и сравнительно небольшое влияние в Германии.

Германия не потеряла Силезию в ходе военных действий; однако та мощь, увеличение которой в наибольшей степени противостояло единству немецкого государства, усилилась посредством присоединения этой территории, а в ходе последовавшей за этим событием Семилетней войны получила формальное подтверждение совершенного ею захвата. В этой войне Германская империя объявила войну одному из своих сословий, однако оно не снизошло до того, чтобы припять это объявление войны. Случается,

правда, что государство, с которым в действительности ведется война, не признает себя воюющей стороной; однако уже сам факт ведения с ним войны служит доказательством того, что оно это признание получило; и в еще большей степени это подтверждается заключением с ним мира; однако по отношению к Германской империи враг не снизошел до того, чтобы вести с ней войну, и война с ней не была признана мирным договором, ибо с Германской империей мир не был заключен.

Сходство данной войны с войнами более раннего времени заключалось в том, что она была внутренней войной между немецкими сословиями. Часть сословий послала после решений рейхстага свои войска в имперскую экзекуционную армию; другие, напротив, полностью отказались от своей связи с Германской империей и объединились в качестве суверенных сословий с *Пруссией*. Общих интересов больше не существовало; давнее недовольство протестантов Австрией привнесло религиозные моменты в политическую борьбу; они нашли свое обоснование в известном рвении императрицы²⁸ в пользу католической религии, которое в некоторой степени склонило к интригам ее обычно полное материнской любви сердце, в результате чего протестанты стали испытывать притеснения в австрийских землях; к этому присоединился ряд других обстоятельств, как, например, то, что папа освятил шпагу австрийского главнокомандующего и т. п. Враждебность, связанная с действиями такого рода, выполняла для обеих сторон лишь функцию официального обоснования; сама война не была связана с какими бы то ни было общими интересами, а отражала лишь частные интересы воюющих сторон.

С тех пор усилилась власть Пруссии в Польше. Число сословий Германии опять сократилось за счет потери Баварии, Аншпах и Байрейта. Что касается результатов войны с Францией, то этот ее аспект еще не получил полного выражения.

Таким образом, религия и успехи образованности, с одной стороны, объединение немцев не силою государственных уз, а общностью характера — с другой — причем могущество отдельных сословий не встречало препятствия со стороны какого-либо государственного принци-

па — уничтожили немецкое государство, полностью лишив его государственной власти. Прежние формы сохранились, но вместе с изменением времени изменились и нравы, религия, характер богатства, взаимоотношения всех политических и гражданских сословий, условия во всем мире и в самой Германии. Старые формы не отражают больше реальную действительность, то и другое разьединено и противоречит друг другу и нет истины, которая была бы общей для обоих.

В начальном периоде своего развития Германия не отличалась по своему состоянию от большинства европейских государств. Франция, Испания, Англия, Дания и Швеция, Голландия, Венгрия сформировались в государства и остались таковыми. Польша, однако, погибла, Италия разделилась, а Германия в настоящее время распадается на множество независимых государств.

Большинство этих государств основано германскими народами, и дух этих народов лег в основу их государственного устройства. Вначале у германских народов каждый свободный, обязанный являться в войско, имел право высказывать свою волю при обсуждении общенародных мероприятий. Народ избирал вождей, принимал решения о войне и мире и по всем делам общего характера. Кто хотел, принимал участие в этих обсуждениях; кто не хотел, мог по своему желанию избежать этого, полагаясь на общность интересов всего народа.

Когда изменение нравов и образа жизни привело к тому, что каждый стал уделять больше внимания своим нуждам и личным делам, когда безгранично большая часть свободных, собственно бюргерское сословие, стала заниматься исключительно своими нуждами и доходами, когда государства достигли больших размеров и те, кто занимался исключительно государственными делами, образовали отдельное сословие, а потребности свободных людей, знати увеличились и знать сохраняла себя как сословие посредством ревностной деятельности на пользу государства, тогда внешняя сторона сложных взаимоотношений нации стала более чуждой отдельному человеку и общие дела народа перешли в ведение все сужающегося круга, состоящего из монарха и сословий, т. е. той части нации, которая либо в качестве знати и духовенства лич-

но присутствует и принимает участие в обсуждении дел, либо в качестве третьего сословия является представителем остальной части народа. Монарх ведаёт делами общегосударственного значения, особенно поскольку они касаются внешних отношений с другими государствами; он является центром государственной власти, осуществляющим все то, что в соответствии с законами связано с принуждением. Законодательная власть также принадлежит ему; сословия участвуют в законодательстве и предоставляют средства для сохранения государственной власти.

Система представительства принята во всех европейских государствах нового времени. Ее не было в лесах Германии²⁹, но она вышла оттуда, составив эпоху в мировой истории. Развитие культуры привело человеческий род после восточной деспотии, господства республики над миром и ее вырождения на стадию, являющуюся промежуточной между ними, и немцы — это тот народ, из недр которого вышел этот третий универсальный образ мирового духа³⁰.

Названной системы не было в лесах Германии, ибо каждый народ должен пройти все предназначенные для него ступени мировой культуры, прежде чем он вмешается в ход мировой истории; а принцип, возвышающий его до универсального господства, возникает лишь по мере того, как его собственный принцип распространяется на остальной, лишенный опоры мир. Поэтому свобода германских народов, когда они в ходе своих завоеваний заполнили весь остальной мир, с необходимостью приняла форму *ленной системы*.

Обладатели ленов остались в своих отношениях между собой и в отношении к целому тем, чем они были раньше, — свободными людьми; однако они обрели подчиненных и тем самым вступили в определенные отношения зависимости к тому, кого они свободно, вне каких-либо обязательств, поставили над собой или за кем они следовали. Эти противоречивые свойства свободного человека и вассала сочетаются посредством того, что лены являются не ленами правителя как определенного индивидуума, а ленами империи. Связь отдельного человека с народом получает теперь форму обязанности, а владение леном и

обладание властью не зависят от произвола сеньора, лен получает юридическое выражение как определенная форма собственности и тем самым становится наследственным. Если в деспотиях достоинство господаря³¹ и могло обладать своего рода наследственностью, то она сама по себе есть произвол; если же подобная наследственная власть связана с действительно независимым государством, каким являются, например, Тунис и пр., то это государство несет определенные повинности, и глава его не участвует, подобно владетелям ленов, в совместных обсуждениях. В вассалах ленного государства личный и представительный характер вассалов взаимопереплетаются. В качестве выразителя последнего вассал представляет свою землю, он — человек этой земли, стоит на страже ее интересов, его личность совпадает с представляемой им землей. В ряде государств подчиненные вассалу люди, сохранив свою зависимость, стали вместе с тем горожанами; отдельные свободные люди, оставшиеся вне вассальной иерархии, также объединились в городское сословие, и оно получило права представительства.

В Германии та часть бюргерского сословия, которая имеет право представительства в общегосударственных органах, не является одновременно зависимой от сеньора, а зависимые от сеньора не имеют собственных представителей в государственных органах. Они осуществляют свое представительство через своих князей и имеют, кроме того, это право по отношению к правителю того особого государства, непосредственными подданными которого они являются.

В Англии высшая и низшая знать вместе с территориальным господством лишилась и еще одного из своих прав — права представлять часть народа, однако значение ее в государстве не приобрело тем самым чисто личный характер. Лорд, обладающий местом и голосом в палате пэров, является по праву первородства представителем всей своей семьи. Впрочем, канцлером казначейства является младший сын герцога Чэтемского, *господин Питт*.

Аристократ, не являющийся старшим сыном, вступает на ту же стезю, что и любой отпрыск буржуазной семьи, которому в такой же степени, как сыну герцога, открыт

путь к высшим почестям, если он обладает достаточным талантом, упорством и образованием; в свою очередь в австрийском монархическом государстве к каждому хорошо одетому человеку в светском обществе принято обращаться «господин фон»...; ему открыт путь к высшим должностям в армии и на государственной службе; если же он достигает успеха, то возводится в дворянское достоинство; следовательно, если оставить в стороне право представительства, он так же, как в Англии, уравнивается в правах с аристократом.

Все несчастья Франции проистекают из полного перерождения ленной системы, утраты ее подлинного характера. В собраниях генеральных штатов³² высшая и низшая аристократия не выступала больше в той роли, которая составляла ее главную силу в политической организации, в роли представительства; личность же стала играть здесь совершенно недопустимую по своему значению роль.

Если аристократическое происхождение, даруя с ранних лет известное благосостояние, освобождает от мелких забот деловой жизни и усилий, направленных на удовлетворение материальных нужд, если аристократы благодаря этому обстоятельству, а также в силу унаследованной беззаботности и равнодушия к материальным благам сохраняют широту и свободу воззрений и, следовательно, более способны проявить военную доблесть, требующую отказа от собственности, милых сердцу привычек, связанных с ограничениями и обычаями устоявшейся жизни, более склонны к либерализму в делах государства и к известной свободе в подходе к ним, меньше зависят от правил и больше доверяют собственному суждению, складывающемуся в зависимости от обстоятельств, положений и потребностей, и могут вдохнуть новую жизнь в механизм управления,— если, следовательно, аристократы пользуются во всех государствах личными преимуществами, то подобное личное преимущество, будучи таковым, должно быть обретено свободно, т. е. в соперничестве с другими; ведь, помимо всего прочего, сама изощренная организация современных государств, требующая громадного, невероятного труда, нуждается в упорстве, прилежании, умении и знаниях, которым обла-

дают представители буржуазии; подъем этого сословия в новое время, его растущее значение, знания и умение, возвышающие это сословие над его первоначальным положением в обществе, обязывает государство устранить препятствия на его пути.

По логике вещей в большинстве современных государств различия между бюргерством и дворянством постепенно стираются — в Пруссии частично в гражданской сфере, в Англии, Австрии и других государствах — и при назначении на военные должности; во Франции же они достигли громадных размеров. Для представителей бюргерства путь к судейским и военным должностям закрыт, в принцип здесь возведены чисто личные преимущества.

Принцип представительства и возникновение бюргерского сословия настолько глубоко уходят своими корнями в процесс развития ленной системы, что мнение, будто этот принцип является порождением нового времени, смело можно назвать нелепейшим вымыслом. Принцип представительства лег в основу всех современных государств и лишь его перерождение, т. е. потеря его истинной сущности, уничтожило государственный строй Франции, но не Францию как государство. Представительство пришло из Германии; однако есть некий непреложный закон, согласно которому народ, привносящий в мир новый импульс к универсальному развитию, погибает в конечном итоге раньше всех остальных, и сохраняется созданный этим народом принцип, но не он сам.

НЕЗАВИСИМОСТЬ СОСЛОВИЙ

Германия не сумела разработать для себя тот принцип, который она дала миру, и не нашла в нем спасения. Она не положила его в основу своего государственного устройства и не преобразовала ленную систему в государство, подчиненное единой власти, но, стремясь остаться верной своей исконной склонности — прежде всего сохранить независимость отдельных частей от целого, от государства, — достигла полной дезорганизации. Германия распалась на множество государств, чья способность к существованию утверждалась торжественными

взаимными обязательствами и гарантировалась великими державами. Однако существование такого рода основано не на собственной мощи и силе, а целиком зависит от политики великих держав.

В чем же могла бы состоять подлинная гарантия существования этих отдельных государств?

При отсутствии подлинной государственной власти основой подобной гарантии могла бы быть только неприкосновенность самих издавна существующих прав, которые в силу своей давности и множества торжественных договоров подняты на недостижимую высоту, исключаящую возможность их нарушения; и вообще вошло в привычку рассматривать политическое положение отдельных государств как некую моральную силу и укоренять глубокую веру в его священную нерушимость, в результате чего оно превращается в нечто столь прочное и неприкосновенное, как нравы народа или его религия.

Между тем ведь нравы и религия также часто подвергались жестоким преследованиям, будь то посредством приказов или прямого насилия; мы совсем недавно были свидетелями того, как это происходило во Франции; и если подобные попытки, чреватые весьма серьезными последствиями, обычно оборачиваются против тех, кто их предпринимает, или, во всяком случае, приводят к весьма сомнительным результатам, то нельзя тем не менее отрицать, что религия и нравы также подвержены влиянию времени и в них постепенно совершаются малозаметные изменения.

К тому же нравы и религия, с одной стороны, и государственные права — с другой, отнюдь не занимают одинакового места в жизни народа. Говорят, что нет ничего более святого, чем право; между тем уже в области частного права более высоким является милосердие, способное отказаться от своего права, а также право государства, которое может быть сохранено только в том случае, если оно в известной степени ограничит частное право, — ведь уже налоги, взимаемые государством, являются нарушением права собственности. Политические же права, претендующие на значение частных прав, заключают в себе внутреннее противоречие, ибо они как будто позволяют предположить, что носители столь нерушимых

политических прав находятся в рамках своих правовых взаимоотношений под эгидой некоей могущественной власти. Однако в этом случае эти взаимные права были бы не политическими, а частными имущественными правами.

Государственное устройство Германии якобы предполагает возможность подобных отношений. Однако уже одно то обстоятельство, что не только отношения собственности, но и все те отношения, которые непосредственно затрагивают интересы государства, носят характер частноправовых установлений, являет собой внутреннее противоречие; поскольку же в Германии вообще нет больше государственной власти, то отпадает и возможность рассматривать политические права как частные права со свойственной им прочностью и непоколебимостью, и эти права вступают тем самым в ранг общих политических прав.

Уважение же к общим политическим правам хорошо всем известно. Мирные договоры, а они и являются теми документами, на которых зиждутся политические права и взаимоотношения государств,— всегда содержат преамбулу, в которой провозглашается дружба между державами-контрагентами; помимо такой преамбулы договор содержит определения и других отношений, особенно тех, которые лежали в основе предшествовавших несогласий. Сколь ни широко трактуется в преамбуле сохранение доброго согласия, совершенно очевидно, что понимать это буквально не следует.

Едва ли не одной Турецкой империи удалось занять в своих отношениях с другими державами такую позицию, которая обеспечивает ей мир, до того момента, пока на нее не будет совершено прямое нападение; и в самом деле европейским державам редко удавалось втянуть ее в войну, вспыхнувшую в результате столкновения их политических интересов. Обычно же взаимоотношения между государствами столь многосторонни, а установленные мирными договорами соглашения допускают столько толкований, что при самом точном определении всех возможных аспектов отношений всегда остается еще неисчерпаемое множество таких, по поводу которых могут вспыхнуть споры. Ни одно государство не посягает прямо и непосредственно на какое-либо определенное договором

право; разногласия возникают обычно по поводу каких-либо недостаточно выясненных вопросов, они нарушают мир и, приводя к состоянию войны, вызывают неустойчивость и других точно определенных прав.

Подобное взаимное нарушение политических прав происходит только вследствие войны. Договоры и определенные ими взаимоотношения остались бы в действии, они не нарушаются непосредственно, на них никто открыто не посягает; к договорам не относятся легкомысленно; однако как только начинаются споры по поводу неточно сформулированных пунктов и условий, все, установленное договорами, теряет всякую силу.

Войны — их можно называть наступательными или оборонительными, по этому вопросу стороны никогда не достигают соглашения — можно было бы считать несправедливыми лишь в том случае, если бы мирные договоры устанавливали обязательность *нерушимого* обоюдного мира; и если установление вечного мира или вечной дружбы между державами как будто носит такой характер, то это следует понимать с ограничением, соответствующим природе вещей: вплоть до того момента, когда будет произведено нападение или совершены какие-либо враждебные действия. Ни одно государство не может связать себя обязательством не сопротивляться враждебным действиям и сохранять мир, несмотря на вторжение вражеских войск.

Однако проявления враждебности могут быть столь разнообразны, что рассудок человека не способен предусмотреть все ее возможности, и чем больше определений, т. е. чем больше прав, установленных договором, тем скорее возникнет противоречие в понимании этих прав. Если одна сторона осуществляет предоставленное ей право в тех пределах, которые ей даны, она обязательно затронет какое-либо право, закрепленное за другой стороной. Для этого достаточно обратиться к манифестам и государственным документам, составленным при каком-либо несогласии между государствами; в них всегда содержатся обвинения в адрес противника и оправдание своих собственных действий!

Каждая сторона ссылается на свое право и обвиняет другую в его нарушении. Право, принадлежащее государ-

ству А, нарушено государством Б; однако государство Б настаивает на том, что оно осуществляло при этом свое право и поэтому не может быть обвинено в нарушении права государства А. Общество разделяется на сторонников того и сторонников другого, каждая партия настаивает на том, что право на ее стороне; и обе партии правы, ибо сталкиваются друг с другом сами права.

Некоторые гуманные люди и моралисты³³ всячески поносят политику, видя в ней желание и умение извлекать из права выгоду для себя; они называют ее несправедливой в своей основе системой, а беспристрастные болтуны в нашем обществе, т. е. толпа, не имеющая ни каких-либо серьезных интересов, ни родины, чей идеал добродетели сводится к уюту пивного кабака, возводят на политику обвинения в недостаточной верности, в отсутствии правовых устоев; они всегда принимают во всем участие и поэтому выражают подозрение по поводу той правовой формы, в которой выражены интересы их государства. Если эти интересы совпадают с их собственными, они отстаивают и саму правовую форму; однако подлинной движущей ими внутренней силой являются именно их интересы, а не правовая форма, о которой идет речь. Если бы эти гуманные защитники права и морали обладали какими бы то ни было интересами, они могли бы понять, что интересы, а тем самым и права, могут прийти в столкновение и что противопоставлять интерес или столь ненавистную этим моралистам выгоду государства его праву безрассудно.

Право государства — это его утвержденная договорами и получившая признание выгода; поскольку же в договорах всегда устанавливаются различные интересы государств, бесконечно многообразные в своем правовом выражении, то эти многообразные интересы, а тем самым и права, неизбежно должны прийти в столкновение друг с другом и только от обстоятельств, от соотношения сил, т. е. от политического *суждения*, зависит, будут ли находящиеся под угрозой интерес и право государства отстаиваться всеми возможными средствами; при этом ведь и другая сторона может сослаться на свое право, ибо ее противоположный интерес и, следовательно, ее право также обоснованны; поэтому война — или что бы там ни

произошло — должна установить не истинность права той или другой враждующей стороны, — ибо истинны права обеих сторон, — а прийти к решению по поводу того, какое право должно уступить в этом столкновении другому. И решить это должна война именно потому, что оба эти столкнувшиеся права в равной степени истинны, и нарушить это равенство, создать возможность соглашения путем уступки одного права другому, может, следовательно, только нечто третье, т. е. война.

Пусть моральная сила прав будет непоколебимо установлена, но способна ли она сохранить их действительность? Из-за неопределенности прав *могут* возникнуть пререкания, из-за их определенности *должны* произойти их столкновения; и в этом столкновении право может отстоять себя, только опираясь на силу.

Если совершенно немыслимо, чтобы так называемые права немецких сословий существовали благодаря своей внутренней значимости в качестве некоей моральной силы и поскольку ввиду упомянутого столкновения нет и не может быть силы, способной отстоять эти права во всем их многообразии, в Германии должно было бы наступить состояние подлинной, не пассивной, а активной анархии, действие подлинного древнего кулачного права, которое в вечной распре из-за этих столь запутанных притязаний в каждый данный момент отдает предпочтение сильнейшему до той поры, пока более сильной не станет противная сторона.

Непосредственно предотвратил это земский мир³⁴; слабым он принес покой, основанный на их немоци перед сильными, что касается могущественных сословий, то уже выше было сказано, что наследие Юлиха и Клеве послужило поводом к Тридцатилетней войне и что в данном случае, как и в ряде других — например, при разделе баварского наследия, — дело решалось отнюдь не судом.

Однако разве число спорных случаев, послуживших поводом к войнам, не ничтожно по сравнению с множеством тех распрей, которые неизбежно должны были возникнуть при столь сложном переплетении прав и были урегулированы мирным путем? Нет! Они не урегулированы, а положены под сукно. Известно ведь, какой бесконечной сетью неисчислимых процессов опутана немецкая

знать; сколько процессов, начатых сто, несколько сот лет тому назад, не закончены до сих пор; более того, какое бесчисленное множество притязаний похоронено в архиве каждого княжества, графства, имперского города, любой аристократической семьи, — другими словами, сколько прав не получило своей реализации. Если бы все эти права внезапно заговорили — какой бы немолкаемый гул перебивающих друг друга голосов раздался бы тогда!

Притязания — не что иное, как не получившие подтверждения права. Спокойствие в данном случае — не результат судебного решения, ибо решения не было, а страхи лишиться своего права, ибо притязание все-таки предпочтительнее отвергнутого права, нерассмотренный процесс предпочтительнее проигранного; кроме того, это спокойствие объясняется также страхом перед могущественными властителями, которые в соответствии с новым всеобщим установлением обязаны были бы, защищая свои границы и свою землю, вмешаться в происходящее поблизости от них открытое столкновение, что не соответствовало бы интересам ни той стороны, против которой бы они выступали, ни той, которую бы они защищали. Таким образом, междоусобицы прекратились, земский мир принес спокойствие, т. е. не вынес решения по поводу противоречивых притязаний, а заставил их замолчать, в результате чего предмет спора остался в обладании того, кто им реально владел, — *beati possidentes!* — без какого-либо юридического решения этого вопроса. Следовательно, известное спокойствие достигнуто в Германии не вследствие того, что каждый владеет тем, на что он имеет право, что было бы положением, гарантируемым государством; гарантией спокойного существования сословий при их необычайном различии в силе является страх и политические соображения, а не прочность прав, от которых они зависят, не их собственная внутренняя сила.

При существующем и, как мы показали, неизбежном отсутствии государственной власти — неизбежном, ибо ее предмет, т. е. сохранение неизменяемых прав сословий, несовместим с наличием государственной власти, — может случиться, что все эти изолированные сословия, пребывая в обычном своем состоянии, при котором они исходят из общих интересов в той мере и когда это им желательно,

вернутся к своему прежнему образу действий; не вступая в постоянный прочный союз, они сочтут целесообразным объединиться по своей доброй воле в дни тяжелых лишений или грозящей опасности и создать посредством такого сплочения своих сил необходимые в данный момент государство и государственную власть, способную действовать как внутри страны, если ущемляются их права, так и вовне при совершении какого-либо нападения на все сословия в целом или на одно из них.

Такую необходимость вызвало некогда преследование протестантской религии; это было связано не с честолюбием правителей, оставлявшим их подданных совершенно равнодушными, а с сокровеннейшим духовным интересом людей. Нет вопроса, который заставил бы князей и их подданных сплотиться с таким единодушием, свободой и рвением, с таким забвением всякого соперничества, как вопрос религиозный. Любые другие проблемы в меньшей степени затрагивают людей; наряду с любыми другими проблемами возникают в памяти и утверждаются другие противоречивые интересы.

Между тем известно, какой позорный конец был уделом *Шмалькальденского союза*³⁵. Для всего этого союза характерны были мелкие тщеславные устремления, и в самодовольном любовании собой и своим благородным делом члены его еще до каких-либо действий ощущали такое самоудовлетворение, что этот союз распался при первых же ударах. Однако некоторые члены этого союза держались храбро и довели дело до настоящих сражений; что же касается *протестантской унии*³⁶ последующего столетия, то она уже самими ничтожными вопросами, которыми она занималась в момент своего возникновения, возвестила о всем ничтожестве своей сущности, впоследствии полностью проявившейся в ее деятельности.

Можно упомянуть еще об одном внутреннем объединении такого рода — о *союзе князей*³⁷, направленном против Иосифа II, чьи действия вызвали опасения некоторых сословий. Идея этого союза обрела блеск благодаря имени как возглавлявшего его правителя, так и того, против которого этот союз был направлен, а также и благодаря тому, что множество писателей, в том числе талант-

ливых, защищавших ту или иную сторону, сумели серьезно заинтересовать этим делом общество. Общественное мнение сыграло здесь, по-видимому, известную роль; если деяния Фридриха II окружали его имя ореолом славы, то они уже свершились, и результат их — переход Силезии к Пруссии, государственное управление, религиозные и гражданские законы в прусских землях — уже существовал; если для остальных земель Германии с этой стороны ждать было нечего и для них действительно ничего не было сделано, то в первые годы богатого событиями нового века в немецкой истории души людей еще волновала надежда. Однако если оставить в стороне общественное мнение и возникновение многих надежд или опасений, союз немецких князей не оставил следа в истории. Поскольку он не выразил себя в какой-либо деятельности, то и о его сущности сказать, собственно говоря, нечего. Независимость Бранденбурга от Германской империи существовала уже задолго до этого; возросла ли она или уменьшилась в результате деятельности союза князей — об этом ничего сказать нельзя.

Что касается свободно заключаемых против иностранных держав союзов, то в тех случаях, когда Германию не раздирали внутренние войны и она защищалась от внешнего врага, эти союзы занимали место собственно имперских войн (Мюллер³⁸, с. 70. Союз с Вильгельмом Оранским³⁹ против Людовика XIV⁴⁰. Аугсб. союз 1688 г.). То, что совершали князья и сословия, было скорее свободным волеизъявлением отдельных кругов и ассоциаций, чем принятым в соответствии с законом, обязательным для всех государственным постановлением. Бранденбург выступает еще в рамках империи, однако не вследствие каких-либо обязательств по отношению к ней, но действуя самостоятельно и ставя перед собой в качестве основной цели корону прусского королевства.

Войны этого столетия были внутренними войнами.

В ходе последней войны с Францией, в момент, когда Германии угрожала серьезная опасность, как будто начался процесс образования единой воли, направленной на защиту Германии. Почти все немецкие государства приняли в этом участие; однако установить момент, когда все они выступали одновременно, невозможно. Наиболее

могущественные из них, напротив, большей частью в ходе войны перестали принимать в ней участие.

После того как Вестфальский мир узаконил прежнюю независимость отдельных частей Германии, — хотя и в совершенно иных, изменившихся условиях, — и тем самым устранил для нее возможность превратиться в государство современного типа и создать государственную власть, опыт последующих лет показал, что дух времени стал иным и каждый отдельный человек не стремится более по своей доброй воле действовать в согласии со всеми другими на благо целого; теперь даже, в час самой настоятельной необходимости, когда самым непосредственным образом затронуты общие интересы, ждать каких-либо совместных объединенных действий не приходится.

Вестфальский мир придал отсутствию в Германии государства известную организацию. Писатели, подобно Hippolytus a Lapide⁴¹, отчетливо определили внутренний характер и тенденцию нации. Подписав Вестфальский мир, Германия отказалась от возможности утвердиться в качестве прочной государственной власти и отдалась во власть составляющих ее государств.

Можно, конечно, при желании рассматривать эту веру в добрую волю членов империи, на основании которой им было доверено общее благо страны, как проявление того духа добропорядочности, которым так гордится немецкий народ. В самом деле все обстоит прекрасно: с одной стороны, государственная власть распадается и сама отдает себя в руки отдельных сословий, с другой — выставляется требование, которое считается вполне реальным, чтобы эти отдельные сословия объединялись по своему свободному решению. Немецкие сословия, заключившие Вестфальский мир, сочли бы себя оскорбленными, если бы им высказали недостаточное доверие, предположив, что при создавшейся обособленности они могут отнестись без должного внимания к благу целого и действовать в соответствии со своими собственными интересами даже в том случае, когда их интересы не совпадают с интересами государства в целом или противоречат им. Общие государственные связи, обязанности каждого по отношению к целому, благо целого признано и утверждено самым торжественным образом, и в любом возможном

столкновении по этому вопросу; пусть даже оно завершится жесточайшими войнами, каждая из враждующих партий заранее обосновывает свое право самыми убедительными манифестами и дедукциями.

Тем самым весь этот круг вопросов перемещается из сферы воли и собственных интересов в сферу представлений; при наличии общего желания действовать на благо целого, найти должный образ действий, наиболее соответствующий благу целого, должен был бы рассудок; и после того как определенный образ действий принят решением большинства, меньшинство должно было бы подчиниться ему. Однако там, где не только отсутствует государственная власть, но и каждое отдельное сословие имеет право заключать союзы, мирные договоры и т. п. в соответствии со своим собственным представлением о благе целого, этого в действительности не происходит и не может произойти. Если бы в период разобщенности и войны кто-нибудь (безусловно, только частное лицо, ибо для министра это невозможно) в самом деле простоудушно поверил бы в то, что причина войны заключается только в отсутствии общего представления о том, какими средствами можно содействовать благу Германии в целом, и надеялся бы достигнуть согласия посредством воздействия на убеждения воюющих сторон, то своим прекрасодушием он только поставил бы себя в смешное положение; его задачей было бы внушить всем, что общий образ действий, который должен был бы быть всеобщим, соответствует особым интересам каждого отдельного человека.

Хорошо известен и всеми признан принцип, согласно которому этот особый интерес и есть самое главное; его нельзя рассматривать как нечто, противоречащее правам и обязанностям подданных или требованиям морали; напротив, каждое отдельное сословие *должно* в качестве особого сословия не жертвовать собой некоему целому, от которого ему нечего ждать помощи, а выполнять свой священный долг, заботясь в качестве правителя земли или магистрата имперского города о своей земле и своих подданных.

ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ В ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Независимость отдельных частей по отношению к государственному целому зафиксирована Вестфальским миром. Сами по себе сословия не могли бы этого достигнуть — их союз был непрочен, а они сами и их земли не обладали достаточной силой, чтобы сопротивляться деспотической власти Фердинанда в области политики или религии.

Поход Густава Адольфа имел по существу (не для него лично, ибо он умер в расцвете славы, а для его народа) такой же результат, как впоследствии походы Карла XII. Шведы потерпели в Германии поражение; их спасло только то, что Ришелье⁴² и продолжавший его политику Мазарини⁴³ стали на их сторону и поддержали их дело.

Ришелье выпало на долю редкое счастье: его считало своим величайшим благодетелем как то государство, которое действительно обязано ему своим величием, так и то, за счет которого это было достигнуто.

Франция как государство и Германия как государство несли в себе одни и те же принципы распада; во Франции Ришелье уничтожил их полностью и превратил эту страну в одно из самых могущественных европейских государств; в Германии он дал им полную власть и тем самым уничтожил ее как государство. В обеих странах он довел тот принцип, который являл собой их внутреннюю основу, до полного развития; во Франции — монархию, в Германии — образование множества самостоятельных государств. Оба еще продолжали бороться с тем, что им противостояло; Ришелье удалось довести обе страны до уровня прочных, взаимопротивоположных систем. Двумя принципами, препятствовавшими Франции превратиться в государство в форме монархии, были крупная знать и гугеноты — те и другие вели войны с королями.

Представители знати, в число которых входили и члены королевской семьи, интриговали против министра, опираясь на свои армии. Правда, суверенитет уже давно стал священным правом монарха и на него никто не посягал; могущественные вассалы короля выступали со сво-

ими армиями не для завоевания суверенитета, а для того, чтобы в качестве министров, губернаторов провинций и т. п. быть первыми среди подданных монарха. Заслуга Ришелье, который подчинил крупных вассалов государственной власти в ее первой инстанции, т. е. министерству, может на первый взгляд показаться проявлением честолюбия. Создается впечатление, что все его враги пали жертвой его честолюбия; поднимая мятежи и образуя заговоры, они уверяли — и, вероятно, со всей искренностью — в своей невинности и преданности своему монарху; а что касается вооруженного противодействия министру, то это они не считали ни гражданским, ни государственным преступлением. Однако побеждены они были не личностью министра, а его гением, который связал его личность с необходимым принципом единства государства и поставил государственные должности в зависимость от государства. В этом-то и состоит политический гений — он заставляет индивидуума идентифицировать себя с определенным принципом; в таком сочетании этот индивидуум обязательно одержит победу. Заслуга министра, создавшего, подобно Ришелье, единую исполнительную власть в государстве, бесконечно выше любых других заслуг, таких, например, как увеличение страны посредством присоединения к ней какой-нибудь провинции или спасение ее от любых других бедствий.

Другим принципом, угрожавшим государству распадом, были гугеноты, которых Ришелье подавлял как политическую партию; его действия против них нельзя подвести под понятие подавления свободы совести. У гугенотов были свои армии, укрепленные города, они заключали союзы с иностранными державами и т. д.; таким образом они составляли своего рода суверенное государство; в противовес им католики образовали Лигу, которая едва не привела французское государство к гибели. Обе враждующие партии олицетворяли собой вооруженный фанатизм, пренебрегавший государственной властью. Уничтожив государство гугенотов, Ришелье уничтожил и право Лиги на существование; а что касается ее наследия, выразившегося в бесправной и беспринципной непокорности вассалов, то с этим он справился. Уничтожив государство гугенотов, Ришелье оставил им свободу вероисповедания,

церкви, богослужения, равные с католиками гражданские и политические права. Последовательность в понимании обязанностей государственного деятеля помогла ему осознать значение религиозной терпимости, которая более чем через столетие утвердилась благодаря усилиям наиболее образованной части общества и рассматривалась как наиболее блестящий результат развития философии и смягчения нравов; и совсем не неосведомленность или фанатизм были причиной того, что в ходе войны и при заключении Вестфальского мира французы не подумали о возможности отделить в Германии церковь от государства, что они положили религию в основу различия политических и гражданских прав, т. е. утвердили в Германии тот принцип, который они уничтожили в своей стране.

Так, Франции и кроме нее Англии, Испании и другим европейским странам удалось усмирить брожение элементов, угрожавших существованию государства, связать их в единое целое и посредством воспринятой у Германии свободы ленной системы создать в соответствии с законами и на основе свободы единый, вобравший все силы центр; форма подобного государства — она может быть монархической или республиканской в ее современном понимании (которая также может быть подведена под категорию ограниченной, т. е. покоящейся на законах, монархии) — значения не имеет; с этой стадии развития берет свое начало в разных странах эпоха могущества и процветания государства, эпоха свободы и огражденного законами благосостояния его подданных.

Судьбу Германии разделила *Италия*; разница заключается только в том, что Италия, где процесс развития шел быстрее, опередила Германию и раньше достигла той стадии, к которой теперь приближается Германия.

Императоры Римской империи германской нации в течение долгого времени претендовали на господство над Италией, которое, как это обычно бывает в Германии, имело лишь тогда и лишь в той мере реальную силу, когда и поскольку она соответствовала могуществу императора. Стремление императоров объединить под своей властью обе страны — Германию и Италию — привело к тому, что они потеряли власть над обеими.

В Италии все ее части завоевали суверенитет; она перестала быть государством и превратилась в беспорядочное смешение независимых государств, внутри которых по воле случая устанавливалось монархическое, аристократическое или демократическое правление; на короткое время устанавливалось и перерождение этих форм государственного устройства в виде тирании, олигархии и охлократии. Состояние Италии нельзя, собственно говоря, назвать анархией, ибо множество противоположных партий выступали здесь в виде организованных государств. Несмотря на то что подлинного государственного союза в Италии не было, часть ее земель всегда объединялась для сопротивления императору, а остальные — во имя его интересов. Партия гибеллинов и партия гвельфов, которые некогда охватывали Германию и Италию, вновь появились в Германии XVIII в. — модифицированные соответственно изменившимся условиям — в лице австрийской и прусской партий.

Едва только отдельные части Италии уничтожили существовавшее ранее государство и достигли независимости, как они возбудили завоевательные стремления крупных держав и стали ареной военных действий между ними. Мелкие государства, осмелившиеся противопоставить себя тысячекратно и более превосходящей их силе, постигла неизбежная в данном случае участь; и наряду с сочувствием к ним возникает сознание необходимости этого и вины самих пигмеев в том, что они растоптаны гигантами, среди которых они затесались. Более крупные государства Италии, поглотившие в ходе своего формирования множество мелких, также прозябали, лишённые силы и подлинной независимости, выполняя роль пешек в планах иноземных держав; они продержались дольше благодаря умелому лавированию, проявляя в нужный момент смирение и постоянными частичными уступками предотвращая полное подчинение, избежать которого им в конечном итоге не удалось.

Где множество независимых государств — Пиза, Сиена, Ареццо, Феррара, Милан? Где сотни государств в лице отдельных независимых городов? Где дома многих суверенных герцогов, маркграфов и др., княжеские дома Бентивольо, Сфорца, Гонзага, Пико, Урбино и др., а так-

же бесчисленная рыцарская знать? Ряд независимых государств был поглощен большими, а те в свою очередь еще большими и т. д.; существованию одного из самых больших, Венеции, положило конец послание французского генерала, переданное его адъютантом. Самые блестящие княжеские дома не имеют более ни суверенитета, ни какого-либо значения в качестве политических деятелей или представителей своих земель. Потомки самых благородных родов Италии пополняют теперь ряды придворной знати.

В те страшные годы, когда Италия, стремительно приближаясь к гибели, служила ареной войн, которые иноземные державы вели за ее земли, когда она, предоставляя средства для этих войн, одновременно составляла и их цель, искала свое спасение в вероломном убийстве, отравлениях, предательстве и фантазиях пришлого сброда, всегда разорительного для тех, кто их панимал, а большей частью воплощавшего в себе грозную опасность (некоторые из представителей такого рода сумели вознестись до положения правителей в момент, когда немцы, испанцы, французы и швейцарцы грабили страну, а иноземные кабинеты определяли судьбу этой нации), один государственный деятель Италии⁴⁴, остро ощущавший всю глубину общего падения, гнева, разрушения и ослепления, трезво взвесив все обстоятельства, пришел к твердому выводу, что спасти Италию можно, только объединив ее в государство. Он со строгой последовательностью начертал путь, необходимый для этого спасения в условиях испорченности и слепого бешенства того времени, и следующими словами призвал своего князя к тому, чтобы он выполнил высокое назначение спасителя своей страны и покрыл себя неувядаемой славой, положив конец ее страданиям:

«Если, как я говорил, чтобы проявилась мощь Моисея⁴⁵, необходимо было народу израильскому рабство его в Египте, а для познания величия души Кира⁴⁶ требовалось, чтобы персы оказались под игмом мидян, и если положено было афинянам жить в рассеянии, чтобы раскрылась доблесть Тезея⁴⁷, то и сейчас, чтобы познать силу итальянского духа, должна была Италия опуститься до нынешнего предела, быть больше рабой, чем еврей,

больше слугой, чем персы, больше рассеянной, чем афиняне, быть без главы, без государственного закона, разбитой, ограбленной, истерзанной, опустошенной, претерпевшей все виды унижения. Хотя и до сих пор появлялся иной раз как бы луч надежды и в образе того или другого человека, и можно было думать, что он послан богом для ее спасения, но затем всегда оказывалось, что судьба отталкивала его в самый разгар подвигов. Так, словно покинутая жизнь, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборам в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы... Здесь праведное, великое дело: ибо война справедлива для тех, кому необходима, и оружие священо, когда оно является единственной надеждой... Все соединилось во имя величия вашего. Остальное должны сделать вы сами. Бог не хочет совершить все, чтобы не лишать нас свободной воли и частицы славы, выпадающей на нашу долю...

...Не могу выразить, с какой любовью встретили бы его (освободителя Италии) во всех областях, пострадавших от нашествий чужеземцев, с какой жаждой мести, с какой несокрушимой верой, с каким благоговением, с какими слезами! Какие ворота закрылись бы перед ним, какой народ отказал бы ему в повиновении, как могла бы зависть стать ему поперек дороги, какой итальянец не пошел бы за ним?»*

Вряд ли можно сомневаться в том, что человек, чьи слова полны такой подлинной значительности, не способен ни на подлость, ни на легкомыслие. Между тем уже само имя Макиавелли носит, по мнению большинства, печать отверженности, а макиавеллизм отождествляется обычно с гнусными принципами. Идея государства, созданного народом, столь настойчиво заглушалась безрассудными призывами к так называемой свободе, что всех бедствий Германии в Семилетней войне и в последней войне с Францией, всего прогресса разума и опыта, почерпнутого из неистовства, охватившего Францию в ее стремлении к свободе, вероятно, недостаточно для того, чтобы та простая истина, согласно которой свобода воз-

* *Макиавелли Н. Соч.*, т. I. М.—Л., 1934, с. 325—326, 329.

можно только в государстве, созданном объединившимся на правовой основе народом, проникла в умы людей и утвердилась в качестве основного принципа науки о государстве.

Даже цель Макиавелли — поднять Италию до уровня государства — слепо отвергается теми, кто видит в творении Макиавелли лишь призыв к тирании, зеркало в золотой оправе для тщеславного поработителя. Если же эта цель принимается, то объявляются отвратительными предлагаемые им средства, и тут-то открывается широкий простор для морализирования и высказывания различных тривиальностей, вроде того, что цель не оправдывает средства и т. п.

Между тем здесь не может быть и речи о выборе средств, гангренозные члены нельзя лечить лавандовой водой. Состояние, при котором яд, убийство из-за угла стали обычным оружием, не может быть устранено мягкими мерами противодействия. Жизнь на грани тления может быть преобразована лишь насильственными действиями.

Весьма неразумно рассматривать идею, сложившуюся под непосредственным впечатлением о состоянии Италии, как некий безучастный компендиум морально-политических принципов, пригодный для любых условий, другими словами, ни для чего не пригодный. «Государя» падо читать под непосредственным впечатлением исторических событий, предшествовавших эпохе Макиавелли и современной ему истории Италии, и тогда это произведение не только получит свое оправдание, но и предстанет перед нами как истинно великое творение подлинного политического ума высокой и благородной направленности.

Вряд ли будет излишним указать в нескольких словах на то, что обычно не замечают, читая Макиавелли; мы имеем в виду те поистине идеальные качества, которыми он наделяет выдающегося князя и которыми за истекшее с тех пор время не обладал ни один правитель, в том числе и тот, кто его опроверг⁴⁸. Что же касается так называемых отвратительных средств, пользоваться которыми рекомендует Макиавелли, то их следует рассматривать и под другим углом зрения. Формально Италия была

государством; в принципе это оставалось в силе и тогда, когда император еще считался верховным сеньором. И из этого общего положения Макиавелли исходит, этого он требует, это и есть тот принцип, который он противопоставляет унижениям своей страны. Под таким углом зрения действия «Государя» предстают в совершенно ином свете. То, что было бы отвратительным в качестве поступка одного частного лица по отношению к другому, одного государства по отношению к другому государству или другому частному лицу, становится в данном случае справедливой карой. Содействие анархии является высшим, вернее, единственным преступлением против государства, ибо оно включает в себя все остальные государственные преступления, и те, кто наносит вред государству не опосредствованно, подобно другим преступникам, а непосредственно нападают на само государство, являются самыми страшными преступниками; и нет у государства более высокого долга, чем сохранить себя и самым верным способом уничтожить силу этих преступников. Выполнение государством этого высокого долга — уже не средство, а кара или если бы сама кара могла служить средством, то любое наказание преступника следовало бы считать отвратительным, и каждое государство должно было бы обладать возможностью использовать, когда речь идет о его сохранности, отвратительные средства, подобно казни и длительному тюремному заключению.

Римский государственный деятель Катон Младший⁴⁹ обрел сомнительную привилегию в том, что на него сылаются все глашатаи свободы; между тем именно он всячески содействовал тому, чтобы Помпею⁵⁰ была дана вся полнота власти, причем сделал он это не из дружбы к Помпею, а потому, что считал анархию самым большим злом; и самоубийством он покончил совсем не потому, что была уничтожена анархия, которую римляне тогда еще называли свободой, — ибо партия Помпея, к которой он принадлежал, отличалась от партии Цезаря⁵¹ лишь тем, что была другой партией, — а из упрямства, свойственного его характеру, из нежелания подчиниться презираемому им ненавистному врагу — смерть его была проявлением духа партийности.

Тот, от кого Макиавелли ждал спасения Италии, был, по всем признакам, герцог Валентино⁵², князь, который с помощью своего дяди храбростью и обманом сколотил государство из владений герцогов Урсино, Колонна, Урбино и др., а также владений ряда римских баронов. Память о нем и его дяде: даже если отвлечься от всех тех обвинений, которые основаны на слухах и ненависти врагов, нельзя не согласиться с тем, что герцог и его дядя заклеены позором в памяти потомства — тех, кто считает себя вправе давать моральную оценку людям. Герцог и его дядя погибли, но не погибло их дело. Именно они завоевали римскому престолу государство, которое Юлий II⁵³ сумел использовать и превратить в грозную силу и которое существует по сей день.

Если Макиавелли приписывает падение Цезаря Борджиа не только его политическим ошибкам, но и случайности, вследствие которой он заболел именно в тот решительный момент, когда умирал Александр, то мы видим в этом проявление высшей необходимости, не позволившей Цезарю Борджиа насладиться плодами своей деятельности, достигнуть еще большего могущества, потому что природа, по-видимому, предназначила его, о чем свидетельствуют его пороки, скорее к эфемерному блеску, к тому, чтобы служить простым орудием образования государства, а также и потому, что достигнутая им власть была в значительной своей части основана не на внутреннем и не на внешнем праве, а возникла в качестве чужеродного тела на разветвлении духовного достоинства его дяди.

Творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал перед своим временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением. Интересным является в своеобразной судьбе «Государя» также тот факт, что при общем непонимании и ненависти к этому произведению один будущий монарх⁵⁴, вся жизнь и деятельность которого явились ярчайшей иллюстрацией к распаду Германской империи на множество независимых государств, руководствуясь своего рода инстинктом, взял в качестве темы для школьного сочинения Макиавелли,

противопоставив ему моральные хрип, пустоту которых он сам впоследствии подтвердил как своим образом действий, так и своими произведениями, где это со всей отчетливостью сказано; так, например, в предисловии к Истории первой Силезской войны⁵⁵ он отрицает необходимость соблюдать условия договоров в том случае, если они уже не идут на пользу подписавшему договор государству.

Впрочем, наше утонченное общество, которое не могло не отметить гениальность творений Макиавелли, но, обладая высокими моральными достоинствами, не способно было и принять его принципы, решило по своей доброте спасти его самого; эти благожелатели вышли из сложного положения со всей присущей им честностью и тонкостью, объявив, что в своих произведениях Макиавелли совсем не излагал своих действительных взглядов, что все это — лишь тонкая сатира, ирония; нельзя не согласиться с тем, что тонкость столь восприимчивого к иронии общества достойна всяческих похвал. Голос Макиавелли затих, не оказав никакого воздействия.

ДВЕ ВЕЛИКИЕ НЕМЕЦКИЕ ДЕРЖАВЫ

Германия во многом разделяет прежнюю судьбу Италии — и она в течение ряда веков служила ареной внутренних войн, а также войн иноземных держав, подверглась опустошению, ограблению и надругательствам со стороны своих друзей, была презираема ими, а в мирное время обычно теряла часть своих земель. Однако эта судьба постигла ее значительно позже, чем Италию. Первой иноземной державой, которая, разрывая внутренние узы Германии, способствовала уничтожению ее уже колеблющейся системы государственных связей, была Швеция. С этого момента судьбу Германии стали определять иноземные государства — Германия уже раньше перестала внушать страх другим державам. Теперь же она лишилась возможности самостоятельно устраивать свои внутренние дела, принимать касающиеся ее решения; она выпустила из рук право определять свою участь.

Судьба Германии существенно отличалась, однако, от судьбы Италии тем, что государства, на которые расна-

лась Италия, могли при тогдашних условиях еще долгое время сопротивляться натиску значительно более сильных держав, что ничтожность их силы не превращала их в столь же ничтожную величину вообще; подобно тому как Греция была способной не только оказать сопротивление персам, но и одержать над ними победу, так город Милан мог в прежние времена сопротивляться войскам Фридриха⁵⁶ и выдержать их натиск, а еще позже Венеция устояла в войне с Камбрейской лигой⁵⁷. В настоящее время возможность того, что маленькие государства будут противостоять крупным державам, полностью исключена, а суверенитет государств Германии сложился главным образом именно в тот период, когда эта возможность уже отсутствовала. Поэтому государства Германии не переходили от объединения к полному отделению; они немедленно вступали в объединения другого рода; общая масса не распалась на множество частей, оставаясь некоторое время в этом состоянии, но внутри этой массы создавались новые центры, вокруг которых, образуя новые массы, сконцентрировались части, оторвавшиеся от целого.

Религия и самостоятельность в качестве основы независимости государств были в прошлом теми интересами, которые служили центрами для объединения немецких сословий, оба эти центра формировали их политическую систему. Однако эти центры исчезли. Религия не только устояла, дух времени оградил ее от всякой опасности; сословия также сумели обрести самостоятельность; наряду с Австрией, некогда вызывавшей опасения своими притязаниями на универсальную монархию, теперь образовалась прусская монархия, которая, будучи достаточно сильной, выстояла в Семилетней войне под ударами не только Австрии, но и других держав, и с тех пор еще увеличила свою территорию за счет Польши и Франконии.

Достигнув такого могущества, Пруссия вышла из сферы общего интереса, направленного на сохранение независимости, и поэтому не может больше рассматриваться как естественный центр, вокруг которого сословия объединяются в деле сохранения своей самостоятельности. Пруссия может вступать в союз с другими сословиями, в этом вопросе она независима и не пуждается в поддерж-

ке немецких князей. Она сама может постоять за себя. Союз немецких сословий с Пруссией тем самым неравен — Пруссия нуждается в нем меньше, чем они, и выгода должна, следовательно, быть также неравной. Пруссия сама может с полным основанием вызывать опасения.

В последней войне в Германии сложились четыре политические системы: австрийская, имперская, нейтральная и прусская.

Австрии не была оказана реальная поддержка, разве что со стороны нескольких мелких князей, например бриксенского епископа, земли которого находятся в центре австрийских владений. В качестве имперского дома Австрия требует от немецких сословий поддержки и участия в совместных действиях; в имперскую систему входят все менее сильные сословия, преимущественно южной Германии, которые могли рассчитывать на какую-либо самостоятельность лишь при условии, что Германская империя будет сохранена; к ним относятся прежде всего духовные сословия и имперские города.

Третью систему образует в первую очередь система Баварии, Бадена и Саксонии; они действовали вне какого-либо политического союза, будь то с Австрией, Пруссией или империей, а руководствовались в вопросе войны и мира или нейтралитета лишь своими собственными интересами.

Четвертая система охватывает сословия северной Германии, которые при посредстве Пруссии заключили договор о нейтралитете с Францией и отделились под защиту Пруссии, гарантировавшей им спокойствие в северной Германии.

После того как Пруссия заключила мир с Францией⁵⁸, к этому мирному договору присоединился еще ряд северных государств, а под действием страха, вызванного победоносным походом Франции в 1794 г., о своем нейтралитете заявили более половины немецких земель. Когда в 1796 г. французы вступили в Баварию, город Нюрнберг не только пожелал присоединиться к договору о нейтралитете, но изъявил полную готовность стать городом прусской земли; и действительно, прусские войска заняли Нюрнберг, после того как за несколько лет до этого Пруссия на основании старых притязаний заявила, что часть

его территории принадлежит ей и захватила ее; таким же образом Пруссия уничтожила и права многих рыцарей Франконии, причем ни Нюрнберг, ни рыцари не получили от империи никакой помощи.

Сословия северной Германии гарантировали нейтралитет не сами, в форме обычных ассоциаций, и Пруссия была не одним из членов подобного союза, а его главой и гарантом, сословия же несли издержки по содержанию демаркационных войск. Постоянного союзного совета не существовало; он собирался только тогда, когда необходимо было провести совещания или вынести решения по регулированию и проведению принятых мероприятий и установленных сословных взносов.

Истинное политическое положение сословий стало очевидным, когда в конце 1800 г. сословия, которым не было предложено явиться, сами решили созвать очередное собрание: Пруссия отказала им в праве собираться для совещаний, поскольку Пруссия, будучи гарантом спокойствия, сама способна судить о том, какие меры для этого необходимо принять.

Когда северная коалиция, выступившая против претензий Англии по поводу кораблей нейтральных стран, оказалась на грани войны с Англией, Ганновер — один из главных членов союза, обладавший гарантией нейтралитета, был (наряду с другими имперскими городами) занят Пруссией. Ему пришлось распустить свои войска и взять на себя снабжение прусских воинских частей. Мир⁵⁹ был ратифицирован сословиями Германской империи, но Пруссия пожелала получить для себя официальное подтверждение этой ратификации в Париже.

Вся история этой войны, отделение северной Германии от южной, сепаратные договоры о нейтралитете и мире, в то время как вся южная Германия, брошенная на произвол судьбы, испытывала ужасающие бедствия, с полной очевидностью свидетельствуют не только о том, что Германия распалась на отдельные независимые государства, но и о том, что интересы этих государств совершенно различны; и если государственные узы между ними столь же непрочны, как в средние века, то свободного их объединения теперь уже ждать нельзя. В момент, когда оказались затронуты самые животрепещущие интересы,

когда Германия утратила все левобережье Рейна и половина ее территории была захвачена и опустошена врагом; со стороны немецких государств не последовали ни действия общегосударственного характера, ни добровольная помощь. Все остальные сословия держались в стороне, не желая участвовать в каких-либо совместных мероприятиях, а некоторые из них, получив гарантию своего нейтралитета от князя, бывшего одновременно правителем чужого государства, отказались даже от самого права участвовать в совместных действиях сословий Германской империи, объединяться с ними в своей деятельности и даже от возможности совещаться по этому вопросу с другими сословиями.

При возобновлении войны Швеция сделала, правда, публичное заявление о своей готовности поставить контингент войск. Однако вскоре стало известно, что Пруссия не дала согласия на переход через линию нейтралитета. Тем, что Бранденбург в этой войне не только полностью отделил свои интересы от интересов Германской империи в целом и заставил сделать то же самое другие сословия, а затем поставил их в такое положение, при котором мог в качестве их гаранта в соответствии с правом и силою своей власти заставить их держаться обособленно; что он отнял у франконского рыцарства его право непосредственно подчиняться империи, лишил имперский город Нюрнберг части его территории, сочтя это для себя необходимым, вообще потребовал от магистрата полной капитуляции и занял город; что позже он захватил Ганновер, который состоял с ним в союзе, гарантировавшем спокойствие и неприкосновенность всей северной Германии, разоружил его и наложил на него в виде реквизиции обязанность снабжать продовольствием свои войска — все эти факты свидетельствуют о том, что уже давно имело место, а именно, что правителя Пруссии не следует считать имперским князем, обладающим равными с другими сословиями правами, что Пруссия является отдельным, суверенным, могущественным государством, а отнюдь не сословием, готовым принять равные для всех сословий обязательства внутри определенной ассоциации.

Последняя война вообще внесла большую ясность в отношения между государствами. Если говорить об отно-

шениях государств с точки зрения силы, то здесь уже не сохранилось больше никаких иллюзий; сущность этих отношений стала очевидной и признанной повсюду: до понимания слабых сословий было доведено, что ни о каком равенстве их с могущественными сословиями не может быть и речи. Если Женевская республика вела себя как суверенное государство и похвлялась тем, что первой направила своего посла во Французскую республику и формально признала ее, то вскоре, когда к отношениям между Женевой и Францией стали относиться серьезно, они приняли совсем иной характер; республике же Сан Марино Бонапарт⁶⁰ подарил несколько пушек, ибо здесь не могло быть каких-либо серьезных взаимоотношений, и этот акт служил лишь поводом для того, чтобы продемонстрировать уважение Франции к республиканским государствам.

Женевская республика исчезла; однако Батавской, Гельветской, Цизальпинской и Лигурийской республикам присутствие сильного гарнизона служит гарантией их независимости и спокойствия и, если угодно, нейтралитета.

Таковы отношения, которые устанавливаются между сильными и слабыми государствами в зависимости от действительного соотношения сил.

Отношения Австрии с Германией сложились в очень давнее время и могли бы быть совсем иными, если бы Австрия отказалась от императорской короны и в качестве могущественной суверенной державы заключила бы со своими соседями гарантированные договоры о взаимной защите, особенно если бы Австрия опиралась на эти договоры в минуту опасности; в одном Австрия сильно уступает Пруссии: отношения, связывающие Австрию, очень давнего происхождения, тогда как Бранденбург, будучи в мирное время свободным от каких бы то ни было обязательств, может в период войны предъявлять свои условия тем, кто в тяжелую минуту обращается к нему, ища защиты. Поскольку в наши дни принято все рассчитывать, то эти условия могут быть на 10% снижены по сравнению с теми, которых опасаются со стороны врага; или поскольку враг — вообще нечто совершенно неопределенное и от него ждут всего самого страшного, то любое определенное условие покажется меньшим злом, чем

неопределенное, вызывающее всяческие опасения условие. Ведь в данном случае размер потери по крайней мере известен, а это уже само по себе приносит известное успокоение.

Население Рейнских областей придерживалось следующего мнения: в том случае, когда одна часть государства находится внутри демаркационной зоны, другая же — вне ее и обременена к тому же государственными и частными контрибуциями французов, то при установлении сословными представителями земли общей суммы долга следует исходить из того, что та часть, которая находится под властью французов, может отказаться признать принцип паритета и равного участия в уплате долга, полагая, что находится в худшем положении; быть может, это мнение и необоснованно, но оно в общем отражает суждение народа.

Бранденбург обладает, следовательно, тем преимуществом, что он находится с могущественными державами либо в дружественных отношениях, либо, не будучи связан какими-либо договорами о союзе и взаимной защите, рассматривает их как врагов; если же он заключил какой-либо гарантийный договор, то его можно в любой момент нарушить, ибо этот договор являет собой лишь нечто определенное и единичное, подобно любому другому политическому договору, который по самой своей сущности допускает нарушение; оно не является в данном случае вероломством — этому нас научила последняя война, в ходе которой бесчисленное множество договоров нарушалось, вновь заключалось и вслед за тем вновь нарушалось; что же касается связи Австрии с сословиями, то она не может быть подведена под категорию обычных политических договоров; и если бы Австрия попыталась вступить во взаимоотношения, направленные против какого-либо имперского сословия, подобно тому, как это делает Пруссия, то все сословия увидели бы в этом посягательства на свои права. Для Пруссии это столь же естественно, как, например, для Франции и др.

Могущество Пруссии и проявление ее силы в выше-названных обстоятельствах вывело Пруссию из положения, равного положению всех прочих сословий. Чистый интерес своей политической самостоятельности они мо-

гут обрести лишь у самих себя; и их ассоциация, подлинный сословный союз на этой основе был бы вполне возможен, однако только возможен, ибо сила самих этих сословий настолько различна, что они не могут образовать подлинно равный союз.

Аббатству, имперскому городу, имперской знати в значительно меньшей степени грозит стремление к расширению своих границ со стороны австрийской монархии, чем со стороны какой-либо меньшей державы. Несмотря на то, что Пруссия, безусловно, может считаться крупной державой, она в этом отношении, т. е. в качестве державы, способной вызвать опасения мелких сословий и готовой использовать все доступные ей преимущества, ближе по своей политике к менее сильным сословиям, ибо государственная политика Пруссии, так же как и Франции, основана на расчете, а ее военная мощь долгое время не соответствовала величине ее территории; вследствие этого Пруссия была вынуждена искать выход в мелких, выгодных для нее сделках, сумма которых давала ей необходимые преимущества,— подобно Французской республике она положила в основу своей политики общие принципы, силою своей власти прослеживая их действия вплоть до мельчайших деталей, и подчинила им все особые права и отношения; невольно напрашивается мысль, что эта новая политика Пруссии объясняется отсутствием здесь принципа королевского величия, связью ее со сферой бюргерства; если сравнить Пруссию, например, с Австрией, то отношение Пруссии к Австрии напоминает отношение бюргера, скопившего тяжелым трудом, начав с одного пфеннига, свое богатство, к аристократу, свободному и богатому от рождения, имущество которого заключено в земле и остается по существу без изменений, даже если он позволит своей домашней челяди или соседям иногда извлекать из этой земли кое-какие мелкие выгоды. Богатство аристократа является не суммой — сумма уменьшается посредством вычитания из нее отдельных частей,— а чем-то постоянным и неизменным.

Для мелких сословий, которые должны испытывать величайшие опасения по поводу своей самостоятельности, спасение может быть лишь в том, что они с полным доверием подчинятся власти державы, обладающей доста-

точным великодушием, чтобы проявить склонность к защите их интересов, и проводящей политику, способную им эту защиту предоставить; и на самом деле духовные князья, аббаты, имперские города всегда охотно переходили на сторону императора и с наибольшей готовностью соблюдали свои обязательства по отношению к императору и империи.

Если более могущественные имперские сословия и захотели бы объединиться и сумели бы в создании подобной коалиции избежать обычной для всех коалиций участи, если бы их объединенные войска и образовали армию, способную противостоять крупным силам противника, то им уж, во всяком случае, не удалось бы поставить себя в такое положение, при котором им угрожала бы только одна вражеская держава, ибо каждая подобная держава обязательно опасалась бы присоединения к ним других держав; согласованным же действиям нескольких держав упомянутая коалиция не могла бы противостоять как вследствие недостаточной военной мощи, так и ввиду ее географической разбросанности. Эта разбросанность возникла как обычное следствие образования крупных держав. В военном отношении она, безусловно, является крупным недостатком; поскольку же коалиция государств, о которой идет речь, явилась бы чем-то новым, эти государства не сумели бы мобилизовать достаточные средства для того, чтобы воздвигнуть вдоль своих границ оборонительные линии.

В зависимости от обстоятельств их политика приводит к тому, что они присоединяются то к одной, то к другой крупной державе, неизбежно разделяя обычную участь слабых союзников или слабых противников.

Судьба немецких сословий непосредственно определяется политикой двух великих держав. Обе они схожи в том, что их отношение к Германии носит преимущественно политический характер, причем к Пруссии это относится еще в большей степени, чем к Австрии, поскольку последней принадлежит одновременно и императорская корона, что с давних пор обременяет ее бесконечными ограничениями, связанными с множеством особых прав.

В остальном различные интересы этих держав постепенно сблизились. Опираясь в прошлом на это различие

интересов, Пруссия укрепила свою мощь, либо присоединяясь к тем, кто выступал против австрийского дома, либо возглавляя их; однако время постепенно сгладило различие интересов между значительной частью немецких государств и Австрией и одновременно разъединило интересы Пруссии и интересы немецких сословий.

Главным интересом, защиту которого возглавила Пруссия, был интерес *религиозный*.

Некогда сами немецкие сословия, прежде всего Саксония и Гессен, поддерживаемые иноземными государствами, Швецией и Францией, защищали в борьбе с императором свои религиозные убеждения; Пруссия тогда вообще не играла никакой роли или в качестве Бранденбурга играла лишь весьма подчиненную роль. В Семилетней войне религиозные разногласия проявлялись не столько в отношениях между государствами, сколько в народном представлении, и это обстоятельство, безусловно, имело известное значение. Своего рода недоверие все время сохранялось, и даже если протестанты не испытывали непосредственных преследований, они все время их опасались; они постоянно подозревали австрийский дом в подобном желании, в ханжестве, в склонности подчиниться влиянию нового, слабого папы, иезуитов, католического священства вообще; в Пруссии же протестанты видели гаранта своей религиозной свободы, который в минуту опасности окажется их спасителем.

Мелочная политика иезуитов с ее фанатическими целями давно перестала быть политикой королевских дворов. А со времени правления Иосифа II эти опасения протестантов вообще были устранены. Реформы Иосифа II не были проявлением личных свойств дающего монарха, они не потеряли своей значимости и после его смерти; напротив, его преемники руководствовались теми же принципами, и эти принципы прочно вошли в число главных компонентов образованности и основ государственности.

Устранен теперь и последний остаток прежних, противоречащих принципам нашего времени отношений, а именно положение протестантов в Пфальце, вызывавшее особую озабоченность протестантских князей импе-

рии. Дух времени, твердые принципы, которые легли в основу управления государствами, поразительно уменьшили значение *corporis evangelicorum*, а тем самым и его главы.

Отпало стремление католических сословий утвердить господство католической религии; тем самым стали ненужными и те сомнительные средства, к которым некогда прибегали для того, чтобы склонить имперских князей Германии к переходу в католичество, и которые вызывали такой страх и такие опасения со стороны протестантов. Католики перестали придавать значение этому обстоятельству как потому, что государство уже отделилось от церкви, так и потому, что опыт прошлого показал, насколько дурные последствия подобных средств — рост недоверия и упорства — превосходили приносимую ими пользу. Вскоре личные религиозные убеждения князя перестали определять религию его земли. Если князь протестантской земли и переходил в католичество, его земля могла по-прежнему входить в протестантскую партию рейхстага; более того, власть обратившегося в католичество князя в его протестантской земле уменьшалась не только в результате неизбежного недоверия к нему; реверсалии и т. п. лишали его того влияния, которое при одинаковом вероисповедании имеет на церковь своей земли протестантский князь, и он оказывался в положении католического князя в католической земле, где церковь совершенно независима от светской власти в управлении своими владениями, замещении должностей и в других распоряжениях такого рода, тогда как протестантский князь протестантской земли является одновременно ее главой и епископом. К тому же ряд католических княжеских домов впоследствии вновь принял протестантское вероисповедание.

Поскольку католики отказались от применявшихся ими в прошлом средств, иезуитский орден был распущен⁶¹, в католических землях была установлена веротерпимость, а протестантам, вопреки недалководным установлениям Вестфальского мира, даны гражданские права; длинные списки обратившихся в католичество протестантских князей, которые составлялись учеными в области государственного права, разоблачения коварства

иезуитов, описания угнетений и преследований, претерпеваемых протестантами в католических землях, относятся теперь к области истории, являются уже наследием прошлого, а не грозным призраком наших дней.

Благодаря иноземной поддержке протестанты избавлены от постоянного страха перед угрозой того, что их вера будет искоренена силой — впрочем, венец мученичества их вообще мало привлекал. И поскольку прозелитизм перестал входить в систему действий имперского двора, они были освобождены от прежнего безумного страха, что вера будет отнята у них хитростью и совесть тайно украдена. Уже сама продолжительность времени дала им уверенность в том, что они действительно находятся в обладании истиной. Уже давно стало невероятным, чтобы католический исповедник рассматривался рейхстагом как *puissance* или чтобы рейхстаг предъявлял по этому поводу какие-либо настойчивые требования императору. И если берлинские писатели, подняв невероятный шум вокруг подозрений, связанных с иезуитами, хотели возродить этот дикий страх протестантов, то теперь рассмотрение этого вопроса уже не входит в компетенцию кабинета, не является предметом обсуждений в рейхстаге, а может быть расценено только как глупая выходка или взрыв весьма ограниченного интереса, напоминающего раздоры среди сторонников различных направлений масонского ордена.

Другим объектом интереса было спасение того, что обычно именовали немецкой свободой, от того, что называли *универсальной монархией* или позже также восточной системой управления.

После того как в течение десяти лет вся Европа с неослабным вниманием следила за ожесточенной борьбой одного народа за свободу, в ходе которой пришли в движение все страны Европы, совершенно естественно, что самые понятия свободы претерпели изменения и лишились своей прежней пустоты и неопределенности. Раньше в Германии свобода означала не что иное, как независимость сословий от императора; единственной дилеммой было либо рабство и деспотизм, либо уничтожение государственного союза; третьего в прежние времена не знали.

С отречения Карла V⁶² испанская и австрийская монархии не объединены более личной унией, уже сто лет престол того и другого государства занимают различные династии. Австрия потеряла крупные провинции, Франция и Англия достигли равной с ней мощи, выступили на политическую арену Пруссия и Россия. Австрия давно перестала быть монархией, не имеющей себе равных в Европе. Образовалась *система европейского равновесия*, т. е. система, благодаря которой в каждой войне оказываются затронутыми интересы всех европейских держав, и каждая из них встречает препятствия к тому, чтобы использовать плоды даже самой удачной для нее войны в своих интересах или хотя бы в соответствии с достигнутыми ею успехами. Сами войны настолько изменили свою сущность, что завоевание даже нескольких островов или какой-либо провинции дается ценой многолетних усилий, огромных затрат и т. д.

Идея универсальной монархии никогда не имела конкретного содержания. То обстоятельство, что она не была реализована тогда, когда этот план возник, свидетельствует о невозможности ее реализации и, следовательно, о пустоте этой мысли, а впоследствии об этом вообще не могло быть и речи.

Тем не менее Австрия сохраняет в Германии свое исключительное могущество, т. е. сохраняет свое превосходство в силе над любым другим немецким сословием, над многими из них вместе. Однако одновременно того же положения достигла Пруссия. С точки зрения опасности для немецких сословий, Австрия и Пруссия занимают равное положение. То, что принято было называть немецкой свободой, должно было бы остерегаться обеих этих держав.

ГРАЖДАНСКАЯ И СОСЛОВНАЯ СВОБОДА

Из двух принципов — опасности, грозящей протестантской религии, и страха перед универсальной монархией, — защита которых дала возможность одному государству обрести большое влияние в Германии, первый больше не существует; что же касается второго — стремления

расширить свои границы за счет немецких сословий, — то Австрия находится по крайней мере в равном положении с Пруссией, а может быть, имеет и ряд преимуществ по сравнению с ней.

Теперь, однако, стало очевидным, что в результате десятилетней войны и бедственного состояния значительной части европейских стран сущность понятий усвоена по крайней мере настолько, что люди стали менее восприимчивы к бессмысленным возгласам, призывающим защищать свободу. В этой кровавой игре померкла заря свободы, иллюзия которой ввергла народы в бездну страданий, и постепенно в народном сознании утвердились определенные образы и понятия. Призывы к свободе уже ни на кого не оказывают воздействия; анархия не отождествляется более со свободой, и понимание того, что прочная государственная власть является необходимым условием свободы, глубоко проникло в сознание людей; столь же глубоко, как и то, что народ должен принимать участие в законодательстве государства и в решении важных государственных дел. Гарантию того, что правительство действует в соответствии с законами, и возможность выразить свою волю в наиболее важных, касающихся всего государства делах, даст народу организация представляющего его учреждения, в функции которого входит предоставление монарху права взимания определенной части налогов, в первую очередь налогов чрезвычайных; и подобно тому как раньше от свободного соглашения зависело наиболее существенное для того времени — личная служба, так и теперь от этого свободного соглашения зависит предоставление денег, в которых сконцентрированы все виды влияния.

Без подобного представительного учреждения свобода теперь немыслима; благодаря этому определению исчезли все смутные образы, все пустые призывы к свободе; это понятие — не достояние отдельных людей, которые постигли его в результате специальных научных исследований и целенаправленных изысканий; оно стало основой общественного мнения, составной частью здравого смысла. Большинство немецких государств имеет подобные представительные учреждения — сословные собрания Австрии, Богемии и Венгрии предоставили своим монархам

право свободно ввести чрезвычайные налоги для войны с Францией.

В интересах этой немецкой свободы подданные империи, естественно, обращаются к тому государству, в основе которого лежит та же система свободы. Интересы, ранее господствовавшие в Германии, в значительной степени утратили свою силу. Пруссия не может больше строить на них свою политику; общественное мнение уже не воспринимает войну, которую ведет Пруссия, как войну за немецкую свободу. Подлинные, постоянные, крайне обостренные в наше время интересы не обретут в Пруссии защиты. Сословные представители прусских провинций лишились под властью короля своего прежнего значения. В землях Пруссии введена новая, искусственная налоговая система, распространенная и на недавно присоединенные к Пруссии земли, привилегии и налоги которых покоились на старом праве и обычаях. И помощи, которая освободила бы немецких подданных Пруссии от непосильного бремени налогов, вернула бы им прежние привилегии, ждать неоткуда, ее не могут оказать ни император, ни имперские суды.

Помимо менее могущественных сословий, например имперских городов, другие сословия немецких земель также с надеждой обратили теперь свои взоры к императорскому двору, ожидая от него поддержки того, что в мире понимают теперь под немецкой свободой; происходит это уже по одному тому, что наследственные земли императорского дома сами составляют государство, основанное на представительстве, где народ обладает определенными правами, и особенно из-за поддержки, которую можно обрести в рейхсгофрате.

Эта разновидность свободы страдала, конечно, тем больше, чем больше возрастала другая разновидность немецкой свободы и уменьшалась власть государства над отдельными его частями.

По Вестфальскому миру суверенитет или, во всяком случае, верховное господство императора над имперскими городами, которое принадлежало императорам, но с течением времени перешло в виде залога к имперским городам, т. е. к их магистратам, было объявлено невыкупаемым. Назначаемый императором шультгейс (или равное

ему по положению должностное лицо в других городах) должен был постоянно держать магистрат в некотором напряжении. Городской магистрат находился под своего рода надзором независимого от него лица, обладавшего несомненным весом благодаря своей связи с верховным главой империи. С тех пор как Вестфальский мир, сделав отданную магистратам в качестве залога государственную власть невыкупаемой, в полной мере утвердил одну сторону свободы имперских городов, была значительно ущемлена другая сторона их свободы; известно, какое бремя налогов, какое пренебрежение правосудием, какой рост долгов испытали имперские города, в какой испорченности нравов погрязли многие из них, где бюргерство не осуществляло надзор над управлением и использованием публичных должностей, не имело права голоса при утверждении налогов, где введение податей, их использование, а также замещение должностей полностью перешли во власть магистратов и целиком зависели от их произвола. Некоторым городам посчастливилось с помощью императора освободиться от этой немецкой свободы магистратов; другие еще до последней войны были приведены последствиями этой системы в состояние полного смятения и финансового хаоса, которое в ходе войны еще значительно увеличилось.

Что касается государств, находящихся во власти князей, то здесь ответственность за имперский налог, за издержки по поставке военных контингентов, депутацию в рейхстаге и т. д. была полностью переложена на собрания сословных представителей.

В 1672 г., через 24 года после того, как посредством Вестфальского мира была завоевана немецкая свобода, совет князей направил императору резолюцию рейхстага, которая отменяла прежний договорный порядок уплаты доли государственных расходов и передавала на усмотрение князя решение того, что необходимо для удовлетворения потребностей его земли. Подобное усиление княжеской власти, которое позволило бы князьям того времени полностью устранить принцип нового государственного устройства и уготовить для своих потомков последствия, значение которых невозможно даже предвидеть, — это усиление — если угодно — немецкой свободы не было

реализовано из-за решения императора Леопольда⁶³; он отказался ратифицировать решение рейхстага, несмотря на то, что оно позволило бы ему отменить аналогичные права своих немецких земель — Богемии и Австрии. Если бы император сослался на сохранявшуюся в известной мере связь бургундских земель с империей, рейхстаг санкционировал бы отмену и там прав сословий, выродившихся в деспотическую власть аристократии, и Леопольд осуществил бы тем самым то, что не удалось более чем через сто лет Иосифу II.

Под углом зрения этой немецкой свободы отношение императора к Германии выступает совсем в ином свете и сильно отличается от отношения к ней Пруссии. Время вернуло великий народный интерес к его источнику; однако в данный момент это — потребность, которая не нашла еще своего удовлетворения в соответствующей государственной организации.

Принципом исконного немецкого государства, который утвердился впоследствии во всех европейских странах, был принцип монархии, т. е. государственная власть, во главе которой стоит монарх, осуществляющий управление страной при участии народа посредством делегированных им представителей. Форма подобного управления сохранена, правда, учреждением, именуемым рейхстагом, но сущность его исчезла.

В ходе длительного процесса, когда Европа колебалась между варварством и культурой, немецкое государство не совершило необходимого перехода и стало жертвой его конвульсий; члены немецкого государства оторвались и обрели полную самостоятельность, государство распалось. Немцы не сумели найти средство, которое помогло бы избежать как угнетения и деспотизма — того, что они называли универсальной монархией, — так и полного распада государства.

Борьба за немецкую свободу была в негативном аспекте стремлением воспрепятствовать утверждению универсальной монархии, в позитивном аспекте она превратилась в завоевание отдельными частями государства полной самостоятельности. В этом вопросе земли полностью поддерживали своих правителей, полностью солидаризовались с ними; однако им вскоре пришлось убе-

даться в том, что суверенитет князей отнюдь не приближал их к обладанию свободой в немецком понимании, скорее наоборот.

Одновременно в земских сословных собраниях все заметнее проявляется тенденция ограничиваться кругом интересов своей земли, связь с целым они полностью утеряли. Раньше князья перед заседанием рейхстага созывали ландтаги и совещались с представителями своей земли. Противоречие, согласно которому сословные представители, с одной стороны, всячески стремятся избежать участия в имперских войнах и необходимости нести свою долю расходов, с другой — полностью обязаны своим существованием империи, это противоречие, связанное с разделением Германии, утвердилось в духе народа; Бавария, Гессен и другие земли видят друг в друге чужих, причем сословные представители, находящиеся в непосредственной связи с народом, выражают это ощущение обособленности наиболее отчетливо; все то, что правитель земли предпринимает в своих внешних отношениях, им чуждо, их не касается, и больше всего они хотели бы, чтобы их оставили в покое и позволили бы, подобно швейцарцам, сохранять постоянный нейтралитет. Однако сложившаяся ситуация исключает возможность подобной изоляции; для слабых государств нейтралитет не возможен, поскольку они оказываются либо поблизости, либо даже между воюющими державами — впрочем, при желании можно быть и нейтральными, т. е. позволить обеим сторонам беспрепятственно опустошать и грабить себя.

Хотя интересам земель и земельных представителей должно отвечать существование в Германии государственной власти, — этим землям деятельность на благо Германии стала чуждой — Германия, разве эта страна еще кого-нибудь интересует? И какое патриотическое чувство может она вызвать? Все те преимущества, которые отдельные земли, а также их сословные представители, пребывая в полной пассивности, получают от Германии, они принимают, признают, однако ничего не делают для того, чтобы сохранить эти преимущества; ибо человеческой природе исконно свойственно интересоваться только тем, на что были затрачены усилия, что послужило поводом к

принятию совместных решений, к совершению совместных действий. Поэтому необходимо было бы привлечь земли к участию в рассмотрении дел всеобщего значения.

ЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Если Германия не стремится после нескольких войн разделить участь Италии и почти целиком оказаться во власти иноземных держав, в результате чего большинство немецких сословий постепенно попадет в полную политическую зависимость от этих держав; постепенно, причем сначала более слабые, в частности духовные, сословия будут поглощены ими — и лишь несколько, два или три, смогут еще некоторое время существовать в виде государств величиной в округ или несколько округов, — если Германию не привлекает подобная участь, то она должна вновь создать единую государственную организацию. Необходимо создать то наиболее существенное, что составляет государство, а именно — государственную власть, которая осуществляется верховным правителем страны при участии отдельных частей государства. Все несущественное — судопроизводство, управление финансами, религия — все это должно быть исключено из того необходимого, что присуще государству.

Существование Германской империи возможно лишь в том случае, если будет создана государственная власть и восстановлена связь между немецким народом и императором.

Это может быть осуществлено только посредством объединения всех войск Германии в единую армию. В этой армии каждый значительный князь был бы от рождения генералом, командовал бы собственным полком и жаловал бы чины военнослужащим или располагал бы отдельной лейб-гвардией и гарнизоном для своей столицы. Более мелкие сословия возглавляли бы роты или небольшие отряды. Император располагал бы, конечно, верховной властью над этой армией. Издержки по содержанию армии, оплачиваемые теперь главным образом сословными собраниями, а не князьями из доходов, получаемых с доменов, пали бы в такой же степени, как и до сих пор,

на земли. Эти расходы ежегодно утверждались бы сословными представителями, которые для этой цели собирались бы в полном составе, причем было бы исключено, что из общего числа депутатов явятся лишь представители нескольких земель, поскольку одни из этих земель вообще не имеют сословных представителей, а для других, очень маленьких сословий, расходы оказались непомерно высоки; напротив, если в Германии для призыва военнообязанных необходимо было бы создать военные подразделения и каждый округ был бы разделен на известное число меньших округов, вне всякой зависимости от каких-либо юрисдикций и привилегий, не имеющих ничего общего с военным подразделением, то в низших подразделениях такого рода можно было бы соответственно числу жителей выбирать депутатов, в задачу которых входило бы утверждение налогов, необходимых для содержания органов государственной власти.

Депутаты объединились бы для этой цели с городской курией — ведь эта курия опять уменьшилась в составе из-за утраты ряда городов, и совершенно неизвестно, не сократится ли она еще на благо ряда мелких городов в ходе возмещения убытков; следовало бы предложить и Гамбургу послать своих депутатов в рейхстаг; ничтожные по своей величине имперские города с населением в тысячу или несколько тысяч человек имеют голос в рейхстаге, а такие земли, как Богемия или Саксония, его не имеют. Сохранившиеся еще мелкие имперские города должны были бы привлекать к выборам депутатов окружающие их территории.

Каково, собственно говоря, назначение городской курии, вообще никто не знает. В рейхстаге три курии, однако решение принимается большинством голосов; если курия курфюрстов и курия князей не приходят к соглашению, то вопрос остается открытым и курия городов ничего изменить не может. Изменение свелось бы только к тому, что те деньги, которые земли непосредственно предоставляют своим правителям и лишь опосредствованно императору и империи, они бы теперь непосредственно отдавали императору и империи.

Тогда император опять стал бы главой Германской империи.

Может возникнуть вопрос, будут ли рыцари посылать своих депутатов в совет князей или в курию городов. Свои благотворительные вспомоществования им следовало бы предоставлять совместно с другими, а в качестве носителей власти они, безусловно, должны входить в курию князей.

Встает и другой вопрос — примут ли князья решение вносить в государственную казну общую приходящуюся на них часть налогов совместно из доходов со своих доменов и иных территорий или же каждый из них будет тратить часть этой суммы на содержание своего полка или гвардии. Каждому предоставляется полная свобода добавлять из своих личных средств сверх того, что в общем порядке предоставляется государством, все, что ему заблагорассудится, для украшения своего полка. Если же князья решат вносить свою долю, являющуюся частью их домениальных доходов, совместно и назначат для этого какое-нибудь определенное место, то к ним следует присоединить и рыцарей, ибо исконная, подлинная знать, т. е. владельцы имперских рыцарских земель, носители власти в немедиатизированных рыцарских владениях, всегда полностью принадлежали к сословию князей и ничем не отличались от них по своему происхождению.

И еще один вопрос: могут ли князья, входящие в курию курфюрстов или курию князей, в том случае, если они не хотят сами явиться на заседание, направить в рейхстаг вместо себя представляющего их принца своего дома или самого знатного вассала? В заседаниях такого рода не предполагается ведение протокола; совещания должны носить устный характер, а голосование должно происходить посредством открытого подсчета голосов; поэтому личное присутствие блестящих, талантливых представителей княжеских и иных наиболее благородных домов придавало бы подобному собранию характер величественного, радующего взор события.

Преобразование Германии в государство, безусловно, пошло бы на пользу всем ее частям; однако подобное преобразование никогда не бывает следствием логического вывода, оно всегда требует применения силы, пусть даже оно прямо соответствует общему уровню образованности, и потребность его со всей глубиной и определенностью

ощущается всеми. Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат к Германии.

Этот Тезей наших дней должен был бы обладать достаточным великодушием, чтобы предоставить народу, собранному им из разрозненных мелких народностей, право участия в общих делах, — поскольку же демократическое устройство, подобное тому, которое некогда Тезей дал своему народу, превращается в больших государствах нашего времени во внутреннее противоречие, то участию народа необходимо придать характер организации; современный Тезей должен обладать и достаточной твердостью характера, ибо, — хотя полнота государственной власти в его руках и может служить ему достаточной гарантией того, что он сумеет оградить себя от неблагодарности, которой некогда отплатили Тезею, — он должен быть готов претерпеть такую же ненависть, как Ришелье и другие великие люди, устранившие специфические особенности внутри государства.

В тех случаях, когда общественная природа людей не находит своего выражения и вынуждена искать выход в особенностях, она настолько искажается, что направляет всю свою силу на отделение от других и в утверждении своего обособления доходит до безумия; ибо безумие и есть не что иное, как полное обособление индивидуума от своего рода. И если немецкая нация не способна довести свое упрямое стремление к особенному до безумия еврейской нации, стоящей вне какого-либо сообщества, если она и не может дойти в своей обособленности до такой низости, когда взаимное уничтожение прекращается только с разрушением государства, то особенное в качестве преимущества и предпочтения есть столь сокровенно личное, что понятия и понимания необходимости недостаточно, чтобы воздействовать на поведение людей; понятие и понимание вызывают сами по себе такое недоверие, что обоснованы они могут быть только силой, — тогда им покоряется человек.

ФРАГМЕНТЫ К «КОНСТИТУЦИИ ГЕРМАНИИ» (1799 г.)

I

Набросок предисловия

Неужели весь политический результат пагубной войны, которую Германская империя вынуждена была вести с Францией, сведется к отторжению от нее ряда ее прекраснейших земель, нескольких миллионов ее подданных? К тому, что — в виде возмещения потерпевшим в силу всего этого ущерб князьям — уничтожаются духовные сословия империи, и тяжкое бремя долгов переносит бедствия войны и на мирное время?

*Подобные вопросы не раз задавали себе немецкие патриоты — печальная уверенность в том, что никакие высокие цели не ставились и не осуществлялись. В период Раштатского конгресса. Из всего хода этого конгресса было, впрочем, очевидно, что темой его будут или должны бы быть изменения в положении и государственном устройстве Германии; в дальнейшем станет, еще более ясным, почему положение дел в Германии столь тесно связано с таким ее государственным устройством, при котором эта страна неминуемо должна оказаться в невыгодном политическом положении. С той поры положение тех немецких земель, которые находятся в состоянии войны с Францией, стало настолько плачевным, что измученные люди требуют только покоя, любой ценой, не заботясь о будущем; с болью пришлось Германии взирать на то, что уничтожение подлинного источника зла, существенное устранение действительных недостатков немецкого государственного устройства...**

В последующем изложении звучит голос человека, который с грустью прощается с надеждой увидеть немецкое государство поднявшимся из своего жалкого состояния; и прежде чем полностью отказаться от своей надежды, хочет еще раз со всей живостью возродить в

* Все последующее вычеркнуто.

** Фраза у Гегеля не закончена.

памяти прежние, постепенно теряющие свои силы пожелания, и еще раз в мечтах насладиться прежней, постепенно утрачиваемой верой в их осуществление.

Набросок плана

Германия больше не государство.

а) Можно ли надеяться на улучшение положения в мирное время? Государственное право превратилось в частное право.

б) Что существенно для государства? Неодинаковая религия и т. п.

с) В Германии нет высшей власти.

α) разделение государственной власти наследственно и в судебном порядке, суды

β) Власть

Военная

Финансы

Война и мир

д) Судебная

Набросок философского введения

Все увеличивающееся противоречие между неизвестным, к которому люди бессознательно стремятся, и жизнью, им данной и предоставленной, которую они сделали своей, тоска по жизни тех, кто переработал в себе природу до уровня идеи, включает в себя стремление к взаимному сближению. Потребность одних осознать то, что держит их в своем плену, и обрести неизвестное, которого они домогаются, совпадает с потребностью других перейти от идеи к жизни. Последние не могут жить в одиночестве, а человек остается одиноким, даже если он, воплотив в некий образ свою природу, превращает это воплощение в своего собеседника и наслаждается в нем самим собой; ему необходимо найти это воплощение в живом. Состояние человека, загнанного своим временем во внутренний мир, может быть либо (если он хочет сохранить свое пребывание во внутреннем мире) вечной смертью, либо (если его естество вынуждает его к жизни) лишь стремлением снять негативность существующего мира, для того чтобы найти себя в нем и наслаждаться своим существованием, чтобы жить. Страдание такого

человека связано с осознанием границ, заставляющих его отказаться от жизни в дозволенном ему виде; он хочет зной страдания, ибо страдание человека не содержит размышлений о его судьбе, не содержит воли, так как он почитает негативность, принимает границы в качестве непреодолимых лишь в форме их правового и обладающего силой наличного бытия, а свои определенности и противоречия — в качестве абсолютных и приносит им в жертву себя и других, даже в том случае, если они противоречат его инстинктам.

Снятию того, что применительно к природе является негативным, применительно к воле — позитивным, осуществляется не насилем, — ни тем, которому человек сам подвергает свою судьбу; ни тем, которое эта судьба испытывает извне; в обоих случаях судьба остается тем, что она есть, определенностью; граница не отторгается насилем от жизни; насиле извне есть особенное, противостоящее особенному, захват его собственности; новое страдание; воодушевление связанного — страшный для него самого момент, в котором он теряет себя, находит свое сознание лишь в забытых, но не ставших мертвыми определенностях.

Ощущение противоречия между природой и существующей жизнью есть потребность в том, чтобы оно было снято; и оно будет снято, когда существующая жизнь потеряет свою силу и все свое достоинство, когда она станет чистой негативностью.

Все явления этого времени свидетельствуют о том, что умиротворенность прежней жизнью утеряна; она была ограничением себя, упорядоченным господством над своей собственностью, лицезрением и наслаждением своим, пребывающим в полном подчинении, маленьким мирком, а также и примиряющим это ограничение самоуничтожением и мысленным вознесением к небесам; с одной стороны, бедствия времени посягнули на эту собственность, с другой — его пышные дары сняли ограничение; в обоих случаях человек был превращен в господина, обладающего высшей властью над действительностью. В условиях этой сухой рассудочной жизни нечистая совесть со все большей силой укоряет человека в том, что собственность, вещи, превращены им в абсолютное, увеличи-

вая тем самым его страдания; и это время ощутило веяние лучшей жизни. Оно находит поддержку в деятельности выдающихся людей, в движении целых народов, в изображении писателями природы и судьбы; посредством метафизики ограничения обретают свои пределы и свою необходимость в совокупных связях целого. Ограниченная жизнь в качестве силы лишь в том случае может стать объектом враждебного нападения со стороны лучшей жизни, если последняя также стала силой и опасается насилия. В качестве особенного, противостоящего особенному, только природа в ее действительной жизни олицетворяет в себе нападение или опровержение дурной жизни, а эта природа не может быть субъектом намеренной деятельности. Однако ограниченное может быть подвергнуто нападению со стороны своей собственной истины, находящейся в нем, и вступить с ней в противоречие; господство ограниченного основано не на власти особенного над особенным, а на всеобщности; истина, право, которые оно связывает с собой, должны быть отняты у него и переданы той части жизни, которую требуют. Такое достоинство всеобщности, права, есть то, что превращает требование страдания со стороны инстинктов, вступающих в противоречие с существующей, почитаемой жизнью, в нечто столь смиренное, как будто оно противоречит совести. Позитивность существующего, которая является отрицанием природы, сохраняет свою истину, которая должна быть правом.

В Германской империи исчезла обладающая властью всеобщность как источник всех прав, поскольку эта всеобщность отъединилась, превратила себя в особенное. Поэтому всеобщность существует теперь только в качестве мысли, а не действительности. То, по поводу чего общественное мнение приняло более или менее ясное решение в результате потери доверия, не нуждается особенно в том, чтобы более ясное сознание стало более общим. И все существующие права находят свое обоснование только в такой связи с целым, которая, уже давно не существуя, дала всем им возможность превратиться в особенные права.

Можно исходить либо из истины, допускающей также и существующее; в этом случае частичные понятия, со-

державные в понятии государства в целом, будут восприняты как всеобщее в мысли, а их всеобщность или особенность будет в действительности поставлена рядом с ними; если подобное частичное единство проявит себя в качестве особенного, то сразу бросится в глаза противоречие между тем, чем оно хочет быть и что только для него требуется, и тем, что оно есть.

Или...

Набросок к введению

Кроме деспотий, т. е. неконституционных государств, ни одна страна в качестве целого не обладает худшим государственным устройством, чем Германская империя, — это стало почти общим мнением, а война позволила каждому в отдельности живо ощутить это; вернее, теперь стало ясно, что Германия вообще не является более государством. Катедер-статистики, в обязанности которых входит классификация конституций в соответствии с данными Аристотелем классами — монархии, аристократии и т. д., всегда терялись, сталкиваясь с имперскими условиями Германии. Исходя из этого, *Вольтер* прямо назвал государственное устройство Германии анархией; это действительно наилучшее наименование, если считать Германию государством, однако теперь оно уже не подходит, ибо Германию нельзя более считать государством.

Здание немецкой государственности — дело прошедших веков; оно не соответствует нашему времени, в его формах нашла свое полное выражение более чем тысячетлетняя судьба; в нем живут справедливость и насилие, мужество и трусость, честь и кровь, нужда и благосостояние давно прошедших времен, давно истлевших поколений. Жизнь и силы, чье развитие и действие составляет гордость нынешнего поколения, безучастны к нему, не интересуются им и не зависят от него; это здание с его колоннами и украшениями стоит в стороне от духа времени.

До нас дошла легенда о немецкой свободе, о времени, равное которому едва ли можно найти во многих странах; тогда в Германии каждый отдельный человек был независим, не склонялся перед всеобщим, не раболепствовал перед государством, его честь и его судьба заключались

в нем самом; тогда он по своему разумению и нраву либо расстрачивал силы в борьбе с миром, либо формировал его в соответствии со своими желаниями,— ведь государства еще не было, и отдельный человек, принадлежавший по своему характеру, нраву и религии к целому, не ограничивался этим целым в своей деятельности и в своих поступках (в своем противодействии миру), но ограничивал себя по своему разумению без страха и сомнений в себе. Это состояние, когда не законы, а нравы объединяли толпу людей в народ, и одинаковые интересы, а не общий приказ превращал народ в государство, называлось немецкой свободой. Сферы власти, которые каждый создавал для себя по своему характеру и по воле случая, имущество, которое он обретал, все эти подверженные постоянным переменам вещи с течением времени постепенно фиксировались, и по мере того как формирующаяся собственность обособляла отдельные потребности, то, в чем они объединялись, превращалось в понятие, и стал господствовать непреложный закон.

Устойчивость, которую постепенно обрели эти владения, породила множество прав, лишенных единства и принципа и образующих скорее некую совокупность, чем систему; и требовалась величайшая проницательность для того, чтобы при их непоследовательности и хаотическом многообразии хотя бы несколько сгладить их противоречивость и привести их к какому-то единству. Так возникло здание немецкой государственности, отдельные части которого, каждый княжеский дом, каждое сословие, каждый город, каждый цех, все, обладающие какими-либо сословными правами, сами завоевали себе эти права; государству оставалось только подтвердить то, что уже было отторгнуто от него. Политическая власть и право отдельного человека в качестве государственного служащего или подданного не являются в Германии долей участия в управлении, определяемой в соответствии с организацией целого, а выполнение обязанностей отдельного сословия или должностного лица также не требуется в соотношении с устройством целого; но каждый член политического тела располагает властью в государстве, обладает правами и несет определенные обязанности только по воле своего сословия или корпорации. Поэтому принципы

немецкого публичного права следует выводить не из какого-либо государственного правового понятия, например монархии, аристократии или демократии и т. п., а воспринимать их как повествования о реальных данностях; ведь владение появилось раньше, чем закон, и возникло оно не из законов, но то, что было приобретено, превращалось в законное право. Поэтому по своей исконной правовой основе немецкое государственное право является по существу частным правом, а политические права в Германии — законными владениями, собственностью.

Подобно тому как частное лицо «А» наследует, покупает или получает в дар дом «а», частное лицо «В» — сад «в» и т. д., собственность лица «А», относящегося к определенному сословию или занимающего некую должность, составляют 6 крестьян, а собственность лица «В» — 600 крестьян. Подобно тому как частному лицу «С» принадлежит мелкий скарб, большое количество пахотной земли и виноградники, так сословие «С» и должность «С» предоставляет право высшей и низшей юрисдикции над 5-ю домами, десятину со 100 деревень; должность «D» — долю власти над 2 тыс. бюргеров и право участвовать в решениях по вопросу войны и мира в масштабе всей Германии; какая-либо другая должность располагает долею власти над миллионом людей, но полностью исключает право высказываться по вопросу войны и мира в масштабе Германии. Исполнительная, законодательная, судебная, духовная, административная власть смешиваются, разделяются и связываются самым беспорядочным образом, соединяются и обособляются в самых различных количествах и образуют совершенно такое же многообразие, как собственность государственных подданных, являющихся частными лицами; причем правовая основа в том и другом случае одна.

И какое государство может обладать лучшей организацией, чем то, где каждое право участия в действиях государственной власти определено самым тщательным образом, каждое связанное с этим обстоятельство становится темой самой продолжительной дискуссии, чем то государство, где забота об этой политической собственности осуществляется с самой скрупулезной пунктуальностью по отношению ко всему, к самым как будто не-

значительным мелочам, подобно упорядочению занятия мест, ходьбы, титулов и т. д., с бесконечной, поразительной точностью в сохранении каждого права? В этом отношении Германская империя подобна царству природы — она неистощима в великом и непостижима в мелком, и именно эта ее сторона преисполняет посвященных в бесконечные детали ее прав изумлением и трепетом перед достоинствами немецкой государственности.

Стремление превратить власть государства в частную собственность есть не что иное, как путь к распаду государства, к уничтожению его в качестве силы. Та доля государственной власти, которую приобрел для себя отдельный индивидуум, потеряна для власти всеобщего. Тем самым власть всеобщего, монарх (император) и собрание сословных представителей (рейхстаг) сохраняют необходимый суверенитет лишь в весьма незначительной степени; власти, которые по самой сущности государства должны быть подчинены некоему центру, объединены в верховной власти (в лице монарха и сословий), военные силы, отношения с другими державами, связанные с этим финансы и т. д. — все это не находится в ведении законной верховной власти. В той мере, в какой каждая составная часть государства не только обладает долей участия в государственных делах, но и обособилась, поставила себя вне сферы действия государственной власти, ей предоставляется независимость в качестве права; и ежедневно эти части государства стремятся не только к независимости от целого, но и к тому, чтобы в значительной степени преодолеть в своем обособлении те границы, которые санкционировало государство. Права отделиться от целого, завоеванные отдельными сословиями, являются священными, нерушимыми правами, сохранение которых составляет основу всей государственности; а немецкая государственность — не что иное, как сумма прав, отнятых у государства, прав, сохраняемых с величайшей добросовестностью, опасениями и озабоченностью, и эта справедливость является основным принципом, душой конституции. Каждое суждение, которое... из понятия и сущности государства...*

* Фраза у Гегеля не закончена.

О НАУЧНЫХ СПОСОБАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, ЕГО МЕСТЕ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЕГО ОТНОШЕНИИ К НАУКЕ О ПОЗИТИВНОМ ПРАВЕ

Наука естественного права, подобно другим наукам, — механике, физике, — уже давно признана в качестве науки философской по своей сущности; а поскольку философия должна состоять из частей, — признава существенной ее частью; она, однако, разделила судьбу других наук в том отношении, что чисто философские вопросы были перемещены в область метафизики, и науки, которые рассматривались в своей особенности вне какого-либо соотношения с идеей, почти утратили связь с философией. Приведенные здесь в качестве примера науки были в конечном итоге вынуждены в той или иной степени признать свою отдаленность от философии; они объявили своим научным принципом то, что принято называть опытом, отказались тем самым от притязаний быть подлинной наукой и удовлетворились тем, чтобы являть собой собрание эмпирических знаний и исподволь пользоваться рассудочными понятиями, стремясь утверждать с их помощью что-либо объективное.

Если нечто, именующее себя философской наукой, исключается из сферы философии и категории науки вообще — сначала против своей воли, а затем смирившись с этим положением, — то такого рода исключение объясняется совсем не тем, что эти так называемые науки не отстраивались от философской науки и сознательно не сохраняли свою связь с ней, ибо каждая часть философии в своей единичности может быть самостоятельной наукой и может обрести полную внутреннюю необходимость, поскольку то, что превращает ее в подлинную науку, есть абсолютное; над сферой ее познания и свободы возвышается только особый принцип, в соотношении с которым она принадлежит внешней необходимости. Сама

идея свободна от подобной определенности и может с такой же чистотой рефлексироваться в данной определенной науке, как абсолютная жизнь находит свое выражение в каждом живом существе; это происходит и без того, чтобы наука такой науки или ее внутренняя разумность открыто возвысилась до чистой формы идеи, которая есть сущность каждой науки, а в философии, как в абсолютной науке, пребывает в качестве этой чистой идеи. Блестящим, вызывающим зависть других наук, примером своеобычного и вместе с тем свободного научного развития может служить геометрия. Не объясняется названное исключение из философии и тем, что наукам типа тех, о которых шла речь выше, должно быть отказано в реальности, поскольку они, собственно говоря, — науки эмпирические. Ибо подобно тому, как каждая часть или каждая сторона философии может быть самостоятельной наукой, она именно поэтому есть также самостоятельный и законченный образ и может быть в качестве такового воспринята и изображена созерцанием; счастливо избегающим в своей чистоте загромождения фиксированными понятиями.

Однако современная наука требует, чтобы подобно тому, как созерцание и образ соединены с логическим и приняты в чисто идеальное, у обособленной, хотя и истинной, науки должна быть отнята ее единичность, ее принцип должен быть познан в его высокой сопряженности и необходимости и именно благодаря этому полностью освобожден. Только таким образом могут быть познаны границы науки, о которых она в противном случае пребывала бы в неведении, ибо для этого ей пришлось бы подняться над самой собой и познать природу своего принципа, взятую со стороны его определенности в абсолютной форме. Так как из этого познания для нее непосредственно следовало бы знание о степени равенства ее различных определенностей и достоверности этого. В своем же теперешнем состоянии она может определять свои границы лишь эмпирически и вынуждена либо прибегать к ложным попыткам их преодоления, либо считать их более узкими, чем они суть в действительности, и поэтому сталкиваться с совершенно неожиданным их расширением; так, геометрия может доказать несоизмери-

мость диаметра круга и стороны квадрата, но не диаметра и окружности*. Еще в большей степени иллюстрацией такого рода может служить арифметика, а самым ярким примером того, как наука пытается ощупью, в темноте найти свои границы, дает нам сочетание обеих.

Если критическая философия¹ оказала на теоретические науки важное негативное влияние, показав, что их научность не есть нечто объективное, но принадлежит чему-то среднему между тем, что составляет ничто, и реальностью, смешению бытия и небытия, если ей удалось добиться их признания в том, что они принадлежат лишь к сфере эмпиричного, то позитивное ее влияние оказалось весьма незначительным и вернуть философии названные науки она не смогла. Абсолютное же она полностью отнесла к практической философии, где оно являет собой позитивное или догматическое знание. Мы вынуждены рассматривать критическую философию, именующую себя также трансцендентальным идеализмом, — в целом и главным образом в области естественного права в качестве кульминационного пункта той противоположности, которая — подобно кругам водной поверхности, концентрически расширяющимся вокруг той точки, откуда началось движение, затем теряющим в легких движениях связь с единым центром и уходящим в бесконечность, —

* Фихте (во введении к «Естественному праву») гордится простотой своего понимания основы последней несоизмеримости: «ведь криво не есть, если говорить серьезно, «прямо». Поверхностность этого обоснования очевидна, оно само себя опровергает посредством первой несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, поскольку обе эти линии прямые, а также квадратурой параболы. Что же касается той помощи, которую Фихте пытается найти в «здравом смысле», который он противопоставляет математической бесконечности, утверждая, что «многоугольник с бесконечным числом сторон не может быть измерен именно потому, что он есть многоугольник с бесконечным числом сторон», то, во-первых, этот же аргумент может быть использован против бесконечного прогресса, в котором должна реализовать себя абсолютная идея; во-вторых, этим ничего не определено в отношении главного — позитивной бесконечности, являющейся не бесконечным множеством, а тождеством; таким образом, не определено, следует ли ее полагать, а это равносильно тому, что применительно к соизмеримости или несоизмеримости вообще ничего не определено.

начав с ранних научных устремлений, с косного варварства, со слабых попыток, все более увеличивалась, пока наконец она не осознала себя посредством абсолютного понятия бесконечности и не сняла как бесконечность и самое себя.

Таким образом, следует признать, что прежние способы исследования естественного права и связанные с ними различные принципы полностью лишены какого-либо значения для сущности науки, поскольку в них есть противоположность и негативность, но не абсолютная негативность или бесконечность, которая необходима в науке, поскольку в них не выступает в чистом виде ни негативное, ни позитивное, и они являют собой смешение того и другого. Лишь интерес к истории науки мог бы оправдать внимание к ним, желание сравнить их с абсолютной идеей и обнаружить в самом ее искажении необходимость, с которой измененные посредством определенности, являющей собой принцип, выступают моменты абсолютной формы и даже при господстве ограниченного принципа подчиняют себе эти попытки; или желание увидеть, как в идеальном зеркале науки рефлектируется эмпирическое состояние мира.

Ибо что касается последнего, то во взаимосвязи всех вещей эмпирическое существование и состояние всех наук, правда, также отразит состояние мира, но прежде всего это будет отражено в состоянии естественного права, ибо оно непосредственно соотносится с нравственным началом, движущей силой всего человеческого существования; поскольку же наука о естественном праве существует, принадлежит необходимости, она должна быть тождественной эмпирическому образу нравственного, которое также находится в сфере необходимого, и в качестве науки выразить его в форме всеобщности.

Что же касается первого, то истинным отличием принципа науки можно считать только следующее: находится ли она в абсолютном единстве или вне абсолютного единства, в противоположности. Она вообще не могла бы быть наукой, если бы ее принцип не был каким-либо неполным или относительным единством или понятием какого-либо отношения — пусть даже пустой абст-

ракцией самого отношения, носящей название силы притяжения или силы единения. Науки, принципом которых не является понятие отношения или является лишь пустая сила единения, не сохраняют ничего идеального, кроме первого идеального отношения, в соответствии с которым дитя дифференциально по отношению к миру, — формы представления, в которую они полагают эмпирические качества и многообразие которых они могут перечислить; их следовало бы в первую очередь называть эмпирическими науками. Поскольку, однако, практические науки по своей природе имеют своим объектом какую-либо реальную всеобщность или единство, являющееся единством различного, то и ощущения должны в практической эмпирии включать в себя не чистые качества, а отношения, будь то негативные, подобно инстинкту самосохранения, или позитивные, такие, как любовь, ненависть общительность и т. д. И научная эмпирия отличается в общем от этой чистой эмпирии не тем, что предметом первой являются в большей степени отношения, чем качества, а тем, что она фиксирует эти отношения в форме понятий и держится этой негативной абсолютности, не отделяя эту форму единства от его содержания. Эти науки мы называем науками эмпирическими; напротив, ту форму науки, где противоречие положено абсолютно, а чистое единство или бесконечность есть негативно абсолютное, полностью обособленное от содержания и положенное для себя, мы назовем чисто формальной наукой.

Хотя тем самым и установлено специфическое различие между двумя неподлинными способами научного исследования естественного права, которое заключается в том, что принципом одного является смешение эмпирического созерцания и всеобщего, принципом другого — абсолютная противоположность и абсолютная всеобщность, тем не менее очевидно, что ингредиенты обоих — эмпирическое созерцание и понятие — одни и те же и что формализм в своем переходе из своей чистой негативности к содержанию также не может достигнуть ничего иного, кроме отношений или относительных тождеств, поскольку чисто идеальное (или противоположность) абсолютно отделено и, следовательно, не может наличествовать ни аб-

солютная идея, ни единство; что же касается созерцания (поскольку вместе с принципом абсолютного противопоставления или абсолютности чисто идеального положен абсолютный принцип эмпирии), то синтезы в той мере, в какой они должны иметь не только негативное значение снятия части противоположности, но также и позитивное значение созерцания, представляют собой лишь эмпирические созерцания.

Эти два способа научного исследования естественного права следует прежде всего охарактеризовать более детально: первый — под углом зрения того, как в нем являет себя абсолютная идея в соответствии с моментами абсолютной формы; второй — под углом зрения того, как беспечное или негативно абсолютное напрасно пытается привести его к позитивной организации; анализ названной попытки непосредственно приведет к рассмотрению природы и соотношения наук о нравственности в качестве философских наук, а также к исследованию отношения этих наук к тому, что принято называть наукой о позитивном праве, которая ставит себя, правда, вне философии и полагает, что, самовольно отказавшись от нее, сможет избежать ее критики, однако вместе с тем претендует на обладание абсолютным существованием и подлинной реальностью — претензия, которую едва ли можно признать.

I

Что касается способа исследования естественного права, названного нами эмпирическим, то прежде всего вообще нельзя говорить о самих определенностях и отношениях понятий со стороны их материи, которые этот способ выхватывает и делает значимыми под наименованием принципов; напротив, отрицанию подлежит именно это обособление и фиксирование определенностей. В самой природе подобного обособления заключено, что научное исследование направлено здесь только на форму единства, и из органического отношения множества качеств, на которое оно разделяется (если задача со-

стоит не в том, чтобы просто перечислить их), для того чтобы достигнуть единства, стоящего над этой массой, — неминуемо должна быть выделена какая-либо определенность, которая рассматривается как сущность отношения. Однако целостность органического этим не достигается; все остальное, исключенное из этой избранной определенности, подпадает под власть этой определенности, возведенной в сущность и цель. Так, например, для понимания сущности брака полагается то деторождение, то общность имущества, и под углом зрения этой определенности, возведенной в качестве сущности в закон, определяется и загроуняется все органическое отношение; или в наказании выделяется то определенность морального исправления преступника, то определенность нанесенного ущерба, представление других о наказании, их прежнее представление о преступнике, предшествовавшее преступлению, или необходимость того, чтобы это представление стало реальным, чтобы угроза была осуществлена и т. п., и подобная единичность возводится в цель и сущность целого. При этом ввиду того, что подобная определенность не находится в должной взаимосвязи с остальными определенностями, которые следует выявить и различить, естественно возникает неустранимое затруднение: как установить необходимое соотношение и господство одной определенности над другими; и поскольку отсутствует внутренняя необходимость, которая не содержится в единичности, каждая определенность может с полным основанием настаивать на своей независимости от других.

Подобные качества, выделенные из множественности отношений, в результате чего органическое оказывается расщепленным посредством эмпирического или не полностью рефлексированного созерцания и положено в форму единства понятия, составляют то, что это знание называет сущностью и целями; и поскольку их форма понятия выражена как абсолютное бытие определенности, составляющей содержание понятия, они устанавливаются в виде основных положений, законов, обязанностей и т. д.; этому преобразованию абсолютности чистой формы, — которая, однако, есть отрицательная абсолютность или чистое тождество, чистое понятие, бесконечность, — в абсо-

лютность содержания и определенности, включенной в форму, будет уделено большее внимание, когда речь пойдет о принципах критической философии; преобразование, совершаемое в эмпирическом знании, о котором здесь идет речь, бессознательно, в критической же философии оно проводится рефлексивно и в качестве абсолютного разума и долга.

Это формальное единство, в которое посредством мышления полагается определенность, и есть вместе с тем то, что создает видимость необходимости, которую ищет знание; ибо единство противоположных терминов, рассмотренное в отношении к нему как к реальному, и есть их необходимость. Однако, поскольку материя формального единства, о котором здесь идет речь, есть не целое этих противоположностей, а лишь одно из них, определенность, то и необходимость — лишь формальна и аналитична и относится только к форме тождественного или аналитического положения, в котором может быть представлена определенность; посредством этой абсолютности положения хитростью устанавливается и абсолютность содержания, и таким образом конституируются законы и принципы.

Однако, пребывая в многообразии подобных принципов, законов, целей, обязанностей, прав, которые все лишены абсолютности, эмпирическая наука неотвратимо должна видеть образ абсолютного единства всех этих лишенных взаимосвязи определенностей и исконной простой необходимости и ощущать в них потребность, и мы увидим, как эмпирическая наука удовлетворит этому идущему от разума требованию или как идея абсолютного разума в ее моментах найдет свое выражение при наличии неопределимого для эмпирического знания противоречия множественного и единичного. Отчасти само по себе интересно наблюдать за тем, как в этих научных усилиях, даже в их туманной атмосфере, проступает отражение и господство абсолютного и вместе с тем его искаженность; отчасти же дело заключается в том, что формы, сохранившие здесь моменты абсолютного, превратились в своего рода предрассудки и свободные от сомнения общезначимые мысли, ничтожность которых должна показать критика, если она хочет оправдать науку в том, что она не принимает во внимание это обстоятельство; эта ничтож-

ность может быть показана с наибольшей очевидностью посредством выявления нереальности основания и почвы, на которой они выросли, вобрав в себя их свойства и природу.

Прежде всего следует заметить, что эмпирическая наука видит научную целостность как целостность многообразного или полноту; подлинный же формализм — как последовательность. Эмпирическая наука может по своему желанию возводить свои сведения во всеобщность и посредством своих мысленных определенностей продолжать последовательно строить выводы, пока другие эмпирические данные, противоречащие предыдущим, но имеющие такое же право быть мыслимыми и получить свое выражение в качестве принципа, заставят отвергнуть предшествующую определенность и отказаться от нее. Формализм может продолжать делать свои выводы до тех пор, пока это вообще разрешает ему пустота его принципа или содержание, которое он обрел хитростью; при этом он считает себя вправе гордо исключать из своей априорности и науки все то, чего ему недостает до полноты, с отвращением именуя это эмпиричным. Ибо он утверждает свои формальные принципы как некую априорность и абсолютность; следовательно, все то, что он не может подчинить им, он определяет как неаприорное и случайное; в том случае, если он не находит другого выхода и вынужден обратиться к эмпирическому как таковому, переходя от одной определенности к другой, он устанавливает формальное продвижение от обусловленного к условию, а поскольку последнее также обусловлено, — так до бесконечности. Тем самым формализм не только лишает себя всякого преимущества по сравнению с тем, что он именуется эмпирией, но поскольку во взаимосвязи обусловленного и условия эти противоположности полагаются как абсолютно существующие, сам полностью погружается в эмпирическую необходимость и посредством формального тождества или негативно-абсолютного, с помощью которого он связывает ее воедино, придает ей видимость подлинной абсолютности.

Соединение последовательности с полнотой картины (с последней, полной, формальной и пустой последовательностью или с той первой, которая, пользуясь опреде-

денными понятиями в качестве принципов; переходя от одного из них к другому, последовательна только в своей непоследовательности) непосредственно сдвигает положение многообразного по сравнению с тем, которое оно занимает в чистой эмпирии; для нее все обладает равными правами и она не отдает предпочтения ни одной определенности, каждая из которых столь же реальна, как другая; мы еще вернемся к этому при сравнении чистой эмпирии с научной, о которой здесь идет речь.

Со стороны этой формальной целостности нам надлежит рассмотреть, как абсолютное единство — и в качестве простого единства, которое можно назвать исконным, и в качестве целостности — являет себя в отражении эмпирического знания. Оба единства, которые в абсолютном составляют одно, и тождество которых есть абсолютное, должны выступать в этом знании разъединенными и различными.

Прежде всего следует сказать, что это единство не составляет для эмпирии сущность необходимости, которая есть для явления ее внешние узы; ибо в существенном единстве многообразное непосредственно уничтожено и есть ничто. Поскольку многообразное бытие есть принцип эмпирии, ей недоступно проникновение в абсолютное ничто ее качеств, которые для нее абсолютны, недоступно и посредством понятия, в соответствии с которым они составляют просто множество, бесконечное множество. Поэтому исконное единство может составлять лишь по возможности простое и незначительное число качеств, которое оно считает достаточным для познания остальных. Идеалом, где стерто все то, что по своему значению ближе к произволу и случайному, и где положено наименьшее необходимое многообразие, является для эмпирии как в сфере физического, так и в сфере нравственного хаос; в сфере нравственного этот идеал представляется то скорее в образе бытия посредством фантазии как естественное состояние, то со стороны формы возможности и абстракции как перечисление предназначенных эмпирической психологией возможностей человека, как природа и определение человека; таким образом то, что, с одной стороны, утверждалось как само по себе безусловно необходимое, абсолютное, вместе с тем

признается с другой — как нечто нереальное, воображаемое и плод мысли; в одном случае оно — фикция, в другом — только возможность, что составляет самое резкое противоречие.

Для обычного здравого смысла, для которого существующее в себе и преходящее смешаны, нет ничего более доступного, чем представление, согласно которому то, что есть в себе, может быть обнаружено, если в этом смешанном образе правового состояния устранить все произвольное и случайное, — с помощью подобной абстракции можно якобы выделить абсолютно необходимое. Если с точки зрения этого смутного представления мысленно устранить все то, что оно считает особенным и преходящим, все принадлежащее особенным обычаям, истории, образованию и даже государству, то останется человек в естественном состоянии или его абстракция с его существенными возможностями; и тогда с первого взгляда может быть обнаружено то, что необходимо. Устранено должно быть и все, связанное с государством, ибо хаотический образ необходимого может содержать не абсолютное единство, а только простое многообразие, атомы с наименьшим количеством свойств; следовательно, все то, что может быть подведено под понятие связи и упорядочивания этого многообразия, как самого слабого единства, на которое способен принцип множества, исключается из этого множества как нечто более позднее и добавленное к нему впоследствии.

При таком разделении эмпиризму недостает прежде всего критерия для определения того, где проходит граница между случайным и необходимым, т. е. что в этом хаосе естественного состояния или в абстракции человека должно остаться и от чего следует отказаться. Ведущее определение здесь не может быть не чем иным, как желанием оставить столько, сколько нужно для изображения того, что обнаруживается в действительности; руководящим принципом этого априорного служит апостериорное. Для того чтобы придать чему-либо значимость в представлении о правовом состоянии, следует показать его связь с исконным и необходимым и, следовательно, необходимость его самого, поместить его в хаосе в виде особого качества или способности; построить по способу наук,

отправляющихся от эмпирических данных, гипотезы для так называемого объяснения действительности, в которых эта действительность положена в той же определенности, только в формальном, идеальном образе в качестве силы, материи, способности; одно с легкостью выводится из другого и может быть легко понято и объяснено.

Подобное смутное представление об исконном и абсолютном единстве, которое находит свое выражение в хаосе естественного состояния и в абстракции возможностей и склонностей, не приводит к абсолютно отрицательному единству; оно стремится только устранить большое количество особенностей и противоположностей. Однако в нем остается еще недоступное определению множество качественных определенностей, не имеющих для себя иной необходимости, кроме эмпирической, и не имеющих друг для друга внутренней необходимости. Они соотносятся друг с другом только в качестве множества, а так как это множество есть друг для друга, но без единства, они должны быть определены как противоположные, в абсолютном противоречии друг к другу; а обособленные энергии нравственного должны мыслиться в естественном состоянии или в абстракции человека как в состоянии взаимоуничтожающей войны². Однако именно поэтому легко показать, что, будучи полностью противоположными друг другу и тем самым чисто идеальными, эти качества не могут сохраниться в этой идеальности и обособленности, как это должно было бы быть, и редуцируются в ничто. Однако эмпирическое знание не может дойти до этой абсолютной рефлексии и понимания ничтожества определенностей в абсолютно простом; множественное ничто остается для него большим количеством реальностей. К этому множеству, однако, должно присоединиться в качестве другого и чуждого для эмпиризма позитивное единство, выражающее себя в качестве абсолютной целостности, и уже в этой форме соединения обеих сторон абсолютного тождества содержится причина того, что эта целостность окажется столь же замутненной и нечистой, как целостность исконного единства.

Установить то, что одно из этих обособленных здесь единств есть основание бытия для другого или основание перехода от первого ко второму, не составляет труда для

эмпирии, поскольку обоснование ей вообще дается легко. В рамках фикции естественного состояния от него вообще отказываются из-за связанных с ним дурных последствий; а это означает предвосхищение того, чего хотят достигнуть, а именно, что благом или целью является приведение к согласию противоречий внутри хаоса. Иногда в представление об исконных качествах как о возможностях непосредственно помещают подобное основание перехода, рассматриваемое как стремление к общению³, или отказываются от формы понятия некоей возможности и сразу же обращаются к совершенно особенному в явлении того, второго, единства, к историчности (к угнетению слабых сильными⁴ и т. д.). Само же единство в соответствии с принципом абсолютного качественного множества способно лишь, как в эмпирической физике, поставить на место большого числа атомных качеств только новые многообразные переплетения положенного в виде исконного простого и обособленного множества поверхностные соприкосновения этих качеств, самих по себе неистребимых в своей особенности и способных вступать лишь в непрочные частичные связи и смешения, т. е. изобразить множество разделенного или отношений, и поскольку единство полагается как целое, применить пустое наименование бесформенной и внешней гармонии к наименованию общества и государства.

Даже если подобное единство, будь то для себя или в более эмпирическом отношении, по своему возникновению представляется абсолютным, ведущим свое начало непосредственно от бога, и если средоточие⁵ и внутренняя сущность его существования провозглашаются божественными, то и это представление остается чем-то формальным, только парящим над множеством, но не проникающим в него. Даже если признать, что бог не только создал это объединение, но и сохраняет его, и тем самым рассматривать верховную власть как отблеск божественного величия и как божественную саму по себе, то эта божественность объединения — лишь нечто внешнее для объединившихся многих, которые могут находиться с ней только в отношении, где она господствует, так как принцип этой эмпирии исключает абсолютное единство единого и множественного; в этом пункте данного отноше-

ния эмпирическое знание непосредственно совпадает с противоположным принципом, для которого первым является абстрактное единство. Различие заключается только в том, что эмпирическое знание не смущается своей непоследовательностью, возникающей из смешения столь специфически различно положенных вещей, как абстрактное единство и абсолютное множество, и именно поэтому имеет преимущество; заключающееся в том, что оно не закрывает доступ взглядам, которые находятся вне его материальной стороны и составляют явления более чистых и божественных глубин, чем это доступно принципу противоположения, где возможны лишь господство и подчинение.

Естественное состояние и чуждое индивидуумам (а потому единичное и особенное) величие и божественность правового состояния в его целостности, а также и отношение абсолютного подчинения субъектов той высшей власти, суть формы, в которых расщепленные моменты органической нравственности (момент абсолютного единства и единства, поскольку оно постигает в себе противоположность единства и множества и есть абсолютная целостность, и момент бесконечности или ничтожности реальностей противоположности) фиксируются в качестве особенных сущностей и именно поэтому искажены так же, как искажена идея. Напротив, в абсолютной идее нравственности содержатся естественное состояние и величие в качестве простого тождества, поскольку само величие есть не что иное, как абсолютная нравственная природа, и совершенно исключается возможность утраты абсолютной свободы, которую следовало бы понимать под естественной свободой, или отказа от нравственной природы из-за реального бытия названного величия. Естественное же, которое должно было бы мыслиться внутри нравственного отношения как нечто, от чего следует отказаться, не было бы нравственным и поэтому меньше всего было бы способно изобразить нравственное в его исконности. Столь же не фиксированы в абсолютной идее бесконечность или ничто единичного, субъектов, и в относительном тождестве с величием, как отношение подчинения, в котором и единичность была бы чем-то просто положенным; напротив, в идее бесконечность истинна, единичность как

таковая — ничто и составляет одно с абсолютным, нравственным величием; это подлинно живое, а не подчиненное пребывание, в одном только и есть истинная нравственность единичного.

Мы обвинили эмпирическую науку, поскольку она является наукой, в позитивном ничтожестве и неподлинности ее принципов, законов и т. д. Ибо, полагая определенности в некое формальное единство, она тем самым придает им отрицательную абсолютность понятия и высказывает их как позитивно абсолютные и в-себе-сущие, как цель и определение, принцип, закон, обязанность и право, — формы, обозначающие нечто абсолютное. Однако для того, чтобы получить единство органического отношения, которое предлагает этому качественному определению множество подобных понятий, одной из этих определенностей, выраженной как цель, определение или закон, должно быть дано господство над другими определенностями многообразия, которые полагаются перед ее лицом как нереальные и ничтожные. При последовательности такого рода уничтожается созерцание как внутренняя целостность. Поэтому внести поправки в это введение определенностей в понятие и снять насилие по отношению к созерцанию может только непоследовательность; ибо непоследовательность непосредственно уничтожает абсолютность, приданную ранее одной определенности.

С этой точки зрения, должна быть оправдана прежняя весьма непоследовательная эмпиричность, не в ее отношении к абсолютной науке как таковой, а в отношении к последовательности эмпиричной научности, о которой до сих пор шла речь. Полное и чистое созерцание может таким образом в чистой архитектонике своего изображения, где связь необходимости и господства формы не вступает в сферу зримого, выразить истинно нравственное подобно тому; как здание без слов выражает дух своего создателя в разбросанной массе своих частей; хотя в нем отсутствует самый облик его создателя в качестве единого образа. В подобном, созданном посредством понятий, изображении проявляется лишь неспособность разума возвыситься до идеальной формы и осознать в качестве идеи то, что он охватывает и во что он проникает. Если созерцание остается верным себе и не дает рассудку ввести себя в

заблуждение, оно, будучи вынужденным использовать для своего самовыражения понятие, проявит неловкость по отношению к ним, в процессе прохождения через сознание примет искаженные образы и будет для понятия лишенным связи и противоречивым. Однако расположение частей и модифицирующихся определенностей позволяют угадать присутствие, правда, невидимого, внутреннего разумного духа, и поскольку это его явление рассматривается как продукт и результат, оно полностью совпадает с идеей в качестве продукта.

Нет для рассудка ничего легче, чем подвергнуть нападкам эту эмпиричность, противопоставить ее неловким обоснованиям иные, показать путанность и противоречивость ее понятий и сделать из отдельных ее положений самые нелепые и неразумные выводы, различными способами выявить всю ненаучность эмпирического знания: и это справедливо, особенно в тех случаях, когда эмпирическое знание претендует на научность или вступает в полемику с наукой как таковой. Напротив, если определенности фиксированы и их закон последовательно проводится через собранные эмпирическим знанием данные, созерцание подчинено им; и вообще создается то, что принято называть теорией, то эмпирическое знание с полным основанием может обвинить такую теорию в односторонности и с помощью полноты определенностей, сделанных им значимыми, в его власти в конечном счете принудить эту теорию к всеобщности, которая окажется совершенно пустой.

Такого рода ограниченность понятий, фиксирование определенностей, возведение одной выхваченной стороны явления в ранг всеобщности и предоставленное ей господство над другими и есть то, что в последнее время стало именовать себя уже не теорией, а философией⁵; а по мере того как она поднималась до все более пустых абстракций и овладевала все более чистыми отрицаниями, подобно свободе, чистой воле, человечеству и т. д., она стала называть себя метафизикой; она полагает, что ей удалось совершить философский переворот в естественном праве, и особенно в государственном и уголовном праве, если посредством лишенных сущности абстракций и положительно выраженных отрицаний — таких, как сво-

бода, равенство, чистая государственность и т. д.— или посредством заимствованных из чисто эмпирического знания определенностей, столь же несущественных, как вышеназванные,— таких, как принуждение, особенно психологическое принуждение,— со всеми его противоположениями, практическому разуму и чувственным стремлениям и всем прочим, чем располагает эта психология,— она с большей или меньшей последовательностью тянула эти науки в разные стороны и с большей или меньшей последовательностью заставляла проходить через науку подобные ничтожные понятия в качестве абсолютных целей разума, принципов разума и законов.

Эмпирическое знание справедливо требует, чтобы подобное философствование принимало во внимание опыт. Оно с полным основанием указывает на свою обоснованность по сравнению с подобной искусственной конструкцией, созданной с помощью принципов, и предпочитает свою эмпирическую непоследовательность, основанную на созерцании целого, пусть недостаточно отчетливом, последовательности подобного философствования, свою неясность, например, в сфере нравственности, моральности, легальности или в отдельном случае в толковании наказания — неясность в вопросах мести, устойчивости государства, совершенствования, исполнения угрозы, устрашения, превентивности и т. д., будь то в научном анализе или в практической жизни,— абсолютному разъединению этих различных сторон одного и того же созерцания и определению его целостности с помощью отдельного качества. Эмпирическое знание с полным правом утверждает, что теория и так называемая философия и метафизика не имеют применения и противоречат необходимой практике; подобную неприменимость лучше выразить утверждением, что в этой теории и философии не содержится ничего абсолютного, отсутствуют реальность и истина. И наконец, эмпирическая наука с полным основанием упрекает названное философствование в неблагодарности по отношению к ней, ибо она поставляет ему содержание его понятий, которое оно затем искажает и портит на ее глазах. Ибо эмпирическое знание дает определенность содержания во взаимопереплетении и взаимосвязи с другими определенностями, образующими в своей сущности некое

целое, органичность и жизнь, которые уничтожаются этим раздроблением и возвышением лишенных сущности абстракций и единичностей в ранг абсолютности.

Эмпирическое знание могло бы с полным правом отстаивать свои позиции по отношению к подобной теории и философии и рассматривать цели, законы, обязанности, права как нечто не абсолютное, а как различия, важные для формирования образований, посредством которых ему становится более ясным его собственное созерцание, если бы оно само было и оставалось чистым. Если же эмпирическое знание как бы вступает в противоборство с теорией, то обычно оказывается, что то и другое уже заранее является загрязненным и снятым посредством рефлексирования созерцанием и искаженным разумом, а то, что выдает себя за эмпиричность, есть лишь нечто более слабое в абстракции, нечто такое, что, обладая меньшей самостоятельностью, не выявило, не различило и не фиксировало само свои ограниченности, а запуталось в тех из них, которые утвердились в общей образованности, выступают в качестве здравого смысла и поэтому представляются как непосредственные плоды опыта. Картина спора, происходящего между утвердившимся искажением созерцания, с одной стороны, и только что фиксированными абстракциями — с другой, неизбежно оказывается столь же пестрой и беспорядочной, как они сами. Каждая из сторон применяет против другой то абстракцию, то так называемый опыт, и в обоих случаях эмпиричность разбивается об эмпиричность и ограниченность об ограниченность; то принципы и законы с важностью противопоставляются философии, причем суждение ее о столь абсолютных истинах, в которые уперся рассудок, объявляется некомпетентным; то философией злоупотребляют для рассудочных построений.

Подобное относительное право, которое предоставляется эмпирическому знанию, при условии, что в нем господствует созерцание, по отношению к смещению эмпирического и рефлексированного, принадлежит, как мы помним, к его бессознательной внутренней сущности. Однако средний термин этой бессознательной внутренней сущности и внешней стороны эмпирического знания — сознание и есть та сфера, с которой связаны недостатки этой точки

зрения и ее односторонность. Ее стремление к научности, неполная связь, только соприкосновение с понятием, посредством которого она таким способом только загрязняет себя, коренится в необходимости того, чтобы множество и конечность абсолютно погрузились в бесконечность или во всеобщность.

II

Аспект бесконечности составляет принцип априорности, противоположной эмпиричности, — к его рассмотрению мы теперь переходим.

Выступление эмпирического мнения с его смешением многообразного и простого в понятии освобождено в абсолютном понятии или в бесконечности от колебаний, и неполное разделение тем самым решено. При абстракции низкого уровня в системах, которые именуются антисоциалистическими и полагают бытие единичного в качестве первого и наивысшего, бесконечность в качестве абсолютности субъекта, правда, также выделена — в эвдемонистическом⁶ учении вообще, в естественном праве особенно; однако она не доведена до уровня чистой абстракции, которую она обрела в идеализме Канта или Фихте.

Здесь не место заниматься природой бесконечности и ее многообразными модификациями. Ибо, будучи принципом движения и изменения, ее сущность есть не что иное, как непосредственная противоположность самой себя. Или она есть отрицательное абсолютное, абстракция формы, которая, будучи чистым тождеством, есть непосредственно чистое нетождество или абсолютное противоположение; будучи чистой идеальностью, — есть столь же непосредственно чистая реальность; будучи бесконечным, — есть абсолютно конечное; будучи неопределенным, — есть абсолютная определенность. Абсолютный переход в противоположное, который составляет ее сущность, и исчезновение всякой реальности в ее противоположности могут быть остановлены только тем, что одна его сторона, а именно реальность, или существование противоположенного, фиксируется эмпирически, абстрагируется от противоположного, от ничтожества этого существования. В этом реально противоположенном одна сторона —

многообразное бытие или конечность; ей противостоит бесконечность в качестве отрицания множества, позитивно — в качестве чистого единства; и конституированное таким способом чистое понятие дает в этом единстве то, что было названо чистым разумом. Отношение же чистого единства к противостоящему ему многообразному существу само есть такая же двойная связь, либо позитивная — связь существования обоих, либо их уничтожение. Однако и это существование, и это уничтожение следует понимать как частичное; ибо если существование обоих было бы абсолютным, не было бы вообще и их связи, а если бы было положено уничтожение обоих, то не было бы их существования. Это частичное существование и частичное отрицание обоих — «противоположение делимого я делимому не-я в я», т. е. именно поэтому также в частичной связи, — составляет абсолютный принцип этой философии. В первой, позитивной, связи чистое единство именуется теоретическим, в отрицательной связи — практическим разумом. И поскольку во втором случае отрицание противоположения есть первое, следовательно, единство есть более прочно существующее, в первом же случае существование противоположности есть первое, следовательно, множество — сначала и более прочно существующее, то практический разум являет себя здесь в качестве реального, теоретический же — в качестве идеального.

Совершенно очевидно, что это определение полностью принадлежит противоположности и явлению. Ибо чистое единство, положенное в качестве разума, правда, отрицательно, идеально, если противоположенное, множество, тем самым неразумное, имеет безусловное существование; так же как и это единство являет себя более прочно существующим и более реальным, если множественное положено в качестве отрицаемого или скорее в качестве того, что положено для отрицания. Неразумная множественность, природа, противопоставляемая разуму как чистому единству, неразумна только потому, что она положена как лишенная сущности абстракция множественного, тогда как разум, напротив, положен как лишенная сущности абстракция единого. Рассмотренная, однако, сама по себе, эта множественность есть такое же абсолютное единство одного и многого, как и это единство. Природа же (или

теоретический разум), которая есть многое, в качестве абсолютного единства одного и многого должна быть, напротив, определена как реальный разум; нравственная природа, которая есть единство в качестве абсолютного единства одного и многого, — как идеальный разум; ибо в противоположении реальность есть в множестве, идеальность — в единстве.

Поэтому в том, что именуется практическим разумом, следует познавать только формальную идею тождества идеального и реального, и эта идея должна была бы быть в подобных системах точкой абсолютной индифференции. Однако идея не выходит из дифференции, а идеальное не достигает реальности; ибо, несмотря на то что в этом практическом разуме идеальное и реальное тождественны, реальное остается тем не менее только противоположным. Это реальное существенно положено вне разума и лишь в дифференции по отношению к этому реальному есть практический разум; его сущность постигается как каузальное отношение с множеством — как тождество, находящееся под абсолютным воздействием дифференции и не выступающее из явления. Эта наука о нравственном, утверждающая абсолютное тождество идеального и реального, не действует согласно своему утверждению, и ее нравственный разум есть в истине и в своей сущности не-тождество идеального и реального.

Выше нравственный разум был определен как абсолютное в форме единства и тем самым, поскольку он сам был положен как определенность, он как будто в этом определении столь же существенно непосредственно положен вместе с противоположностью. Различие заключается, однако, в том, что истинная реальность и ее абсолютность совершенно свободны от этой противоположности природе и что истинная реальность есть абсолютное тождество идеального и реального. Абсолютное познается в соответствии с его идеей в качестве этого тождества дифференциальных сторон — определенность одной стороны состоит в том, что она — единство, другой — в том, что она — множество. И эта определенность идеальна, т. е. она — только в бесконечности: в соответствии с вышепоказанным ее понятием. Эта определенность в такой же степени снята, как положена; каждая из этих опреде-

ленностей — как единство, так и множество, составляющие в своем тождестве абсолютность, сама есть единство одного и множества. Однако та, идеальное определение которой — множество, есть существование противоположенных, положительная реальность, и поэтому ей самой необходимо противоположное двойное отношение. Поскольку в ней существует реальное, ее тождество относительно, и это относительное тождество противоположенных есть необходимость; поскольку она есть в дифференции, и само ее отношение или тождество отношения должно быть чем-то дифферентным; в нем должно быть первым как единство, так и множество; это двойное отношение определяет двойную сторону необходимости или явления абсолютного.

Поскольку это двойное отношение падает на множество,— в том случае, если единство дифферентных сторон, которое находится на другой стороне и в котором сняты реальность или множество, мы называем индифференцией,— абсолютное есть единство индифференции и отношения; и поскольку оно двойное, явление абсолютного определено как единство индифференции и того отношения или того относительного тождества, в котором множественное есть первое, положительное,— и как единство индифференции и того отношения, где единство есть первое и положительное. В первом случае это физическая, во втором — нравственная природа. Поскольку индифференция или единство есть свобода, а отношение или относительное тождество — необходимость, то каждое из этих двух явлений есть единение и индифференция свободы и необходимости. Субстанция абсолютна и бесконечна, в предикате «бесконечность» содержится необходимость божественной природы или ее явление, и эта необходимость выражает себя как реальность именно в двойном отношении. Каждый из обоих атрибутов сам выражает субстанцию, он абсолютен и бесконечен или есть единство индифференции и отношения. Внутри отношения же их различие положено таким образом, что для одних множественное, для других единение есть первое или повернутое против другого. Поскольку же в нравственной природе, даже в ее отношении, единство есть первое, она и в этом относительном тождестве, т. е. в ее

необходимости, свободна. Поскольку относительное тождество не снимается вследствие того, что единство есть первое, эта вторая свобода определена таким образом, что необходимое; правда, есть для нравственной природы, но положено отрицательно.

Если бы мы изолировали эту сторону относительного тождества и признали в качестве сущности нравственной природы не абсолютное единство индифференции и этого относительного тождества, а аспект отношения или необходимости, то мы оказались бы на той точке зрения, согласно которой сущность практического разума определяется либо как обладающая абсолютной каузальностью, либо как свободная (а необходимость как отрицательная), но именно поэтому положенная; тем самым эта свобода не выходит из дифференции, отношение или относительное тождество принимается за сущность, и только абсолютное постигается как отрицательно абсолютное или как бесконечность.

Эмпирическое и распространенное высказывание, благодаря которому это представление, рассматривающее нравственную природу лишь в аспекте ее относительного тождества, кажется таким убедительным, заключается в том, что реальное, именуемое чувственностью, склонностями, способностью желать и т. д. (момент множественности в отношении) и разум (момент чистого единства в отношении) не совпадают (момент противоположности единства и множества), и что разум состоит в том, чтобы желать, исходя из собственной абсолютной деятельности и автономии, ограничивая чувственность и господствуя над ней (момент определенности этого отношения, согласно которому единство или отрицание множества в нем первое). Реальность этого представления основывается на эмпирическом сознании и общем для всех опыте, который заключается в том, что каждый обнаруживает в себе как это расхождение, так и это чистое единство практического разума или абстракции я.

Об отрицании этой точки зрения не может быть и речи. Выше она определена как сторона относительного тождества бытия бесконечного в конечном. Следует, однако, заметить, что это — не абсолютная точка зрения, в которой было бы ясно доказано, что отношение есть лишь

одна сторона, и изолирование его — нечто одностороннее и что, поскольку нравственность есть нечто абсолютное, названная точка зрения не есть точка зрения нравственности, что в ней не содержится нравственность. Что же касается ссылок на обычное сознание, то в нем столь же необходимо должна присутствовать сама нравственность, как и та точка зрения, которая (поскольку отношение положено изолированно, само по себе, в качестве в-себе-сущего, а не в качестве момента) есть принцип безнравственности. Эмпирическое сознание эмпирично потому, что моменты абсолютного являют себя в нем разбросанными, рядом друг с другом, следуя друг за другом, расщепленными; однако, если бы нравственность в нем вообще отсутствовала, оно бы не было и обычным сознанием. Названная выше формальная философия могла произвести выбор из этих многообразных явлений нравственного и безнравственного, имеющих в эмпирическом сознании; и не вина обычного сознания, а вина философии, если она выбрала явление безнравственного и предположила, что обладает истинно абсолютным, имея отрицательную абсолютность или бесконечность.

На изображении того, на что способна эта отрицательная абсолютность, покоится система практической философии; и мы вынуждены остановиться на главных моментах этой ложной попытки показать истинно абсолютное в отрицательной абсолютности.

Сразу же обнаруживается, что, поскольку сущность практического разума составляет чистое единство, о системе нравственности не может быть и речи, что не возможно даже установление многочисленных законов; ибо то, что выходит за пределы чистого понятия или (поскольку чистое понятие в той мере, в какой оно отрицает множественность, т. е. полагается как практическое, есть обязанность) что выходит за пределы чистого понятия обязанности и абстракции закона, уже не принадлежит этому чистому разуму. Кант, установивший эту абстракцию понятия в ее абсолютной чистоте, очень хорошо понимает, что практический разум полностью лишен материи законов и способен установить в качестве наивысшего закона только форму пригодности максимы произвола. Максима произвола имеет содержа-

ние и включает в себя определенность: чистая же воля, напротив, свободна от определенностей; абсолютный закон практического разума заключается в том, чтобы возвести эту определенность в форму чистого единства, а выражение этой определенности, заключенной в форму, есть закон. Если возможно ввести определенность в форму чистого понятия, если она не снимет себя посредством этой формы, то она оправдана и посредством отрицательной абсолютности сама стала абсолютной, законом и правом или долгом.

Однако материя максимы остается тем, что она есть, определенностью или единичностью; а всеобщность, сообщившая ей возможность быть принятой в форму, есть, следовательно, только аналитическое единство. И если сообщенное этой определенности единство высказано в каком-либо положении только в качестве того, что оно есть, то это положение аналитично, это — тавтология. В создании тавтологий и состоит по существу высокая способность к автономии законодательства, присущая чистому практическому разуму. Чистое рассудочное тождество, выраженное теоретически в виде принципа противоречивости, остается в его практической форме тем же самым. Если вопрос: что есть истина, заданный логике и получивший ее ответ, составляет для Канта «смешную картину того, как один доит козла, а другой подставляет решето»*, то вопрос: что есть право и обязанность, заданный практическому разуму и получивший его ответ, разделяет судьбу первого. Если Кант признает, что общий критерий истины должен быть значимым для познания в целом, независимо от его предмета, что — поскольку при этом необходимо полностью абстрагироваться от содержания познания, а истина касается именно этого содержания — совершенно невозможно и бессмысленно осведомляться о признаке истинности этого содержания познания (ибо признак не должен касаться содержания познания), то тем самым Кант выносит свое суждение о принципе долга и права, установленном практическим разумом⁷. Ибо последний есть абсолютное абстрагирование от материи воли; с помощью содержания полагается гетерономия

* Кант И. Критика чистого разума.— Собр. соч., т. 3. М., 1964, с. 159.

произвола. Между тем интересно именно знать, что же есть право и долг; ведь спрашивают о содержании нравственного закона, и речь идет только об этом содержании. Однако сущность чистой воли и чистого практического разума и состоит в том, чтобы абстрагироваться от всякого содержания; следовательно, искать в абсолютном практическом разуме нравственное законодательство, которое должно было бы иметь содержание, есть внутреннее противоречивое действие, ибо сущность этой философии заключается в отсутствии какого бы то ни было содержания.

Следовательно, для того чтобы этот формализм мог установить закон, необходимо, чтобы была положена какая-нибудь материя, определенность, составляющая содержание закона; форма же, соединяющаяся с этой определенностью, есть единство, или всеобщность. Основной закон чистого практического разума, согласно которому максима твоей воли должна иметь значимость принципа всеобщего законодательства, означает, что любая определенность, составляющая содержание максимы особенной воли, может быть положена в качестве понятия, в качестве всеобщности. Между тем каждая определенность может быть введена в форму понятия и положена как качество; и нет ничего, что таким способом не могло бы быть сделано нравственным законом. Однако каждая определенность есть сама по себе нечто особенное, а не всеобщее; ей противостоит противоположная определенность, и она есть определенность лишь постольку, поскольку та ей противостоит. Обе они могут в равной степени быть мыслимы; и совершенно неопределенно и свободно решение, какая из них будет включена в единство или мыслиться и от которой из них следует абстрагироваться. Если фиксируется одна из них в качестве существующей в-себе-и-для-себя, то другая, правда, уже положена быть не может; но и эта вторая может быть также мыслима, и поскольку эта форма мышления есть сущность, она также может быть высказана как абсолютный нравственный закон.

Кант показывает, что «самый обыденный рассудок без всякого указания» может совершить эту простую операцию и решить, какая форма максимы подходит или не под-

ходит для общего законодательства на примере того, может ли максима «увеличить мое состояние всеми верными средствами» — в том случае, если подобным средством оказывается депозит, — иметь силу и как всеобщий практический закон, содержанием которого было бы: «каждый может отрицать, что он принял на хранение вклад, если это никто доказать не может». Этот вопрос разрешается, по мнению Канта, сам собой, «ибо такой принцип, будучи законом, уничтожил бы сам себя; так как это привело бы к тому, что вообще никто не стал бы отдавать деньги на хранение»*.

Но какое же противоречие возникает от того, что депозитов больше не будет? Это будет противоречить другим необходимым определенностям, так же как то обстоятельство, что депозит возможен, будет связано с другими необходимыми определенностями и тем самым само станет необходимым. Однако не различные цели и материальные основания, а непосредственная форма понятия должна установить правильность первого или второго предположения. Для формы обе противоположные определенности одинаково безразличны; каждая из них может быть постигнута как качество, и это постижение может получить свое выражение в законе.

Если положена определенность собственности вообще, из этого можно вывести лишь являющееся тавтологией положение: собственность есть собственность и ничего более. И такая тавтология есть законодательство этого практического разума: собственность, если есть собственность, должна быть собственностью. Если же положена противоположная определенность, отрицание собственности, то законодательство этого же практического разума приводит к тавтологии: не-собственность есть не-собственность; если нет собственности — то, что хочет быть собственностью, должно быть снято.

Между тем интерес ведь состоит именно в том, чтобы доказать необходимость собственности; речь идет только о том, что находится вне возможности этого практического законодательства чистого разума, а именно о том, чтобы

* Цитируется работа Канта «Критика практического разума» (см.: Кант И. Собр. соч., т. 4. М., 1965; с. 342—343).

решить, какая из этих противоположных определенностей должна быть положена. Однако чистый разум требует, чтобы это было совершено заранее, чтобы одна из противоположных определенностей была бы заранее положена, и только тогда он может установить свое, теперь уже ненужное, законодательство.

Аналитическое единство и тавтология практического разума не только излишни, но в том применении, которое они получают, и ложны; они должны быть признаны принципом безнравственности. Посредством простого введения определенности в форму единства должна быть, как предполагается, изменена природа ее бытия; и определенность, которая по своей природе имеет в противоположности себе другую определенность, причем каждая из них есть отрицание другой и именно поэтому не есть нечто абсолютное (для функции практического разума безразлично, какая из них, ибо он дает лишь пустую форму), должна посредством этой связи с формой чистого единства сама стать абсолютной, законом и долгом. Между тем там, где определенность и единичность возводится в нечто в-себе-сущее, там положено нечто противоположное разуму, а в отношении нравственности — безнравственность.

Это превращение обусловленного, нереального, в безусловное и абсолютное легко постигнуть в его неправомерности и обнаружить попытки достигнуть цели окольными путями. Определенность, взятая в форму чистого единства или формального тождества, приводит, если определенное понятие выражено в качестве положения, к тавтологии формального положения: определенность А есть определенность А. Форма, или в положении — тождество субъекта и предиката, есть нечто абсолютное, но только негативное или формальное, совершенно не распространяющееся на определенность А; это содержание — нечто совершенно гипотетическое для формы. Абсолютность, содержащаяся в форме этого положения, обретает в практическом разуме совсем иное значение; а именно переносится на содержание, которое по своей природе есть нечто обусловленное; и это неабсолютное, обусловленное, возводится, вопреки его сущности, посредством этого смещения в ранг абсолютного. Создание

тавтологии не соответствует практическому интересу; и из-за подобной пустой формы, являющейся вместе с тем единственной силой этого положения, практический разум не стал бы тратить усилия. Дело заключается в том, что с помощью смешения абсолютной формы с обусловленной материей нереальному, обусловленному содержанию обманным путем передается абсолютность формы; и в этом искажении и жонглировании состоит нерв практического законодательства чистого разума. Положению — собственность есть собственность — вместо его истинного значения — тождество, выраженное этим положением в его форме, абсолютно — придается значение — его материя, т. е. собственность, абсолютна; и таким образом любая определенность может сразу же быть возведена в долг. Произвол может свободно выбирать из противоположных определенностей; и лишь неловкостью можно было бы объяснить, если для какого-либо поступка не было бы найдено должное обоснование, которое имело бы не только форму возможного обоснования, — наподобие того, что мы находим у иезуитов, — а форму права и долга. И этот моральный формализм⁸ не выходит за рамки моральных изощрений иезуитов и равного им по приемам эвдемонистического учения.

При этом следует заметить, что введение определенности в понятие постигается таким образом, что это включение выступает как нечто формальное, что определенность должна быть сохранена, следовательно, материя и форма противоречат друг другу, поскольку первая определена, а вторая бесконечна. Если же содержание формы — определенность — было бы действительно отождествлено с единством, то практического законодательства вообще не было бы, а было бы лишь уничтожение определенности. Так, собственность сама непосредственно противоположна всеобщему; будучи отождествлена с ним, она снимается.

Это уничтожение определенности посредством включений ее в бесконечность, всеобщность, и составляет непосредственную трудность для практического законодательства. Ибо если определенность такова, что она сама по себе выражает снятие определенности, то посредством возведения снятия во всеобщее или в состояние снятия

уничтожается как определенность, которая должна быть снята, так и само снятие. Следовательно, максима, относящаяся к такой определенности, которая, будучи мыслима во всеобщности, уничтожает себя, не может служить принципом всеобщего законодательства и тем самым неморальна; или: содержание максимы, которое есть снятие определенности при возведении его в понятие, противоречит самому себе. Если определенность мыслится как снятая, то ее снятие отпадает, если же она должна быть сохранена, то не положено положенное в максиме снятие; следовательно, остается ли определенность или нет, снятие ее в том и другом случае не возможно. Но максима, неморальная по своему принципу (так как она внутренне противоречива), поскольку она выражает снятие определенности, абсолютно разумна и, следовательно, абсолютно моральна; ибо разумное в его отрицательном аспекте есть индифференция определенностей, снятие обусловленного. Так, определенность — помогать бедным — выражает снятие определенности, которая есть бедность. Максима, содержание которой есть эта определенность, проверенная посредством возведения ее в принцип всеобщего законодательства, окажется ложной, так как она сама себя уничтожает. Если мыслится, что все должны помогать бедным, то либо бедных вообще не останется, либо есть только бедные; в последнем случае нет никого, кто мог бы оказать им помощь, и поэтому в обоих случаях помощь отпадает. Следовательно, максима, мыслимая как всеобщая, сама себя снимает. Если же определенность, которая служит условием снятия, т. е. бедность, остается, то остается и возможность помощи, но в качестве возможности, а не действительности, как предполагает максима. Если бедность должна быть сохранена для того, чтобы мог быть выполнен долг помогать бедным, то посредством сохранения бедности долг не будет непосредственно осуществлен. Так и максима — с честью защищать отчизну от врагов (и бесконечное множество других максим), мыслимая как принцип всеобщего законодательства, снимет как определенность отчизны, так и определенность врагов и определенность защиты.

Так же как подобное единство не имеет чисто негативного значения, значения простого снятия определен-

ностей, оно не есть и подлинное единство созерцания, или положительная индифференция определенностей; сравнение с подлинным единством еще более уяснит другую сторону искаженной сущности рассматриваемого единства. Это единство практического разума испытывает существенное воздействие дифференции: если оно положено в качестве фиксирования определенности, — тогда посредством этой определенности непосредственно исключаются другие, полагаются отрицательно; если же оно предпослано в качестве аналитического положения, то его тождество, его форма, противоречит его содержанию. Это можно выразить и следующим образом: в качестве положения подобное единство противоречит по своему содержанию требованию, предъявляемому положению, — быть суждением. Что-то должно было быть сказано этим положением, однако тождественное положение ничего сказать не может, ибо оно не есть суждение, поскольку отношение субъекта к предикату носит чисто формальный характер и дифференция их не положена. Если же единство взято как всеобщность, то оно полностью соотносится с эмпирическим многообразием, и определенность противопоставляется в качестве наличествующей определенности бесконечному множеству других эмпирических определенностей. Напротив, единство созерцания есть индифференция определенностей, составляющих некое целое; не фиксирование их в качестве обособленных и противоположных, а их объединение и объективирование; тем самым, поскольку эта индифференция и дифференциальные определенности соединены, это единство не есть разъединение — первой в качестве возможности, вторых в качестве действительности или частично в качестве возможных, частично в качестве действительных, — но есть абсолютное наличие. И в этой силе созерцания и наличия заключается сила нравственности вообще и, конечно, также нравственности в особенном, которая прежде всего интересует названный законодательный разум и от которой именно та форма понятия, формального единства и всеобщности, должна быть отделена. Ибо именно эта форма понятия непосредственно снимает сущность нравственности, поскольку она, заставляя то, что нравственно необходимо, являть себя в противоположенности дру-

гим, делает его случайным; в сфере же нравственности случайное (оно составляет одно с эмпирически необходимым) безнравственно.

Боль, которая есть, возводится посредством силы созерцания из ощущения, где она акцидентна и случайна, в единство и образ объективного и для-себя-сущего, необходимого; и с помощью этого непосредственного единства, не оглядывающегося направо и налево в поисках возможностей, которые привносит формальное единство, она сохраняется в своем абсолютном наличии; но посредством объективности созерцания и возведения в это единство для-себя-бытия она поистине отделена от субъекта и сделана идеальной в настойчивом созерцании этого единства; напротив, если она посредством единства рефлексии сравнивается с другими определенностями или мыслится как всеобщее, то, не будучи найдена всеобщей, она в обоих случаях делается случайной, и субъект тем самым познает себя только в своей случайности и особенности, и это познание есть чувствительность и безнравственность бессилия. Если же нравственность касается отношений одних индивидуумов с другими, то фиксировано должно быть чистое созерцание и идеальность (например, в доверии при депозите) и не следует допускать вмешательства формального единства и мысли о возможности других определений. Выражение такого единства созерцания: доверенная мне собственность другого есть доверенная мне собственность другого и больше ничего — имеет совсем иное значение, чем выражающая всеобщность тавтология практического законодательства: чужая доверенная мне собственность есть чужая доверенная мне собственность. Ибо этому положению можно с таким же успехом противопоставить другое: доверенная мне не-собственность другого есть не-собственность другого; а это означает, что определенность, возведенная в понятие, тем самым идеальна и с равным правом может быть положена и противоположная ей. Напротив, выражение созерцания содержит некое это, живое отношение и абсолютное наличие, с которым всецело связана сама возможность, а отделенная от него возможность, или инобытие, просто уничтожена — в этом возможном инобытии заключается безнравственность.

Если бы единство практического разума и не было этим положительным единством созерцания, а имело бы лишь отрицательный смысл уничтожения определенного, то оно выражало бы только сущность отрицательного разума или бесконечности, абсолютного понятия. Однако, поскольку бесконечность фиксируется и обособляется от абсолютного, ее сущность находит свое выражение в том, что она есть одновременно противоположность самой себе; она обманывает рефлексия, которая хочет удержать ее и ухватить в ней абсолютное единство, тем, что она приводит и противоположность этому, дифференцию и множество, и таким образом допускает лишь относительное тождество внутри этой противоположности, которая бесконечно воспроизводит себя, и следовательно, сама в качестве бесконечности есть противоположность самой себе и абсолютная конечность. В такой изоляции она сама есть лишь бессильная, покинутая подлинно уничтожающей мощью разума форма, которая вбирает в себя определенности и дает им прибежище, не уничтожая, а, напротив, увековечивая их.

От изображенной здесь противоположности, ее фиксации в качестве реальности и ее несовершенного единения в качестве относительного тождества зависит новое определение понятия естественного права и его места в науке о нравственности. И все, до сих пор раздельно положенное, мы должны теперь рассмотреть в этой ближайшей связи, рассмотреть, как однажды положенное непреодолимое разъединение являет себя в науке естественного права своим своеобразным способом. Абсолютное понятие, которое есть принцип противопоставления и само это противопоставление, представляет себя, будучи фиксированным в разделении, таким образом, что в качестве чистого единства оно противоположно себе в качестве множества; тем самым оно и в форме чистого единства, и в форме чистого множества остается абсолютным понятием; следовательно, в форме множества оно не есть многообразие различных понятий, но подчинено как единству, так и множеству; во многих определенных понятиях подчиняет себе оно, и есть не множество, а одно. Абсолютное понятие в качестве множества есть множественность субъектов; и им

оно противоположно в форме чистого единства, в качестве абсолютной квантитативности, по отношению к этому его качественному противоположению. Тем самым положено то и другое, внутреннее единение противоположных, составляющее сущность обоих, абсолютное понятие, и разделенность его в форме единства, где оно — право и обязанность, и в форме множества, где оно — мыслящий и желающий субъект.

Этот первый аспект, соответственно которому сущность права и долга и сущность мыслящего и волящего субъекта есть одно, составляет — как и высшая абстракция бесконечности вообще — величие философии Канта и Фихте. Однако эта философия нарушила верность названному единению и, признавая его в качестве сущности и абсолютного, она столь же абсолютно полагает разъединение единого и множественного, причем придает тому и другому одинаковое достоинство. Тем самым сущность обоих составляет не позитивно абсолютное, в котором они были бы едины, а негативное, или абсолютное понятие, и необходимое единение полагается формально, а обе противоположные определенности полагаются в качестве абсолютных и тем самым попадают в свое существовании в идеальность, которая, следовательно, есть только возможность обеих. Право и обязанность могут обладать реальностью независимо, как нечто особенное, в разъединении с субъектами; и субъекты могут обладать реальностью в разъединении с ними; однако они могут быть и связаны. Но абсолютно необходимо, чтобы обе возможности были обособлены и различены, чтобы каждая из них легла в основу отдельной науки: объектом одной должно быть единение чистых понятий и субъектов, или моральность поступков, объектом другой — не-единение или легальность; причем так, чтобы, если в этом разъединении нравственного на моральность и легальность обе они станут простыми возможностями, именно поэтому обе были бы в равной степени положительны. Правда, одна из них для другой отрицательна; но таковы они обе. Одна не есть нечто абсолютно положительное, другая — абсолютно отрицательное; но обе они — и та и другая в своем взаимоотношении, и благодаря тому, что прежде всего обе они лишь относительно положительны,

ни моральность, ни легальность не могут считаться абсолютно положительными или истинно нравственными. И далее, поскольку каждая из них столь же положительна, как другая, обе они абсолютно необходимы; и возможность того, что чистое понятие и субъект обязанности и права не составляют одно, должна быть положена неотвратно и безусловно.

Основные понятия системы легальности тем самым непосредственно обнаруживаются следующим образом: условием чистого самосознания (и это чистое самосознание, я, есть подлинная сущность и абсолютное; однако, несмотря на это, оно обусловлено, и его условие заключается в том, что оно движется к реальному сознанию) [является наличие двух форм сознания], которые в этом соотношении обусловленности остаются всецело взаимно обусловленными. Чистое самосознание, чистое единство или пустой нравственный закон, всеобщая свобода всех, противоположно реальному сознанию, т. е. субъекту, разумному существу, единичной свободе; Фихте выражает это общедоступным образом как предпосылку того, «что верность и вера утеряны». И на основе этой предпосылки создается система, посредством которой, невзирая на разделение понятия и субъекта нравственности, но именно поэтому только формально и внешне (и это отношение называется *п р и н у ж д е н и е м*), они должны быть объединены. Поскольку тем самым эта внешняя сторона единения просто фиксирована и положена как нечто абсолютно в-себе-сущее, внутренняя глубина, восстановление потерянной верности и веры, единение *общей* и индивидуальной свободы и нравственности стали невозможны.

В подобной внешней системе (мы имеем здесь в виду систему Фихте как наиболее последовательно изложенную, наименее формальную; которую действительно можно рассматривать как попытку создания последовательной системы, не нуждающейся в чуждой ей нравственности и религии), как и вообще при всяком продвижении от обусловленного к обусловленному, либо не может быть показано необусловленное, либо, если последнее положено, то обусловленное дифферентное имеет вне себя формальную индифференцию, сущность без формы;

мощь без мудрости, количество без внутреннего качества или бесконечности, покой без движения.

Наивысшая задача «учреждения, действующего с механической необходимостью», состоит в том, чтобы деятельность каждого индивидуума вызывалась принуждением со стороны всеобщей воли, есть (поскольку эта всеобщая воля необходимо должна быть реальной в субъектах, которые суть ее органы и управители) задача, которой предпослано противоположение единичной воли воле всеобщей. Тем самым единение с всеобщей волей не может быть постигнуто и положено как внутреннее абсолютное величие, но как нечто, что должно быть создано с помощью внешнего отношения или принуждения. Однако здесь, в реальности процесса принуждения и контроля, который должен быть положен, нельзя строить бесконечные ряды и перепрыгивать от реального к идеальному. Необходима высшая положительная точка, с которой начиналось бы принуждение в соответствии с понятием всеобщей свободы. Однако эта точка, подобно всем остальным точкам, должна быть принуждена к тому, чтобы она осуществляла принуждение в соответствии с понятием всеобщей свободы; точка, которая не испытывала бы принуждения в этой всеобщей системе принуждения, выступала бы из сферы действия этого принципа и была бы трансцендентной. Вопрос заключается, следовательно, в том, как эта высшая воля может быть — также посредством принуждения и контроля — приведена в соответствие с понятием всеобщей воли, и как может система тем самым оставаться совершенно имманентной и трансцендентальной. Это могло бы быть осуществлено только посредством распределения мощи целого между двумя сторонами, противостоящими друг другу таким образом, чтобы управляемое принуждалось управлением, а управление управляемым. Если мощь обеих сторон (тем самым возможное принуждение) положена неравной по силе, то из-за того, что одна часть имеет больше власти, чем другая, или из-за избытка обеих принуждение испытает только одна часть, но не противоположная ей, а этого не должно быть. Собственно говоря, только сверхмощный могуществен, ибо ему должно быть безразлично, является ли что-нибудь границей для другого: поэтому слабый

не есть для него граница; оба должны поэтому с равной силой испытать взаимное принуждение и принудить себя.

Если таким образом действие и противодействие, состояние и противостояние обладают равной силой, то обоюдная сила редуцируется в равновесие; тем самым снимаются всякая деятельность, волеизъявление и действие, мыслится ли редуцирование положительно или отрицательно, положено ли действие и противодействие в качестве сущего, действующего, или оно положено отрицательно, и равновесие достигается тем, что нет ни деятельности, ни обратной деятельности. Столь же несостоятельна попытка избежать этой смерти с помощью того, что непосредственное противостояние расширяется до круга воздействия, и тем самым середина соприкосновения и точка, где являет себя редукция противоположенных, как будто снимается иллюзорной пустотой этой середины. В противовес иерархии принуждения, созданной высшей властью посредством ее разветвлений, вследствие чего она опускается ко всем единичностям, эти последние должны в свою очередь воздвигнуть такую же пирамиду, достигающую в своей высшей точке уровня противоположного нисходящего давления, и все это в целом должно образовать круг, где исчезла бы непосредственность соприкосновения, где силы, в той мере, в какой они составляют массу, были бы разобщены и посредством промежуточных звеньев была бы создана искусственная дифференция; таким образом, ни одно звено не могло бы оказывать непосредственное противодействие тому звену, которое приводит его в движение (в силу чего возникает редукция, создающая равновесие), но воздействовало бы всегда на другое, не на то, которое приводит его в движение, — в результате чего первое приводило бы в движение последнее, а это последнее — опять то, первое. Однако подобное *perpetuum mobile*, все части которого должны находиться в движении, сразу же вместо того, чтобы двигаться, полагает себя в совершенное равновесие и превращается в совершенное *perpetuum quietum*; ибо давление и обратное давление, принуждение и ощущение принуждения совершенно равны и так же непосредственно противостоят друг другу, создают ту же редукцию сил,

как в первом представлении. Чистая квантитативность не поддается обману подобного опосредствования, которое отнюдь не вносит в нее дифференцию или подлинную бесконечность и форму, — она остается, как и прежде, совершенно неразделенной, чистой бесформенной мощью. Таким способом нельзя принудить мощь к тому, чтобы она пришла в соответствие с понятием всеобщей свободы; ибо помимо нее нет власти, а в нее саму разделение положено быть не может.

Поэтому выход из положения ищут в совершенно формальном различении. Действительная власть полагается, правда, в качестве единой и сконцентрированной в правительстве; но ей противопоставляется возможная власть, и эта возможность должна в качестве таковой обладать способностью принуждения по отношению к данной действительности. Предполагается, что это второе бессильное существование общей воли должно обладать способностью суждения, следует ли власти покинуть ту первую волю, с которой она связана, соответствует ли еще власть понятию всеобщей свободы. И этой воле надлежит вообще осуществлять контроль над верховной властью, и если в ней частная воля вытеснит всеобщую, лишит ее власти; причем сделано это должно быть посредством публичного заявления, обладающего абсолютной силой воздействия, в результате чего с этого момента все действия верховной государственной власти теряют всякое значение. Нельзя, не следует допускать, чтобы власть обособлялась сама посредством собственного суждения, это было бы восстанием; ибо эта чистая власть состоит из множества частных волей, которые, следовательно, не могут конституироваться в общую волю. Однако вторая, общая, воля объявляет, что это множество в качестве сообщества, или чистой власти, объединено с идеей всеобщей воли, поскольку эта воля больше не присутствует в предшествовавших властителях.

Какая бы определенность, посредством которой предполагается принудить к чему-нибудь верховную власть, ни была бы положена, с этой определенностью должна была бы быть связана не только возможность, но и реальная власть. Однако, поскольку эта власть находится в обладании другого представителя всеобщей воли, он мо-

жет воспрепятствовать любой подобной определенности и уничтожить все возложенные на эфорт⁹ функции — контроль, публичное объявление интердикта и любые другие формальности, — причем с таким же правом, с каким осуществлялась действительность этой определенности; ибо эти эфоры в такой же степени суть одновременно частные воли, как и первые, и судить о том, обособилась ли их частная воля от всеобщей воли, может так же правительство, как и эфорт о нем, причем это суждение может сразу же быть проведено в жизнь. Как известно, в недавнее время, когда правительство распустило соперничающую с ним и парализующую его законодательную власть, один человек, непосредственно связанный с этими событиями, рассматривая идею, согласно которой создание комиссии по контролю типа эфората Фихте могло бы предотвратить такого рода насильственные действия, справедливо указал на то, что подобный контролирующий и стремящийся противопоставить себя правительству орган оказался бы такой же жертвой насилия. И пусть бы, наконец, носители высшей власти добровольно разрешили этим вторым носителям всеобщей воли созвать всех, чтобы они вынесли свое решение о компетенции верховной власти и этого органа контроля, — на что способна такая чернь, которая, находясь во всех частных делах под постоянным контролем, еще в меньшей степени причастна к государственным делам и просто не подготовлена к тому, чтобы осознать сущность общей воли или действовать в духе целого, вернее, подготовлена к прямо противоположному.

Мы показали, что нравственное, положенное только со стороны отношения, или внешний аспект и принуждение целостности в качестве мыслимого, само себя снимает. Таким образом, правда, доказано, что принуждение не есть нечто реальное, не есть в себе; однако это станет еще более ясным, если мы покажем это в нем самом, со стороны его понятия и определенности, в которой заключено отношение этой связи. Ибо то, что отношение вообще не есть нечто в себе, это должно быть отчасти доказано диалектикой, отчасти же это уже было вкратце изложено выше.

Что касается понятий вообще, поскольку они связаны с принуждением и выражают именно это отношение, то частично уже было показано, что они — лишённые сущности абстракции, мысленные конструкции или порождения воображения без какой-либо реальности. Прежде всего встречается ничтожная абстракция понятия всеобщей свободы, существующей якобы отдельно от свободы индивидуумов: на другой стороне находится столь же изолированная свобода индивидуума. Каждая из них, положенная для себя, есть абстракция без какой-либо реальности; однако, будучи абсолютно тождественными и положенными только в этом первом основном тождестве, они — нечто совсем другое, чем те понятия, значение которых состоит только в нетождестве. Далее, естественная или ископная свобода должна ограничить себя понятием всеобщей свободы. Между тем свобода, которая может быть положена как допускающая ограничение, именно поэтому не есть нечто абсолютное; к тому же попытка создать идею, согласно которой свобода единичного с абсолютной необходимостью соответствовала бы посредством внешнего принуждения понятию всеобщей свободы, внутренне противоречива; это означает не что иное, как представление, что единичное посредством чего-то неабсолютного все-таки абсолютно равно всеобщему. В самом понятии принуждения непосредственно полагается нечто внешнее для свободы; но свобода, для которой нечто истине внешнее было бы чуждым, не есть свобода; ее сущность и формальная дефиниция есть именно то, что нет ничего абсолютно внешнего.

Следует полностью отказаться от того представления о свободе, согласно которому она должна быть выбором между противоположными определенностями: и если перед ней находятся $+A$ и $-A$, она заключается в том, чтобы определить себя либо как $+A$, либо как $-A$, поскольку она всецело связана этим либо — либо. Подобная возможность выбора есть только эмпирическая свобода, совпадающая с обычной эмпирической необходимостью и совершенно неотделимая от нее. Она есть отрицание или идеальность противоположенных, как $+A$, так и $-A$, абстракция возможности того, что нет ни одного из них. Внешней стороной для нее было бы только,

если бы она была определена лишь как $+A$ или лишь как $-A$; однако она есть именно противоположность этому и для нее не возможно ничто внешнее, а следовательно, не возможно и принуждение.

Каждая определенность есть по своей сущности либо $+A$, либо $-A$; и с $+A$ нерасторжимо сцеплено $-A$, так же как с $-A$ сцеплено $+A$. Как только индивидуум положил себя в определенность $+A$, он оказывается связан и с $-A$; и $-A$ есть для него внешняя сторона, она не подвластна ему; из-за абсолютной связи $+A$ с $-A$ он оказался бы непосредственно через определенность $+A$ под чуждой властью $-A$; и свобода, состоящая в выборе самоопределения либо как $+A$, либо как $-A$, вообще не могла бы выйти из пут необходимости. Если она определит себя как $+A$, то она не уничтожает этим $-A$, и оно существует с абсолютной необходимостью в качестве внешнего для нее; и обратное, если она определит себя как $-A$. Она есть свобода лишь постольку, поскольку она (положительно или отрицательно) соединяет $-A$ и $+A$ и таким образом перестает быть в определенности $+A$. В соединении обеих определенностей они обе уничтожаются: $+A - A = 0$. Если это ничто мыслится только относительно $+A$ и $-A$, само индифферентное A мыслится как определенность, а $+$ или $-$ как противоположность другому — или $+$, то абсолютная свобода так же возвышается над этой противоположностью, как над любой другой и над любым внешним, и вообще не способна к принуждению, а принуждение вообще не имеет реальности.

Однако эта идея свободы сама как будто есть абстракция, и если, например, речь шла бы о конкретной свободе, свободе индивидуума, то такое бытие определенности и тем самым чисто эмпирическая свобода была бы положена в качестве возможности выбора, а следовательно, положены и эмпирическая необходимость и возможность принуждения, противоположение всеобщего и единичного вообще. Ибо индивидуум есть единичность, а свобода есть уничтожение единичности; посредством единичности индивидуум непосредственно подчинен определенностям, тем самым для него есть внешнее, а вместе с ним возможно и принуждение. Однако одно дело полагать оп-

ределенности в индивидуум в форме бесконечности, другое — полагать их в него абсолютно. Определенность в форме бесконечности тем самым снята, и индивидуум есть только как свободная сущность, т. е., поскольку в него положены определенности, он есть абсолютная индифференция этих определенностей, и в этом формально состоит его нравственная природа; а также и в том, что, поскольку индивидуумы вообще — будь то по отношению к себе, будь то по отношению к чему-то другому — дифференжны и относятся к внешнему, а это внешнее само индифферентно и представляет собой живое отношение; существует организация и тем самым, ибо в организации есть целостность, — положительная сторона нравственности.

Однако индифференция индивидуума в качестве единичного в отношении к бытию определенностей — отрицательна. Там же, где его бытие действительно полагается как единичность, т. е. как позитивно непреодолимое для него отрицание, определенность, с помощью которой внешнее сохраняет себя в качестве такового, полагается, ему остается только чисто отрицательная абсолютность или бесконечность; остается абсолютное отрицание как $-A$, так и $+A$ или абсолютное принятие этой единичности в понятие. Поскольку $-A$ есть внешнее по отношению к определенности субъекта $+A$, он находится благодаря этому отношению во власти чуждого ему; но поскольку субъект может положить свое $+A$ в качестве определенности так же отрицательно, снять его и предать отчуждению, он при наличии возможности и действительности чуждой власти остается совершенно свободным. Отрицая как $+A$, так и $-A$, он покорен (*bezwungen*), но не припужден (*gezwungen*); он испытал бы принуждение только в том случае, если бы $+A$ было бы абсолютно фиксировано в нем, в результате чего этому $+A$ как к определенности присоединилась бы бесконечная цепь других определенностей. Подобная возможность абстрагироваться от определенностей не ограничена, другими словами, это не есть абсолютная определенность, ибо это непосредственно противоречило бы себе; сама свобода или бесконечность есть, правда, нечто отрицательное, но абсолютное, и его единичность есть абсолютная, приня-

тая в понятие единичность, отрицательно абсолютная бесконечность, чистая свобода. Это отрицательно абсолютное, чистая свобода, есть в своем явлении смерть, и благодаря способности к смерти субъект обнаруживает себя свободным и всецело возвышающимся над всяким принуждением. Это — абсолютное покорение, и поскольку оно абсолютно или поскольку единичность становится в нем просто чистой единичностью (а именно не полаганием $+A$ при исключении $-A$, исключении, которое не было бы подлинным отрицанием, но только полаганием $-A$ в качестве чего-то внешнего и вместе с тем $+A$ в качестве определенности, снятием как $+$, так и $-$), то оно есть понятие самого себя, следовательно, оно бесконечно, и есть противоположность самого себя или абсолютное освобождение, а чистая единичность, которая есть в смерти, есть ее собственная противоположность, всеобщее. В покорении свобода, следовательно, есть потому, что оно направлено только на снятие определенности — как положенной позитивно, так и негативно, как субъективно, так и объективно, а не только одной ее стороны, — и следовательно, рассмотренное само по себе, оно чисто негативно; или, поскольку само снятие может быть достигнуто и выражено позитивно, также и рефлексией, то снятие обеих сторон определенности является себя как совершенно равное полагание определенного по его обоим сторонам.

Если применить это, например, к наказанию, то в нем разумно только возмездие, ибо посредством него покоряется преступление¹⁰.

Определенность $+A$, которой положено преступление, дополняется полаганием $-A$ и таким образом они оба уничтожаются; или в положительном аспекте: с определенностью $+A$ для преступника связана противоположная определенность $-A$, и обе они одинаково положены, тогда как преступление полагало лишь одну из них. Таким образом, наказание есть восстановление свободы, и преступник либо остался свободным, либо, скорее, сделан свободным в той мере, в какой карающий действовал разумно и свободно.

Следовательно, в этой своей определенности наказание есть нечто в себе, поистине бесконечное и нечто абсо-

лютное, имеющее в самом себе свое уважение и страх; оно приходит из свободы и даже в принуждении сохраняет свободу. Если же, напротив, наказание представляется как принуждение; то оно положено только как определенность, как нечто абсолютно конечное, не содержащее в себе никакой разумности, и полностью подпадает под обычное понятие определенной вещи, противоположной другой, или под понятие товара, за который можно купить нечто другое, т. е. преступление. Государство в качестве судебной власти держит рынок определенностей, которые называются преступлениями и которые оно обменивает на другие определенные вещи, а свод законов служит прейскурантом.

III

Однако сколь ни ничтожна эта абстракция и вытекающее из этого внешнее отношение, момент отрицательно абсолютного или бесконечности, который в этом примере показан как определяющий отношение преступления и наказания, есть момент самого абсолютного и должен быть показан в абсолютной нравственности. Мы выявим многообразие абсолютной формы или бесконечности в ее необходимых моментах, покажем, как эта абсолютная форма определит образ абсолютной нравственности, из чего выявится истинное понятие и соотношение практических наук. Поскольку речь идет прежде всего об определении этих содержащихся здесь отношений и, следовательно, должна быть выделена сторона бесконечности, мы предполагаем в положительном аспекте, что абсолютная нравственная целостность есть не что иное, как народ; и это станет ясным уже в рассматриваемом нами здесь отрицательном аспекте в следующих его моментах.

В абсолютной нравственности бесконечность, или форма как абсолютно негативное, есть не что иное, как само постигнутое ранее покорение, введенное в его абсолютное понятие, в котором оно соотносится не с отдельными определенностями, а со всей их действительностью и возможностью, т. е. с самой жизнью, и следовательно, материя равна бесконечной форме; однако равна так, что ее

положительная сторона есть абсолютно нравственное, т. е. принадлежность народу, единение с которым отдельный человек недвусмысленно доказывает в отрицательном, лишь перед лицом смерти. Посредством абсолютного тождества бесконечного или стороны отношения с положительным формируются нравственные целостности в виде народов, конституируются в качестве индивидуумов и противостоят тем самым в качестве единичных единичным народам. Подобное положение и индивидуальность есть сторона реальности; мыслимые вне этого, они лишь теоретические построения; это было бы абстракцией сущности без абсолютной формы, и такая сущность именно потому была бы несущественной. Подобная связь индивидуальностей друг с другом есть отношение и поэтому имеет две стороны; одна из них — положительная, спокойное равное сосуществование обеих сторон в мире, другая — отрицательная, исключение одной стороны посредством другой; и оба эти отношения абсолютно необходимы. Для второго мы постигли разумное отношение как взятое в свое понятие покорение или как абсолютную формальную добродетель, которая есть храбрость. Этой второй стороной отношения для образа и индивидуальности нравственной целостности положена необходимость войны; поскольку в войне содержится свободная необходимость того, что будут уничтожены не только единичные определенности, но и их полнота в виде жизни, уничтожены во имя самого абсолютного или народа, война сохраняет здоровую нравственность народов в их индифференции по отношению к определенностям, к их привычности и укоренению подобно тому, как движение ветра предохраняет озера от гниения, которое грозит им при длительном затишье, так же как народам — длительный или тем более вечный мир⁴¹.

С рассмотренной только что отрицательной стороной бесконечности непосредственно связана (поскольку образы нравственной целостности и их индивидуальность определены вовне как единичность, а движение этой единичности как храбрость) другая сторона, а именно существование противоположности. Обе эти стороны суть бесконечность, и обе они негативны; первая есть отрицание отрицания, противоположенность противоположности;

вторая — само отрицание и противоположность в самом их существовании в качестве определенностей или многообразной реальности. Эти реальности в их чистой внутренней бесформенности и простоте, или чувства, суть в практической сфере чувства, которые реконструируют себя из дифференции, восстанавливают себя, проходя из снятия лишнего дифференции самоощущения через уничтожение созерцаний; физические потребности и наслаждения, которые, будучи для себя вновь положены в целостность, повинуются в своих бесконечных переплетениях необходимости и образуют систему всеобщей взаимной зависимости применительно к физическим потребностям, труду и накоплению для этих потребностей, образуют науку — систему так называемой политической экономии. Поскольку эта система реальности полностью находится в негативности и бесконечности, то в ее отношении с положительной целостностью последняя должна относиться к ней совершенно отрицательно и полностью подчинить ее своему господству. То, что по своей природе негативно, должно остаться негативным и не должно упрочиться. Для предотвращения того, чтобы эта система конституировалась в независимую власть, недостаточно выставить положения, согласно которым каждый вправе жить, — всеобщее в народе должно заботиться о том, чтобы каждый гражданин государства располагал необходимым ему имуществом и была бы налицо гарантированность и легкость дохода. Это последнее, мыслимое как абсолютный принцип, исключило бы негативное отношение к системе имущества, дало бы ей полную свободу и позволило бы ей абсолютно утвердиться. Однако нравственный закон должен сохранить в ней чувство своей внутренней ничтожности и препятствовать ее количественному росту, ее стремлению создавать все большую дифференцию и неравенство, свойственные ее природе. Это и совершается в каждом государстве скорее бессознательно, в качестве внешней, вызванной обстоятельствами, необходимости, которую оно само хотело бы преодолеть, совершается посредством все больших, растущих вместе с разрастанием имущественной системы затрат самого государства и соответственного роста налогов, а следовательно, посредством уменьшения имущест-

ва, затруднения получения доходов, больше всего посредством войны, которая вносит в эту сферу разностороннее смятение, а также как следствие зависти других сословий и преград, чинимых торговле, отчасти намеренно, отчасти невольно по недомыслию и т. д., совершается в такой степени, в какой положительная нравственность самого государства допускает независимость от чисто реальной системы и утверждение отрицательной и ограничивающей позиции.

Реальность в том отношении, в котором она только что была рассмотрена,— ее различными сторонами являются физическая потребность, наслаждение, имущество и объекты владения и наслаждения,— есть чистая реальность; она выражает лишь крайние термины отношения. Однако отношение содержит и идеальность, относительное тождество противоположных определенностей; и это тождество не может быть позитивно абсолютным, а может быть только формальным. Посредством тождества, в котором реальное полагается в соотносительности отношений, владение становится собственностью, и особенность вообще, в том числе и живая, определяется вместе с тем как всеобщность; тем самым конституируется сфера права.

Что касается отражения абсолютного внутри этого отношения, то оно уже выше было определено: с его негативной стороны в качестве направленного против устойчивости реального и определенного, с положительной стороны — для устойчивости реального, индифференция может выразить себя в этом определенном материале только как внешнее, формальное равенство; а наука, относящаяся к этому, может только либо определять градации неравенства, либо для того, чтобы это было возможно, определять способ, посредством которого нечто живое, или внутреннее, может быть вообще положено столь объективно и внешне, чтобы быть способным совершать подобное определение и исчисление. Этим поверхностным явлением ограничивается абсолютная реальность нравственности в этой ее потенции благодаря существованию имеющейся в противоположности реальности. отождествление и исчисление неравенства ограничивается не только из-за фиксированной определенности, включающей в себя абсолютное противоположение, и наталкивается, подобно

геометрии, на несоизмеримость, но, поскольку оно полностью остается в определенности и не может, подобно геометрии, прибегать к абстракции, так как оно пребывает в сфере жизненных отношений и всегда имеет перед собой множество подобных определенностей, оно наталкивается на бесконечные противоречия. Впрочем, чистое созерцание находит выход, пресекая эту противоречивость определенностей посредством упрочения и сохранения единичных определенностей, и таким образом может быть принято решение, что всегда лучше, чем отсутствие такового. Ибо, так как в самом предмете нет ничего абсолютного, существенным становится в данном случае формальная сторона, тот факт, что вообще принято решение и дано определение. Но совсем иное — стремиться таким способом к решению в соответствии с истинной, полной справедливостью и нравственностью, которая не возможна именно из-за прочного установления и абсолютного сохранения определенностей, но возможна только в их смешении и тем самым действительно есть непосредственное нравственное созерцание, подчиняющее себе положение в качестве абсолютных определений и удерживающее только целое.

«...Ясно, — говорит *Платон* в своей доступной манере, имея в виду обе стороны бесконечного определения нескончаемого принятия качеств в понятие и обе стороны противоречия их единичности по отношению к созерцанию и друг к другу, — ясно, что законодательство — это часть царского искусства; однако прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом... Потому что закон никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать. Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое никогда не находится в покое, — все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношении всех людей и на все времена... Закон же, как мы наблюдаем, стремится именно к этому подобно самонадеянному и невежественному человеку, который никому ничего не позволяет ни делать без его приказа, ни даже спрашивать, хотя бы кому-то что-нибудь новое

и представилось лучшим в сравнении с тем, что он назвал... Следовательно, невозможно, чтобы совершенно простое соответствовало тому, что никогда простым не бывает»*.

То обстоятельство, что сохраняется вера в идею, будто в этой сфере человеческой жизни возможны в-себе-сущие и абсолютно определенные право и долг, проистекает из формальной индифференции, или негативно абсолютного, которое только имеет место в фиксированной реальности этой сферы и которое есть в себе. Однако в той мере, в какой оно есть в себе, оно пусто или, другими словами, в нем нет ничего абсолютного, кроме чистой абстракции, лишенной всякого содержания идеи единства. Это нельзя рассматривать как результат предшествовавшего опыта или как случайное несовершенство конкретного и развития а priori истинной идеи; напротив, следует признать, что именуемое здесь идеей и надежда на лучшее будущее в этой области сами по себе ничтожны, и что совершенное законодательство, а также соответствующая определенности законов истинная справедливость сами по себе не возможны в конкретности судебной власти. Что касается первого, то абсолютное, поскольку оно должно явить себя в определенностях как таковых, есть только бесконечное; положена та же эмпирическая бесконечность и нескончаемая в себе возможность определения, которая мысленно положена как сравнение определенной меры с абсолютно неопределенной линией или определенной линии с абсолютно неопределенной мерой, как измерение бесконечной линии или абсолютное деление определенной линии. Что касается второго, каждое из такого же бесконечного множества бесконечно различных по своей форме воззрений, которые составляют предмет судебного рассмотрения, многократно определяется все увеличивающимся числом определений. Формирование различий посредством законодательства делает каждое отдельное воззрение все более отличным и законченным, а распространение законодательства означает не приближение к цели положительно-

* Платон. Политик, 294а-с.

го совершенства, не имеющее здесь, как было показано выше, истины, но только формальную сторону растущей образованности. И для того чтобы в этом многообразии могло бы организовать себя единое судебное воззрение на право и приговор, чтобы оно стало поистине одним и целым, совершенно необходимо, чтобы каждая отдельная определенность была бы модифицирована, т. е. чтобы она была частично снята в качестве абсолютной, для-себя-сущей, в качестве того, как она выражает себя в законе; следовательно, чтобы ее абсолютность не уважалась; что касается чистого ее применения, то об этом не может быть и речи, ибо чистое применение было бы полаганием единичных определенностей при исключении других. Между тем самим фактом своего бытия они также требуют, чтобы их мыслили, принимали во внимание, и тем самым противодействие, определенное не частями, а целым, само было бы целым. Этому ясному и определенному пониманию должны подчиниться пустая надежда и формальная идея как абсолютного законодательства, так и правосудия, основанного на внутреннем усмотрении судьи.

При рассмотрении системы реальности было показано, что абсолютная нравственность должна относиться к ней отрицательно. В этой системе абсолютное — так, как оно являет себя в фиксированной определенности системы, — положено как негативно абсолютное, как бесконечность, которая по отношению к противоположности выступает как формальное, относительное, абстрактное единство; в этом негативном отношении оно враждебно, в другом — оно само подчинено его господству — ни в одном оно не индифферентно к системе. Однако как единство, которое есть индифференция противоположностей, которое уничтожает их в себе и постигает, так и единство, которое есть лишь формальная индифференция или тождество отношения существующих реальностей, — оба они должны сами составить одно посредством полного включения отношения в саму индифференцию. А это означает, что абсолютно нравственное в качестве образа — ибо отношение есть абстракция аспекта образа — должно полностью организовать себя. Будучи полностью индифферен-

цированным в образе, отношение не теряет природу отношения; оно остается отношением органической природы к природе неорганической.

Однако, как было показано выше, отношение как сторона бесконечности само двойное: в одном случае первым и господствующим служит единство, или идеальное, в другом — множественное, или реальное. С этой стороны оно есть, собственно говоря, только в образе и в индифференции, и вечное беспокойство понятия, или бесконечности, существует частично в самой организации, уничтожая себя и отдавая жизненное явление, чисто количественное, с тем, чтобы оно, как бы порождая само себя, вечно возносилось из своего пещла к новой юности; отчасти же, вечно уничтожая вовне свою дифференцию, питаясь неорганическим и производя его, вызывая из индифференции дифференцию, или отношение неорганической природы, и затем вновь снимая его и уничтожая так, как оно уничтожает самое себя. Мы сейчас увидим, что такое эта неорганическая природа нравственного. Однако в этой стороне соотношения, или бесконечности, положена также устойчивость уничтоженного: ибо именно потому, что абсолютное понятие есть противоположность самого себя, вместе с его чистым единством и негативностью положено и бытие дифференции. Другими словами, уничтожение полагает нечто, что оно уничтожает, или реальность, — тем самым была бы создана непреодолимая для нравственности действительность и дифференция. Индивидуальность, которая находится в противоположении из-за устойчивости, занятой здесь бесконечностью со всей силой ее противоположности, и не только со стороны возможности, но и со стороны действительности, не способна очиститься от дифференции и включить себя в абсолютную индифференцию. То, что оба момента — снятие противоположности и ее устойчивость — не только идеальны, но и реальны, есть вообще полагание отъединения и обособления; и таким образом реальность, в которой нравственность объективна, разделена на части, из которых одна абсолютно включена в индифференцию; а в другой реальное существует как таковое и, следовательно, относительно тождественно и содержит в себе лишь отблеск абсолютной нравственности.

Тем самым положено отношение абсолютной нравственности, которая полностью находится в индивидуумах и есть их сущность, к относительной нравственности, столь же реальной в индивидуумах. Нравственная организация в ее реальности может быть сохранена чистой только в том случае, если в ней распространение всеобщего негативного преграждается и помещается на одну сторону. Выше было показано, как в существующем реальном являет себя индифференция и содержится формальная нравственность. Понятие этой сферы есть реально практическое: рассмотренное субъективно, это реальное есть практическое чувство или физическая потребность и наслаждение; рассмотренное объективно — реальность труда и владения. И это практическое, включенное в индифференцию, — что возможно в соответствии с его понятием, — есть формальное единство или право, в нем возможное. Над ними обоими стоит третье в качестве абсолютного или нравственного. Реальность же сферы относительного единства, или практического и правового, конституирована в системе его целостности как особое сословие.

Таким образом, в соответствии с абсолютной необходимостью нравственности существуют два сословия, одно из которых в качестве сословия свободных есть индивидуум абсолютной нравственности, чьи органы суть отдельные индивидуумы; рассмотренный со стороны его индифференции, этот индивидуум есть абсолютный живой дух; рассмотренный со стороны его объективности, он — живое движение и божественное наслаждение самим собой этого целого в тотальности индивидуумов в качестве его органов и членов; его формальная или негативная сторона также должна быть абсолютной, а именно трудом, направленным не на уничтожение единичных определенностей, а на смерть, и продукт его также есть не единичное, а бытие и сохранение целого нравственной организации.

Дело этого сословия, по Аристотелю, — то, что греки называли *πολιτεύειν* (это означает жить в народе, с народом и для своего народа, полностью подчинив свою жизнь всеобщему и государственному благу). или занятие философией; Платон по своему более высокому по-

ниманию жизненности требует не разъединения этих двух занятий, а их тесной связи¹².

Далее следует сословие несвободных, которое пребывает в дифференции потребности и труда, в праве и справедливости владения и собственности; его труд направлен на единичность и, следовательно, не включает в себя угрозу смерти. К ним следует причислить третье сословие, которое в своем грубом, ничего не формирующем труде связано только с землей как с элементом и труд которого имеет перед собой целое потребности в качестве своего непосредственного объекта без промежуточных звеньев,— следовательно, оно само есть чистая целостность и индифференция, подобно элементу; тем самым оно сохраняет вне рассудочной дифференции второго сословия свое тело и свой дух в возможности формальной абсолютной нравственности, храбрости и насильственной смерти и поэтому может увеличить первое сословие массой и элементарной сущностью.

Оба эти сословия превосходят первое сословие, в котором реальность фиксирована частично в ее покое, отчасти в ее действующем аспекте,— в качестве владения, собственности и труда. Среди народов нового времени промышленный класс перестает нести военную службу, и мужество в его более чистом выражении формируется в отдельное сословие, которое уступило названному классу предпринимательство и для которого владение и собственность есть, во всяком случае, нечто случайное. Структуру второго сословия по его материи Платон определяет следующим образом: «Точно таким же образом... и царское искусство... тех, кто не способен стать причастным к разумному и мужественному нраву, а также всему остальному, направленному к добродетели, но силой дурной природы отбрасывается ко всему кощунственному, к заносчивости и несправедливости, оно карает их смертью, изгнанием и другими тяжелейшими карами»; «тех же, кто погрязает в невежестве и крайней низости, оно впрягает в рабское ярмо»*. Аристотель относит к этому сословию того, «кто, по природе, принадлежит не

* Платон. Политик, 309а.

самому себе, а другому», кто подобен телу в его соотношении с душой*.

Однако отношение того, что по своей природе принадлежит другому, не имея своего духа в себе самом, к абсолютно независимой индивидуальности, может быть по своей форме двойственным, а именно: оно может быть либо отношением индивидуумов своего сословия в качестве особенных к индивидуумам первого сословия в качестве особенных, или отношением всеобщего ко всеобщему. Первое, отношение рабства, исчезло само собой в эмпирическом явлении универсальности Римской империи; с утратой абсолютной нравственности и унижением благородного сословия оба ранее обособленные сословия стали равными; и с исчезновением свободы неизбежно исчезло и рабство. Утвердившийся принцип формального единства и равенства вообще снял внутреннее подлинное различие сословий и не привел ни к вышеустановленному обособлению сословий, ни тем более к обусловленной им форме их обособления, в соответствии с которой они выступают в форме всеобщего только в отношении господства — подчинения как целое сословие к целому сословию, так что и в этом отношении обе соотносящиеся друг с другом стороны остаются всеобщими; напротив, при отношении рабства форма особенности — определяющая; и отличается не сословие от сословия; единство каждой касты в реальном соотношении уничтожено, и отдельные индивидуумы зависят от отдельных индивидуумов. Принцип всеобщности и равенства должен был сначала настолько подчинить себе целое, чтобы заменить обособление обоих сословий их смешением. В этом смешении соответственно закону формального единства первое сословие по существу было полностью снято, и народом стало только второе. Картину этого изменения Гиббон рисует следующими словами: «Длительный мир и устойчивое господство римлян медленно и незаметно вводили яд в жизненный организм империи. Убеждения людей постепенно стали одинаковыми, огонь гения погас, исчез даже воинственный дух народа. Личное мужество осталось, однако римляне потеряли то гражданское мужество, которое питает-

* Аристотель. Политика, I, 2, 7, 1254a 17.

ся любовью к независимости, чувством национальной чести, ощущением грядущей опасности и привычкой повелевать. По воле монарха римляне получали законы и военачальников, и потомки храбрейших мужей довольствовались рангом граждан и подданных. Люди высокого духа стекались под знамена императора, а брошенные провинции, лишённые политической силы или единства, незаметно погружались в ленивое безразличие частной жизни».

Эта всеобщая частная жизнь и состояние, при котором народом является только второе сословие, непосредственно ведет к формальному правовому отношению, фиксирующему и абсолютно полагающему единичное бытие; и действительно, на основе подобной испорченности и всеобщего унижения сложилось и развилось применительно к этой единичности самое разработанное и полное законодательство. Эта система собственности и права, которая ради прочности единичности пренебрегла абсолютным и вечным и замкнулась в конечном и формальном, должна, реально обособившись от благородного сословия и потеряв с ним связь, конституироваться в свое собственное сословие и распространиться во всей своей широте и полноте. Сюда относятся, с одной стороны, сами по себе подчиненные и не выходящие за границы формального вопросы правового обоснования владений, договоров и т. д., с другой — вообще вся бесконечная экспансия законодательства в той области, о которой Платон говорит следующее:

«Но скажи, ради богов, отважимся ли мы устанавливать какие-либо законы, касающиеся рынка, то есть насчет тех сделок, которые там заключаются, а если угодно, то и насчет отношений между ремесленниками, перебранок, драк, предъявления исков, назначения судей? А тут еще понадобится взыскивать и определять налоги то на рынке, то в гавани — словом, вообще касаться рыночных, городских, портовых и тому подобных дел.

— Не стоит нам давать предписания тем, кто получил безупречное воспитание: в большинстве случаев они сами без труда поймут, какие здесь требуются законы.

— Да, мой друг, это так, если бог им даст сохранить в целостности те законы, которые мы разбирали раньше.

— А если нет, вся их жизнь пройдет в том, что они вечно будут устанавливать множество разных законов и вносить в них поправки в расчете, что таким образом достигнут совершенства.

— По твоим словам, их жизнь будет вроде как у тех больных, которые из-за распущенности не желают бросить свой дурной образ жизни...

— Забавное же у них будет времяпрепровождение: лечась, они добиваются только того, что делают свои недуги разнообразнее и сильнее, но все время надеются выздороветь, когда кто присоветует им новое лекарство...

И верно, такие законодатели всего забавнее: они, как мы только что говорили, все время вносят поправки в свои законы, думая положить предел злоупотреблениям в делах, но, как я сейчас заметил, не отдают себе отчета, что на самом-то деле уподобляются людям, рассекающим гидру»*.

«Когда в государстве распространятся распущенность и болезни, разве не потребуются открыть суды и больницы? И разве не будут в почете судебное дело и врачевание, когда ими усиленно станут заниматься даже многие благородные люди?..

Какое же ты можешь привести еще большее доказательство плохого и постыдного воспитания граждан, если нужду во врачах и искусных судьях испытывают не только худшие люди и ремесленники, но даже и те, кто притязает на то, что они воспитаны на благородный лад? Разве, по-твоему, не позорно и не служит явным признаком невоспитанности необходимость пользоваться, за отсутствием собственных понятий о справедливости, постановлениями посторонних людей, словно они какие-то владыки и могут все решить!..

А не покажется ли тебе еще более позорным то обстоятельство, что человек не только проводит большую часть своей жизни в судах как ответчик либо как истец, но еще и чванится этим...»**

Для того чтобы такая система, развиваясь, превратилась в общее состояние и неизбежно уничтожила свобод-

* Платон. Государство, 425d—426a, с.

** Платон. Государство, 405a — с.

ную нравственность там, где эта нравственность смешана с этими условиями и не отделена с самого начала от них и их последствий, необходимо, чтобы эта система была сознательно принята, чтобы ее право было признано, чтобы эта система была исключена из благородного сословия и ей была бы дана в качестве ее царства сфера жизни другого сословия, где она могла бы утвердиться и в своей путанице, и в снятии этой путаницы посредством другой могла бы развить свою деятельность.

Тем самым потенция этого сословия определяется тем, что оно располагает имуществом по справедливости, возможной в вопросах владения имуществом, что оно вместе с тем конституирует единую систему и непосредственно потому, что отношение владения имуществом включено в формальное единство — каждый отдельный человек, поскольку он как таковой способен владеть чем-либо, относится ко всем как нечто всеобщее, или как гражданин в смысле *bourgeois*: возмещение политической ничтожности, вследствие которой все члены этого сословия — только частные лица, он находит в ягодах мира и приобретательства и в спокойствии, с которым могут ими наслаждаться как отдельный индивидуум, так и общество в целом. Безопасность же отдельного человека гарантирует целое, ибо этот отдельный человек свободен теперь от необходимости быть храбрым, а первое сословие — от обязанности подвергать себя опасности насильственной смерти, опасности, с которой для индивидуума связана абсолютная неуверенность в своем наслаждении, владении и праве. Посредством этого снятого смешения принципов и конституированного, сознательного их обособления каждый получает свое право, и осуществляется только то, что должно быть, — реальность нравственности как абсолютной индифференции и одновременно как реального отношения в существующей противоположности, в результате чего последнее оказывается покоренным первым, но так, что само это покорение индифференцируется и примиряется. Это примирение состоит в познании необходимости и в праве, которое нравственность дает своей неорганической природе и подземным силам, уступая и жертвуя им часть самой себя. Ибо сила жертвы состоит в созерцании и объективации переплетения с

неорганическим; посредством этого созерцания переплетение уничтожается, неорганическое отделяется и признается таковым и тем самым само принимается в индифференцию; а живое, вкладывая то, что оно знает как часть самого себя, в неорганическое и принося его в жертву смерти, признает его право и очищается от него.

Это не что иное, как представление трагедии в сфере нравственного, трагедии, которую абсолютное разыгрывает с самим собой,— оно вечно порождает себя в объективность, передает тем самым себя в этом своем образе страданию и смерти, а затем возносится из праха в сферу прекрасного. Божественное непосредственно имеет в своем образе и объективности двойственную природу, и его жизнь есть абсолютное единство этих природ. Движение абсолютного противоборства этих двух природ предстает в божественной природе, постигшей себя в нем, как храбрость, благодаря которой она освобождается от смерти — удела другой противоборствующей природы; однако в этом освобождении божественная природа жертвует своей собственной жизнью, ибо последняя есть только в соединении с другой природой; но столь же абсолютно воскресает в ней, ибо в этой смерти, в жертвовании своей второй природой, смерть побеждена; являя себя в другой природе, божественное движение представляется таким образом, что чистая абстракция этой природы, которая сама по себе была бы лишь подземной, чисто негативной силой, снимается посредством живого объединения с божественной природой, посредством того, что эта божественная природа озаряет ее и с помощью этого идеального единения в духе превращает ее в свое примиренное живое тело, которое в качестве тела вместе с тем остается в дифференции и бренности, посредством духа созерцая божественное как нечто чуждое себе.

Картину такой трагедии в ее большей нравственной определенности дает нам завершение суда над Орестом¹³, осуществляемого Эвменидами¹⁴ в качестве сил права, которое заключено в дифференции, и Аполлоном, богом индифферентного света, перед нравственной организацией, народом Афин. В лице афинского ареопага¹⁵ этот народ своим людским судом отдал равное число голосов обоим

силам, признав тем самым существование обеих; однако этим спор не завершается и не определяется связь и отношение обеих сторон, — спор завершается божественным судом, когда Афина, богиня Афин, возвращает богу того, кто им самим был вовлечен в дифференцию, и посредством разделения сил, каждая из которых связана с преступником, совершает примирение — Эвмениды будут впредь почитаться афинским народом как божественные силы и будут иметь свое местопребывание в городе, их дикая природа будет укрощена и успокоена созерцанием возвышающегося над городом изображения Афины, находящегося против воздвигнутого в городе алтаря.

Если трагедия состоит в том, что нравственная природа отделяет от себя как свою судьбу неорганическую природу и противопоставляет ее себе, стремясь избежать смешения с ней, и посредством признания судьбы в борьбе примиряется с божественной сущностью как с единством обеих природ, то комедия, напротив, — если остаться в рамках этой картины, — полностью относится к сфере, где отсутствует судьба; она находится либо внутри абсолютной жизненности и в этом случае рисует лишь бледные тени противоположностей или народии: на борьбу с вымышленной судьбой и воображаемым врагом; либо внутри безжизненности и тогда изображает лишь тени независимости и абсолютности; первая — древняя, или божественная, комедия, вторая — современная.

Божественная комедия не знает судьбы и подлинной борьбы, ибо в ней абсолютная уверенность и достоверность реальности абсолютного лишена противоположности, и то, что в качестве противоположности привносит движение в эту полную уверенность и покой, есть лишь несерьезная, лишенная внутренней истины противоположность. Эта противоположность может выступать по отношению к божественности (являющей себя в виде чуждого и внешнего, но пребывающей в абсолютной уверенности) как остаток или сон сознания отъединенной самостоятельности, а также как фиксированное и прочно удерживаемое, но совершенно недееспособное и бессильное сознание своеобразия; или же эта противоположность может также найти свое выражение в некоей самоощущаемой и осознанной в себе божественности, созна-

тельно создающей для себя противоположности и игры, в которых она с абсолютным легкомыслием полагает отдельные свои члены к завоеванию определенной награды и спокойно предоставляет своим многообразным сторонам и моментам формироваться в совершенную индивидуальность и создавать особые организации, и может вообще в качестве целого воспринимать их движения не как движения против судьбы, а как случайности, будучи уверенная в том, что она неодолима, не заботясь об утратах в своем абсолютном господстве над любой особенностью и необузданностью и осознавая то, что Платон сказал в другой связи, что *πολις* удивительно прочен по своей природе *. Такая нравственная организация может, например, ничем не рискуя, не боясь и не завидуя, всячески способствовать тому, чтобы ее отдельные члены силою своего таланта достигли величайших успехов в искусстве, науке и развитии своих способностей, чтобы они с ее помощью достигли величайших высот в особенном, — будучи уверена в том, что подобные гипертрофированные явления божественного не повредят красоте ее форм, а внесут лишь ряд комических штрихов в какой-нибудь момент ее образа. В качестве подобных светлых примеров возвышения над обычным уровнем великих умов можно назвать, — ограничиваясь одним народом, — Гомера, Пиндара¹⁶, Эсхила, Софокла, Платона, Аристотеля и др. Однако нельзя вместе с тем не заметить, что в решительном противодействии становящемуся серьезным обособлению Сократа и в последующем раскаянии, а также в распространности и высокой энергии зарождающейся индивидуализацией внутренняя жизненность возвестила о том, что она достигла своих крайних пределов, возвестила о своей силе, зрелости этих ростков и вместе с тем о близости смерти этого создавшего их тела. Противоположности, которые она сама вызвала и прежде могла с одинаковым легкомыслием возбуждать и приводить в движение, рассматривая их как случайности, даже в таких их серьезных и далеко идущих последствиях, как войны, эти противоположности она должна была теперь принимать уже не как игру теней, а как всемогущую судьбу.

* Платон. Политик, 302а.

На другой стороне находится другая комедия — ее перипетии лишены судьбы и истинной борьбы потому, что сама нравственная природа здесь пленена судьбой. Завязка здесь основана не на шутливых противоположностях, а на противоположностях, серьезных для данного нравственного стремления, хотя и смешных для зрителя; выход находят в аффектации характеров и в абсолютности, которая постоянно оказывается обманутой и отвергнутой. Нравственное стремление (ибо в этой комедии не выступает сознательная абсолютная нравственная природа) должно — если определить это в краткой форме — преобразовать существующее в формальную и отрицательную абсолютность права, преодолев свой страх с помощью уверенности в прочности того, чем оно владеет; с помощью трактатов, договоров и всевозможных юридических ухищрений возвысить свое имущественное право до чего-то устойчивого и определенного; вывести из свидетельств опыта и разума, в которых как бы воплощены определенность и необходимость как таковые, соответствующие системы и обосновать их самыми глубокомысленными рассуждениями. Однако подобно тому как у поэта подземные духи обнаруживают, что сделанные ими в пустынях ада насаждения сносит первым же ураганом, целые отрасли наук и наука в целом, построенные на данных опыта и разума, бесследно исчезают при первом же движении или повороте духа земли; одна правовая система вытесняется другой, здесь гуманность заменяет жестокость, там одновременно стремление к власти нарушает прочность договоров, и самые верные и надежные принципы и права как в науке, так и в действительности оказываются жертвой разрушения. В одних случаях это рассматривается как результат собственных, не подвластных судьбе усилий воли и разума, борющихся с подобным материалом и вызывающих такие изменения, в других это вызывает возмущение как нечто неожиданное, неподобающее — сначала против этой необходимости взывают ко всем богам, затем ей покоряются. В обоих случаях нравственное стремление, пытающееся найти в этом конечном абсолютную бесконечность, разыгрывает лишь фарс своей веры и своего неиссякаемого заблуждения, самого глубокого именно тогда, когда оно мнит себя в обладании света,

заблуждения, которое претерпевает утрату и несправедливость именно тогда, когда оно полагает, что находится в царстве справедливости, надежности и наслаждения.

Комедия разделяет две сферы нравственного таким образом, что каждая из них полностью существует сама по себе; в одной из них противоположности и конечное — только лишённые сущности тени, в другой абсолютное есть иллюзия. Но истинное и абсолютное отношение состоит в том, что одна сфера озаряет своим светом другую, обе они находятся в живом соотношении друг с другом и являются друг для друга серьезной судьбой. Следовательно, абсолютное отношение выступает в трагедии.

Хотя в живом образе или органической целостности нравственности то, что составляет ее реальную сторону, находится в конечном и поэтому его телесная сущность сама по себе не может быть полностью принята в божественность нравственности, оно тем не менее уже в себе самом выражает ее абсолютную идею, правда, в искажении. Хотя она и не соединяет внутри себя разъединенные в силу необходимости моменты в абсолютную бесконечность, содержит это единство лишь в качестве отрицательной самостоятельности, подражательной по своему характеру, а именно как свободу единичного, однако эта реальная сущность все-таки, безусловно, связана с абсолютной индифферентной природой и формой нравственности. Ибо если она и вынуждена созерцать эту сущность как нечто чуждое, то она тем не менее созерцает ее и в духе составляет с ней одно. Первое состоит для этой сущности в том, что совершенно чистый и индифферентный образ и нравственное абсолютное сознание есть; второе, безразличное, — то, что она в качестве реального относится к абсолютному нравственному сознанию как его эмпирическое сознание; подобно тому как первое состоит в том, что абсолютное произведение искусства существует, и лишь второе — в том, является ли данный определенный индивидуум его создателем или только созерцает его и наслаждается им. Столь же, как существование абсолютного, необходимо и разделение, в результате которого одно составляет живой дух, абсолютное сознание и абсолютную индифференцию идеального и реаль-

ного в самой нравственности; другое же — смертную душу абсолютного сознания, заключенную в теле, и его эмпирическое сознание, которому не дано полностью соединить абсолютную форму с внутренней сущностью живого духа; несмотря на это, эмпирическое сознание наслаждается абсолютным созерцанием как чем-то ему чуждым, и для реального сознания составляет с этой сущностью одно вследствие страха и доверия или послушания; для идеального же сознания полностью соединяется с этой сущностью в религии, едином боге и служении ему.

То, что мы перенесли на одну сторону в качестве внешней формы первого сословия, есть реальное абсолютное сознание нравственности. Оно есть сознание, и в качестве такового по своей негативной стороне — чистая бесконечность и наивысшая абстракция свободы; т. е. доведенное до снятия отношение покорения или свободная насильственная смерть, с позитивной же стороны — сознание есть единичность и особенность индивида. Однако это негативное в себе, а именно сознание вообще, указанные различия которого составляют лишь его обе стороны, абсолютно включено в позитивное, а его особенность и бесконечность или идеальность — абсолютно, совершенным способом включены во всеобщее и реальное; и это единение составляет идею абсолютной жизни нравственности. В этом единении бесконечности и реальности внутри нравственной организации божественная природа (о которой Платон говорит, что она бессмертный зверь, душа и тело которого навеки слиты в рождении *) как бы хочет представить все богатство своего многообразия одновременно в наивысшей энергии бесконечного и в единстве, которое становится совершенно простой природой идеального элемента.

Ибо самый совершенный минерал в каждой своей части, обособленной от массы, отражает, правда, природу целого, однако его идеальная форма, как внутренняя, выступающая в отломленной части, так и внешняя, в кристаллизации минерала, есть внеположенность; и каждая его обособленная часть в отличие от элементов воды,

* См.: Платон. Тимей, 30b — с.

огня и воздуха не есть совершенная природа, представляющая целое, как по своей сущности, так и по форме и бесконечности. В такой же степени и реальная его форма не преисполнена истинным тождеством бесконечности, его чувства лишены сознания. Его свет — единичная окраска, и он не видит; или же этот свет — индифференция его окраски, в этом случае нет точки, которая препятствовала бы тому, чтобы она могла пройти сквозь него. Его звучание достигается только ударом, нанесенным чем-то чуждым, но не из себя; его вкус не вкушает, его обоняние не воспринимает запахов, его тяжесть и твердость не ощущает. Поскольку минерал не ведает единства определенностей чувства, но объединяет их в индифференции, он являет собой нераскрытое, замкнутое отсутствие дифференции, а не в себе себя разъединяющее и подчиняющее себе свое разъединение единство, — подобно тому как и элементы минерала, равные себе во всех своих частях, заключают в себе только возможность различий, а не их реальность, только индифференцию в форме количества, а не индифференцию некоего качественно положенного. Земля же в качестве органического и индивидуального элемента заполняет систему своих образов, начиная от первичной костности и индивидуальности и кончая качественным и дифференцией; и только в абсолютной индифференции нравственной природы она обобщает себя в полном равенстве всех частей и абсолютном реальном единении отдельного с абсолютным — в первом эфире, который из своей, равной себе, текучей и мягкой формы раздает свое чистое количество индивидуальным образованиям в единичности и численности и полностью покрывает эту неприступную и мятежную систему тем, что численность очищается, превращаясь в чистое единство и бесконечность, в интеллигенцию; а отрицательное посредством превращения в абсолютно отрицательное (ибо абсолютное понятие есть абсолютно непосредственная противоположность самому себе и, как сказано, «ничто не есть меньшее, чем что-то») может полностью объединиться с позитивно абсолютным. В интеллигенции же форма, или идеальное, есть абсолютная форма и в качестве таковой она реальна, и в абсолютной нравственности абсолютная форма самым подлинным образом сое-

динена с абсолютной субстанцией. Ни одно из индивидуальных образований, находящихся между простой субстанцией в реальности в качестве чистого эфира и ею в качестве объединения с абсолютной бесконечностью, не может привести форму и качественное единство в абсолютную индифференцию с сущностью и субстанцией, которая есть в нравственности; не может это сделать посредством количественного элементарного равенства целого и частей или — в более высоких образованиях — посредством доходящей до мельчайших отдельных частей индивидуализации и одновременно посредством объединения их в некое целое посредством общности листьев растений, рода, жизни стадами и совместным трудом животных. Происходит это потому, что только в интеллигенции индивидуализация доводится до абсолютного предела, а именно до абсолютного понятия, отрицательное — до абсолютно отрицательного, до того, чтобы быть непосредственной противоположностью самого себя. Следовательно, только интеллигенция способна, будучи абсолютной единичностью, быть абсолютной всеобщностью; будучи абсолютным отрицанием и субъективностью, быть абсолютным утверждением и объективностью, будучи абсолютной дифференцией и бесконечностью, стать абсолютной индифференцией и целостностью — actu в раскрытии всех противоположностей и potentia в абсолютном их уничтожении и единении, быть высшим тождеством реальности и идеальности.

Если эфир выбросил свою абсолютную индифференцию в индифференции света, создав многообразие, а в цветках солнечной системы вывел в пространство свой внутренний разум и целостность, но эти индивидуумы света рассеяны в множестве, те же, которые образуют их вращающиеся листья, должны пребывать по отношению к ним в строгой индивидуальности, и, таким образом, поскольку единству одних недостает формы всеобщности, единству других — чистого единства, ни одно из них не несет в себе абсолютного понятия как такового, то в системе нравственности раскрытое во внеположенности цветение небесной системы сомкнуто, и абсолютные индивидуумы полностью соединены во всеобщность; при этом реальность, или тело, составляет наивысшее единство с

душой, ибо само реальное множество тела есть не что иное, как абстрактная идеальность, абсолютные понятия, чистые индивидуумы, вследствие чего они сами могут быть абсолютной системой. Поэтому, если абсолютное заключается в том, что оно само себя созерцает и созерцает в качестве самого себя, причем абсолютное созерцание и самопознание, бесконечное распространение и бесконечное его возвращение внутрь себя полностью составляет одно, то, если оба реальны в качестве атрибутов, дух выше природы. Ибо если природа есть абсолютное самосозерцание и действительность бесконечно дифференцированного опосредствования и раскрытия, то дух, будучи созерцанием себя в качестве самого себя или абсолютным познанием, есть в возвращении универсума в самого себя, — и как разбросанная целостность этого множества, над которым он возвышается, и как его абсолютное тождество, в котором он уничтожает эту внешность и рефлектирует в себя как в непосредственную точку единения бесконечного понятия.

Из этой идеи природы абсолютной нравственности возникает отношение (о нем еще пойдет речь впоследствии) нравственности индивидуума к реальной абсолютной нравственности и соотношение наук о нравственности, морали и естественного права. Поскольку реальная абсолютная нравственность постигает, соединяя их в себе, бесконечность или абсолютное понятие и чистую единичность как таковую и в ее высшей абстракции, то она есть непосредственная нравственность отдельного индивидуума, и, наоборот, сущность нравственности индивидуума есть просто реальная и поэтому всеобщая абсолютная нравственность; нравственность отдельного индивидуума подобна удару пульса всей системы и сама есть вся система в целом. В языке содержится указание (которое обычно игнорируется, но полностью оправдано предшествующим изложением), что в самой природе абсолютной нравственности заложено ее свойство быть всеобщей, и р а в а м и; таким образом, и греческое слово для обозначения нравственности, и соответствующее ему немецкое слово прекрасно выражают эту ее природу; что ка-

сается новейших систем нравственности, то они, возводя в принцип для-себя-бытие и единичность, невольно демонстрируют при использовании этих слов свое направление, и это внутреннее указание оказывается настолько явным, что эти системы, определяя свое понимание предмета, вынуждены были отказаться от применения этих слов как от очевидного злоупотребления и прибегнуть к слову «моральность»: оно по своему происхождению имеет, правда, такое же значение, но, будучи новообразованием, не столь непосредственно противится дурному его применению.

Абсолютная нравственность настолько есть (в соответствии со сказанным выше) нравственность всех, что нельзя даже утверждать, будто она в качестве таковой отражается в единичном. Ибо она в такой же степени есть его сущность, как проникающий природу эфир составляет нерасторжимую сущность образов природы и в качестве идеальности ее являющих себя форм, пространства не обособляется ни в одной из них; напротив, наподобие того, как линии и углы кристалла, в которых он выражает внешнюю форму своей природы, суть отрицания, и нравственность, поскольку она выражает себя в единичном как таковом, есть нечто негативное. Прежде всего она не может выразить себя в единичном, если не составляет его души; а душу его она составляет только в той мере, в какой она есть нечто всеобщее и чистый дух народа. Положительное по самой своей природе предшествует отрицательному или, как говорит Аристотель¹⁷, «народ по своей природе предшествует отдельному индивидууму; ибо индивидуум, будучи обособленным, есть нечто несамостоятельное и поэтому он должен, подобно всем другим частям, пребывать в единстве с целым. Тот же, кто не может быть общественным или настолько самостоятелен, что ни в чем не нуждается, не составляет часть народа и поэтому — либо животное, либо бог»*.

Далее, поскольку нравственность выражает себя в единичном как таковом, она положена в форме отрицания, т. е. есть возможность всеобщего духа. Нравствен-

* Аристотель. Политика, I, 1, 12, 1253a 16.

ные свойства отдельного человека, подобно мужеству, умеренности, бережливости или щедрости и т. п., суть отрицательная нравственность, означающая, что в особенности единичного по существу не может быть фиксирована единичность и произведена реальная абстракция, и они также суть возможность или способность пребывать во всеобщей нравственности. Эти добродетели, которые сами по себе составляют возможность и даны в отрицательном значении, являются предметом морали; тем самым становится очевидным, что соотношение естественного права и морали стало обратным, а именно, что мораль охватывает лишь область отрицательного в себе, тогда как естественное право в полном соответствии с его названием — истинно положительное, т. е. ему надлежит дать конструктивное определение, как нравственной природе достигнуть своего подлинного права. Напротив, если бы отрицательное, а также отрицательное в качестве абстракции внешней стороны формального нравственного закона, чистой воли и воли отдельного человека, а также синтез этих абстракций, подобно принуждению, ограничению свободы отдельного лица посредством понятия всеобщей свободы и т. п., — если бы все это выражало определение естественного права, то это было бы естественным правом, посредством которого подобные отрицания, положенные в основу в качестве реальностей, ввергли бы нравственную природу в величайший упадок и несчастья.

Однако благодаря тому, что эти свойства суть отражение абсолютной нравственности в единичном как в отрицательном, но в таком единичном, которое находится в абсолютной индифференции со всеобщим и целым, и следовательно, составляют отражение абсолютной нравственности в ее чистом сознании, то и в ее эмпирическом сознании должно наличествовать ее отражение, и это отражение должно конструировать нравственную природу второго сословия, которое в прочной существующей реальности находится в обладании собственностью и поставлено вне сферы храбрости. Для подобного отражения абсолютной нравственности более или менее подходит обычное значение моральности — формальное полагание в индифференцию определенностей соотношения, следовательно, нравственность *bourgeois* или частного

лица, для которой прочно существует дифференция отношений и которая от них зависит и есть в них. Поэтому наука такой моральности есть прежде всего знание самих этих отношений, и поскольку они рассматриваются в своем отношении к нравственному (которое из-за абсолютной фиксированности может быть лишь формальным), здесь уместно вновь обратиться к вышеупомянутой тавтологии: это отношение есть только это отношение; если ты состоишь в этом отношении, то будь в своем отношении к нему в нем; ибо если ты в поступках, связанных с этим отношением, не будешь действовать в соотношении с ним, ты уничтожишь, снимешь его. Истинный смысл этой тавтологии непосредственно заключает в себе то, что само это отношение не содержит в себе ничего абсолютного, а следовательно, и моральность, связанная с ним, есть нечто зависимое, а не истинно нравственное; этот истинный смысл состоит, как было показано раньше, в том, что только форма понятия, аналитическое единство, есть абсолютное, следовательно, отрицательно абсолютное из-за своего содержания, которое в качестве определенного противоречит форме.

Те свойства, которые поистине нравственны, поскольку в них являет себя особенное или отрицательное, могут, будучи в своей чистоте включены в индифференцию, именоваться нравственными свойствами; добродетелями же — только в том случае, если они вновь индивидуализируются в более высокой энергии и все-таки становятся внутри абсолютной нравственности как бы своеобразными живыми образами, подобно добродетели Эпаминонда¹⁸; Ганнибала, Цезаря и некоторых других. Подобные образы, так же как и образы других органических форм образований, абсолютны в качестве этих энергий и, следовательно, суть не сами по себе, но составляют более сильный выход вовне одной стороны идеи целого; а мораль добродетелей или, — если мы хотим вообще определить мораль моральности и для описания добродетели берем название этики, — этика должна быть простым описанием природы добродетелей.

Так как этика связана с субъективным или отрицательным, то негативное должно быть вообще разделено на наличие дифференции и ее отсутствие. Первый вид

отрицательного есть именно то, о чем шла речь выше; второе же отрицательное — отсутствие дифференции — изображает целостность как нечто замаскированное и нераскрытое, где движение и бесконечность в их реальности отсутствуют. Живое в этой форме отрицательного есть становление нравственности, а воспитание по своей определенности — являющее себя, продолжающееся снятие отрицательного или субъективного. Ибо ребенок в качестве формы возможности нравственного индивидуума есть нечто субъективное или отрицательное, чье становление, зрелость есть устранение этой формы, а воспитание — ее преобразование или покорение. Однако положительное и сущность состоят в том, что ребенок вскормлен всеобщей нравственностью, живет в ее абсолютном созерцании, сначала как чуждой сущности, все глубже постигает ее и таким образом переходит во всеобщий дух. Из этого ясно, что названные добродетели и абсолютная нравственность, так же как и их становление посредством воспитания, не должны быть усилиями, направленными на создание своеобразной и обособленной нравственности, и это стремление к своеобразной положительной нравственности есть нечто тщетное и само по себе невозможное. Применительно к нравственности единственно истинны только следующие слова мудрецов древности: быть нравственным означает жить согласно нравам своей страны; а применительно к воспитанию — единственно правилен ответ пифагорейца на вопрос некоего человека — какое воспитание было бы наилучшим для его сына? Ответ этот гласит: «Если ты сделаешь его гражданином народа, имеющего наилучшую организацию»*.

Если, таким образом, особенное, органическое тело абсолютно нравственного составляют индивидуумы, а его движение и жизненность суть абсолютно тождественны в качестве всеобщего и особенного в совместном бытии и деяниях всех и особенного, и мы только что рассмотрели его в его особенности, но так, чтобы сущность этой особенности была абсолютной тождественностью (вообще же рассматривали его в названной выше тождественности), то

* Diog. Laert., VIII, 16.

оно должно быть представлено и в форме всеобщности и познания как система законодательства; причем таким образом, чтобы эта система полностью выражала реальность или живые, существующие нравы; иначе может случиться, как это часто бывает, что некое, существующее в народе в качестве правового и действительного, не отражено в его законах; подобное неумение отразить в форме законов подлинные нравы, а также боязнь мыслить эти нравы, рассматривать их как свои и признавать их есть проявление варварства. Однако подобная идеальность нравов и их форма всеобщности в виде законов, поскольку она существует в качестве идеальности, должна быть одновременно полностью соединена с формой особенного, тем самым идеальность как таковая обретет чистую абсолютную форму, следовательно, станет в качестве бога народа объектом созерцаний и поклонений, а само созерцание обретет свою живость и радостное движение в культе.

IV

После того как мы представили абсолютную нравственность в моментах ее целостности и сконструировали ее идею, а также уничтожили в качестве лишенных сущности мысленных построений связанное с ней господствующее различие между легальностью и моральностью вместе с абстракциями всеобщей свободы формального практического разума, определили разницу между наукой о естественном праве и наукой о морали в соответствии с абсолютной идеей не посредством смешения обоих принципов, а посредством снятия их и конституирования абсолютного нравственного тождества, мы установили, что их сущность составляет не абстракция, а жизненность нравственного, а их различие касается только внешнего и отрицательного, и это различие есть вместе с тем для каждой стороны совершенно обратное отношение к другому; в соответствии с этим отношением естественному праву дано в качестве его сущности формальное и отрицательное, морали — абсолютное и положительное, но дано так, что само это абсолютное поистине составляет не менее формальное и отрицательное, а то, что называ-

ется здесь формальным и отрицательным, есть вообще ничто.

Для того чтобы показать отношение естественного права к наукам о положительном праве, достаточно вернуться к брошенной нами нити изложения и определить место, где она оборвана.

Прежде всего мы считаем нужным заметить, что философия посредством всеобщности понятия какой-либо определенности или потенции произвольно устанавливает свои границы по отношению к определенной науке. Определенная наука — не что иное, как последовательное описание и анализ (в высшем смысле слова), — нечто оставленное философией в неразвитом состоянии в качестве простой определенности, разветвляется и само есть целостность. Возможность же такого развития формально заключена в том, что в идее непосредственно есть закон абсолютной формы и целостности, в соответствии с которым определенность может быть и далее познана и развита. Реальная же возможность состоит в том, что подобная не развитая философией определенность, или потенция, не есть абстракция или подлинно простой атом, но, как и все в философии, есть реальность; а реальность есть потому реальность, что она есть целостность и сама — система потенций; изобразить потенцию в таком качестве есть развитие, относящееся к определенной науке.

Из этого следует, что мы заранее считаем возможным сказать: значительная часть того, что называется наукой о позитивном праве, а может быть, и вся она в целом, могла бы войти в полностью развитую и разветвленную философию; и то обстоятельство, что эта наука конституировалась в качестве особой науки, не исключает ее из философии и не противопоставляет ее последней. Посредством для-себя-бытия и эмпирического различения этой совокупности наук не положено истинное разделение их с философией. То обстоятельство, что эти науки именуют себя эмпирическими науками, которые, с одной стороны, могут быть применены в действительном мире и стремятся сделать свои законы и методы доступными и обычными представлениям и вместе с тем, с другой стороны, соотносятся с индивидуальными системами существующих кон-

ституций и законодательств, а также принадлежат определенному народу и определенному времени, не определяет какого-либо различия, с необходимостью исключаящего их из философии. Ибо ничто не должно быть столь применимо к действительности и столь оправдано перед всеобщим типом представления (подлинно всеобщим, — так как существуют такие типы представления, которые носят вполне частный характер), как то, что исходит из философии, и ничто не может быть столь индивидуально, жизненно и устойчиво, как именно это. Для того чтобы можно было говорить об отношении этих наук к философии, следует сначала установить их специфику и определить, в чем заключается их положительность.

В о-п е р в ы х позитивные науки понимают под действительностью, к которой они, как они утверждают, относятся, не только историчность, но и понятия, принципы, отношения и многое другое, что само по себе принадлежит разуму и должно выражать внутреннюю истину и необходимость. Ссылаться при этом на действительность и опыт и противопоставлять это философии в качестве позитивного — должно быть само по себе признано недозволенным приемом. То, что философия объявляет нереальным, не может быть действительно обнаружено в опыте, и если позитивная наука ссылается на действительность и опыт, то философия в своем доказательстве нереальности понятия, утверждаемого эмпирической наукой, может также обратиться к эмпирической связи и показать, как то, что позитивная наука якобы обнаружила в опыте и действительности, там существовать не может. Философия не отрицает мнения, что подобное может быть обнаружено, допускает случайную субъективную точку зрения. Однако позитивная наука, утверждая, что она находит в опыте свои представления и основные положения, стремится установить нечто реальное, необходимое и объективное, а не субъективную точку зрения. Является ли что-либо субъективной точкой зрения или объективным представлением, предположением или истиной, — это может решить только философия. Она может ответить позитивной науке *ad hominem* на ее способ доказательства и не только отрицать, что представление позитивной науки основано на опыте, но более того утверждать, что только пред-

ставление философии может быть открыто в опыте. Непосредственная причина того, что философия может показать свое представление в опыте, заключается в двойственной природе того, что называют опытом. Ибо опытом следует считать не непосредственное созерцание, но созерцание, поднятое на уровень интеллектуального, мыслимое и поясненное, выведенное из его единичности и высказанное как необходимость. Следовательно, в том, что обнаружено в опыте и в качестве опыта, важно не то, что мы можем назвать действительностью в связи с разъединением, привносимым в созерцание мышлением. Но если созерцание вовлечено в сферу мысли, мнение должно подчиниться истине философии. Показать отличие того, что позитивная наука получила, по ее мнению, непосредственно из созерцания, между тем как она сама определила это посредством отношения и понятия, от того, что не принадлежит мышлению, очень легко; тем самым становится очевидным полное право философии подчинить себе первое.

И далее, поскольку подобное, ссылающееся на действительность, мышление бывает обычно в своем мнении инстинивно позитивным благодаря тому, что оно находится в противоположении и удерживает определенности, т. е. принимает в качестве абсолютных мысленные построения или данные воображения и выводит из этого свои основоположения, то в результате оказывается, что в каждой определенности открывается и противоположная определенность и из посылок этого мышления может быть выведено и противоположное тому, что оно стремится доказать. Так, например, если увеличение плотности тела и его удельного веса объясняют увеличением силы притяжения, то это можно объяснить и силою отталкивания. Ибо притяжение может быть только такой же силы, как отталкивание; первое имеет значение только в соотношении со вторым, насколько первое превышало бы второе, настолько его бы вообще не было. То, что рассматривается как увеличение одного, может совершенно так же рассматриваться как увеличение противоположного.

Таким образом, если в естественном праве вообще, и в теории наказания в частности, какое-либо отношение

определяется как принуждение, а философия показывает несостоятельность этого понятия, между тем как позитивная наука, основываясь на данных опыта и действительности, утверждает, что принуждение тем не менее есть нечто реальное и что оно осуществляется, то показанная философией нереальность принуждения может быть с таким же правом выражена со ссылкой на опыт и действительность утверждением, будто принуждения вообще нет, будто никогда никого ни к чему не принуждают и не принуждали. Все дело сводится здесь к пониманию явления, к тому, рассматривается ли представление принуждения как нечто только внешнее или как нечто внутреннее. Поэтому во всех случаях, где хотят обнаружить наличие принуждения, можно применительно к тому же явлению утверждать прямо противоположное, а именно, что это — не принуждение, а выражение свободы. Поскольку рассматриваемое явление вошло в форму представления и тем самым определено посредством внутреннего, идеального, субъект находится по отношению к нему в сфере свободы. И если то, что должно быть рассмотрено как нечто внешнее, как принуждение, перемещается для устранения противоположности внутреннего или свободы в саму эту внутреннюю сферу и выступает тем самым как принуждение психологическое, то это включение внешнего во внутреннее мало помогает делу. Ибо мысль остается всецело свободной, и психологическое или мыслимое принуждение связать ее не может. Возможность снять определенность, которая дана в представлении и должна служить принуждением, — абсолютна; вполне можно себе представить, что утрата определенности, которой угрожает наказание, заранее принимается, и то, что закон хотел отторгнуть в наказании, отдается добровольно. Следовательно, если в объяснении явления представление какой-либо определенности должно выступать в качестве принуждения, осуществляемого теперь или осуществленного в прошлом, то столь же возможно и противоположное объяснение этого как выражения свободы. То обстоятельство, что побудительная сила чувства (и та, которая заставляет совершить поступок, и та, которая со стороны закона должна служить средством устрашения) есть нечто психологическое, внутреннее, сразу же

полагает это явление в сферу свободы, которая может либо абстрагироваться от него, либо не делать этого; то и другое есть свобода воли. Если же утверждается, что, по сложившемуся мнению, в соответствии с всеобщим представлением принуждение, и притом психологическое, все-таки существует, то это прежде всего неверно, потому что столь же распространено и, пожалуй, еще более всеобщим является мнение, согласно которому совершение какого-либо действия или отказ от него есть выражение свободной воли. К тому же при составлении основных положений и определений законов о подобном мнении надлежит заботиться не больше, чем астрономы в своем познании законов космоса заботятся о мнении, согласно которому солнце, планеты и все звезды движутся вокруг земли или столь же велики, какими мы их видим, и т. п.; не больше, чем капитан корабля руководствуется в своих действиях мнением, что корабль стоит, а берег движется. В противном случае одни не могли бы постигнуть законы солнечной системы, другой повелел бы рулевому остановить управление кораблем и убрать паруса,— оба они сразу же оказались бы перед невозможностью достигнуть своей цели и непосредственно осознали бы всю переальность мнения в тот самый момент, когда они решили бы признать его реальным. Как было показано выше, принуждение, мыслимое как реальность, т. е. в рамках системы и целостности, непосредственно снимает и себя, и целое.

Поскольку подобная определенность, фиксируемая мнением позитивной науки, есть вместе с тем прямая противоположность самой себя, то любая из двух партий может, отправляясь от одной из этих противоположных определенностей, с одинаковым основанием опровергнуть другую. Возможность такого опровержения состоит в том, что доказываемая, насколько каждая из этих определенностей немислима и ничтожна без ее соотношения с противоположной определенностью. Однако ввиду того, что определенность есть и имеет значение только в соотношении с противоположной ей определенностью, эта последняя может и должна непосредственно быть в наличии и показана. Из того, что $+A$ не имеет смысла без соотношения с $-A$, можно умозаключить, что вместе с $+A$

непосредственно есть и $-A$; в соответствии с одной точкой зрения здесь имеется в наличии $-A$, а не $+A$; однако с равным основанием можно возразить, что верно обратное.

В ряде случаев не делается и эта попытка; так, например, применительно к той свободе, которая противоположна побудительной силе чувства и из-за этого противоположения также не является истинной свободой, не показано, что все то, что хотят объяснить как выражение этой свободы, по существу должно быть объяснено как действие побудительной силы чувства — это вполне выполнимо, но не более чем обратное. Ибо можно показать также, что все, воспринятое в качестве действия побудительной силы чувства, в сущности следует воспринять как воздействие свободы. Между тем от свободы абстрагируются, утверждая, что она сюда вообще не относится, поскольку она принадлежит к области внутреннего, более того, — к области морали и даже метафизики. При этом оставляют без внимания, что другая определенность, на которой здесь останавливаются, т. е. принуждение и побудительная сила чувства, посредством которой это принуждение полагается в качестве внешнего, вообще не имеет значения без противоположного ему внутреннего, или свободы, и что эта свобода просто не может быть отделена от принуждения. Если поступок, являющийся преступлением, рассматривается с такой точки зрения, согласно которой, невзирая на угрозу наказания и побудительную силу чувства, создаваемую законом посредством этой угрозы, этим поступком предполагалось совершить нечто определенное, то это определенное именуют чувственным, желая показать, что преступление связано с чувственным очарованием. Однако с точки зрения, согласно которой поступок есть выражение воли и в нем заключена возможность абстрагироваться от той стороны закона, которая связана с чувственным побуждением, — в таком понимании поступок являет себя как свободный. Ни та, ни другая точки зрения не могут быть отвергнуты, как не может быть отвергнута ни та определенность, ни эта возможность; обе они взаимосвязаны, и каждая может быть непосредственно выведена из своей противоположности. Однако логика мнения мнит, что если положена ка-

кая-либо определенность, противоположность, то от другой, противоположной ей определенности, можно действительно абстрагироваться, обойтись без нее. Не может также эта логика из-за ее принципа противоречия постигнуть, что в подобных определенностях противоположность каждой из них совершенно безразлична для определения созерцания и что в подобном абстрагировании и отрицательной сущности одна противоположность полностью равна другой. Еще более непостижимо для этой логики то, что обе эти противоположности,— как свобода, противостоящая чувственности, так и эта чувственность и это принуждение,— являются совсем не реальностью, а просто порождением мысли и воображения.

Таким образом, если наука о праве позитивна потому, что она опирается на мнения и лишены сущности абстракции, то ее ссылки на опыт, на то, как она определяет применимость к действительности, или ее ссылки на здравый смысл и всеобщее представление, или даже на философию — не имеют ни малейшего смысла.

Если мы более внимательно остановимся на том, почему наука становится позитивной в том аспекте, в котором мы эту позитивность рассматриваем, и вообще попытаемся осмыслить причину иллюзорности и возникновения отдельных мнений, то мы придем к выводу, что причина заключена в форме, в том, что идеально противоположное, одностороннее, обладающее реальностью лишь в абсолютном тождестве с противоположным ему, изолируется, полагается как для себя сущее и рассматривается как нечто реальное. Именно посредством этой формы непосредственно снимается созерцание, разрушается целое, перестает быть целым и реальным. Следовательно, это различие между позитивным и непозитивным не касается содержания. Оно становится возможным из-за этой формы, из-за того, что, как было указано выше, не только фиксируется и неправильно рассматривается как истина и реальность чисто формальная абстракция, но и истинная идея и подлинный принцип остаются непонятыми в отношении их границ, полагаются вне той потенции, в которой заключена их истина, и тем самым полностью эту истину теряют. То обстоятельство, что принцип принадлежит к некоей потенции, есть сторона его определенно-

сти; однако в самой потенции эта определенность выступает столь же индифференцированной и реально проникнутой идеей, тем самым — в качестве истинного принципа. Далее, этот принцип познается в качестве идеи, являя себя в этих определенностях как в ее формах, познается только как принцип этой потенции, а тем самым познаются его границы и обусловленность. Если же этому принципу в его обусловленности придается абсолютность, если он распространяется на природу других потенций, то тем самым он полностью отторгается от своей истины.

Абсолютное и ясное единство нравственности абсолютно и жизненно в том, что ни отдельная потенция, ни существование потенций вообще не может быть прочным, но что столь же абсолютно, как она вечно расширяет эти потенции, она их соединяет и снимает, наслаждается самой собой в неразвитом единстве и ясности и, сохраняя по отношению к потенциям уверенность в своей внутренней жизни и ее неделимости, то ставит преграду одной посредством другой, то полностью переходит в одну из них и уничтожает другую и вообще возвращается из этого движения в состояние абсолютного покоя, в котором все они снимаются. Напротив, можно говорить о болезни и начале умирания, если какая-либо часть организует сама себя и освобождается от власти целого; посредством этого отъединения такая часть оказывает отрицательное воздействие на целое или даже принуждает его организоваться только для данной потенции, подобно тому как послушная целому жизненность внутренних органов тела превратилась бы в совокупность отдельных животных или печень — в господствующий орган, принуждая всю организацию человеческого тела выполнять ее функции. Во всеобщей системе нравственности принцип и система гражданского права, в чье ведение входит владение и собственность, может, например, полностью углубиться внутрь себя и в своих далеко идущих претензиях считать себя целостностью, безусловной и абсолютной. Выше уже была определена внутренняя негативность этой потенции и по ее содержанию, которое есть прочность существования конечного; а что касается возможного в нем отблеска индифференции, то он еще в меньшей степени может считаться чем-то абсолютным, подобно тому как сама систе-

ма предпринимательства и владения, само богатство народа (а внутри этой системы — какая-нибудь отдельная потенция, будь то земледелие, мануфактуры и фабрики или торговля) не могут рассматриваться как безусловные.

Однако еще более позитивной отдельная потенция становится, если она и ее принцип настолько забывают о своей обусловленности, что возносятся над другими и подчиняют их себе. Подобно тому как принцип механики вторгся в область химии и науки о природе, а принцип химии в свою очередь — в последнюю, так в философии нравственности происходило с различными принципами в разные времена, но в новое время во внутреннем устройстве естественного права эта внешняя справедливость, — рефлексированная в существующем конечном и поэтому являющаяся собой формальную бесконечность, которая составляет принцип гражданского права, — достигла особенного верховного господства над государственным и международным правом. Форма такого подчиненного отношения, каким является договор, вторглась в абсолютное величие нравственной целостности¹⁹. Так, например, если говорить о монархии, то абсолютная всеобщность ее центра и единение в нем особенного понимается то в соответствии с договором о передаче полномочий как отношение высшего государственного служащего к абстракции государства, то в соответствии с обычным договором, просто как соглашение двух определенных партий, каждая из которых нуждается в другой, как отношение, основанное на взаимных услугах; и посредством таких отношений, полностью пребывающих в сфере конечного, непосредственно уничтожается и идея, и абсолютное величие. Точно так же попытка определить в области международного права отношения абсолютно независимых и свободных народов, являющихся нравственными целостностями как отношения, устанавливаемые гражданским договором, непосредственно касающимся единичности и зависимости субъектов, сама по себе внутренне противоречива. Ведь и государственное право могло бы в качестве такового относиться непосредственно к отдельному человеку, в качестве совершенной полиции стремиться полностью проникнуть в бытие каждого индивидуума и тем самым уничтожить гражданскую свободу, что было бы

проявлением жесточайшего деспотизма. Так, Фихте полагает, что вся деятельность и вся жизнь отдельного человека в качестве такового должна контролироваться, быть ведома и определена противоположным ему всеобщим и абстракцией. В систему абсолютной нравственности может вторгнуться и моральный принцип, стремясь стать во главе как публичного и частного, так и международного права, — что также было бы проявлением полной слабости и сильнейшего деспотизма и ознаменовало бы собой полный отказ от идеи нравственной организации, поскольку моральный принцип, так же как и гражданское право, пребывает только в конечном и единичном.

В науке подобное упрочение и изолирование отдельных принципов и систем, их возвышение над другими способна предотвратить только философия, поскольку часть не признает своей границы, но стремится конституироваться как целое и абсолютное; философия же, пребывающая в идее целого, стоит над частями, не позволяет части преступать свою границу и вместе с тем величием самой идеи препятствует тому, чтобы часть в своем дроблении дошла до бесконечно малого. В реальности это ограничение и идеализация потенций предстает как история нравственной целостности, в которой эта целостность, прочная в своем абсолютном равновесии, колеблется во времени между противоположными моментами — то посредством легкого перевеса гражданского права напоминает государственному праву о его определенности, то посредством перевеса государственного права вторгается в гражданское право и оставляет в нем третины. Тем самым она то временно оживляет каждую систему посредством более прочного пребывания в ней, то напоминает всем в их разъединении о том, что они преходящи и зависимы, уничтожает их буйное разрастание и их самоорганизованность тем, что внезапно в отдельные моменты сразу поглощает все, представляет их втянутыми в себя, а затем, если они хотят быть для себя, позволяет им выступить вовне, вновь рожденными из единства, с воспоминанием об этой зависимости, с чувством своей слабости.

Черты позитивности в науке о праве относятся к форме, с помощью которой потенция изолируется и полагает себя абсолютно; и с этой стороны каждая философская наука, так же как религия и что бы то ни было другое, может быть искажена и запятнана. Однако мы должны рассмотреть позитивность и со стороны материи, ибо, несмотря на то, что и названное нами ранее позитивным, и то, что мы теперь рассматриваем как материю, находятся в сфере конечного; различие заключается в том, что раньше мы исследовали внешнюю связь формы всеобщего с особенностью и определенностью, теперь же мы рассматриваем особенное как таковое.

И с этой точки зрения мы считаем нужным прежде всего оградить от формализма все то, что по своей материи может быть признано позитивным, ибо формализм разрывает созерцание и его тождество всеобщего и особенного, противопоставляет друг другу абстракцию всеобщего и особенного; и все то, что ему удастся исключить из этой пустоты и подвести под абстракцию особенности, он считает позитивным, не думая о том, что посредством такого противоположения всеобщее становится таким же позитивным, как особенное; ибо, как уже было показано раньше, всеобщее благодаря этой форме противоположения, в которой оно выступает в этой абстракции, становится позитивным. Реальное же есть просто тождество всеобщего и особенного, и поэтому названная абстракция и полагание одного из противоположных, возникающих посредством абстракции,— всеобщего,— в качестве в-себе-сущего не может иметь места. Вообще, если формальное мышление хочет быть последовательным, оно, постигая особенное как позитивное, не должно иметь содержания. В чистом разуме формального мышления множество и различенность должны полностью отпасть, и нельзя даже представить себе, как ему удастся сохранить хотя бы самое незначительное количество рубрик и глав; подобным же образом те, кто постигает сущность организма как абстракцию жизненной силы, по существу должны были бы считать все члены, мозг, сердце и все внутренние органы чем-то особенным, случайным и позитивным и отбросить их.

В силу того, что нравственное, как и все живое, есть

просто тождество всеобщего и особенного, оно есть индивидуальность и форма. Оно несет в себе особенность, необходимость, отношение, т. е. относительное тождество, но в качестве индифферентного, ассимилированного, и благодаря этому оно в нем свободно. То, что может быть рассмотрено рефлексией как особенное, не есть ни положительное, ни противоположное по отношению к живому индивидууму, который тем самым связан со случайностью и необходимостью, но в качестве живого. Эта сторона составляет его неорганическую природу, но приобщившуюся к организации в своей форме и индивидуальности. Так, если ограничиться самым общим, определенный климат народа и связанный с этим народом период времени в формировании всего рода принадлежит к сфере необходимости, и лишь одно звено ее далеко уходящей цепи относится к настоящему. Это может быть достигнуто, с одной стороны, с помощью географии, с другой — с помощью истории. Однако в это звено организовалась нравственная индивидуальность, и его определенность связана не с ней, а с необходимостью. Ибо нравственная жизненность народа состоит именно в том, что она имеет форму, в которой находится определенность, но не в качестве позитивного (в нашем предшествующем понимании этого слова), а будучи абсолютно соединенной со всеобщим и получая от него жизненность. Эта сторона очень важна и для того, чтобы было понято, в какой мере философия учит уважать необходимость, — как потому, что она есть целое (а только ограниченное понимание держится единичности и презирает ее как случайность), так и потому, что она снимает единичность и случайность таким образом, что показывает, как последняя не препятствует жизни самой по себе; жизнь, позволяя ей существовать такой, какая она есть в силу необходимости, вместе с тем отторгает ее от этой необходимости, проникает в нее и придает ей жизненность. Так же как частица воды, к которой приобщилась часть животного мира, или частица воздуха, в которую вошло нечто другое, не становится чем-то позитивным или мертвым из-за того, что они являются отдельными элементами, — в одном случае для рыбы, в другом для птицы, так и форма нравственности, в которой она организовалась в данном климате и

в данный период особенной и всеобщей культуры, не есть в ней нечто позитивное. Подобно тому как в природе полипа заключена та же целостность жизни, как в природе соловья или льва, так и мировой дух обладает в каждом образе более смутным или более развитым, но всегда абсолютным ощущением себя, и в каждом народе, в каждой целостности народов и законов он наслаждается своей сущностью и самим собой.

Вовне ступень, чья внешняя сторона принадлежит необходимости как таковой, столь же оправдана. Ибо и в этой абстракции необходимости единичность также полностью снята идеей. Такая единичность ступени полипа, соловья и льва есть потенция целого, и в этом — ее значимость. Над отдельными ступенями парит идея целостности, которая отражается в их разбросанном образе, созерцает себя в нем и познает; и эта целостность широко распространившегося образа есть оправдание единичного как существующего. Поэтому точка зрения, связывающая индивидуальность с формой особенного и снимающая жизненность, в которой особенность реальна, должна быть названа формальной; эмпирична же та точка зрения, которая там, где положена реальность определенной ступени, требует более высокую ступень. Эта более высокая ступень в ее более развитой реальности так же существует эмпирически. Более высокое развитие жизни растения заключено в полипе, более высокое развитие полипа — в насекомом и т. п. И лишь эмпирической неразумностью можно объяснить то, что в полипе стремятся увидеть эмпирическое изображение высшей ступени, насекомое. Полип, который не есть полип, есть не что иное, как эта определенная, находящаяся со мной в эмпирическом соотношении, часть мертвой материи; она мертва и она есть материя потому, что я полагаю ее в качестве пустой возможности быть чем-то иным, а эта пустота есть смерть. Если же речь идет о более высоком изображении, вне эмпирического соотношения, то его найти можно, ибо оно должно быть в наличии, в соответствии с абсолютной необходимостью.

Так, например, ленное устройство может казаться чем-то совершенно позитивным. Однако со стороны необходимости оно не есть нечто абсолютно единичное, но

находится полностью в целостности необходимости; позитивно ли оно в своем внутреннем аспекте, по отношению к жизни, зависит от того, истинно ли организовал себя в нем народ в качестве индивидуальности, заполнил ли он целиком форму этой системы, проник ли он в нее своей жизненностью, вошел ли закон этого отношения в нравы народа. Если гений нации вообще стоит на более низкой ступени и более слаб, а слабость нравственности наиболее ощутима в варварстве и формальной культуре, если эта нация позволила какой-либо другой победить ее, потеряла свою независимость, следовательно, предпочла несчастье и позор утраты независимости борьбе и смерти, если она в своей грубости настолько погрузилась в реальность животной жизни, что она не может возвыситься даже до формальной идеальности, до абстракции всеобщего, и, следовательно, привносит в определение отношений для удовлетворения физических потребностей не правовые, а чисто личные отношения, или если реальность всеобщего и права полностью утратила веру и истину и не способна более ощущать в себе божественный образ и наслаждаться им, но вынуждена полагать его вне себя и удовлетвориться в своем отношении к нему смутным или горьким ощущением того, что этот божественный образ недостижим для нее в своей отдаленности и возвышенности, — тогда в ленном устройстве и рабстве заключена абсолютная истина, и это отношение есть единственно возможная форма нравственности, а поэтому форма необходимая, справедливая и нравственная.

Отправляясь от этой индивидуальности целого и определенного характера народа, следует познавать и всю систему, в которую организовала себя абсолютная целостность: надо осознать, как все части государства и законодательства, все определения нравственных отношений непосредственно определяются целым и образуют построение, в котором не было для себя а priori наличных связей, украшений, но все они обязаны своим становлением целому и подчинены ему. Именно в этом смысле Монтескье²⁰ положил в основу своего бессмертного труда изучение индивидуальности и характера народов; если ему и не удалось подняться до наиболее жизненной идеи, то он все-таки не дедуцировал отдельные учреждения и за-

коны из так называемого разума, не абстрагировал их из опыта, вознося их затем к некоему всеобщему, но выводил свое понимание как высших отношений государственно-правовых органов, так и более низких определений гражданских отношений, вплоть до завещаний, законов о браке и т. д., только из характера целого и его индивидуальности; тем самым он продемонстрировал теоретикам эмпирического направления понятным для них образом (этим теоретикам, которые полагают, что познают случайности своих систем государства и законов из разума и выводят их из здравого смысла или всеобщего опыта), что разум и здравый смысл, а также опыт, на основании которого складываются определенные законы, являются отнюдь не разумом и здравым смыслом а priori или опытом а priori, который мог бы считаться абсолютно всеобщим, а только живой индивидуальностью народа, индивидуальностью, чьи наивысшие определенности в свою очередь могут быть поняты, если отsprавляться от всеобщей необходимости.

То же, что выше было показано применительно к науке,— что каждая отдельная потенция может быть фиксирована, в результате чего наука может стать позитивной,— в такой же степени относится к нравственному индивидууму или народу. Ибо в соответствии с необходимостью целостность как существование разбросанных определенностей должна изобразить себя в нем, и отдельное звено цепи, в котором народ положен в настоящем, должно исчезнуть, уступив место другому. По мере того как таким образом происходит рост индивидуума, одна потенция выступает вперед, а другая отходит назад, может случиться, что части, организовавшие себя во второй названной здесь потенции, окажутся исключенными и омертвевшими.

Такое разделение, в котором одно созревает, стремясь к новой жизни, другое же, утвердившись на ступени какой-либо определенности, отстает и видит, как жизнь покидает его, возможно только благодаря тому, что определенность каждой ступени фиксирована и сделана абсолютной по своей форме. Форма закона, которая дана определенному обычаю и составляет всеобщность или отрицательно абсолютное тождество, придает ему видимость

в-себе-сущего. И если масса народа велика, то велика и его часть, организовавшая себя в этой определенности; и сознание, заключенное в законе о ней, имеет значительный перевес над бессознательным вновь развивающейся жизни. некогда обычай и закон совпадали, и определенность тогда не была чем-то положительным. Однако, поскольку целое движется не в равномерном соответствии с ростом индивидуума, закон и обычай отделяются друг от друга; живое единство отдельных частей ослабевает и в наличии целого исчезает абсолютная связь и необходимость. Здесь индивидуум уже не может быть познан из самого себя, ибо его определенность лишена жизни, которая поясняет ее и делает ее постижимой. И по мере того как новый обычай также начинает постигать себя в законах, в этих законах неизбежно должно возникнуть внутреннее противоречие. Если раньше история была только стороной воззрения и необходимое было вместе с тем свободно, то здесь, напротив, необходимость больше не совпадает со свободой и полностью относится только к сфере истории. То, что не имеет в настоящем истинной живой основы, имело ее в прошлом, поэтому надо стремиться обнаружить такое время, когда данная, фиксированная в законе, но теперь отмершая определенность была живым обычаем и находилась в соответствии с законодательством в целом. Однако иной, помимо такой познавательной, цели чисто историческое объяснение законов и учреждений не имеет²⁴. Оно вышло бы за пределы своего определения и истины, если бы ставило перед собой цель оправдать для настоящего закон, который обладал истиной лишь в прошлом. Напротив, историческое познание закона, с помощью которого в качестве основы этого закона выявляются забытые обычаи и минувшая жизнь, свидетельствует именно о том, что в настоящем этот закон лишен смысла и значения, пусть он даже сохраняет силу и власть благодаря своей форме и тому, что отдельные части целого заинтересованы в нем и связывают с ним свое существование.

Однако для правильного различения того, что умерло и в чем нет истины, и того, что еще жизненно, следует напомнить о различии, которое легко может быть упущено формальной точкой зрения и которое должно воспре-

пятствовать тому, чтобы то, что само по себе отрицательно, было воспринято в качестве живого закона и, следовательно, господство самих по себе отрицательных законов рассматривалось в качестве доказательства жизнеспособности организации. Ибо законы, которые отторгают от верховного господства целого отдельные определенности и части, изымают их из сферы власти этого целого и конституируют исключительность единичного по отношению ко всеобщему, суть сами по себе нечто негативное и служат признаком начинающегося омертвления, все более угрожающего жизни, чем скорее растет отрицательное и число исключений. И эти законы, целью которых является распад целого, становятся слишком могущественными для того, чтобы им могли противостоять истинные, конституирующие единство целого, законы. Таким образом, к положительному и отмершему следует причислить не только то, что полностью принадлежит прошлому, не заключает в себе более живого настоящего и обладает лишь безрассудной, и поскольку оно лишено внутреннего значения, бесстыдной властью, но и то, что лишено подлинной положительной истины, что утверждает отрицательное, распад и отделение от нравственной целостности. Если первое — история прошлой жизни, то второе — определенное представление о смерти в настоящем.

Так, в разъединенном народе, каковым является, например, немецкий народ²², законы могут сохранить видимость истины для тех, кто не способен провести различие между законами отрицательного и разъединенного и законами истинно положительного и единства. Непосредственно то, что организующие целое законы имеют значение только для прошлого и соотносятся с формой и индивидуальностью, давно уже брошенных как ненужная оболочка, что эти законы представляют интерес только для отдельных частей и тем самым лишены живой связи с целым и полагают чуждую ему власть и господство, что то, в чем находят свое выражение живые узы и внутреннее единство, уже совершенно неприменимо в качестве средства для поставленной цели, и, следовательно, в этом средстве нет ни смысла, ни истины, ибо истина средства заключается в его адекватности цели, из чего вытекает, что глубокое отсутствие истины в целом ве-

дет к тому, что в философской науке вообще, в нравственности, а также в религии может заключаться лишь незначительная истина, — это непосредственно определяет и утверждает распад, полагает себя в системе отрицательного, придает себе формальную видимость как познания, так и законов, чья внутренняя сущность есть ничто. Если познание и наука такого народа находят свое выражение в том, что разум ничего не познает и не знает и пребывает только в пустой свободе, находя в ней убежище, в небытии и его видимости, то содержание и сущность отрицательного законодательства заключается в том, что нет ни закона, ни единства, ни целого. Следовательно, в первом случае не-истина заключается в том, что она является бессознательно и непосредственно таковой, во втором — в том, что она притязает на форму и посредством этого утверждается.

Следовательно, философия не потому рассматривает особенное как положительное, что оно есть особенное, но потому, что оно достигло независимости в качестве отдельной части вне абсолютной связи с целым. Абсолютная целостность ставит себе в качестве необходимости преграды в каждой своей потенции, создает себя в ней как целостность, повторяет в ней предыдущие потенции и превосходит последующие; однако одна из них — есть величайшая сила, в цвете и определенности которой является себя целостность, ни в чем не ограничивая при этом жизнь, так же как вода не ограничивает жизнь рыбы или воздух — жизнь птицы. Для того чтобы все ступени необходимости явили себя в этой одной ступени как таковые, необходимо, чтобы индивидуальность двигалась по пути своего развития, проходила свою метаморфозу, чтобы все, принадлежащее господствующей потенции, слабело и умирало; в несчастье же переходного периода, в том, что новое образование в своем росте не освобождается полностью от прошлого, и коренится позитивное. И хотя природа продолжает свое равномерное движение внутри определенного образа, не механически равномерное, а равномерно ускоряющееся движение, она тем не менее наслаждается каждым новым созданным ею образом; совершив в него скачок, она пребывает в нем некоторое время. Подобно тому как бомба в кульминации

взрыва совершает скачок, а затем на мгновение замирает, или как доведенный до определенной температуры металл не плавится, как воск, а внезапно приходит в жидкое состояние и остается в нем (ибо явление есть переход в нечто абсолютно противоположное, следовательно, оно бесконечно, и этот выход противоположного из бесконечности или из своего небытия есть скачок, и наличное бытие образа в его возрожденной силе есть сначала для самого себя, прежде чем оно осознает свое отношение к чуждому), так же и развивающаяся индивидуальность содержит в себе как радость такого скачка, так и пребывание в наслаждении своей новой формой до того момента, когда она постепенно начинает открываться негативному и в своей гибели обнаруживает ту же внезапность и хрупкость.

Если философия нравственности научится постигать эту необходимость и совокупность ее содержания, а также ее определенность как абсолютно связанные с духом, как его живое тело, и противопоставит себя формализму, рассматривающему все то, что он может подвести под понятие особенности как случайное и мертвое, то философия нравственности познает одновременно и то, что эта жизненность индивидуальности вообще, какой бы ни была ее форма, есть формальная жизненность. Ибо ограниченность того, что принадлежит необходимости, будучи, правда, абсолютно принята в индифференцию, есть тем не менее лишь часть необходимости, а не сама абсолютная целостная необходимость; следовательно — всегда есть несовпадение абсолютного духа и его формы. Однако в поисках этого абсолютного образа ей не следует обращаться к бесформенности космополитизма или к пустоте деклараций о правах человека и такой же пустоте государства народов и мировой республики²³, ибо подобные абстракции и формальности содержат прямую противоположность нравственной жизненности и по своей сущности оппозиционны и революционны по отношению к индивидуальности. Напротив, высокой идеи абсолютной нравственности должна быть придана прекраснейшая форма. И поскольку абсолютная идея есть в себе самой абсолютное созерцание, вместе с ее конструкцией непосредственно определена и самая чистая, и самая свободная индивидуальность, в ко-

торой дух с совершенной объективностью созерцает сам себя в своем образе и полностью, не возвращаясь к себе из созерцания, непосредственно познает само созерцание как самого себя, будучи именно поэтому абсолютным духом и совершенной нравственностью. Вместе с тем, согласно изображенному выше способу, эта нравственность, отстраняя от себя переплетение с негативным (ибо то, что мы до сих пор именовали позитивным, рассмотренное само по себе, есть, как показал сам предмет, негативное), противопоставляет его себе в качестве объективного и судьбы; и тем, что она сознательно предоставляет ему, жертвуя частью самой себя, власть и царство, она сохраняет свою собственную жизнь в незапятнанности этим негативным.

СИСТЕМА ПРАВСТВЕННОСТИ

[Введение]

Чтобы познать идею абсолютной нравственности, пужно созерцание сделать полностью адекватным понятию, поскольку идея сама есть не что иное, как тождество обоих. Но чтобы быть познанным, это тождество должно мыслиться как адекватность; но в силу того, что в равенстве они разделены друг с другом, они полагаются в различии; одно — в форме всеобщности, другое — в форме особенности. Чтобы, таким образом, это тождество стало полным, то, что здесь [было положено] в форме особенности, [должно] теперь, наоборот, полагаться в форме всеобщности, а то, что полагалось в форме всеобщности, теперь должно полагаться в форме особенности.

Однако подлинно всеобщим является созерцание; а подлинно особенным — абсолютное понятие. Следовательно, каждое должно выступить по отношению к другому один раз в форме особенности, второй — в форме всеобщности, один раз созерцание оказывается подведенным (subsumiert) ¹ под понятие, другой — понятие под созерцание. Хотя последнее отношение является абсолютным в силу указанного основания, первое столь же абсолютно необходимо, чтобы было полное сходство для познания, поскольку таковое само есть лишь отношение и только некое отношение и, таким образом, в нем не полагается абсолютное сходство созерцания и познания. Здесь идея абсолютной нравственности есть взятие абсолютной реальности обратно внутрь себя как внутрь единства, так что эта рефлексия и это единство есть абсолютная целокупность; ее созерцание — это абсолютный народ; ее понятие — абсолютное бытие индивидуальностей в качестве «одного» (*Einssein*).

Во-первых, созерцание должно быть подведено под понятие. Благодаря этому абсолютная нравственность выступает как природа, поскольку сама природа есть

не что иное, как подведение созерцания под понятие, вследствие чего, таким образом, созерцание, единство остается чем-то внутренним и на поверхность выступает многообразность понятия и его абсолютное движение. Тогда в этом подведении созерцание нравственности, которое есть народ, становится многообразной реальностью, или единичностью, единичным человеком, и вместе с тем абсолютной рефлексией природы внутрь себя, чем-то парящим над единичным, чем-то формальным, ибо формальное как раз и есть единство, которое само по себе не есть абсолютное понятие, или абсолютное движение. И в то же время, так как это единство парит над единичным, оно не порывает с ним, не абстрагируется от него, наоборот, оно наличествует в нем, но скрыто; и в этом противоречии оно являет, что этот внутренний свет не абсолютно слит и един со всеобщим, парящим над ним светом как соответствующим импульсом его (Treibendes), как влечением, стремлением. Или тождество особенного (на стороне которого теперь выступало созерцание) и всеобщего определяется, таким образом, как совершенное объединение или как отношение.

1. АБСОЛЮТНАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОТНОШЕНИЕ

Здесь, как и раньше, нужно произвести членение. Эта абсолютная нравственность как отношение, или природная нравственность, должна быть рассмотрена в плане подведения понятия под созерцание и созерцания под понятие. В первом случае единство есть всеобщее, внутреннее, во втором — оно противостоит всеобщему, вновь находится в отношении с понятием, или особенным. В обоих случаях нравственность есть влечение, т. е.

α) оно не становится абсолютно единым и абсолютным единством,

β) оно направлено на единичное,

γ) удовлетворяется в этом единичном, это удовлетворение в единичном само есть целокупность; но

δ) одновременно выходит за его пределы, но этот выход не есть здесь нечто отрицательное, неопределенное.

Само удовлетворение есть не что иное, как выражение единства понятия и созерцания. Следовательно, оно есть целокупность, живая, но формальная, поскольку сама эта ступень, на которой оно находится, является определенной; следовательно, абсолютная жизнь и парит над ним, и остается чем-то внутренним; но внутренним она остается потому, что не является абсолютным понятием, значит, как внутренняя жизнь не существует в то же время в форме противоположения, внешнего. И именно потому она не является абсолютным созерцанием, что она не существует для субъекта в отношении как таковом, следовательно, ее тождественность также не может быть абсолютной.

А. [Первая потенция — потенция природы;
подведение понятия под созерцание]

Первая потенция — это природная нравственность как созерцание; полная неразличенность нравственности, или подчиненность понятия созерцанию; следовательно, собственно природа.

Однако по сути своей нравственное в себе и для себя есть взятие обратно ранее положенного различия, реконструкция; тождественность вырастает из различия, является по своей сути отрицательной; существованию ее в качестве таковой как бы предшествует существование того, что она уничтожает. Таким образом, эта нравственная природность есть также раскрытие, выдвижение всеобщего в противовес особенному, но происходящее так, что само это выдвижение целиком еще остается особенным, — тождественное, абсолютное количество остается полностью скрытым. Это созерцание как полностью погруженное в единичное есть чувство; назовем это практической потенцией.

Сущностью ее является то, что чувство (но не то, что называют нравственным чувством) есть всецело единичное и особенное, но в качестве такового как бы разделено, является различием, которое снимается не чем иным, как своим отрицанием, отрицанием разделения субъективного и объективного, само снятие которого есть полное единство и неразличенное тождество.

Чувство отъединения есть потребность; чувство как снятие такового — наслаждение.

Различение как потенция состоит в том, что оно существует в особенном и направлено на единичное и что это — абсолютное чувство; но это чувство, которое направлено на снятие разделения субъективности и объективности, должно само себя представлять как целокупность и в силу этого быть целокупностью потенций.

Это чувство а) подчиняет понятие, б) подчиняется понятию.

а)

Если чувство предстает перед нами в качестве подчиняющего понятие, то перед нами — формальное понятие чувства. Это в собственном смысле слова его понятие, которое возвышается над ним; [наличным является].

а) снятие всецело абсолютного тождественного, бессознательного, отделения, и это отделение выступает в качестве чувства или потребности;

б) различие в отношении этого отделения, но такое различие является отрицательным, а именно — уничтожением отделения (Marg.: вождление, идеальное назначение объекта); следовательно, уничтожением субъективного и объективного, эмпирического объективного созерцания, согласно которому объект потребности находится вовне, или усилием и трудом;

γ) уничтожение объекта; или тождество обоих первых моментов; сознательное чувство, т. е. чувство, [которое] исходит из различия, — н а с л а ж д е н и е.

Подчинение чувства понятию, или реальное, расширяющееся в своих измерениях понятие практического чувства, необходимо представляет чувство а) в его измерениях согласно природе формы или понятия, б) но так, что во всем остается целое, чувство, а форма эта оказывается чем-то совершенно внешним для него.

ααα) Практическое чувство, или наслаждение, — несозерцательное, лишенное различия и, значит, неразумное тождество, чувство, которое тяготеет к абсолютному уничтожению объекта, а также к полному безразличию субъекта, для которого нравственное существует без выделения среднего термина, объединяющего в себе противоположности, — не есть, таким образом, рефлексия созер-

цания внутрь себя самого и, следовательно, не есть познание его в нем же самом.

αα) Потребность здесь есть абсолютная единичность, сосредоточившееся в субъекте чувство, которое всецело принадлежит природе и постижение многообразности и системы которого сюда не относится. Еда, питье:

ββ) Через это различие непосредственно полагается внутреннее и внешнее, и это внешнее определено прямо в соответствии с определенностью чувства (съедобное, годное для питья). В силу этого это внешнее перестает быть всеобщим, тождественным, количественным и становится единичным, особенным; субъект, несмотря на свое единичное бытие в этом чувстве и разорванное отношение, остается в себе неразличенным, он есть всеобщее, потенция, субсумирующее (Subsumierende); определенность, которую содержит в этой потенции объект наслаждения, полностью идеальна, или субъективна; прямо противоположное ему; определенность не переходит в объективность созерцания так, чтобы для субъекта возникло что-то, что он знает, как идентичность субъективного и объективного; или, эта идентичность перемещена исключительно в индивидуума; таким образом, объект, когда он определен чисто идеально, просто уничтожается.

γγ) Это наслаждение, в котором объект определен чисто идеально и полностью уничтожается, является наслаждением чисто чувственным; удовлетворение, которое есть восстановление безразличия и пустоты индивидуума, или его чистой возможности; может быть нравственным, или разумным; наслаждение является чисто отрицательным, поскольку оно направлено на абсолютную единичность индивидуума и тем самым на уничтожение объективного и всеобщего. Но наслаждение остается практически по своей сути и отличается от абсолютного чувства самого себя тем, что вырастает из различия и вследствие этого является в нем сознанием объективности объекта.

б)

Это чувство, выступающее в форме различия, или подведенности под созерцание, в свою очередь также должно пониматься как целокупность;

αα) как негат. практ. созерцание (труд),
 ββ) различие (продукт) и владение,
 γγ) орудие.

αα) * Практическое чувство, подведенное под понятие, представляет собой разрозненные моменты целокупности в качестве реальности; эти моменты суть:

α) уничтожение объекта, или созерцания, но как момент, так что это уничтожение заменяется другим созерцанием, или объектом; или — фиксируется чистое тождество, деятельность уничтожения; в ней [уничтожение] абстрагируется, таким образом, от наслаждения, т. е. о нем нет речи; ибо всякая абстракция здесь есть реальность, бытие; объект не уничтожается как объект вообще, а вместо него полагается другой; ибо в этом уничтожении как абстракции нет объекта, или нет наслаждения. Но это уничтожение есть труд, посредством которого [объект], определяемый через вожделение, — поскольку он является объектом для себя, он не определен через вожделение, есть реально объект для себя, — снимается через вожделение как созерцание; объективно полагается определенность; в труде полагается различие вожделения и наслаждения; последнее задержано и отодвинуто, оно становится идеальным, или отношением, и в этом отношении, выдвигаясь теперь непосредственно через труд, полагается:

1) соотношение субъекта с объектом, или идеальное определение его через вожделение; это — о в л а д е н и е;

2) затем, реальное уничтожение его формы, ибо остается объективное, или различие, или деятельность самого труда; наконец,

3) уничтожение владения продуктом, или возможность в качестве для себя реального — как через первое соотношение, в соответствии с его материей, так и через второе соотношение, в соответствии с его формой и оформлением с помощью субъекта — и переход к наслаждению, которое остается целиком идеальным.

* Marg.: «αα — созерцание подводится под понятие; сам процесс труда есть подведение объекта, субъект есть безразличие, субсуммирующее; там, где субсуммирующим является субъект, господствующим является понятие».

В первой потенции практического чувства владение совсем не присутствует, а овладение так же налично, только как момент, или, скорее, они не являются реальными, не разделены, не зафиксированы. (Здесь совершенно не может быть речи ни о какой правовой основе или стороне владения.)

Овладение есть идеальное этого субсумирования, или покой такового, труд — реальность, или движение, вхождение субсумирующего субъекта в реальность объекта; третье, синтез, есть владение и сохранение, сбережение объекта; в нем налицо определение, идеальное в соответствии с первым моментом, но выступающее в качестве реального в соответствии со вторым.

β) В α) продукт уже определен формально — как тождество идеального определения, но в то же время и как объективного, реального, разделенного; однако существенным моментом здесь было тождество, деятельность как таковая и тем самым как внутреннее, которое не выступает на передний план; в объекте она должна выйти на передний план, и эта вторая потенция рассматривает отношение сдерживаемого чувства к сдерживаемой в объекте тенденции к уничтожению, или различие, которое существует между реальностью и собственной природой объекта и между его идеальным становлением в качестве определенного (Bestimmtwerden) и бытием в качестве определенного (Bestimmtsein) благодаря труду; в αα) труд был рассмотрен как идеальное отношение, здесь — как реальное; здесь, собственно, труд подводится под созерцание, ибо объект есть всеобщее в себе; следовательно, там, где он является субсумирующим, единичность субъекта занимает надлежащее ей разумное место; там, где он является понятием в себе, безразличием, он субсумируется.

Труд в αα) всецело механический, ибо единичность, абстракция, чистая каузальность существуют в форме безразличия и являются, следовательно, господствующим, внешним для объекта; ибо тем самым истинной полагается каузальность, поскольку этот субъект есть единичное, абсолютно для себя сущее, следовательно, абсолютное разделение и различие. Напротив, там, где субсумирующим является объект и абсолютное, нет каузальности,

ибо он есть для себя безразличие особенного и един с особенным, особенность для него тем самым есть простая внешняя форма, а не внутреннее существо, бытие субъекта.

В силу того что объект является подводящим труд под себя, он выступает в качестве реального в отношении (как прежде был уничтоженным, полагавшимся в качестве простой абстракции объекта), ибо в качестве подводящего он есть тождество всеобщего и особенного, последнего — в абстракции по отношению к субъекту; тем самым труд есть также реальный, или живой труд, и его наполненность жизнью нужно понимать как целокупность, но в каждый данный момент — как собственно живой труд, как особенный объект.

В а) для субсумирующего живого объекта и живого труда созерцание подведено под понятие, затем понятие под созерцание, а затем тождество обоих.

ααα) Живым объектом, подведенным под понятие, является растение, привязанное к элементу, или к чистому количеству земли, и бесконечно многообразно (через понятие) продуцирующее свою собственную полную индивидуальность и целокупность по отношению к элементу воздуха; каждая часть растения сама есть индивидуум, совершенное растение, оно сохраняет себя по отношению к своей неорганической природе только [благодаря тому], что полностью производит себя в каждой точке соприкосновения, иными словами (начиная со ствола), оно подвержено производству (абсолютному понятию, тому, чтобы быть противоположностью себя самого).

Поскольку оно в такой степени находится под властью элемента, то труд также направлен преимущественно против элемента, и хотя и механически, но он предоставляет ему возможность принудить растение к производству; труд не может иметь ничего (или мало имеет) от специфической жизненности растения; оно является живым благодаря тому, что изменяет только внешнюю форму элемента, не разрушает его химический состав, а эта форма есть неорганическая природа, которая сама существует только в соотношении с живым, предоставляя его самому себе.

βββ) Понятием живого, подведенным под созерцание, является животное; ибо поскольку само это подведение является односторонним, т. е. созерцание в свою очередь не подведено под понятие, постольку жизненность является эмпирически реальной, бесконечно рассеянной и представляющей* себя в разнообразнейших формах; ибо форма, или абсолютное понятие, сама опять-таки не является единством, всеобщностью; значит, оно есть индивидуальность без интеллигенции, не так, как у растения, где всякое единство индивидуума само есть множество таковых, а как безразличие в более широком различии.

Тем самым труд в случае с животным направлен на его неорганическую природу в меньшей степени, чем на органическую, так как объективное есть не внешний элемент, а безразличие индивидуальности. Субсумирование определяется как обуздание особенности животного для известного рода потребления в соответствии с его природой; оно то в большей степени отрицательное, принуждение, то положительное, как в случае доверия животного; то, как и в случае с растением, элементарно для животных, которые определены к уничтожению в процессе еды, чтобы таким образом определено было только их естественное производство.

Если потребление растений очень просто и труд для них должен быть показан как потребность субъекта, т. е. должно быть показано, каким образом он наличен в субъективной форме, то речь в данном случае идет о неорганическом, или в малой степени организованном и индивидуализированном питании, следовательно, не о питании обладающего более высокой степенью различия индивида, человеческого или животного; слабая раздражимость, вялая экспансия (Hinausgehen), уничтожение, которое из-за слабо выраженной индивидуальности растения само является слабым, и затем для удовольствия имеются чувственные наслаждения, которые являются более тонкими, чем уничтожение, так как растение не уничтожается (обоняние, зрение); или потенцией наслаждения растениями, подобной потенцией в случае с живот-

* В рукописи: «представленной»

ным, является овладение ими; наслаждение имеет отношение к органам чувств, ибо органы чувств суть животная потенция в человеке; индивидуальность чувства, которое в качестве чувства есть индивидуум, но не так, как рука и т. д., а как полноценная организация. Поедание растения выступает как наслаждение, подведение понятия под созерцание — как чувство; напротив, труд, направленный на растение, есть подведение созерцания под понятие. Так, в плане труда подведение растения, овладение им есть подведение понятия под созерцание; с наслаждением — все наоборот, ибо наслаждение посредством отдельных органов чувств есть разъединение его. [Marg.: NB. Наслаждение и труд с точки зрения субсумции противоположны.]

Приручение животных, рассмотренное субъективно, это более многообразная потребность; однако, в силу того что они являются средством, они еще не могут стать здесь предметом размышления, ибо такое приручение не было бы подведением понятия под созерцание, учетом живого труда; последний есть ассоциирование животных во имя движения и силы, и радость от ее увеличения составляет прежде всего основу того внимания, которое обращено сюда.

γγγ) Абсолютное тождество обеих потенций заключается в том, что понятие первой едино с тождеством второй, или является абсолютным понятием, интеллигенцией. Труд, подведенный под это созерцание, является односторонним подведением постольку, поскольку посредством него снимается само это подведение; он является целокупностью также и в силу того, что здесь одновременно полагается раздельное подведение первой и второй потенций; человек есть потенция, всеобщность для другого, но и другой также; и таким образом его реальность, его собственное бытие производит в нем действие, направленное на включение его в безразличие, и он здесь выступает как всеобщее по отношению к первому; образование (Bildung) есть это абсолютное чередование в абсолютном понятии, где каждый субъект является одновременно и всеобщим, делает свою собственность непосредственно всеобщностью и в чередовании, во временном полагании себя как потенции, пола-

гает себя как всеобщее и тем самым непосредственно в нем обретает по отношению к себе потенциальность и всеобщность и таким образом сам становится особенным. Идеальное определение другого является объективным, но так, что эта объективность полагается непосредственно и субъективно и становится причиной; ибо для того чтобы что-то было для другого потенцией, оно должно быть не только всеобщностью и безразличием по отношению к нему, но и положенным, сущим для себя, или подлинно абсолютно всеобщим; и это — наивысшая интеллигенция; если подходить к рассмотрению всеобщего так же, как мы подходили к рассмотрению особенного, то оба они являются непосредственно и абсолютно одинаковыми, тогда как растение и животное требуют разного подхода.

То, что человек есть тождество обеих этих потенций, выражается в понятии их отношения, но как целокупность оно само существует в форме трех потенций.

1) Как чувство, или как чистое тождество; в соответствии с этим объект определяется как что-то, чего вожделяют; но здесь живое не должно определяться через обработку; оно должно быть абсолютно живым, его реальность, его [бытие] для самого себя должно быть определено просто как то, чего вожделяют; т. е. посредством природы это отношение вожделения является вполне объективным, одно существует в форме безразличия, другое — в форме бытия особенного; эта высшая органическая полярность в совершеннейшей индивидуальности каждого полюса есть высшее единство, которое может произвести природа; помимо этого, оно просто не в состоянии сделать так, чтобы различие было не реальным, а абсолютно идеальным; роды существуют только в отношении, один всеобщий, другой особенный; они не являются абсолютно равными; значит, и их бытие в качестве «одного» существует не по модусу абсолютного понятия, а потому что оно есть совершенное, лишенное различия чувство. Уничтожение собственной формы является взаимным, но не абсолютно равным; каждый род созерцается в другом, одновременно и как чужой, и это есть любовь. Непостижимость этого самобытия в чужом является поэтому принадлежностью природы, не

нравственности; ибо последняя существует в соотношении с различным, абсолютным равенством обоих,— в соотношении с бытием «одного», абсолютным бытием «одного» посредством идеальности; но для идеальности природы остается характерным неравенство и потому вожделение, в котором одно определяется как субъективное, другое как объективное.

2) Это же живое отношение — в нем созерцание подведено под понятие,— в качестве определенности противоположений является идеальным; но во имя господства понятия сохраняется различие, но без вожделения; или определенность противоположений является поверхностной, не природной, реальной, и практическое хотя и направлено на снятие этой определенности противоположений, но не в чувстве, а так, что она становится созерцанием самой себя в некоем чуждом, и, таким образом, завершает противостоящей совершенной индивидуальностью, в силу чего снимается бытие природы в качестве «одного». Таково отношение родителей и детей, абсолютное бытие обоих в качестве «одного» разрывается непосредственно в отношении; ребенок есть субъективный человек, но так, что эта особенность является идеальной, внешнее есть лишь форма. Родители суть всеобщее, и труд природы направлен на снятие этого отношения, так же как труд родителей, которые во все большей степени снимают внешнюю отрицательность ребенка и благодаря этому же полагают более значительную внутреннюю отрицательность и тем самым более высокую индивидуальность.

3) Но целокупность труда есть совершенная индивидуальность и тем самым равенство противоположений, в котором отношение полагается и снимается, происходит во времени, являя все мгновения, и, согласно сказанному выше, обращается в противоположное; всеобщее взаимодействие и образование людей; их абсолютное равенство находится здесь также во внутреннем, и, согласно совокупной потенции, в которой мы существуем, отношение является устойчивым только в единичном. Признание, которое является взаимным, или высшая индивидуальность и внешнее различие. Оно распадается здесь, в этих потенциях, от первой к третьей,

иными словами, объединение чувства снимается; однако тем же самым снимается также и вожделение и соответствующая ему потребность, и каждое есть одинаковое, самостоятельное существо. То, что существует также и отношение такой любви и чувства, есть внешняя форма, которая не касается его существа, или всеобщности, в которой они пребывают.

с)

Обе первые потенции являются относительными тождествами; абсолютное тождество есть нечто субъективное, существует вне их; но так как данная потенция сама есть целокупность, то выступить вперед и быть реальным должно разумное как таковое, которое в представлении о формальной потенции оставалось скрытым. Это разумное как раз и является тем, что входит в средний термин и содержит в себе что-то от природы субъективного и объективного, или есть посредничающее для обоих.

Этот средний термин также существует в форме трех потенций.

αα) Понятие подведено под созерцание; оно всецело принадлежит природе в силу того, что различие, согласно которому существует интеллигентное, не налично в нем ни в качестве подведения созерцания под понятие и, следовательно, абсолютного безразличия, ни в соответствии с природностью, которая имеет место в формальных потенциях, которые не могут освободиться от различия. В то же время этот средний термин является не формальным тождеством, которое до сих пор имело место в качестве чувства, а реальным абсолютным тождеством, реальным абсолютным чувством, которое, будучи во всей этой сфере реальности для себя абсолютным средним термином, существует как индивидуум. Таким средним термином является ребенок; здесь налицо высшее индивидуальное природное чувство, чувство такой целокупности живых полов, когда они существуют в этом чувстве целиком, так что оно, таким образом, является абсолютно реальным и само для себя — индивидуализированным и реализованным. Если чувство реализуется в виде абсолютного безразличия природных

сущестъ, то это безразличіе таково; что в нем нет никакой односторонности и не испытывается никакого недостатка в каком-либо определенном условии; единство полов является поэтому непосредственно реализованным, и поскольку они по самой природе являются реализованными и разделенными, не могут снять своей индивидуальности, то реальность их единства также есть собственное, реальное существо, индивидуум; в этом совершенном индивидуализированном и реализованном чувстве родители созерцают свое единство как реальность, они суть само это единство, и оно есть их рожденное очевидное тождество и средний термин; реальная разумность природы, в которой полностью поглощено различие полов и оба пребывают в абсолютном единстве; живая субстанція.

ββ) Созерцание, подведенное под понятие, является в различии средним термином, или оно есть лишь форма, в которой существует реальный средний термин, субстанція же есть мертвая матерія; средний термин как таковой является совершенно внешним в отношении различия понятия; внутреннее есть чистое, пустое количество. Этот средний термин есть о р у д и е. Поскольку господствующим в нем является форма, или понятие, он вырван из природы, которой принадлежит средний термин половой любви, и существует в идеальности как принадлежащий понятию, или как абсолютная реальность, которая налична согласно существу понятия. В понятии тождество является ненаполненно пустым, уничтожая себя, оно обнаруживает лишь крайние термины. Уничтожение здесь сдерживается, пустота является реальной, и крайние термины равным образом фиксированы. С одной стороны, орудие является субъективным, находится во власти трудящегося субъекта и всецело определяется через него же, с его помощью изготавливается и обрабатывается; с другой стороны, оно является объективно направленным на предмет труда. Посредством этого среднего термина субъект снимает непосредственность акта уничтожения; ибо труд как уничтожение созерцания есть также уничтожение положенного в нем субъекта, отрицание, чистая количественность; рука и дух тупеют в нем, т. е. сами они приобретают характер

отрицательного и бесформенного; и в то же время (поскольку отрицательное, различие, двойственно) труд есть просто единичное, субъективное. В виде орудия субъект создает средний термин между собой и объектом, и этот средний термин есть реальная разумность труда; ибо, чтобы труд и обрабатываемый объект сами были в какой-то мере средством, существует некая формальная срединность (*Mittelheit*), между тем как то, для чего они существуют, находится вне их; таким образом, соотношение субъективного и объективного является совершенно разорванным, сохраняющимся только внутри субъективного, в мысли интеллигенции. В орудии субъект отделяет от себя свое состояние безразличия, а также и объективность; нечто другое он предоставляет уничтожению и перекладывает на орудие субъективную сторону уничтожения; в то же время его труд перестает быть чем-то единичным; субъективность труда возвышается в орудии до всеобщего; каждый может делать его подобие и также трудиться; в этом отношении оно является неизменной принадлежностью труда.

В силу этой разумности орудия оно выступает в качестве среднего термина, стоит выше как процесса труда, так и обрабатываемого (для наслаждения, о чем здесь и идет речь) объекта, а также наслаждения, или цели; и в силу же этого все народы, находящиеся на стадии природной потенции, так почитают орудие труда, и у Гомера мы находим огромное внимание к нему и осознание его значимости.

γγ) Орудие подвластно понятию и поэтому принадлежит различенной, или механической, работе; ребенок есть средний термин как абсолютно чистое, простое созерцание. Но целокупность обоих также должна обладать этой простотой и в то же время тождеством понятия; или в ребенке идеальность крайних терминов орудия должна перейти в его субстанциальное существо, в орудии через это же идеальность должна перейти в мертвое внутреннее, и должна исчезнуть реальность крайних терминов; орудие должно быть средним термином, каковой является полностью идеальным. В качестве абсолютной идеальности существует только абсолютное понятие, или интеллигенция; средний термин должен быть интелли-

гентным, но он не должен быть ни индивидуализированным, ни субъективным; например, без конца исчезающее и представляющее себя явление; легкое эфирное тело, которое пропадает, как только образуется; не субъективная интеллигенция, не акциденция ее, а сама разумность, как реальное, но так, что сама эта реальность является идеальной и бесконечной и непосредственно в своем бытии также своей противоположностью, а именно небытием; таким образом, эфирное тело, которое представляет крайние термины, является реальным в плане понятия; но чтобы сохранилось существо тела, его идеальность должна непосредственно сойти на нет — и налицо проявление в нем этой непосредственной связанности друг с другом появления и умирания. Такой средний термин полностью интеллигентен, он субъективен, существует в индивидах интеллигенции, но в своей телесности вообще объективен, и то субъективное бытие [ради] непосредственности природы этого существа дано непосредственно как объективность. Этот идеализированный разумный средний термин есть речь, орудие разума, дитя интеллигентного существа. Субстанция речи подобна ребенку, самая неопределенная, самая чистая, самая отрицательная и в высшей степени бесполоая, и во имя своей абсолютной пещности и прозрачности способна на все формы; ее реальность полностью поглощена идеальностью, и в то же время она индивидуализирована; она имеет форму, или реальность, она есть субъект, для себя сущее; этим она должна отличаться от формального понятия, для которого речью является объективность как таковая; но эта объективность есть только абстракция, ибо, с другой стороны, реальность объекта субъективна в качестве объекта, который субъективен; объективность сама не является абсолютной субъективностью.

Целокупность речи в форме потенциалов

1) природы, или внутреннего тождества; бессознательное принятие (Annehmen) тела, которое умирает сразу же, как появляется, но которое есть единичное, только имеет форму объективности, не несет себя в себе и на себе самом, а является в чужой реальности и субстанции. Жест, мимика и целокупность таковых, возбуж-

дение глаза не есть неизменная объективность, или абстракция таковых, а есть нечто улетучивающееся, акциденция, подвижная идеальная игра; но только эта идеальность является игрой в чем-то другом, которое есть субъект, субстанция таковой; игра выражает себя как ощущение и совершается в ощущении, иными словами, она существует в форме чистого тождества, хотя и артикулированного, изменчивого ощущения, но в каждый данный момент она является целым, без идеальности своего объективного и без собственной телесности, к которой не может выйти природа.

2) Созерцание речи подводится под понятие, следовательно, она имеет собственное тело — ее идеальная природа положена в понятии, и оно есть нечто фиксированное, ее носитель; это тело есть внешняя материя, которая, однако, как таковая полностью уничтоженная в своей субстанциализированной внутренней сущности и для-себя-бытия, лишена смысла и является идеальной; но поскольку понятие является господствующим, это тело есть нечто мертвое, что не уничтожается в себе без конца, но что уничтожено в нем в различии лишь внешним для него образом. Так, его двойственное бытие тоже есть внешность, оно не выражает ничего, кроме соотношения с субъектом и объектом, идеальным средним термином которых оно является; но связь эту оно проясняет через некое субъективное, находящееся вне его, но примысливающее его существо (Hindenkendes). Посредством себя оно выражает эту связь отрицательно, через свою уничтоженность в качестве субъекта, или через лишенность собственного смысла, через свою внутреннюю бессмысленность таким образом, что оно является средним термином, поскольку оно есть вещь, определенность для себя и в то же время не является для себя совершенно ничем, никакой вещью; оно есть непосредственная противоположность самому себе — быть для себя и решительно не для себя, но чем-то другим; следовательно, абсолютное понятие является здесь реальным и объективным.

Телесный знак; это идеальность орудия, подобно тому как мимика — идеальность ребенка; а поскольку производство орудия более разумно, чем производство

ребенка, то телесный знак является более разумным, чем жест.

Так как знак соответствует понятию, он не выражает никакого образа (Gestalt), в качестве которого существует включенное в безразличие абсолютное понятие; но поскольку он выражает только понятие, он привязан к формальному, всеобщему, подобно тому как мимика и жест являются субъективным языком, телесный знак — объективным; как первый неразрывен с субъектом и не становится свободным, так последний остается чем-то объективным и не несет непосредственно в себе своего субъективного познания; поэтому знак также прикреплен к объекту и выражает в нем, — но свободно от него, так что не остается определенностью его, а только присоединенным к нему и случайным для него, — именно через случайность связи соотношение с чем-то субъективным, которое, однако, представлено совершенно непосредственно и может быть лишь примыслено (hinzugedacht); поэтому он выражает также соотношение обладания объекта субъектом.

3) Звуковая речь объединяет объективность телесного знака и субъективность жеста, артикуляцию последнего с бытием-для-себя первого; она есть средний термин интеллигенции, логос, связь обоих с помощью разума. Абстрактная объективность, которая есть немое признание, приобретает в ней собственное, независимое, для себя, но согласно понятию сущее тело, которое именно непосредственно уничтожает само себя; посредством звуковой речи внутреннее непосредственно выступает в своей определенности, и индивидуум, интеллигенция, абсолютное понятие, представляет себя в ней непосредственно как чистое единичное и фиксированное; или она есть телесность абсолютной единичности, посредством которой артикулируется и закрепляется вся неопределенность, и через эту-то телесность непосредственно закрепляется абсолютное признание.

В звоне металла, журчанье воды, шуме ветра нет ничего от превращения себя из внутреннего, из абсолютной субъективности, в свою противоположность — они возникают посредством движения извне. Голос животного исходит из его точечности, или из его понятийного

бытия, но принадлежит, как целое животного, ощущению; большинство зверей кричит в случае смертельной опасности, и это — всего лишь изъявление субъективности, нечто формальное, высшая степень артикуляции которого в пении птиц происходит не из интеллигенции, не из предшествующего превращения природы в нечто субъективное. У животного нет той абсолютной интимности (*Einsamkeit*), в которой природа существует внутри интеллигенции, оно не рефлектирует ее в себя, и его голос рожден не целокупностью, которая имеется в этой интимности, но является чем-то пустым, лишенным целокупности, формальным.

Телесность же речи представляет собой целокупность, заверленную в индивидуальности; это — абсолютное внедрение в абсолютную точку индивидуума, идеальность которого развертывается внутри в систему. Телесная речь есть наивысший расцвет первой потенции, но здесь она рассматривается не в соответствии со своим содержанием, а формально, как абстракция высшей разумности и форма (*Gestalt*) единичности; но в качестве этой чистой речи она не выходит за пределы единичности.

Отрицательная сторона этой потенции — нужда, естественная смерть; насилие и разрушение, производимые природой, а также людьми в отношении друг друга, или отношение к органической природе; но отношение природное.

В. Вторая потенция — потенция бесконечности, идеальности, рассматриваемая в плане формального, или отношения

Эта потенция есть подведение созерцания под понятие, или выдвигание на передний план идеального и обретение через это определенности особенным и единичным; здесь налицо каузальность, но в качестве чисто идеального; ибо эта потенция сама является формальной; идеальным является лишь абстракция идеального; здесь еще нет речи о том, что идеальное как таковое конституирует для себя и становится целокупностью; как в предыдущей потенции господствующим является единичное, так здесь — всеобщее; в первой всеобщее остается скры-

тым, «внутренним», и сама речь рассматривается там лишь как единичное, в ее абстракции.

В этом отношении субсумции единичность непосредственно снимается; она становится всеобщим, которое просто соотносится с другим. Но помимо этого формального понятия живое природное соотношение также становится фиксированным отношением, которым оно прежде не было; над ним также должна витать всеобщность и подчинять его. Любовь, ребенок, образование, орудие, речь являются объективными и всеобщими соотношениями, отношениями, но природными, неподчиненными, случайными, даже не включенными во всеобщность; всеобщность не является ни выходящей к ним и исходящей из них самих, ни противопологаемой им.

Если эту субсумирующую всеобщность рассмотреть со стороны особенности, то в этой потенции не будет ничего, что не соотносилось бы с другими интеллигенциями, не полагая между ними сходства; иными словами, существует всеобщность, которая проявляется в них таким образом.

а)

[Подведение понятия под созерцание]

Это отношение противоположного всеобщего к особенному, как оно проявляется в особенном, или подведение последнего под созерцание; всеобщее, господствуя само в единичном и особенном, соотносится только с этим единичным; или единичное есть первое, над чем не встает идеальное и что не подчиняет идеальному многообразию особенного. Оно существует в чисто практическом, реальном, механическом отношении труда и владения.

1) Особенное, в котором полагается всеобщее, становится через это идеальным, и эта идеальность является распределением всеобщего; в соответствии с определенностью не уничтожается вообще весь объект, но труд, который направлен на предмет как целое, распределяется в себе самом и становится единичным видом труда; и этот единичный вид труда именно через это становится более механическим, поскольку вытекающее из него

многообразии, а следовательно, и он сам, становится более всеобщим, более чуждым целостности. Этот вид труда, который распределяется таким образом, предполагает в то же время, что прочие потребности, поскольку ради них также должен быть совершен труд, поддерживаются иным способом — через труд других людей. Но непосредственно в этой тупости механического труда лежит возможность полностью отделиться от него; поскольку труд является всецело количественным, лишенным многообразия, — т. е. субсумирование его в интеллигенции снимается, — то абсолютно внешнее, вещь, может употребляться через ее равенство себе и также в направленном на нее труде как ее движение. Все дело только в том, чтобы найти и для нее мертвый принцип движения, дифференцирующуюся силу природы, такую, как движение воды, ветра, пара и т. д., и орудие перейдет в машину, тогда как беспокойство субъективного, понятия, само будет положено вне субъекта.

2) Продукт труда определяется здесь так же, как определяется субъект и его труд. Для субъекта он является разделенным и потому чистым количеством; так как он * не находится в отношении с целокупностью потребностей, а превосходит ее, он есть количество вообще и существует в абстракции. Так, владение потеряло свое значение для практического чувства субъекта, оно не является больше для него потребностью, а является избытком; его соотношение с потреблением является в силу этого всеобщим, и, поскольку эта всеобщность мыслится в ее реальности, это — соотношение с потреблением другого. Так как абстракция потребности вообще существует для себя в соотношении с субъектом, то она есть всеобщая возможность потребления, но не определенного, которое она выражает, ибо оно оторвано от субъекта.

3) Субъект является [не] просто определенным в качестве владеющего, а принявшим форму всеобщности; он выступает в качестве единичного, в соотношении с другим, отрицательного вообще, в качестве признанного обладателя, ибо признание есть обособленность, отрицание, которое как таковое остается фиксированным, но,

* Marg.: «его количество».

идеально существуя в других, есть лишь абстракция идеальности; но не идеальности в них самих. Владение в этом плане есть собственность; абстракция же всеобщности в нем есть право (было бы наивно все существующее в форме этой абстракции рассматривать как право; оно есть нечто совершенно формальное: α) бесконечно в своем многообразии и лишено целокупности; β) существует без всякого содержания, в себе). Индивидуум является собственником, юридическим владельцем не в абсолютном смысле, в себе и для себя; его личность, или абстракция его единства и единичности, есть лишь абстракция, порождение мысли. Индивидуум не является также индивидуальностью, в которой находится право и собственность, ибо она есть абсолютное тождество, или даже абстракция; он же существует только в относительном тождестве владения, поскольку это относительное тождество имеет форму всеобщего. Право на собственность есть право на право. Право собственности есть сторона, абстракция собственности, в соответствии с которой оно является правом, для которого другое остается особенным, владением.

Отрицательное этой потенции состоит в направленности свободы против всеобщего; или, отрицательное, поскольку оно конституирует себя положительно и полагается в различии по отношению к всеобщему, следовательно, в соотношении с ним, не есть отсутствие и сокрытие различия; с учетом последнего, не получившего раньше развития обстоятельства, предыдущие потенции могли бы рассматриваться как «отрицательное» их самих.

Механически отрицательное,—а оно противоречит, не соответствует определенной субъектом особенности,—сюда не относится; оно не имеет никакого отношения к рассматриваемой здесь определенности, поскольку последняя является практической, а этот подход принадлежит всецело природе. Отрицательное принимается здесь во внимание лишь постольку, поскольку оно противоречит всеобщему как таковому и в качестве единичности отрицает его и абстрагируется от него, а не потому, что единичность действительно уничтожает его форму, ибо в ней отрицательное полагает всеобщее как истинно

идеальное, и себя как «одно» с ним, даже если оно не может его уничтожить, не может объединить себя с ним, а существует с ним в различии. Отрицательное, следовательно, состоит в непризнании собственности, в снятии таковой; но собственность здесь сама не положена как необходимая, не соотносится с потреблением и наслаждением субъекта; материя, поскольку она полагается как всеобщее, есть, следовательно, само это всеобщее как отрицательное; соотношение субъекта и материи само определяется как лишь возможное. Отрицание, таким образом, может относиться лишь к этой форме или к материи, но не самой, а выступающей как всеобщее; избыток, то, что уже для себя никак не соотносится с потребностью, снимается, становится тем, что было определено к выходу из соотношения с владением. Соответствует это снятие, отрицание, определению или нет, должно быть установлено из следующей потенции.

б)

[Подведение созерцания под понятие]

Здесь полагается отношение субъекта к его избыточному труду, который в этом соотношении с субъектом является идеальным, не имеет никакого реального соотношения с наслаждением. Но в то же время это соотношение выступает как всеобщее, или как чистая абстракция, или бесконечное, владение, которое в праве выступает как собственность. Но, согласно его природе, то, что становится владением, имеет только реальное отношение к субъекту, вплоть до уничтожения этого владения, и прежде идеальное соотношение владения и субъекта должно теперь стать реальным. Бесконечное в качестве положительного этой потенции вообще есть нечто постоянное и должно оставаться таковым, а именно оно есть право; так же и идеальное соотношение владения, но оно все же должно реализоваться. Вообще потенция в целом — это потенция различия, данное измерение есть тоже различие; следовательно, различие различия; раньше — покоящееся, здесь — приведенное в движение; [в] понятии различие, определяющее отношение субъекта к субъекту, положено как лишь возможное. Через

новое различие снимается соотношением субъекта с его трудом, но в силу того, что бесконечность, право как таковое должны остаться, на место этого идеального отношения, характеризующего избыток, приходит, по понятию, противоположное, реальное соотношение с потреблением и потребностью; разделение выявляется сильнее, но именно поэтому оно является также и влечением к объединению, подобно тому как в магните его полюсы разделены так, что у них нет влечения друг к другу, они даже расколоты, а их тождество снято; электричество, более сильное разделение, реальная противоположность есть влечение к объединению. То, что здесь снимается, — это бытие в качестве одного с объектом, снимается оно через собственный труд, индивидуализированное определение этого бытия (магнетизм); а то, что приходит вместо него, — это реальное различие, бытие, в котором снято (*Aufgehobensein*) тождество субъекта и объекта; и через это — реальное уничтожение противоположностей, или различие, которое относится к потребности. В этой совокупной потенции («а» и «b») пронизывающая все идеальность только еще берет начало, как и истинные потенции практической интеллигенции; благодаря избыточному труду она перестает в потребности и труде принадлежать потребности и труду. Отношение к добытому для потребности и пользования объекту, которое здесь полагается, а именно такое, которое эта потенция сама не создает для своего пользования, в котором она уничтожает свой собственный труд, — это отношение есть начало правового, формально нравственного наслаждения и владения.

Абсолютное, неисребимое в потенции есть абсолютное понятие, само бесконечное, право; при покое — заключающееся в своей противоположности и поэтому скрытое внутри и скрытое; в движении — акциденция, снимающая себя через акциденцию, проходящая через ничто, следовательно, выступающее вперед, противостоящее право, каузальность.

Эта чистая бесконечность права, его неразделенность, отраженная в вещи, в самом особенном, есть его равенство с другим, а абстракция этого равенства одной вещи с другой, конкретное единство и право есть

стоимость; более того, сама стоимость есть равенство как абстракция, идеальная мера; находящая же в действительности, эмпирическая мера — цена.

В результате снятия индивидуального отношения остается α) право, β) право, являющееся в определенных вещах в форме равенства, или стоимость; γ) но индивидуально соотносящийся объект утрачивает это отношение и δ) на его место приходит соотносящееся с вожделением, реально «определенное». [α] Внутренним существом этого реального перевертывания отношения является, как показано, неизменяющееся понятие; но таковое реально в интеллигенциях, и именно испытывающих нужду, которые в то же время соотносятся с избытком и неудовлетворенной потребностью; каждая производит превращение индивидуального, соотносимого идеально-объективно, в субъективное, соотносимое с потребностью. Таковое есть обмен; реализация идеального отношения. Собственность выступает в реальности через множество состоящих в обмене лиц как взаимно признающих друг друга; стоимость выступает в реальности вещей; в каждой из них как избыток; понятие выступает как движущееся, уничтожающее себя в своей противоположности, включающее другое противоположное вместо того, которым обладало до этого; а именно непременно так, что прежнее идеальное теперь является реальным, ибо первая потенция есть потенция созерцания, а последняя — потенция понятия; идеальная потенция, которая, согласно природе, является первой, есть «идеальное» в практическом, до наслаждения. [β] По своему внешнему виду перевертывание отношения является двукратным, или, точнее, повторением самого себя; ибо всеобщий объект, избыток, а затем и «особенное» потребности, по материи, есть объект, а две его формы необходимо являются повторением такового. Однако понятие, существо составляет само превращение, и так как его «абсолютное» — это тождество противоположностей, то встает вопрос, как это чистое тождество, бесконечность как таковую представить в реальности.

Переход в обмене есть многообразный, разделенный, расчлененный ряд единичных моментов целого, в какой-то момент, в некоем данном настоящем благодаря одно-

временной передаче владения обеих сторон он может быть переходом к другому моменту; но если объект многообразный, то и переход, таким образом, является таким же, а требуемая противоположность в свою очередь — многообразной противоположностью, и в то же время противоположности нет, пока объект является целым, нет ни вначале, ни в простом продолжении, иными словами, она существует только как скачок. Благодаря этому сам обмен становится чем-то неизвестным из-за этих эмпирических состояний, которые выступают как постепенность и исполнения (Leisten), перенесения всей произведенной работы (Leistung) на более поздний срок и т. д.; в явлении отсутствует момент, наличествование. То, что произведенная работа является чем-то внутренним, то, что она предполагает истинность, есть нечто совершенно формальное; ибо речь идет также о том, что обмена не происходит, перемещение, переход, не реализуется, и неизвестность покоится на многообразии и расхождении, на возможности абстракции от этого, или на свободе.

(Третий аспект этой второй потенции «b». [γ]) Снимается неразумность, или противоположность пустой возможности и свободы, по отношению к действительности и явлению; или вперед должна точно так же выступить внутренняя сущность интеллигенций, которые обмениваются; эта свобода должна стать равной необходимостью, так чтобы переход был лишен эмпирических случайностей обмена и был положен его средний термин, тождество как нечто необходимое и устойчивое. Природа и форма обмена сохраняются, но он включается в количество и всеобщность.

Это превращение обмена есть договор. В нем момент абсолютной наличности, который существует в чистом обмене, учреждается в качестве разумного среднего члена, который не только допускает эмпирические явления обмена, но ради целокупности требует их как необходимого различия, которое в договоре отсутствует.

Через необходимость, которую переход сохраняет в договоре, эмпирическое расхождение в явлении работы, произведенной обеими сторонами, становится единством, равнодушным к наличности и чем-то случайным, которое

ничем не вредит надежности целого; это похоже на то, как если бы сама работа уже совершилась; право отдельного лица на его вещь переносится уже на другое лицо, сам переход может рассматриваться как совершившийся; внешнее явление, поскольку переход еще не осуществлен, не представил себя в эмпирической реальности, всецело эмпирично и случайно или, более того, уничтожено, следовательно, собственность совершенно лишена внешнего соотношения, через которое она не только обозначается как владение, но еще и является владением для того, кто уже произвел передачу. [δ)] Следовательно, превращая переход из реального в идеальный, но так, чтобы этот идеальный переход был действительно необходимым, договор, чтобы быть таковым, сам должен обладать абсолютной реальностью; итак, должна существовать идеальность, или всеобщность, которую содержит в себе момент наличности. Но сама реальность лежит вне сферы этой формальной потенции. То, что идеальность как таковая и одновременно как реальность вообще не может быть ничем иным, кроме духа, который, представляя себя как существующее, в коем договаривающиеся уничтожаются в качестве отдельных лиц, есть субсумирующее их, всеобщее, абсолютно объективное существо и связующий средний термин договора,— это оказывается весьма формальным. Через наличие в договоре абсолютного бытия в качестве «одного» свобода и возможность в отношении к членам перехода снимаются; бытие в качестве «одного» не есть нечто внутреннее, сокровенное, в котором индивидуум подводит под себя тождество, но перед лицом абсолютно всеобщего индивидуум является подведенным. Таким образом, его произвол и своеобразие исключаются, поскольку в договоре он апеллирует к этой абсолютной всеобщности. Но если вся ее сила и уходит в договор, это происходит все же лишь формально. Определенности, которые скрепляются с ее помощью и подводятся под нее, являются и остаются определенностями; они полагаются всегда лишь эмпирически в качестве той или этой или какой бы то ни было, но они устойчивы; они рассматриваются как единичность индивидов или вещей, по поводу которых заключается договор. В силу этого истинная реальность не может относиться к рас-

сма­три­вае­мой по­тен­ции, ибо не­пре­мен­ной сто­ро­ной ре­аль­но­сти здесь яв­ля­ет­ся су­ще­ст­вую­щая для себя ко­неч­ность, ко­то­рая не дол­жна быть уни­что­же­на в иде­аль­но­сти, в­след­ствие че­го не­воз­мож­но, что­бы ре­аль­но­сть была ис­тин­ной и аб­со­лют­ной.

с)

[По­тен­ция без­раз­личия «а» и «б»]

Третья по­тен­ция — это без­раз­личие пре­ды­ду­щих по­тен­ций; от­но­ше­ние об­ме­на и при­зна­ния вла­де­ния. Тем са­мым соб­ствен­ность, ко­то­рая до сих пор со­от­но­си­лась с еди­нич­ным, ста­но­вится здесь це­ло­куп­но­стью, но по­сто­ян­но внут­ри са­мой еди­нич­но­сти, или вто­рое от­но­ше­ние вклю­ча­ет­ся во все­об­щ­ность, в по­ня­тие пер­во­го.

α) Ре­аль­ное то­ждество, или от­но­ше­ние.

Из­бы­ток, по­ло­жен­ный в без­раз­личие как все­об­щее и воз­мож­ность всех по­треб­но­стей, есть де­нь­ги, так же как труд, ко­то­рый соз­да­ет из­бы­ток и в то же время ме­ха­ни­че­ски од­но­об­раз­но соз­да­ет воз­мож­ность все­об­щего об­ме­на и при­об­ре­те­ния всех не­об­хо­ди­мых вещей. По­доб­но то­му как де­нь­ги суть все­об­щее, аб­страк­ция этих не­об­хо­ди­мых вещей, опос­реду­ют их все, тор­го­вля по­ла­гает это пос­ред­ни­че­ство в ка­че­стве де­я­тель­но­сти, ко­то­рая об­ме­ни­ва­ет из­ли­шек на из­ли­шек.

β) Но созер­ца­ние этой це­ло­куп­но­сти, од­на­ко це­ло­куп­но­сти как еди­нич­но­сти, есть ин­ди­ви­ду­ум как без­раз­личие всех опре­де­лен­но­стей и как то, ка­ким об­ра­зом он пред­став­ляет себя как та­ко­во­го в ка­че­стве це­ло­куп­но­сти.

1) Фор­маль­но, в про­сто­те, или созер­ца­нии, ин­ди­ви­ду­ум яв­ля­ет­ся без­раз­личием всех опре­де­лен­но­стей и как та­ко­вой — фор­маль­но жи­вым и при­зна­ет­ся в ка­че­стве та­ко­во­го; по­доб­но то­му как пре­жде толь­ко в ка­че­стве вла­де­ю­ще­го еди­нич­ной вещь­ю, так те­перь в ка­че­стве для себя су­ще­го в це­лом; но по­сколь­ку ин­ди­ви­ду­ум как та­ко­вой про­сто-на­про­сто един с жи­з­нью, а не толь­ко на­хо­дит­ся в от­но­ше­нии с нею, то о жи­зни в от­ли­чие от дру­гих вещей, с ко­то­ры­ми он лишь на­хо­дит­ся в от­но­ше­нии, не­льзя ска­зать, что ин­ди­ви­ду­ум вла­де­ет ею; это имело бы смы­сл лишь по­сто­ль­ку, по­сколь­ку ин­ди­ви­ду­ум яв­лял­ся не та­ко­вым, а аб­со­лют­ной це­лой си­сте­мой и по­сколь­

ку, следовательно, его единичность, жизнь, как некая вещь, полагалась в качестве чего-то особенного. Признание этой формальной жизненности, как и признание и эмпирическое созерцание вообще, есть формальная идеальность; жизнь есть высшее безразличие единичного, но в то же время она есть лишь нечто формальное, поскольку представляет собой пустое единство единичных определенностей; тем самым здесь не полагается никакой целокупности и целостности, воссоздающейся из различия. Будучи чем-то абсолютно формальным, жизнь именно поэтому является также абсолютной субъективностью, или абсолютным понятием, и индивидуум, рассматриваемый среди этих абсолютных абстракций, есть лицо. Жизнь индивидуума есть высшая степень абстракции его созерцания, но лицо — чистое понятие такового, а именно это понятие есть само абсолютное понятие.

В этом признании жизни, или в мышлении другого в качестве абсолютного понятия, оно может существовать как свободное существо, как возможность, противоположность себя самого в соотношении с некой определенностью; и в единичном как таковом нет ничего, что не могло бы быть рассмотрено как определенность; таким образом, в этой свободе одинаково полагаются и возможность непризнания, и возможность несвободы. Так же и все вещи, через их понятие, могут быть возможностью, противоположностью себя самих; однако они существуют в абсолютной определенности или являются более низшими потенциями необходимости; не в безразличии всех, а в абсолютном различии одной по отношению к другим; но интеллигенция, или жизнь человека, есть безразличие всех определенностей.

Это формальное, безотносительное признание, признание в отношении и в различии, или согласно понятию.

В нем живой индивидуум противостоит живому индивидууму², но обладая неравной жизненной мощью; таким образом, один является силой, или потенцией, для другого; он является безразличием, в то время как другой находится в различии; следовательно, первый относится ко второму как причина; в качестве его безразличия он является его жизнью, его душой или духом.

Большая сила или слабость есть не что иное, как то, что один понимается в различии, фиксированным и определенным каким-либо образом, в то время как другой не является таковым, но свободен; безразличие несвободного есть его внутреннее, формальное, невыделенное, то, что уничтожает различие; но оно должно существовать для него самого; оно есть его скрытое внутреннее, и в силу этого он созерцает его как свою противоположность, а именно как внешнее; и тождество является относительным, оно не является ни абсолютным тождеством, ни средним термином. Это отношение — то, что существует безразличный и свободный, сильный индивидуум, противостоящий различию, — есть отношение господства и рабства.

Это отношение полагается непосредственно и абсолютно вместе с неравенством жизненной силы; здесь нечего и думать ни о каком праве, ни о каком необходимом равенстве. Равенство есть не что иное, как абстракция, формальная мысль о жизни, о первой потенции, мысль, которая чисто идеальна, лишена реальности. Напротив, в реальности полагается неравенство жизни, и тем самым отношение [господства] и рабства, ибо в реальности существует определенная форма (Gestalt), индивидуальность, явление, следовательно, разница в потенции, либо в силе, или относительное тождество, согласно которому один индивидуум полагается в безразличии, а другой — в различии. Множество здесь — это множество индивидуумов, ибо в первой потенции, в формальности жизни, полагается абсолютная единичность как форма внутреннего, так как жизнь есть форма внешнего безразличия. И там, где имеется множество индивидуумов, палицо отношение их, и это отношение есть господство и рабство, которые непосредственно являются самим понятием этого отношения, без перехода и умозаключения, когда, кроме того, могло бы быть выявлено еще какое-то основание.

Господство и рабство принадлежат природе в силу того, что индивидуумы в этом отношении противостоят друг другу; и поскольку, соотносясь с самим нравственным, индивидуумы как таковые вступают в отношение и дело доходит до оформления (Gestaltung) нравственного, в качестве которого оно осуществляется через выс-

шую индивидуальность гения и таланта, то полагается отношение господства и послушания. Формально оно является тем же самым, различие состоит в том, что в нравственном господстве и послушании потенция, или сила, есть одновременно абсолютно всеобщее, здесь же, напротив, — лишь особенное; там индивидуальность есть только внешнее и форма, здесь — существо отношения, и поэтому здесь налицо отношение рабства, ибо рабство есть послушание единичному и особенному.

Господин есть безразличие определенностей, но только как лицо, или как формально живое. В то же время он есть субъект, или причина. Безразличие подводится под бытие субъекта, или понятие; и раб относится к нему как к формальному безразличию, или к лицу. Поскольку повелевающий существует здесь в качестве лица, то здесь нет абсолюта, идеи, «тождественного» обоим, того, что в господине положено в форме безразличия, а в холопе — в форме различия, и налицо особенность вообще, в практическом плане — нужда, то, что образует связь обоих. Господин владеет избытком физически необходимого вообще, а другой — живет в недостатке такового, и именно так, что тот избыток, как и этот недостаток, является не единичной стороной, а безразличием необходимых потребностей.

λ) Это отношение рабства, или лица к лицу, формальной жизни к формальной жизни, в котором одна существует в форме безразличия, а другая в форме различия, должно стать безразличием, или подведенным под первую потенцию, так что сохраняется то же отношение личности, зависимости одного от другого; но так, что тождество является абсолютным, однако внутренним, невыявившимся, а отношение различия — только внешней формой. Но то, что тождество остается чем-то внутренним, необходимо, поскольку оно во всей этой потенции является или только формальным [правом], возвысившимся над особенным, противоположным ему, или внутренним, а именно таким, которое подводится под созерцание особенности, под индивидуальность как таковую, следовательно, является в качестве природы, но не как тождество, подчиняющее противоположность, или как нравственная природа, в которой эта противоположность

и снимается, а так, что особенность и индивидуальность становятся чем-то подчиненным.

Это безразличие отношения господства и рабства, в котором личность и абстракция жизни являются, таким образом, одним и тем же, и это отношение, но лишь как внешнее, являющееся, есть семья. В ней объединяется целокупность природы и все рассматривавшееся до сих пор, вся прежняя особенность перемещается в ней во всеобщее. Она является тождеством

α) внешних потребностей,

β) отношения полов, естественного, положенного в самих индивидах различия и

γ) отношения родителей к детям, или естественного, выдвинутого вперед, но сущего в качестве природы разума.

α) Ради абсолютного природного однобытия (Einssein) мужа, жены и ребенка, в котором снимается противоположность личности и субъекта, избыток не является собственностью одного; ибо безразличие, согласно праву, не является формальным. Таким образом, низводится всякий договор о собственности, услуге и тому подобных вещах; ибо все это основывается на предпосылании собственной личности; а избыток, труд, собственность, являются абсолютно общими, в себе и для себя, и после смерти одного нет перехода от одного к кому-то чужому; снимается лишь участие умершего в общей собственности.

Различие есть поверхностное различие господства. Муж является господином и управляющим; не собственником, противостоящим другим членам семьи. Как управляющий он обладает лишь видимостью свободного положения. Труд также распределяется согласно природе каждого члена, но его продукт является общим; именно через это распределение каждый производит избыток, но не как свою собственность. Переход не есть обмен, он совершается непосредственно, является общим в себе и для себя самого.

β) Отношение полов, жены к мужу, также, по своему виду, становится безразличным. О том, что они, согласно определенности личности, т. е. согласно владению, суть одно, говорилось в α). Но отношение полов придает безразличию некую собственную форму; оно есть именно

в себе нечто особенное. Особенное как таковое по отношению к всеобщему, понятию, может стать только эмпирическим всеобщим. (В религии оно становится другим.) Особенность становится чем-то устойчивым, ддящимся, фиксированным. Отношение слов ограничивается только этими двумя индивидуумами и закрепляется навсегда; это б р а к.

Так как это отношение основывается на бытии индивидуумов в качестве особенного, а специфика их устанавливается именно природой, а не произволом абстракции, то это отношение выглядит как контракт, который как раз снимает ту предпосылку, на которой покоится вообще возможность контракта, а именно — личность, или бытие в качестве субъекта, которая в браке уничтожается; в нем в качестве целого дается некоторое совокупное лицо. Но то, что по отношению, характерному для контракта, должно стать собственностью другого, не может просто обратиться в его владение. Оно, поскольку отношение является личным, остается собственностью лица, да и вообще не возможен сам по себе никакой контракт относительно личных услуг, поскольку во владение другого может перейти только лишь продукт, но не личное. Раб, в качестве «целого» личности, может стать собственностью, так же, как и жена; но это отношение не является ни браком, ни контрактом с рабом, но заключенным с кем-то другим контрактом относительно раба или жены; так например, у многих народов жена покупается у родителей. Но с ней самой никакой контракт не возможен именно потому, что, поскольку она должна свободно отдать себя в браке, она, как и муж, отказывается от возможности контракта с нею самой. Ее контракт должен бы иметь содержанием отказ от всякого контракта, то есть непосредственно снять себя.

Но посредством позитивного контракта каждый как бы делает себя вещь, которая находится во владении, полагает всю свою личность как определенность себя самого, с которой он в то же время абсолютно связан; однако в качестве свободного существа он должен рассматриваться не абсолютно связанным с какой-либо определенностью, но как безразличие таковой. Эта определенность должна рассматриваться, как это делал К а н т, в каче-

стве половых органов; но полагать себя как абсолютную вещь, как абсолютную связь с некой определенностью, было бы в высшей степени противно здравому смыслу и гнусно.

γ) В ребенке семья вырывается из своего случайного, эмпирического наличного бытия, или единичности своих членов,— она защищена от понятия, посредством которого уничтожается единичность, или субъекты. Перед лицом явления ребенок есть абсолют, «разумное» отношение, вечное, постоянное, целокупность, которая воспроизводит себя как таковую. Но поскольку в семье как высшей целокупности, на которую способна природа, абсолютное тождество остается чем-то внутренним, не полагается в самой абсолютной форме, то репродукция целокупности есть также и явление,— явление детей. В истинной целокупности форма просто едина с существом, следовательно, ее бытие не есть форма, распавшаяся на обособленность моментов; но постоянным здесь является нечто иное, чем сущее; или: реальность передает свое постоянство чему-то другому, что все время сохраняет себя так же лишь благодаря тому, что переносит себя и свое бытие, которое не может оставаться в нем, на что-то иное. Таким образом, форма, или бесконечность, есть эмпирическая, негативная форма бытия «другого», которое снимает определенность лишь тем, что полагает нечто другое, а именно существует позитивно всегда лишь в чем-то другом. Власть и рассудок, различие родителей, находятся в обратном отношении с юношеским характером и силой ребенка, и обе эти стороны жизни расходятся друг с другом, сменяют одна другую и находятся одна вне другой.

2. НЕГАТИВНОЕ, ИЛИ СВОБОДА, ИЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

То, о чем говорилось прежде, имело в качестве принципа единичность; имеется абсолют, подведенный под понятие, все потенции выражают определенности, безразличия являются формальными, всеобщностью, противоположной особенности, или особенность становится без-

различной только в соотношении с более низшими особенностями, и сами эти безразличия опять же суть определенности. Таким образом, здесь просто нет ничего абсолютного; каждое может быть снято. Безразличие, абсолютная целокупность всякой потенции не существует в себе, она находится под формой, которая является подчиняющим. Снятие определенностей должно быть абсолютным снятием, включением всех определенностей в абсолютную всеобщность.

Это включение абсолютно и позитивно, но оно также и чисто негативно. Подобно тому как в изложенном выше абсолютная форма выражалась как существование противоположности, так теперь она выражается в своей противоположности или в уничтожении противоположности.

Но если это уничтожение чисто негативно, то оно является диалектическим, познанием идеальности и реальным снятием определенности; если отрицательное не фиксируется, то оно не существует в противоположности, таким образом, оно существует в абсолютном. Абсолютная нравственность возвышается над определенностью благодаря тому, что отрицательное снимает ее, но так, что объединяет ее с противоположным ей в чем-то более высоком, следовательно, оно не оставляет ее существовать в истине, полагая лишь с отрицательным значением, а снимает свою форму, или идеальность, посредством совершенного тождества со своей противоположностью, или идеальностью, — отрицательное как раз лишается отрицательного и делается абсолютно позитивным, или реальным.

Совсем другим является отрицательное снятие. Оно само есть снятие по отношению к снятию, противоположение по отношению к противоположению, однако таким образом, что в нем вместе с тем существует идеальность, форма, но в обратном смысле, а именно она удерживает идеальное определенное бытие единичности и определяет его, таким образом, как негативное, т. е. дает возможность существовать его единичности и противоположному бытию, не снимает противоположность, а превращает реальную форму в идеальную.

В том, о чем говорилось прежде, всякая потенция и всякая реальность потенции является тождеством противоположений, абсолютной в себе самой. Она подводится

под форму, но последняя есть внешнее. Существует реальное; форма есть нечто поверхностное; ее определенность является живой, неразличенной; хотя определенное и налицо, но не для себя самого; оно не определяется; его существо не полагается как определенное. Теперь форма существует как отрицательное существа. Реальное полагается как идеальное; оно определяется через чистую свободу.

Это превращение подобно тому, как если бы ощущение полагалось как мысль. Сохраняется та же определенность; ощущаемый красный цвет остается мыслимым красным цветом, но мыслимое определено в то же время как уничтоженное, снятое, отрицательное. Свобода интеллигенции возвела определенность ощущения красного во всеобщее, она не изъяла ее из ее противоположности другим определенностям, а только сделала ложную попытку совершить это. Она ответила на ощущение, включила его в бесконечное, но так, чтобы продолжала существовать и просто конечность. Она превратила объективную идеальность времени и пространства в субъективную. Объективная идеальность есть бытие «другого», так что другие существуют наряду с ним; идеальность, бесконечность, во всех отношениях просто полагается эмпирически как всюду другое. Субъективная идеальность очищает бесконечность от этого разнообразия, придает ему форму единства, связывает с определенностью даже бесконечность, в объективной сфере лежащую вне ее, представленную как бытие другого, делает ее соответственно этому единством в виде абсолютной определенности субъективного, или идеального, в противоположность реальному. И если определенность как реальное, как ощущение, имела форму, бесконечность вне себя в виде поверхности, то теперь она связана с ней.

Так в практическом, которое в себе и для себя является отрицательным, налицо определенность, положенная посредством самой себя согласно рассмотренной выше потенции необходимости, налицо даже объективное, идеальное, всеобщее. Отрицание этого практического полагания есть восстановление первой, первоначальной, особенности противоположности. В то время как снимается объективность, вступают в силу неорганические объективные по-

тенции. Убийство снимает живое существо как единичность, как субъект, но это делает и нравственность; однако нравственность снимает субъективность, идеальную определенность такового, а убийство — его объективность, полагает его как негативное, особенное, которое возвращается во власть объективного, из которого оно вырывает себя тем, что само было чем-то объективным. Абсолютная нравственность снимает субъективность непосредственно тем, что уничтожает ее как идеальную определенность, как противоположность, но дает возможность существовать ее существу и существовать именно в ней и реально делает так, что дает возможность существу живого быть тем, что оно есть; интеллигенция сохраняется в нравственности как таковая.

Это отрицательное, или чистая свобода, направлено, следовательно, на снятие объективного таким образом, чтобы идеальная, по необходимости лишь внешне поверхностная определенность, отрицательное, стала существом, следовательно, отрекла реальность в ее определенности, но зафиксировала это отрицание.

Однако это отрицание должно вызвать обратное действие. Так как снятие определенности является лишь формальным, оно продолжает существовать. Полагаясь идеально, оно сохраняется в своей реальной определенности; и жизнь в нем только нарушена, но не поднята на более высокую ступень, и посему эта жизнь должна быть восстановлена. Однако нарушение жизни нельзя устранить в его действительности (восстановление с помощью религии не направлено на действительность), нарушение же направлено на действительность, и реконструкция жизни может быть лишь формальной, поскольку она направлена на действительность как таковую, на фиксацию отрицания. Поэтому она есть внешнее равенство; отрицающее делается причиной и полагает себя как отрицательное безразличие, но в силу этого положение в нем должно быть перевернутым и отрицающее должно быть положено под ту же определенность безразличия, какая была тогда, когда оно полагалось. То, что оно отрицало, должно реально и в нем так же отрицаться и так же субсумироваться, если оно субсумировало прежде; и это перевертывание отношения является абсолютным, ибо в

определенном разум может утверждать себя лишь через равнозначные полагания обоих противоположений в качестве безразличия, т. е. неким формальным образом.

В абсолютной связи с преступлением находится справедливость возмездия. Здесь мы имеем дело с абсолютной необходимостью, которая их связывает, ибо одно есть противоположное другого, одно — противоположная субсумция другого. Преступление как отрицательная жизненность, как конституирующее себя в созерцание понятие подчиняет всеобщее, объективное, идеальное; и наоборот, справедливость возмездия как всеобщее, объективное, подчиняет отрицание, конституирующее себя в созерцание.

Нужно заметить, что речь здесь идет о реальном обратном действии, или обращении, и что идеальное, непосредственное обрагное действие согласно абстрактной необходимости понятия вообще-то хотя и содержится, однако в этой форме идеальности является лишь абстракцией и чем-то несовершенным. Это идеальное обращение есть совесть, но лишь как нечто внутреннее, а не внутреннее и внешнее одновременно, нечто субъективное, но не объективное в то же время. В том, чему преступник наносит ущерб по видимости внешне и как чему-то чужому для него, он идеально наносит ущерб непосредственно себе и снимает себя самого. Поскольку внешнее деяние есть в то же время и внутреннее, преступление, совершаемое по отношению к чужому, совершается так же и по отношению к себе самому. Но сознание этого своего собственного уничтожения есть субъективная, внутренняя, или нечистая, совесть. В силу этого оно несовершенно и должно представить себя как справедливость возмездия также и внешне. Поскольку оно есть внутреннее, несовершенное, то оно стремится к целокупности. Оно обнаруживается, выявляется и пробивается через себя самого до тех пор, пока не увидит перед собой внешнюю угрозу своей реальности и своего врага в виде идеального обратного действия, или возврата. Тогда оно начинает освобождать себя, поскольку усматривает в себе начало своей реальности. Оно совершает атаку на себя, чтобы быть в состоянии защититься и посредством сопротивления, натиска успокоиться в том, что оно защи-

щает от угрожающего отрицания самое общее требование; безразличие и целокупность, а именно жизнь, благодаря которой как раз совесть и есть определенность. Через победу в этой начатой борьбе вновь возникает влечение совести, и ее умиротворение наступает лишь перед опасностью смерти и снимается через нее. Однако с каждой победой, когда она приходит, усиливается страх, идеальная уничтоженность; она проникает в жизненную силу, принося с собой, таким образом, слабость и, значит, реальность справедливости возмездия и, если тут не появляется извне противник и нет налицо обращения субсумции в качестве реальности, создает ее.

а)

Первая потенция этого определенного таким образом отрицания является формальной в соответствии с подведением понятия под созерцание; уничтожение для себя, не будучи связано ни с чем другим, предполагает не какой-то определенный изъян, а совершенно неопределенный, всеобщий, не направленный ни на что единичное, а направляющий себя против абстракции «образованного» (Gebildeten). Это природное уничтожение, или бесцельное разрушение, опустошение. Так природа поворачивается против образования, которое придает ей интеллигенция, а также против ее собственного производства «организованных», и подобно тому как элемент, объективное, подводится под созерцание и жизнь, так в свою очередь элемент подводит под себя организованное и индивидуализированное и уничтожает их; и это уничтожение есть опустошение. Так в человеческом роде созидание перемежается с разрушением; если образование достаточно долго ломало неорганическую природу и во всех планах определяло ее бесформенность, то теперь подавленная неопределенность освобождается, и варварство разрушения обрушивается на «образованное», производит чистку и делает все свободным, одинаковым и равным. В наибольшем блеске опустошение проявляется на Востоке: Чингисхан, Тамерлан, как метлы божьи, тщательно вычистили целые части света. Северные варвары, которые постоянно нападали на южан, обладают определенностью рассудка, их неумение получать наслаждение,

разнообразие которого они свели к минимуму, обладало поэтому определенностью; и производимое ими опустошение не является безразличным, опустошением только ради опустошения. Фанатизм опустошения, поскольку он является абсолютным элементом и принимает форму природы, по внешнему виду не преодолим; ибо в основе безразличия и неопределенности лежит различие и определенное; но он, как и вообще отрицание, содержит в себе свое отрицание; бесформенное стремится к неопределенности, но в то же время, поскольку оно не абсолютно бесформенно, оно подобно мыльному пузырю, который увеличивается до тех пор, пока не лопнет, рассыпавшись на бесконечно малые капли; из своей чистой единичности он переходит в противоположное себе, абсолютную бесформенность абсолютной множественности и становится через это полностью формальной формой, или абсолютной особенностью, и тем самым бесформенное совершенно теряет силу. Это продвижение разрушения к абсолютному разрушению и абсолютному переходу в противоположное себе есть ярость, которая, поскольку разрушение существует целиком в понятии, должна бесконечно усиливать «чистое», противоположное, пока оно не станет противоположным себе и, следовательно, не уничтожит себя самого; находясь в положении крайнего члена, в абсолютной абстракции, ярость является влечением без всяких средств, абсолютным понятием в его полной неопределенности, беспокойством бесконечности абсолютного понятия, беспокойством, которое есть не что иное, как это последнее, и которое в своем уничтожении противоположностей уничтожает без разбора и само себя, реальное бытие абсолютной субъективности. Абсолютное понятие, непосредственная противоположность самой этой субъективности, реально, так как продукт является не просто тождеством субъективного и объективного, а чистой объективностью, бесформенностью.

б)

Это разрушение, подведенное под понятие, как отношение с различием и определенностью, обращено непосредственно против позитивного отношения различия. Природное опустошение, поскольку оно существует в опреде-

ленности, может лишить только владения; предполагается, что оно существует в ней именно так и, значит, дает возможность преодолеть ее; безразличие владения, или право, никак не касается этого опустошения; оно существует лишь в особенности. Но моральное благодаря своей природе может быть интеллигенцией; одновременно оно объективно всеобще и, следовательно, в безразличном отношении с чем-то другим; уничтожение особенности такового, — и здесь нет места ни для какого иного уничтожения, кроме уничтожения нравственного существа, — есть в то же время уничтожение безразличия и полагание такового как отрицательного; положительное этого полагания состоит в том, что определенность как таковая сохраняется, но полагается она только вместе с отрицательной определенностью. Такое допущение существования определенности, но уничтожение безразличия признания есть нарушение права, явление которого в качестве реального уничтожения признания есть также разрыв соотношения определенности с субъектом; ибо признание признает это соотношение, которое в себе чисто идеально именно в качестве реального; в силу этого же признания безразлично, соединил ли субъект с собой действительно неразрывно, абсолютно определенность или это соединение положено лишь в относительной связи с ним, лишь в форме, в возможности; через признание сама относительная связь становится безразличной, а ее субъективность вместе с тем — объективной. Реальное снятие признания снимает также и это соотношение, такое снятие есть ограбление, или, поскольку оно направлено чисто на соотносимый объект, кража. В этом соотношении объекта с субъектом, которое имеется в собственности, определенность хотя и оставляется посредством уничтожения безразличия, или права, но остается при этом безразличной, похищенный объект остается тем, что он есть; но не субъект, каковой здесь в самом особенном есть безразличие соотношения. Поскольку теперь абстракция его соотношения с объектом не снимается, а в ней наносится ущерб ему самому, то снимается нечто в нем самом — и то, что в нем снимается, есть не уменьшение его владения, ибо оно не касается его как субъекта, а уничтожение его как безразличия через и в этом еди-

ничном акте; ведь так как безразличие определенностей есть лицо и оно полагается здесь, то уменьшение собственности есть нанесение ущерба лицу; и здесь, в этой совокупной потенции особенности, оно необходимо является личным. Ибо непосредственно оно не является личным, если только нарушается абстракция соотношения субъекта с объектом; но эта абстракция как таковая не представлена в этой потенции, да и во всеобщем она не имеет еще своей реальности и опоры, а имеет ее лишь в особенности лица; и поэтому всякое ограбление является личным; соотношение лично, таким оно является обычно, если только оно реально или эмпирично, если владеющий видит объект своего владения перед собой или держит, или же содержит его под замком как-то иначе на территории, которую он считает пространством, занимаемым его владением; это эмпирическое отношение в качестве особенного выступает здесь как отношение данной потенции вообще; ибо в ней еще не указывается способ, каким эмпирическое отношение само приобретает характер безразличного, так что собственность защищалась бы не как эмпирическое отношение, т. е. как если бы идеальное отношение, не становясь эмпирическим, было бы реальным, и таким образом посредством нарушения идеального отношения владения в качестве собственности личное отношение не было бы нарушено.

Кража здесь, следовательно, в такой же мере лична, как и ограбление; подведение владения, которое есть собственность, под вожделение другого или отрицание безразличия и утверждение количественно большей особенности по сравнению с количественно меньшей, утверждение подведения более различенной особенности под менее различенную — все это есть насилие не вообще, а по отношению к собственности, или хищение также должно иметь противодействие себе, или обратную субсумцию. Как прежде, налицо принуждение, т. е. меньшая сила подводилась под большую силу, так наоборот, теперь большая сила полагается как меньшая; и согласно абсолютному разуму, это перевертывание отношения в себе и для себя является столь необходимым, когда прежняя субсумция действительно есть хищение. Но хищение есть лишь там, где нет отношения господства и рабства.

Но где оно существует, где один индивидуум является более безразличным, следовательно, более высокой потенцией, чем другие, там по природе нет хищения, поскольку оно является просто опустошающим и разрушающим (не потому, что оно было бы собственным хищением); и в силу того что оно переходит в личное, одно лицо мерится силами с другим лицом, и принужденный становится рабом другого; это порабощение есть собственно явление того, что в этом отношении субсумции полагаются каждому из индивидуумов; вне соотношения они не могут быть рядом один подле другого. Хищение есть единичная, не направленная на целокупность личности субсумция, и поскольку то, что делает это нанесение ущерба лицу делом всей личности, должно одержать верх, сделать перевертывание отношения реальным, поскольку один индивидуум полагается как целокупность, а другой — только как особенность, и реальность этого отношения есть порабощение, а явление становления такого отношения — принуждение.

В вышеизложенном отношении перевертывание его является абсолютно уничтожающим, поскольку само уничтожение абсолютно, следовательно, обратное действие подобно, например, действию, направленному против хищного животного, есть абсолютное принуждение, или смерть. Но здесь обратное действие не может быть просто возвращением захваченного ради личности, понесшей ущерб, оно может быть лишь моментом полагания господства и рабства с тем, чтобы в похитителе акт субсумирования стал реальным лишь для одного момента и для этой определенности в соответствии с определенностью совершающегося при этом личного оскорбления; однако поскольку нападающий не полагал в этом всю свою личность, то отношение также не может покончить с целокупностью личности в отношении порабощения, а может существовать лишь для одного момента; рабство имеет место только в случае войны, в обоюдном противоборстве познающей личности или в случае нужды, в аспекте всей жизни, как, например, опять же война людей или вражда в природе; в противном случае обратное действие формально есть целостность этого отношения и включение в семью, однако, по материи это отно-

шение есть столь же единичное и особенное; ибо тот, кто грабил, и к рабу также относится очень плохо, поскольку, оставаясь в особенном, он не выказал доверия всей собственной личности.

с)

Безразличие, или целокупность обоих этих отрицаний, направлено на безразличие определенностей или жизнь и всю личность; сомнительное перевертывание отношения, не будучи односторонним, когда отношение было бы полностью определенным и обязательным с одной стороны, также есть утрата личности через рабство, или смерть. Поскольку отрицание может быть лишь определенностью, то, для того чтобы целое было вне игры, определенность должна быть возвышена до целого. Но в силу того что она является личной, она непосредственным образом является целым; ибо определенность принадлежит лицу, которое есть безразличие целого; определенность отрицает особенность лица, она есть лишь абстракция, ибо в лице она абсолютным образом включена в безразличие; ущерб наносится живому. Но поскольку этому безразличию противостоит абстракция оскорбленной особенности, то в силу последнего живое полагается также и идеально, и оскорбленным является честь. Благодаря чести единичное становится целым и личностью; мнимое отрицание единичного есть лишь нанесение ущерба целому, и так начинается борьба целого лица против целого лица. О справедливости повода такой борьбы не может быть и речи; как только начинается борьба как таковая, справедливость оказывается на обеих сторонах, ибо полагается равенство риска, а именно самого свободного риска, так как на карту поставлено целое. Повод, т. е. определенность, будучи включенным в безразличие и положенным в качестве личного, есть в себе и для себя просто ничто также и потому, что чем-то он является лишь в качестве личного; и в качестве такового может приниматься любое, хотя оно и будет положено совершенно различным образом; в силу этого здесь нельзя полагать никакого исключения и никаких границ. Сила, или, скорее, насилие, полагается индивидуализированной: сила определяет субсумцию, и здесь, где вся реальная личность

есть субъект, должно непосредственно выступить отношение господства и рабства или, если предполагается абсолютное равенство, невозможность такого отношения различия, следовательно, невозможность того, чтобы одно было безразличным, а другое различным, что в борьбе как абсолютном различии и взаимном отрицании получить безразличие и уладить спор можно только через смерть, в которой принуждение является абсолютным, и как раз через абсолютность отрицания утверждается его противоположность, свобода.

Нечто другое, однако, представляет собой неравенство в отрицании и односторонность борьбы, которая в этом случае вовсе не является борьбой; это неравенство, где субсумция, не колеблясь, находится просто на одной стороне, а средний термин полагается как возможность и именно благодаря этому как безразличие обеих, есть угнетение и если оно доходит до абсолютного отрицания,— убийство. Угнетение и убийство нельзя смешивать с отношением господства и борьбой; истинно несправедливое угнетение есть нападение на личность и нанесение ей ущерба способом, посредством которого совершенно снимается всякая борьба,— другому невозможно уберечь себя и тем самым положить борьбу. Однако сама по себе эта невозможность не может быть доказана и выявлена (итальянцы в качестве основы оправданности убийства из-за угла выдвигают непосредственность объявления войны в результате оскорбления); невозможность можно рассматривать как действительно наличную лишь тогда, когда нет налицо никакой обиды и убийство совершается вне всякой связи с чем-то личным, следовательно, ради хищения. Но если этому предшествует также и обида, следовательно, в игре участвуют личность и целостность, то обида совсем не является равной целокупному отрицанию в отношении к реальности; хотя здесь и задета честь, но честь — это не жизнь; и когда последняя ставится на карту, чтобы вернуть первой ее реальность, которая в качестве оскорбленной чести есть лишь идеальное, происходит соединение идеальности чести с ее реальностью, но происходит оно лишь благодаря тому, что понесшая ущерб определенность поднимается до совокупной реальности, и честь состоит в том, что на того,

кто однажды отринул определенность, должна быть направлена целокупность определенностей, или жизнь; следовательно, на карту должна быть поставлена собственная жизнь, вследствие чего только это отрицание единичности и делается чем-то целым, что ей и надлежит.

[Marg.: 3 потенции: а) убийство, б) месть, с) поединок; средним термином является борьба, колебание. Поединок, личная обида индивидуума].

Целокупность отрицания должна быть представлена в трех своих формах.

αα) Грубая целокупность, абсолютное безразличие отрицания вне отношения к идеальности, есть превращение определенности в личность, непосредственное полагание реальности отрицания, или простое убийство; оно исключает признание этого отношения, знание другого во имя него самого не предполагает равенства риска, поскольку обида по своей материи совершенно неодинакова.

ββ) Вторая потенция должна быть формальным безразличием, согласно которому субсумирование и перевертывание отношения существуют по закону равенства, но так, что это равенство как форма, как сознание парит над противопоставлением индивидуумов, не будучи сознанием и признанием таковых. Таким образом, отсутствует форма равенства, а также равенство риска; ибо риск есть не что иное, как становящееся отрицание; но здесь нет знания этого, безразличие здесь не в риске, оно является лишь материальным; отношение подводится под понятие. В этом равенстве налицо истинное реальное перевертывание отношения субсумции, и это — месть; каждое, что может быть умерщвлено, должно само сделать перевертывание отношения; но в качестве убитого [оно] есть лишь идеальное; возможно, что из его жизни, которая есть его кровь, вознесется лишь его дух, и (или) он будет всюду преследовать убийцу до тех пор, пока тот каким-либо образом не сопоставит себя с реальностью и даже не раздобудет духу убитого тело, которое, поскольку оно уже не есть то же самое внешнее явление убитого, представляет собой всеобщее, и дух тогда обретет себе свою месть как судьбу; или же духу остается его собственная, принадлежащая ему реальная жизненность; он сохраняет свою плоть, а убийство губит только еди-

ничный член и орган, тогда он принимает на себя еще живую плоть, семью, месть. Мечь есть абсолютное отношение к убийству и единичному убийце; она есть не что иное, как перевертывание того, что положил убийца; последнее не может быть снято каким-либо другим способом и сделано разумным; от этого нельзя абстрагироваться, ибо положена действительность, которая как таковая должна иметь свое право установить как раз в соответствии с разумом противоположность установленного ранее; сохраняется определенность отношения, но внутри нее оно превращается теперь в противоположное; субсумирующее субсумируется; налицо лишь эта форма, которая изменяет себя.

Целокупность этого отношения есть разумное, на передний план она выдвигает средний термин: безразличие справедливости, которое имеется в мести, но как нечто материальное, внешнее, входит в индивидуумы в качестве равного сознания становящегося отрицания, благодаря чему равной становится сама реальность этого становления. В силу этого как будто имеет место несправедливость, поскольку тот, кто совершил нападение, первую неравную одностороннюю субсумцию, — и в явлении обе противоположные субсумции должны представить себя также в качестве следующих одна за другой — должен быть в неправде, но посредством сознания пришел как бы лишь к равенству риска. Если речь идет о мести, то тот, кто был убийцей, и лишь он, также должен быть в свою очередь каким-то надежным образом субсумирован, и, значит, мстители должны избегать равенства сил и совершить мечь или благодаря превосходству над насилем, или с помощью хитрости, т. е. путем обхода силы вообще. Но здесь в целокупности отношения содержится нечто другое; она как раз непосредственно настолько исключает единичность, что с точки зрения мести мстящий является не абстракцией, не чужим или же только чем-то единичным, а так же, как и нападающий, членом семьи. Но поскольку так, убийство не является абсолютным отрицанием, дух потерял лишь какой-то член плоти, и мечь в столь же малой степени может быть абсолютным отрицанием. В целокупности мести форма должна быть положена в качестве абсолютного сознания и, та-

ким образом, сам понесший ущерб, а не чужой, должен быть мстителем; таковым является только семья. Так же и обидчик не есть что-то единичное, он нанес обиду не в качестве единичного, а как член целого; он полагается в целокупности не как абстракция. Одновременно непосредственно через это полагается средний термин; отрицательным является как раз снятие превосходства бессознательности одного и равенства риска для обоих, б о р ь б а; при совершенно внешнем равенстве различие для отношения находится во внутреннем (поэтому борьба — божий приговор); одна сторона является лишь защищающейся, в то же время другая — нападающей, на стороне обиженного стоит право, или эта сторона есть «безразличное», «субсумирующее»; таковыми она является абсолютным образом потому, что через перевертывание отношения должно представить себя абсолютное равенство; до сих пор субсумирующее, оно становится субсумированным. Но с величиной еще живущего тела уменьшается утрата потерянной части, а вместе с тем и право; в силу того что особенность поступка обиженного включается в безразличие целого, становится делом целого, право, или безразличие, становится честью и тем самым равным для обеих сторон; посредством чести снимается нечистая совесть, стремление уничтожить себя, ибо честь есть стремление к субсумированию; обиженная сторона, которая полностью отнимает у себя единичность действия, каковое в качестве этой единичности не является ее действием, получает благодаря чести совершенно равное право, как, например, в случае единичной личной обиды обиженный, — через то, что он защищает свою жизнь. Равенство, перед которым исчезает сторона, представляющая право и необходимое субсумирование, есть в о й н а; в ней исчезло различие, присущее отношению субсумирования, и господствующим является равенство; обе — и борьба и война суть безразличия, различие есть внешнее, формальное для борьбы, не внутреннее, а нечто находящееся в абсолютном беспокойстве, постоянно переходящее от одной стороны к другой (Марс — перебежчик); превращение в субсумированное весьма неопределенно и допускает разрешение лишь в итоге. Разрешается же оно или через полную субсумцию части, кото-

рая в себе бессмертна как целокупность, является не истреблением, а покорением таковой и рабством; здесь решает высшее, не пустяк первой обиды, а более или менее значительная сила целокупности, которая через борьбу подводит к равенству и к испытанию такового, бывшего прежде, когда отсутствовала соотнесенность одного с другим, чисто идеальным, чем-то мысленным, и покоряется решению, которое действительно будет более безразличным и сильным и, следовательно, может окончиться отношением господства. Или оно не доходит ни до какого абсолютного решения, которое затрагивало бы целостность целокупных индивидуумов, а они оказываются более или менее равными; по крайней мере для эмпирического мгновения и при очевидном превосходстве одного оно не способно до конца определить реальный характер отношения; хотя налицо как будто и был абстрактный перевес одного, но для этого момента борьбы не реальный; между тем как силы, действующие в борьбе, необходимы для других естественных нужд, которые непосредственно не касаются борьбы, а относятся к внутреннему существованию целокупности и не могут быть использованы для борьбы; гнев (*θυμός*) утихает, ибо он есть чувство нереализованного отношения безразличия субсумирующего; он возвращается к чувству равенства, меж тем как реальность борьбы противоречит этому высокомерию гнева; и так устанавливается мир, в котором, будет ли одна часть занимать место субсумирующего, а другая — побежденного и откажется от единичных определенностей, или обе прекратят борьбу, завершив ее чувством полного равенства, они полагаются в прежнем несоотнесенном, безотносительном различии и, следовательно, с прекращением соотнесения прекращается также и всякий интерес. Применительно к противоположностям разумность этой целокупности есть, таким образом, равенство безразличия; средний термин — бытие такового в качестве «одного» в его полной смещенности и в его неопределенности.

3. ПРАВСТВЕННОСТЬ

В предыдущих потенциях целокупность особенности существует сообразно двум ее сторонам — особенности как таковой и всеобщности как абстрактного единства. Такова семья, но она является такой целокупностью, в которой объединяются как раз все природные потенции; но в то же время в отношении наличествует созерцание. Реальное объективное созерцание индивидуумом себя в другом обременено различием; созерцание в жене, ребенке и рабе не есть абсолютно совершенное равенство; оно остается внутренним, нерожденным, невысказанным; налицо неизбежность включения в него природы; однако во всеобщем свобода отношения, уничтожение одной стороны такового через другую, есть высшее, и разумным оно является лишь как абсолютное понятие, поскольку оно направлено на эту отрицательность.

Но абсолютная природа не наличествует ни в каком из духовных образований и поэтому также и в качестве нравственности; ни семья, ни в еще большей степени второстепенные потенции и тем более отрицательное не суть нравственное. Нравственность должна быть абсолютным тождеством интеллигенции при полном уничтожении особенности и относительного тождества; иначе говоря абсолютное тождество природы должно включаться в единство абсолютного понятия и быть наличным в форме этого единства, — некая ясная и в то же время абсолютно богатая сущность, несовершенное объективное бытие и созерцание индивидуумов себя в чужом, следовательно, снятие природной определенности и оформления (*Gestaltung*), полное безразличие самоудовлетворения. Таким образом, беспредельное понятие является просто-напросто единым с сущностью индивидуума, и последний наличествует в своей форме как истинная интеллигенция. Он действительно беспределен, поскольку уничтожена вся его определенность; и его объективность существует не для какого-либо искусственного сознания для себя вместе со снятием эмпирического созерцания и не для интеллектуального созерцания; так, интеллектуальное созерцание является реальным через нравственность и только в

ней очи духа и телесные глаза полностью совпадают; по природе муж видит в жене плоть его плоти, а согласно нравственности и через таковую — лишь дух его духа.

Поэтому нравственность определяется тем, что живой индивидуум как жизнь становится равен абсолютному понятию, его эмпирическое сознание становится единым с абсолютным, а само абсолютное сознание — эмпирическим сознанием, отличимым от себя созерцанием, но так, что это различие является чем-то совершенно поверхностным и идеализированным, субъектность в реальности и различии есть ничто. Это совершенно равное бытие возможно лишь через интеллигенцию, или абсолютное понятие, согласно которому живая сущность полагается под отношение как противоположность самой себе, как объект; сам этот объект есть абсолютная жизненность и абсолютное тождество одного и многих, он непохож на всякое другое эмпирическое созерцание, служа необходимости и будучи ограниченным, имея вне себя бесконечность.

В нравственности, таким образом, индивидуум существует вечно; его эмпирическое бытие и образ действия является просто всеобщим, ибо налицо не индивидуальное, которое действует, но всеобщий абсолютный дух в нем. Мнение философии о мире и необходимости, согласно которому все вещи существуют в боге и нет никакой единичности, целиком реализуется для эмпирического сознания благодаря тому, что всякая единичность действия или мышления, или бытия имеет свою сущность и значение только лишь в целом и, поскольку мыслится ее основа, мыслится только лишь это, и индивидуум не знает и не воображает ничего другого; так как ненравственное эмпирическое сознание состоит в том, что между бытием всеобщего и особенного в качестве «одного», где первое есть основа, оно вставляет в качестве основы какую-то другую, единичность; в нравственности же, напротив, в сознании на первый план выступает абсолютное тождество, которое существовало до природы и было чем-то внутренним.

Но созерцание этой идеи нравственности, форма, в которой она является со стороны своей особенности, есть н а р о д. Он должен познать тождество этого созерцания

и идеи. Именно в народе полагается вообще формально соотношение множества индивидуумов, не безотносительное множество и не простое большинство; не первое, ибо множество вообще не полагает соотношения, которое имеется в нравственности, подведения всех под всеобщее, которое имело бы реальность для сознания индивидуумов, было бы едино с ними и имело бы над ними власть и силу, поскольку они хотят быть единичными, было бы дружественно или враждебно идентично с ними; наоборот, множество есть абсолютная единичность, и понятие множества, поскольку индивидуумы суть единое, есть их абстракция, чуждо им, внешне им; также и непростое большинство, ибо всеобщность, в которой они суть единое, есть абсолютное безразличие; но в большинстве оно не полагается, большинство ведь не есть большое количество как выражение всех различий, через которые всякость может реально выражать себя только лишь как безразличие и быть всеобщей.

В то время как народ есть живое безразличие и природное различие целиком уничтожено, индивидуум созерцает себя в каждом как самом себе,— он достигает наивысшей объективности, присущей субъекту; и это тождество всех благодаря этому есть не абстрактное, не равенство гражданственности, а абсолютное и созерцаемое, представляющее себя в эмпирическом сознании, в сознании особенности; всеобщее, дух, существует в каждом для каждого, пусть даже это является единичностью. В то же время это созерцание и бытие «одного» непосредственно; созерцание не есть нечто иное, чем мысленная конструкция (*Gedanken*), оно не является символическим; между идеей и реальностью не встает никакая особенность, которую можно было бы уничтожить лишь посредством мысленных конструкций и которая уже в себе и для себя была бы равной всеобщему; а просто особенное, индивидуум как особенное сознание, равно всеобщему; и эта всеобщность, которая просто объединила с собой особенность, есть божественность народа, и это всеобщее, созерцаемое в идеальной форме особенности, есть бог народа; он есть идеальный способ созерцать всеобщее. Сознание — бесконечное, абсолютное понятие в форме единства; но в эмпирическом сознании понятие пола-

гается лишь как отношение; существуют противоположности понятия и, следовательно, противоположности противопологаемые; их единство как таковое является скрытым, оно представляется разделенным (в едином сознании) как количество между обоими противоположностями, т. е. выступает под формой возможности; и действительность разделенности как раз и есть противоположность; в нравственности, однако, это разделение для самого эмпирического сознания является идеальной определенностью; в противоположностях, в объекте оно познает абсолютно то же, чем объект и является; оно созерцает тождество.

Созерцание является абсолютным просто потому, что оно объективно, в нем поглощаются всякое единичное бытие и чувство, и оно является созерцанием, потому что существует в сознании; его содержание абсолютно, потому что оно представляет собой вечное и освобождено от всего субъективного; противоположности, эмпирическое и явление внутри самого абсолютного созерцания до такой степени сходят на нет, что представляются лишь пустой забавой. Снято всякое соотношение с потребностью и уничтожением, и практическое, которое начало с уничтожения объекта, перешло в свою противоположность, в уничтожение субъективного, так что объективное является абсолютным тождеством обоих.

Эта целокупность должна быть рассмотрена со стороны моментов, определяющих эту идею, а именно: прежде всего покой, или государственное устройство, затем — ее движение, или правление; там — идея как созерцание; здесь — со стороны отношения, но так, что отныне сущность, целокупность, сама есть абсолютное тождество созерцания и понятия; и форма этого тождества, под которой оно выступает, есть нечто совершенно поверхностное; крайние термины отношения суть просто сама целокупность, не абстракции, которые существовали бы лишь через отношение.

Первый раздел

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Народ как органическая целокупность является абсолютным безразличием всех определенностей практического и нравственного. Его моменты как таковые суть форма тождества, безразличия, затем форма различия и, наконец, форма абсолютного живого безразличия; и никакой из этих моментов не является абстракцией, но каждый есть реальность.

1. НРАВСТВЕННОСТЬ КАК СИСТЕМА В СОСТОЯНИИ ПОКОЯ

Понятие нравственности полагалось в ее объективность, в снятие единичности. Эта уничтоженность субъективного в объективном, абсолютная включенность особенного во всеобщее, есть:

а) созерцание, всеобщее не есть нечто формальное, противоположное сознанию и субъективности, или индивидуальной жизненности, а просто едино с ней в созерцании. В каждой форме (Gestalt) и выражении нравственности снимается противоположность утверждения и отрицания через интеграцию таковых; разрывание же особенного и всеобщего выглядело бы всерьез как рабство особенного, как нечто покорное нравственному закону, а затем как возможность чего-то другого. В нравственном не было бы никакой необходимости. Боль перестала бы переноситься, ибо она не созерцалась бы в своей объективности и не отделялась; и нравственное действие стало бы случайностью благоразумия, ибо вместе с разрыванием полагается возможность другого сознания;

б) эта нравственность как живой, самостоятельный дух, который, подобно Бриарейю *, кажется состоящим из

* Бриарей — прозвище Эгеона, одного из гекатонхейров, сторуких и пятидесятиглавых великанов, олицетворивших в греческой мифологии подземные силы и помогавших богам Олимпа в их борьбе с титанами.— *Прим. перев.*

мириадов глаз, рук и других членов, каждый из которых является абсолютным индивидуумом, есть абсолютно всеобщее, и в соотношении с индивидуумом каждая часть этой всеобщности, все, что ей принадлежит, является в виде объекта, в виде цели. Налицо нечто идеальное для индивидуума как такового или то, как оно входит в его сознание; но то, что входит в его сознание, есть не что иное, как оно полагается в качестве индивидуума. Но оно есть и нечто другое, поскольку индивидуум подводит под себя абсолютную нравственность и являет ее в себе как свою индивидуальность. Здесь, как и вообще, нас мало интересует то обстоятельство, что воля, произвол, определенности, которые полагаются индивидуумом, могут субсумировать нравственность, так что будут господствовать над ней, полагать ее отрицательно как врага и рок; наоборот, субсумирование есть только лишь внешняя форма субъективности, в какой является нравственность, не аффицируя этим свое существо. Это ее явление есть нравственность единичного, или добродетели. Поскольку индивидуальное есть единичное, возможность, отрицательное, определенность, то добродетели в их определенности также суть отрицательное, возможности всеобщего. Ибо здесь полагается отличие морали от естественного права, но не так, что они разорваны, исключены друг из друга, а так, что содержание морали полностью наличествует в естественном праве; добродетели проявляются в абсолютно нравственном, но лишь в своей брэнности.

Ведь нравственность существует:

α) как абсолютная нравственность: не совокупность, а безразличие всех добродетелей. Она проявляется не как любовь к отечеству, народу, к законам, а как абсолютная жизнь в отечестве и для народа. Она есть абсолютная истина, ибо неистина состоит лишь в фиксировании определенности, в «вечном» же народа снимается всякая единичность. Нравственность есть абсолютное образование, ибо в вечном наличествует реальное эмпирическое уничтожение всех определенностей и изменение всех. Она есть абсолютное бескорыстие, ибо в вечном нет ничего собственного. Она, и каждое из ее движений, есть высшая свобода и красота, ибо реальное бытие и

оформление вечного есть красота. Ей чуждо страдание, она блаженна; ибо в ней снято всякое различие и всякая боль. Она есть божественное, абсолютное, реальное, существующее, сущее, ничем не прикрытое и не такое, что его можно было бы выделить лишь в идеальность божественности и извлечь лишь из явления и эмпирического созерцания, напротив, она непосредственно является абсолютным созерцанием.

Движение же этой абсолютной нравственности, как она наличествует в абсолютном понятии, пронизывает все добродетели, но не фиксируется ни в одной. В движении нравственное действует в различии и снимает его; явление есть переход от субъективного к объективному и снятие этой противоположности.

Эта производительная деятельность не направлена на продукт, но непосредственно уничтожает его и приводит к пустоте определенностей. Упомянутое различие в его явлении есть определенность, и она полагается как крайне отрицающее. Но таковое само должно быть живой деятельностью. Нравственное в своем различии само должно созерцать свою жизненность, и в этом случае так, чтобы сущность этого противостоящего живого полагалась как чужое и крайне отрицающее — не так, как в воспитании, где отрицание, субъективность, есть лишь внешнее ребенка. Такое различие есть враг; и различие, положенное в соотношении, существует одновременно в качестве его противоположности бытию противоположностей, в качестве «ничто» врага, и это «ничто» для обеих сторон в равной степени есть риск борьбы. Для нравственного этот враг может быть лишь врагом народа и, точнее, лишь каким-то народом. Так как здесь на передний план выступает единичность, то для народа налицо то, что единичное подвергается опасности смерти.

Но помимо этой отрицательной выявляется также положительная сторона различия одновременно и как нравственность или же как нравственность в единичном, или добродетели. Храбрость есть безразличие добродетелей, как отрицательность, или добродетель в определенности, но в абсолютности определенного бытия. Следовательно, она есть добродетель в себе, но формальная; так как всякая другая есть лишь одна добродетель. Посколь-

ку же в различии наличествует определенность как многообразия, то в ней выявляется также и целый букет из добродетелей. В войне как исполнении отрицательного и многообразного и его уничтожении выступает, таким образом, многообразие определенных отношений в них — добродетели. Последние являются в качестве того, что они представляют собой, полагаемые эмпирической необходимостью; и так же быстро они исчезают снова, и с ними — наличное бытие добродетелей, которые, поскольку они обладают этой стремительной поспешностью, существуют точно так же вне всякого отношения к определенной целокупности (положению гражданина в целом), и, следовательно, суть также и пороки.

Военная нужда полагает наивысшую умеренность и равным образом наибольшую скудость и явление скупости, а также наслаждения, которое также и сибаритство, поскольку не может иметь в виду завтрашний день или целую жизнь и достаток. Бережливость и щедрость становятся пороком и жестокосердием в отношении себя и другого, если острая нужда требует этого ограничения или расточительства; ибо собственность отбрасывается, поскольку она не может иметь никакой прочности и расход совершенно несоразмерен собственному или чужому пользованию и потребности. Точно так же налична не включенная полностью в безразличие реальность, налично не становление определенности недобродетелью (*das Nicht-tugendwerden der Bestimmtheit*), а бытие в отрицательности, или высшая степень уничтожения.

Подобно нравственному в добродетелях обстоит дело и с трудом. Военная нужда требует наивысшего напряжения тела и совершенно формального понятийного единства духа в механическом труде, так же как и наивысшего рабства, характерного для совершенно внешнего послушания. Подобно тому как добродетели исключают внешнее и внутреннее лицемерие (если бы они были связаны с внешним лицемерием), их проявление и внешнее выражение было бы положено произволом субъекта; чей внутренний мир, чьи намерения были бы совсем иными, — а такое не может произойти, поскольку нравственное есть сущность, внутреннее; так же обстоит дело и с внутренним лицемерием, которое при помощи

сознания создает для себя свою нравственность, утверждает благодаря этому сознанию свою субъективность и является моральностью*, так и труд как таковой есть труд без цели, без потребности, вне отношения к практическому чувству, без субъективности, а также и без отношения к владению и промыслу — вместе с самим собой он снимает свою цель и свой продукт.

Эта война является войной не семей против семей, а народов против народов, и поэтому сама ненависть становится безразличной, свободной от всякой личности. Смерть входит во всеобщее, так же как и выходит из всеобщего, ей не присущ гнев, который то рождается, то снимается. Огнестрельное оружие есть изобретение всеобщей, безразличной, безличной смерти, и побуждающим мотивом является национальная честь, а не оскорбленное бытие единичного; оскорбление же, которое является поводом к войне, находится в полном безразличии к чести каждого индивидуума.

β) Относительная нравственность — это нравственность, которая связана с отношениями и не организуется, не движется в них свободно, а сохраняет определенность, которая есть в них; но эта определенность приводит их к равенству с противоположными определенностями, а именно — к поверхностному, частичному равенству, которое только и имеется в понятии. Таким образом, эта форма нравственности создает право и является добродетелью. Там, где она действует или становится реальной, она считает за правило, чтобы каждому причиталось «свое» и именно не по писаным законам, а с точки зрения дела в целом и согласно справедливости, если право не является несомненным, в противном случае она должна придерживаться его. В справедливости же в соответствии с настоятельными потребностями, в эмпирических состояниях нужды, простительного незнания, в субъективном доверии она смягчает объективность права. Ее целокупность есть эм-

* Marg.: «Там — внешний свет, здесь — внутренний свет, сознание, в обязанность которому вменено, чтобы моральность сияла перед самим индивидуумом».

пирическое существование единичного, о поддержании которого в себе и других она печется.

Добропорядочность в отношении семьи означает заботу о состоянии, в котором та находится; что же касается сограждан, то она устраняет кое-какую нужду, возмущается плохими поступками. Всеобщее, абсолютное в нравственности, и то, каким оно должно быть в реальности и как должно подчинить реальность, образуют для добропорядочности некую мысль (*Gedanke*). Вообще говоря, высший взлет добропорядочности состоит в том, чтобы иметь по этому поводу самые разные идеи, но в то же время разум ее требует, чтобы она осознавала, как должно изменить эмпирическое состояние, — это волнует ее прежде всего, и она не может допустить, чтобы что-то изменялось само по себе. Таким образом, ее разум осужден осознавать абсолютную нравственность в качестве всего лишь идеи.

Соотносясь с отрицательным и пожертвованием, она жертвует из своих приобретений как народу на всеобщие, определяемые понятием [цели] в виде налогов, взимаемых согласно равенству справедливости, так и, в частности, бедным и страждущим. Но она не должна жертвовать ни всем владением, ни жизнью, ибо в добропорядочности фиксируется единичность, а лицо, жизнь, есть не только бесконечное, но и абсолютное. Таким образом, она не может быть смелой, так же как она не может осуществить целый ряд добродетелей или организоваться в качестве добродетели хотя бы на данный момент; ибо добродетель в данный момент сама лишена цели и не соотносена с целокупностью, иной, чем та, какую она имеет в себе самой. Эмпирическая целокупность существования полагает бескорыстия и жертвованию определенные пределы и должна подчиняться власти рассудка.

γ) Доверие существует в тождестве первого и различии второго так, что тождество абсолютной нравственности является скрытым и в то же время не включенным в понятие и развитым созерцанием, и поэтому последнее в форме своей интеллектуальности лежит вне его. Для простого, добротного, что есть в созерцании, лишённого познания и формы, следовательно, нуждающего-

ся также и в действии рассудка, именно это самое созерцание развило власть, по отношению к которой доверие является различным, но к которой в то же время нет твердого доверия, потому что, как может показаться, единичность, в которой власть доходит до него, лишает его всего, и тождество абсолютного содержания и формы как единственное средство не может стать для него очевидным. Полагать его в движении нужно не посредством рассудка, — ибо благодаря последнему оно, как и следует, испытывает страх быть обманутым, — а посредством цельности доверия и необходимости, благодаря внешнему, направленному точно так же на целое побуждению.

Поскольку его нравственное созерцание элементарно, то такова же и соответствующая ему работа. Она идет не от рассудка и не существует в разделении добропорядочности, а является целой и грубой; она не направлена на уничтожение и смерть объекта, а позволяет с помощью природы делать и производить полезное.

Точно так же и его собственность принадлежит ему в неведении права, и решение спора предоставляется страсти и умению убеждать. Это доверие, поскольку оно полагается на вечное, способно также и на отвагу.

В реальной абсолютной целокупности нравственности эти три ее формы должны быть также реальны³. Каждая должна организовать себя для себя самой, быть индивидуумом и обрести форму, а смешение их есть бесформенность, присущая естественно нравственному и лишённому мудрости. Это значит, что каждая форма организует себя, существует именно благодаря целокупности и содержит в себе другие потенции формы согласно себе и неорганизованными, какими они выявляются в каждой форме уже в соответствии с ее понятиями.

Индивидуализация, живая жизнь, не возможна без сосредоточения в единичном. Каждый принцип и потенция должны соответствовать этому понятию, ибо только сосредоточенное в единичном является реальным, должны стремиться к самоудовлетворению и быть для себя. В своем понятии, или в своем собственном безразличии, сосредоточенное в единичном полностью приняло в себя относительное тождество с другим и, таким образом, оформлено, и все, что является потенцией, должно достичь этого

собственного оформления; бесконечность, правда, совпадает с реальностью, но в бесконечности содержится различные потенций.

То, что физическая природа по-своему выявляет потенции совершенно оформленными и каждую полагает для себя живой, кажется более приемлемым лишь потому, что, согласно принципу множества природы, всякое единичное должно быть несовершенным; в нравственном же каждое должно быть абсолютно совершенным и, вполне понятно, претендует на абсолютную реальную целокупность, поскольку единичность каждого является абсолютной единичностью, или чистым понятием, следовательно, отрицанием всех определенностей. Именно это абсолютное понятие и отрицание есть высшая абстракция и непосредственно отрицательное. Положительным является единство этой формы с сущностью; таково и развертывание нравственности (а также природы) в систему потенций; нравственная потенция, которая организуется, может организоваться лишь в индивидуумах, в качестве их материи, и истинным является не индивидуум как таковой, а лишь формально абсолютное; истинное есть система нравственности.

Поэтому данная система может мыслиться также и иначе, чем такая, которая наличествует в индивидууме как таковом в качестве чистой системы, а именно — в качестве развитой, полностью размещающейся в его потенции; ибо ее сущность есть эфирность, элементарное, чистое, которое подчинило себе единства, освободила их от их хрупкости и поместила в абсолютную мягкость. Не единичность индивидуума является главным, а жизненность нравственной природы, божественность; единичный индивидуум слишком беден для ее существа, чтобы воспринять ее природу во всей ее реальности. В качестве формального безразличия в данный момент он способен представить все моменты, но как формальное безразличие он есть отрицательное, время, и вновь уничтожает их — нравственное же должно восприниматься в качестве существования всех потенций, а каждая из них — в ее живой форме, нравственное должно быть едино с необходимостью и существовать как относительное тождество, но эта необходимость не имеет реальности по-

мимо того, что каждая потенция обладает реальностью, т. е. является целокупностью.

Потенции нравственности, представляющие себя в этой реальности внутри совершенной целокупности, суть сословия, и принципом каждого из них является определенная форма нравственности, каковой мы ее охарактеризовали. Следовательно, это сословие абсолютно свободной нравственности, сословие добропорядочности, и сословие несвободной, или природной, нравственности.

Согласно истинному понятию сословия, оно не есть всеобщность, которая лежит вне его и является чем-то только мыслимым, но есть всеобщность, наличная в нем реально. Оно познается в своем равенстве себе самому и конституируется в качестве всеобщего по отношению к всеобщему; отношение различных сословий не есть отношение единичного к единичному, но каждый единичный благодаря тому, что он принадлежит какому-то сословию, есть всеобщее и, следовательно, истинный индивидуум и лицо.

Именно поэтому сословие рабов не есть сословие; ибо оно является лишь формально всеобщим. Раб относится к господину как единичное.

а) Абсолютное сословие имеет своим принципом абсолютную чистую нравственность, и в приведенном выше ее описании дается и оно само; его реальное бытие и его идея попросту едины, поскольку идея является абсолютной идеей.

В реальном бытии абсолютной нравственности надлежит рассмотреть лишь то, как это сословие соотносится с существованием различия и как можно различить в нем практическое бытие. В самой идее, как изложено выше, оно является просто лишь отрицательным, а в его реальности отношения и соотносящиеся с ней добродетели являются отдающими себя, предоставляющими себя эмпирической случайности. Однако для реальности нравственности, или для сословия, потребности и потребление вещи есть абсолютная необходимость, которая преследует его, но не должна преследовать, если выступает в форме, описанной выше, в своей отличности (*Auseinandergehaltensein*) от него; ибо труд сословия должен быть обязательно всеобщим, труд же ради потребности был бы еди-

ничным. Само удовлетворение потребности, вполне понятно, уже является особенностью, но здесь как раз не должно иметь места ничего, что выступало бы в качестве удовлетворения потребности, или чисто практической особенности; ибо как таковое оно есть чистое уничтожение объекта, абсолютное отрицание, но никак не соединение с ним идеального удовлетворения и дальнейшее развертывание этого соединения, никак не частичное полагание интеллигенции в объект, — ничего практического, т. е. такого образования нежизненного, результатом которого оказывалось бы уничтожение; однако труд не может быть никаким иным, кроме такого, каким он выступает в период войны, или организацией для этого труда, ибо непосредственная деятельность в народе есть не труд, а органическая и абсолютная деятельность сама по себе.

Если же он не может быть соотнесен с потребностью, а последняя все-таки не может быть удовлетворена без труда, то необходимо, чтобы труд совершался благодаря другим сословиям, и указанному сословию для удовлетворения потребности поставлялось бы уже готовое и содеянное, а ему оставалось бы лишь непосредственное уничтожение в наслаждении. Но это отношение данного сословия к двум другим должно само включить в безразличие отношение существующей реальности в соответствии с возможной формой. Ею здесь является равенство; и так как по своему содержанию это отношение есть польза других сословий для первого, то для того, чтобы те доставляли ему что-либо, что ему необходимо, и оно могло присваивать чужое добро и чужую добычу, оно, согласно равенству, должно быть в свою очередь полезно другим. Но оно таковым и является и по самому высокому счету, и по их собственному.

Отношение пользы по своему содержанию является отчасти отношением различия первого и двух других сословий; согласно которому данное сословие является для них абсолютной властью, а отчасти отношением равенства, по которому это сословие существует для двух других в отрицательном, т. е. имманентным для них способом.

Первая польза состоит в том, что абсолютное сословие является абсолютной реальной нравственной формой и, следовательно, является для нее образом движущегося и

сущего абсолютного, высшим реальным созерцанием, которого требует нравственная природа. Эти сословия в соответствии со своей природой остаются при этом созерцании. Их нет в бесконечном понятии, через которое созерцание является чем-то положенным для их сознания в качестве внешнего, их абсолютным, собственным, движущим их духом, который преодолевает все их различия и определенности. Тому, что их нравственная природа вообще достигает этого созерцания, этой пользы, они обязаны первому сословию. Поскольку созерцание является абсолютным внутренним существом, представляющимся им в форме чего-то объективного, оно остается для них скрытым и не соединяется с их индивидуальностью и их сознанием.

Другая польза состоит в соответствии с их модусом в негативном; на стороне первого сословия также полагается труд, но труд абсолютно безразличный, труд управления и отваги. Соотносясь с другими сословиями, или наличествуя в них, этот труд есть гарантия их собственности и владения — абсолютная же гарантия состоит в том, что сам труд, по крайней мере, второе сословие, свободен от отваги.

б) Сословие добропорядочности существует в труде во имя потребности, во владении, произведенных продуктах и собственности. Так как единство, которое наличествует в этих отношениях, есть нечто совершенно идеальное, мысленное, направленное на сохранение различия, то реальность оно обретает только в народе. Оно есть абстрактная бессодержательная сила вообще, лишенная мудрости; его содержание становится через случайность реальных вещей и произвол, каковой полагается в них — в добыче, приобретении, в договорах и т. д.

Всеобщее правовое начало этих отношений выступает в качестве реального физического насилия, направленного против особенности, которая хотела бы негативным образом существовать вопреки ему. Эта погруженность во владение и особенность перестают здесь быть рабством по отношению к абсолютному безразличию; она лишь в известной мере лишена различий; безразличие, иными словами, является формальным, личное бытие рефлексировано в народе, и владеющий благодаря этому своему

своеобразие не поражается в своем существе, следовательно, не впадает в личную зависимость; наоборот, его отрицательное безразличие полагается как нечто реальное, — таким образом, он является гражданином, bourgeois, и признается в качестве всеобщего. В первом сословии уничтожается вся особенность индивидуальности; по отношению ко второму сословию оно также выступает в качестве всеобщего, или по крайней мере само себя так определяет, но во имя прочности своего владения остается лишь формально всеобщим, абсолютно единичным.

Поскольку труд точно так же становится всеобщим, то в силу того, что он направлен на целокупность потребности лишь согласно понятию, а не по своей материи, всеобщая зависимость полагается в результате удовлетворения физической потребности. Стоимость и цена труда и продукта определяются в соответствии со всеобщей системой всех потребностей, и произвол в установлении стоимости, который основывается на особой нужде другого, а также неизвестность относительно того, необходим ли избыток другому, снимаются полностью. Всеобщность труда, или безразличие всех видов труда, полагается в качестве его среднего термина, с которым он сравнивается и в который может непосредственно превращаться всякое единичное в качестве реального, денег; подобно этому активный всеобщий обмен, действие, которое опосредует особенную потребность и особенный избыток, представляет собой торговое сословие, высший момент всеобщности в обмене произведенного и добытого. То, что оно производит с целью включить это в особенный наличный избыток и сделать его благодаря этому всеобщим, а также то, что оно меняет, также есть деньги, или всеобщее.

Там, где обмен, или вообще передача собственности другому, становится идеальным — отчасти благодаря всеобщему известному владению чем-либо, всеобщая известность чего препятствует передаче, поскольку на этой известности частично покоится собственность и ее гарантия, отчасти же благодаря эмпирическому расхождению актов обмена во времени, — эта идеальность, благодаря тому что от этого зависит вся мощь государства, полагается реально, как если бы то, что должно произойти, происходило

действительно, и эмпирическое явление обмена становится безразличным. Столь же безразличным становится и эмпирическое владение или невладение, когда от более или менее тесного соотношения индивидуума с вещью зависит, является она его собственностью или нет. И то, и другое вместе конституируют справедливость в отношении вещной собственности.

Нанесение личного ущерба, которое, будучи бесконечным по природным возможностям, оказывалось делом чести, полностью делом всего лица, становится в реальной системе определенной абстракцией нанесения ущерба, ибо, так как безразличие индивидуума является здесь абсолютным безразличием, народом, а последний не может стать понесшим ущерб, то не остается ровно ничего, кроме определенности и особенности ущерба. Таким образом, в лице какого-либо гражданина всеобщее несет лишь весьма незначительный ущерб и мстить оно должно весьма незначительно; иными словами, оно рискует вообще оставить особенность в стороне, снять ее, а именно — поместить наносящего ущерб среди точно таких же. Таким образом, месть превращается в наказание, тогда как прежде она была неопределенной и принадлежащей сфере чести и целостности. Теперь она исходит от народа, ибо место оскорбленного лица (особенного) занимает абстракция, но вместе с тем реальная всеобщность, а не его живая всеобщность, всеобщность индивидуума.

Но живой целокупностью добропорядочности является семья, или природная целокупность, а также наличие собственности и средств пропитания, которое, насколько возможно, гарантирует эмпирическую целокупность жизни и воспитание детей.

Это сословие не способно ни на добродетель, ни на отвагу, которые свойственны лишь свободной индивидуальности. Добропорядочность же во всеобщности ее сословия существует без индивидуальности, и в своеобразии ее отношений — без свободы.

Высшее, чего добивается это сословие посредством своей производительной деятельности, это отчасти вклад, идущий на потребности первого сословия, а отчасти помощь нуждающимся. И то и другое в какой-то мере являются отрицанием его принципа: первое — по отноше-

нию ко всеобщему, находящемуся в соответствии с понятием, второе — по отношению к особенному, находящемуся в соответствии с нуждой. Первое, всеобщее пожертвование, лишено жизненности, тогда как второе, более жизненное пожертвование, лишено всеобщности.

Внутреннее отношение семьи определяется точно так же согласно понятию. Всякая личность, будучи абсолютным лицом, связывается с главой дома через нужду в качестве слуги только с помощью контракта и на определенное время; ибо, как абсолютное лицо, каждый в состоянии достигнуть живой целокупности и стать главой дома. Именно это отношение имеет место, когда налицо связь менее личная, соответствующая определенным видам службы и труда.

с) Сословие грубой, необработанной нравственности,— это крестьянское сословие. Форма потенций для него такова, что хотя оно и наличествует также в соотношении с физической потребностью в системе всеобщей зависимости, но является более патриархальным, его труд и промысел образуют целокупность, которая охватывает наибольшую массу населения.

Труд этот по характеру своему не является ни всецело разумным, ни имеющим в виду изготовление вещи непосредственно для потребности, напротив, он более опосредован и связан с землей или с животным, с чем-то живым, потенцией чего завладевает труд и таким образом определяет живое, которое производится, однако, для себя самого.

Нравственность этого сословия состоит в доверии к абсолютному сословию в соответствии с целокупностью первого сословия; этим доверием должно обладать всякое отношение и всякое воздействие, ибо грубая нравственность крестьянского сословия может наличествовать лишь в доверии или, будучи принужденной, быть открытой для разделения поведения на единичные поступки. Во имя своей целокупности сословие способно даже на отвагу, и в этом труде, и в случае смертельной опасности может присоединиться к первому сословию.

II. ПРАВИТЕЛЬСТВО

В рассмотренных выше потенциях система нравственности представлена в ее покое, в качестве для себя органического, или таким образом, что неорганическое включает себя в самого себя и образует в своей реальности систему. Данный же раздел рассматривает, как органическое различается по отношению к неорганическому, познает различие всеобщего и особенного, и то, каким образом помимо этого существует абсолютно всеобщее, которое постоянно снимает и производит это различие, или подводит «абсолютное» под абсолютное понятие, — как существует абсолютное движение, или процесс нравственной жизни. Это движение, распространяющееся в развертывании всех потенций и, собственно, только полагающее и порождающее это развертывание, должно быть представлено в этих потенциях; и так как существо рассматриваемой здесь потенции составляет различие всеобщего и особенного, но вместе с тем и снятие такового, и это органическое движение должно иметь реальность, а реальность всеобщего состоит в том, что оно существует как множество индивидуумов, то эта противоположность должна, таким образом, познать, как всеобщее существует реально, или в действиях индивидуумов, когда последние существуют на самом деле во всеобщем и в безразличии, и в разъединении получают такое движение, что благодаря ему особенное становится подведенным под всеобщее и просто равным ему.

В аспекте власти всеобщее в его реальности превосходит особенное, ибо, в какой бы потенции оно ни наличествовало, правящее начало формально является абсолютно всеобщим; власть целого зависит от этого. Но в то же время правительство положительно должно быть абсолютно всеобщим, благодаря чему оно является абсолютной потенцией; вопрос всецело заключается в том, выступает ли правительство по отношению к особенному в качестве потенции или индивидуумы необходимо существуют во всеобщем и нравственном.

Это формальное определение понятия конституции, реальность всеобщего, поскольку оно находится в

противоположности к особенному и, следовательно, выступает в качестве потенции и причины, в то же время как целокупность оно должно познаваться в развертывании потенций одной из другой; и эта система, — определенная в соответствии с необходимостью, в которой эти потенции разъединяются, и определяющая одновременно, каким образом в разъединении для каждой из этих определенностей образуется потенция правительства, — есть настоящая конституция. Истинно нравственная целокупность должна быть направлена на это разъединение, и понятие правительства должно быть представлено как мудрость конституции, так чтобы форма и сознание были такими же реальными, существовали в качестве абсолютного в форме тождества и природы; целокупность существует только как единство существа и формы, ни одно из которых не может отсутствовать. Грубость конституции, в которой ничто не различено, но каждое единичное предписание непосредственно выражает целое как таковое, есть лишенность формы, снятие свободы; ибо последняя существует благодаря форме и посредством того, что каждая отдельная часть, хотя и подчинена системе целого организма, в своей определенности существует самостоятельно, для себя.

Поэтому это правительство делится на абсолютное правительство и на правительство единичных потенций.

А. Абсолютное правительство

Оно как бы непосредственно являет собой первое сословие, так как это сословие представляет собой абсолютную потенцию для других, реальность абсолютной нравственности и реально созерцаемый дух других, другие же существуют в особенном. Однако само оно является сословием по отношению к другому сословию, и должно наличествовать нечто более высокое, чем оно само, и его отличие от другого.

Разумеется, в качестве абсолютной всеобщей реальности оно является абсолютным правительством; но органическая природа направлена на уничтожение и усвоение неорганической природы, она поддерживается бла-

годаря самой себе, благодаря внутреннему духу, который полагает органическую природу и её отблеск в виде природы неорганической. Она должна быть понята как абсолютно всеобщее, а уничтожение неорганической природы посредством органической и также превращение первой в возможность существования последней необходимо ориентированы на особенное, Она есть в себе особенное, но включенное в понятие и в бесконечность понятия,— это и есть ее существование.

Точно так же абсолютное сословие является нравственной органической природой по сравнению с неорганической природой [относительного сословия] и уничтожает ее в сфере особенности, так что относительное сословие должно обеспечивать абсолютному сословию жизненные потребности и отдавать ему свой труд, чтобы оно индивидуализировалось в созерцании по отношению к этой своей противоположности и в силу того, что оно есть сословие, содержало бы в своем сознании специфику второго и грубость третьего, полагая себя отличным от них и сохраняя чувство своей высокой индивидуальности, или гордость, которая как сознание благородного уже содержит в себе сознание неблагородного и деяние неблагородного, что есть одно и то же.

Эта духовная и физическая индивидуализация полагает отношение органической природы к неорганической, и бессознательное ограничение этого движения, и уничтожение последнего должно сознательно полагаться в нравственном, выступать как рожденный и явившийся средний термин, оно не должно оставаться предоставленным самому себе или не удерживать форму природы, а должно стать точно познавшим границы подлежащей устранению особенности. Но такое познание есть закон.

Движение первого сословия по отношению к другому включено в понятие благодаря тому, что оба обладают реальностью, оба ограничены, и эмпирическая свобода одного так же, как и другого, устраняется; абсолютной поддержкой всех сословий должно быть правительство, и, по своему понятию, оно, собственно, не может принадлежать никакому сословию, так как оно является безразличием всех. Следовательно, оно должно состоять из тех, кто имеет реальное бытие как бы данным в сословии, кто

как бы живет в идеальном сословии, это старцы и жрецы, которые собственно суть одно.

У старца исчезает самоконституирование индивидуальности. В ходе жизни он утратил момент формы и реальности, и у порога смерти, которая полностью включит индивидуум во всеобщее, старец существует уже наполовину умершим. Но лишь в результате потери реального индивидуальности, особенного, он способен быть вне своего сословия, которое есть форма и особенность его индивидуальности, в безразличии возвышаться над всем и сохранять целое во всех его частях и посредством их всех. Сохранение целого может быть поставлено в зависимость лишь от наиболее безразличного, от бога и природы, жреца и старца; ибо всякая другая форма реальности находится в различии. Однако безразличие, которое создает природа в старце и бог в жреце, представляется безразличием, лежащим вне нравственности, а нравственность — ищущей убежища вне своей сферы в природе, в бессознательном. Но так должно быть потому, что здесь речь идет о реальности, а реальность свойственна природе и необходимости. Нравственности же свойственно познавать природу и объединить себя с теми ее потенциями, которые формально выражают для себя определенность нравственной потенции.

Природа ведет себя здесь как орудие. Она является опосредующим звеном между определенной идеей нравственного и ее внешним выявлением. В качестве орудия в соответствии с идеей она должна наличествовать для себя без нравственного содержания, но, соответственно формальной потенции и определенности, быть согласной с идеей; или, само ее содержание есть не что иное, как именно возможность, негативное нравственной определенности. Последняя, положенная идеально, нуждается в орудии, или ее субъективная реальность, ее более непосредственное, в большей мере включенное в единство, более безразличное к ней тело может быть рассмотрено для себя в качестве ее орудия; а для идеи, положенной идеально, в противовес реальности, это ее тело представляется в качестве случайного для нее, в качестве чего-то приспособленного, привходящего и согласующегося.

В природе душа непосредственно образует себе свое

тело, и одно не может быть положено или понято без другого. С самого начала, бессознательно, без разделения имеется одно. В нравственном же разделение души и тела есть главное, а тождество представляет собой целокупность, или является реконструированным. Таким образом, тело должно искать для идеального как наличного, формального, отрицательное в себе и связывать их; и существо конструкции правительства заключается в том, чтобы отыскать для определенности души, или нравственной определенности, реальность которой надлежит познать, то, что существует вне различия, но в то же время с учетом того, что, когда нравственная определенность налично, это орудие не является ни всеобщим, ни адекватным многим другим, но существует единственно лишь для этой определенности: ибо в силу этого орудие стало, с одной стороны, ограниченным в отношении своей природы, а с другой стороны, оно для того, из-за чего оно является ограничивающим, выступает как потенция вообще, сверхсила, хотя по существу и духу не является с ним единым. Оно должно обладать общей с ним цельной формой, быть единым с ним, соотносясь с особенностью, или иметь с ним один и тот же интерес, только чтобы прогнать противоположность правящего по отношению к управляемому выступала внешней формой безразличного по отношению к различному, всеобщего — по отношению к особенному.

Таким образом, старость есть тело абсолютного безразличия по отношению ко всем сословиям. Она лишена индивидуальности, которая есть форма всякого единичного человека, и хотя жречество существует как безразличие, не вверенное природе, а отнятое у нее и уничтожающее вместе с самостоятельностью индивидуальное, нужно отметить, что, с одной стороны, старцы первого сословия вели божью жизнь, а, с другой стороны, старец первого сословия сам должен быть жрецом, жить как жрец в переходном состоянии от зрелости к более преклонному возрасту, и таким образом должна родиться абсолютная, истинная старость; с третьей стороны, истинный жрец также нуждается во внешней старости как своим теле, его совершенство не может быть положено вопреки природе в более ранний возраст, а должно ждать самого преклонного.

В этом высшем правительстве положено просто сохранение, абсолютное отношение, целое; оно представляет собой абсолютный покой в бесконечном движении одного и того же и в соотношении с самим собой. Мудрость этого правительства направлена на жизненность всех частей, и эта жизненность есть жизненность целого и существует только благодаря ему. Но жизненность целого есть не абстракция жизненной силы, а абсолютное тождество в различии, абсолютная идея. Последняя же в своем абсолютном, высшем обнаружении есть не что иное, как отношение сословий, созданное в первой потенции. Налицо абсолют в виде всеобщего без какой бы то ни было определенности, которая имеет место в особенных потенциях.

Эта свободная от различий идея высшего правительства не облекается ни в какую форму особенности, которая представляется в разветвлении целого на его соподчиненные системы. Она не должна повторять в них эту идею; ибо в противном случае она стала бы формальной их потенцией; наоборот, после того как установлено это различие сословий, она направлена на то, чтобы сохранить его. Таким образом, в этом отношении она является, по своему действию, отрицательной, ибо сохранение живого является отрицательным. Она есть правительство, значит, противоположна особенному; абсолютная положительная душа живого наличествует в целом самого народа. Поскольку она есть правительство, она наличествует в противоположении и явлении. Как таковая она, следовательно, может быть лишь отрицательной.

Но это абсолютное отрицание всего того, что могло бы противоречить абсолютному отношению абсолютной идеи и ликвидировать различие сословий, должно иметь верховный контроль над способом, которым определяется какая-либо потенция. Само собой разумеется, из него не следует никакого предписывания какой-то потенции ни в силу того, что он устанавливает себя, ни в силу того, что он желает утвердить себя там, где он ограничен движением более высокой потенции, или вообще так, чтобы он еще оставался существовать, или так, чтобы он на какое-то время полностью был снят.

То, что могло бы иметь влияние на нарушение отношения или помешать более свободному движению более

высокой потенции, является в абсолютном смысле органичным и находится в компетенции высшего правительства. Однако его отрицательную роль нельзя усматривать лишь в том, что оно ведет себя как чисто надзирающее учреждение, что оно отрицательно — в запрещении, посредством вето; наоборот, его отрицательное есть его существо, но эта деятельность правительства и его отношение к особенному, или его явление, положительно и именно постольку, поскольку оно выступает против особенного. Таким образом, оно является законодательным, предписывающим там, где развивается отношение, которое хочет организовать ради себя самого, или там, где до этого незначущая сторона постепенно развивается в свою безграничность и начинает становиться властной. Прежде всего оно должно принимать решение во всех случаях, где приходят в столкновение различные права системы и наличная ситуация делает невозможной ее в ее положительном существовании.

Формальную идею абсолютного правительства можно встретить во всех системах теории и действительности, а именно — органическую центральную власть, выступающую в качестве хранителя конституции. Но

α) такая идея — подобно фихтевскому эфорату⁵ — в своей отрицательной позиции совершенно формальна и пуста,

β) и, кроме того, ей приписана возможность произвольного контроля над правлением со стороны всякого единичного человека, следовательно, налицо грубое смешение в ней всеобщего и единичного. Центральная власть должна быть властью над всем, следовательно, действовать повелевающе, являя могущество, и в то же время не быть как сила ничем;

γ) абсолютное правительство является неформальным, а значит, истинно верховным лишь в силу того, что оно предполагает различие сословий. Если оно не предполагает его, то вся сила реальности как бы сваливается в ком, хотя бы он и был в себе каким-то образом расслоен, и грубость этого смешения в конце концов обнаруживает себя как грубая и неразумная сила. В нем не может быть никакого истинного, объективного различия, и то, что должно возвышаться над его различиями, есть чистое ни-

что; ибо абсолютное правительство, чтобы быть абсолютной идеей, полагает абсолютно бесконечное движение, или абсолютное понятие. В последнем должны быть различия, и поскольку они в понятии, они должны, следовательно, быть всеобщими и бесконечными, быть системой; возможным в этом плане является лишь абсолютное правительство и абсолютное живое тождество, но воплощенное в явление и реальность.

Внешней формой абсолютной власти правительства является то, что оно не принадлежит никакому сословию, несмотря на то, что произошло из первого. Оно должно происходить от первого сословия; ибо в реальности грубое, лишенное мудрости, лишенное различия живое тождество есть «третье», третье сословие; второе же из них то, в котором фиксируется различие, но которое, однако, соединяя с собой единство как формальную всеобщность, имеет его тем не менее парящим над собой. Первое же сословие является ясным, чистым, как зеркало, тождеством, духом прочих, но благодаря тому, что оно фиксировано в противоположности, оно является бесконечной стороной, другие же — конечной. Но бесконечное ближе абсолютному, чем конечное, и, если можно так сказать, поднимаясь снизу вверх, оно возносится из бесконечности, которая есть его формальная, отрицательная сторона, вперед и выше.

Это правительство есть абсолютная потенция для всех сословий, поскольку оно находится над ними; его власть, в силу которой оно является потенцией, — это не что-то внешнее, благодаря чему оно само было бы особенным, противостоящим особенному, имело бы армию или что-то иное в качестве исполнителей своих предписаний; наоборот, оно совершенно лишено противоположного, у него нет ничего, по отношению к чему оно могло бы полагаться как особенное и в силу чего само правительство могло бы стать особенным — оно является исключительно лишь всеобщностью по отношению к особенному, и в качестве такого абсолютного, идеального, всеобщего, по отношению к чему все остальное является особенным, оно есть явление бога. Его слова суть божьи изречения, и оно не может являться и быть ни под какой другой формой. Оно есть непосредственное жречество всевышнего, в свя-

тыне которого оно держит с ним совет и получает его откровения; все человеческое и всякая иная санкция здесь сняты.

Не существует ни объяснения, что такое насилие должно быть наносящим вред, ни избрания целого народа в качестве божьего представителя, что может придать насилию святость; напротив, правительство присваивает такое санкционирование себе.

Выбор и объяснение есть действие, оно исходит из свободы и из воли и, значит, с таким же успехом может быть снова отвергнуто. Сила принадлежит эмпирической сознательной воле и умыслу, и каждая такая единичность, и действие избрания существуют во времени, являются эмпирическими, случайными и подлежат и должны подлежать * упразднению. Народ не связан ни своим словом, ни своим действием, ни своей волей, ибо все это исходит от его сознания и его единичности, а абсолютное правительство является божественным, санкционированным в себе и не созданным, а просто всеобщим. Но всякое деяние в нем идет как бы от свободы и воли.

В. Всеобщее правительство

Абсолютное правительство есть покоящаяся субстанция всеобщего движения, всеобщее же правительство есть его причина, или всеобщее, поскольку оно противостоит особенно в форме особенного, но в то же время по своему существу является всеобщим и во имя своей формы определяющим особенное.

Но так как всеобщее правительство соотносится с движением, а последнее существует в индивидуальности, форме, в отношении, то предметом и содержанием всеобщего правительства является всеобщее состояние. Ибо существом абсолютного правительства является абсолютное постоянное; всеобщему правительству может быть свойственно лишь формально всеобщее, всеобщая акциденция, определенность народа в данное время. Ибо сама эта определенность не должна быть абстракцией, чем-то, что в своей реальности всецело принадлежит особенности

* В рукописи: «могут подлежать».

и не является какой-либо склонностью и особенностью всеобщего, как, например, то, что каждый живет, одевается и т. д. Такие определенности в качестве всеобщего являются лишь абстракциями и потребностями единичного человека; но то, что здесь наличествует как всеобщее, является потенцией, подводит под себя целое и делает его потенцией,— это составляет предмет всеобщего правительства. Оно заботится о потребности, которая является всеобщей, и о потребности во всеобщем.

Движение целого есть постоянное разъединение всеобщего и особенного и подведение последнего под первое. Но это особенное есть существующее разъединение, и в силу этого в нем самом моменты абсолютного, или форма, запечатлены как вне- и рядоположенные; так же многообразно определяется и движение.

Особенное, по отношению к которому движется всеобщее, в потенции обращенного вовне различия и скрытого тождества, определяет движение как направленное на уничтожение; ибо то, что полагается просто как особенное и не может породить тождество, следовательно, не является абсолютным понятием, интеллигенцией, может стать единым и всеобщим лишь только через уничтожение.

Но особенное даже как абсолютное понятие и как органическая целокупность, как народ есть особенное, и поэтому не считаются противостоящими друг другу, поскольку полагаются идеально как отрицаемые,— сторона отрицания абсолютного понятия,— а не идеально — как существующие. Народ, который не находит себя признанным, должен добиться этого признания через войну и колонии.

Но конституирующая себя индивидуальность во втором случае (колонии) сама не является потенцией, которая растворяет в себе свое неорганическое, абсолютное понятие, которое противостоит ей, и делает его реально абсолютно единым с собой. Лишь благодаря войне существует признание, идеальное приравнивание; истинное живое.

Так как правительство представляет собой подведение особенного под всеобщее, то в этом понятии моменты всеобщности, противопоставляемой особенному, а затем и суб-

сумция могут стать различными, и эта субсумция опять же является двойкой, а именно — идеальной и реальной, такой, где имеется формальная всеобщность, под которую полагается особенное; это истинная всеобщность, вместе с которой особенное полагается как единое. Имеются моменты, которые должны пониматься как различные виды государственной власти; полагание всеобщего — как законодательная власть; идеальное субсуммирование — как судебная власть вообще, как справедливость; реальное субсуммирование — как исполнительная власть (Кант⁶ понимал реальную субсумцию, или вывод умозаключения, как судебную власть, а идеальную субсумцию, или меньшую посылку, как реальное субсуммирование, как исполнительную власть).

Всякое реальное, или живое, движение есть тождество этих трех моментов, и в каждом акте правительства все три объединяются. Имеются абстракции, которым не может быть дана никакая собственная реальность, которые, иными словами, не могут конституироваться и организоваться как форма власти. Законодательство, судопроизводство и исполнение являются чем-то совершенно формальным, пустым, бессодержательным. Реальными их делает содержание; но благодаря соединению формы и содержания каждое непосредственно может стать тождеством всеобщего и особенного, или в качестве движения подведением особенного под всеобщее, следовательно, движение объединяет в себе все три момента.

Но эти абстракции, конечно, могут сохранить реальность, если каждая для себя будет соотнесена с индивидуумами, которые ограничиваются ею. Но, кроме того, истинная реальность абстракций наличествует в индивидууме, который объединяет три эти абстракции; иными словами, так как вывод, исполнительная власть, является этим объединением, то оно, собственно, всегда является правительством, а существование других, чистых абстракций, чистых форм деятельности зависит от исполнительной власти, и только последняя есть правительство; и после произведенных различий и учрежденных безвластных форм власти снова возникает первая задача — познать исполнительную власть не как таковую, а как правительство.

Движение народа потому является правительством, что движение как таковое есть нечто формальное, поскольку в нем не определено в себе и для себя, какой из народов, находящихся в движении, является потенцией, а какой — особенным; и представляется случайным, что движение обладает отношением; напротив, в движении народа всеобщее и особенное просто связаны друг с другом, и абсолютно всеобщее, а тем самым и особенное, определено просто как таковое.

Органическое движение должно быть познано в той мере, в какой созерцание субсумирует понятие и в какой понятие субсумирует созерцание. Но поскольку движущееся существованием образом органично, то это различие насквозь формально. Созерцание, которое субсумирует понятие, само является абсолютным понятием, а понятие, которое субсумирует созерцание, само есть абсолютное созерцание. Явление этой формы этой противоположности существует вне самого органического; противоположность существует в рефлексии относительно движения. Для самого органического она полагается таким образом, что оно, поскольку понятие выступает как субсумирующее, полагается как индивидуум, как единичное существо для себя, а по отношению к другим индивидуумам, составляющим народ, — как единичное существо просто; поскольку же созерцание является субсумирующим, т. е. поистине реально субсумированным становится понятие, поскольку налицо всеобщее в-себе, определяющее в особенном, органическое уничтожается. Поскольку существует народ, целокупность, на него направлено собственное внутреннее особенное. Его «собственное» и есть это особенное, поскольку всеобщее положено здесь как всеобщее в-себе.

Как уже сказано, это разъединение является формальным. Само движение есть не что иное, как смена обоих этих подчинений. Из подведения под понятие, где противоположности суть единичное, возникает безразличие, и оно идеально созерцает единичное, — следовательно, кроме органического, также и законы как нечто свойственное безразличию, но к тому же еще в форме особенности — до тех пор, пока не станет созерцать его также и реально, как самого себя, или пока не воссоздастся абсолютное тождество.

Подведенность была бы абстракцией отношения к чужим народам как индивидуумам; однако органический процесс непосредственно является идеальным снятием этого различия, или определенность становится непосредственно собственной определенностью народа, различием в нем самом, и живое движение снимает его абсолютно. Следовательно, нельзя [дать] никакого абсолютного основания для деления, внутреннее правление и правление, обращенное вовне; нет никакой органической системы, понятой во всеобщем, подчиненной, но в то же время сущей для себя; напротив, моменты абсолютного созерцания должны познаваться как органические, они сами должны быть системами, в которых указанные формы являются подчиненными извне и внутри. Эти моменты нуждаются в том, чтобы быть системами, обладать всецело извне, в рефлексии, различием, а в себе — абсолютным тождеством в самом себе, чтобы оно возвышалось над ними, но не как таковое, а лишь как форма.

Первая система движения в целокупности является, следовательно, такой, что абсолютное тождество скрыто в ней.

Вторая представляет собой выдвигание на передний план попеременно одного по отношению к другому, всеобщего и особенного и, таким образом, подвижную двойственную систему: или существует то, что остается особенным, а всеобщее, следовательно, существует лишь формально, или существует исключительно то, что является всеобщим, и оно полностью растворяет в себе особенное. Первое есть справедливость и война, второе — воспитание, образование, завоевание и колонизация.

а. [Первая система правления. Система потребности]

Выше система потребности уже была рассмотрена формально как система всесторонней физической взаимозависимости. С точки зрения целокупности своей потребности никто не существует для себя самого. Труд индивидуума, или то, каков способ, которым он может удовлетворить свои потребности, не обеспечивает ему этого удовлетворения. Чужая сила, над которой он не властен.

от которой зависит, определяет, станет ли для него избыток, которым он владеет, целокупностью удовлетворения. Стоимость избытка, т. е. то, что выражает соотношение избытка с потребностью, независима от него и непостоянна.

Эта стоимость сама зависит от совокупности потребностей и от избытка как целого; и это целое представляет собой некую трудно познаваемую, невидимую, не поддающуюся учету силу, потому что она соотносится с количеством, суммой бесконечно многих единичностей, и с качеством, составленным из бесконечно многих количеств. Это взаимное влияние единичного на целое, которое состоит из единичных, и затем целого как идеального на единичное как определяющее стоимость является непрестанно вздымающейся и падающей волной, где единичность, определяемая через целое в качестве обладающей высокой стоимостью, увеличивает его массу и благодаря этому в целом возникает избыток, включенный в потребностью как целое. Благодаря этой определенности появляется безразличие целого, рассматриваемого как некое количество всякого рода качеств, как соотношение таковых, и это соотношение подвержено изменению. Эти прочие качества необходимы в соотношении с избыточной единичностью; последняя, прежде обладавшая более высокой стоимостью, теряет свою значимость. В силу того что каждый единичный вид избытка в целом делается безразличным и посредством этого включения в целое, соответствуя общей потребности, оказывается вынужден ограничиваться своим местом и стоимостью, так мало людей, которые определяют стоимость, а также свой избыток как свою потребностью, и их можно считать независимыми, находящимися вне отношения ко всем прочим, когда в этом есть нечто устойчивое и надежное.

Так в этой системе появляется правительство как бессознательное, слепое целое потребности и видов ее удовлетворения. Но этой бессознательной, слепой судьбой должно завладеть всеобщее, и должна появиться возможность возникновения правительства.

Это целое лежит не в сфере непознаваемого, а в обширных, рассматриваемых в массе отношениях. Возможность познания существует потому, что стоимость, всеоб-

щее, должна быть суммирована полностью из атомов, в соотношении с единичными видами, которые таким путем образуют из себя компоненты, отличающиеся лишь степенью. Но, исходя из ценности самого вида, можно познать, каким образом избыток находится в отношении с потребностью, и это отношение, или стоимость, имеет свое значение как в плане того, является ли производство такого избытка возможностью целокупности потребности и может ли человек этим прокормиться, так и в плане всеобщности — не является ли эта ценность какого-либо вида потребности несоразмерной самой целокупности, для которой она является потребностью.

И то и другое должно быть определено из созерцания, из целого того, в чем необходимо нуждается человек; что у народа считается в среднем необходимым для его существования, можно узнать, отчасти исходя из простой природы, из различий в климате, отчасти из природы, подвергшейся обработке. Благодаря природе само собой, при незначительных колебаниях, сохраняется точное равновесие; если же оно под давлением внешних обстоятельств нарушается, оно восстанавливается с помощью более сильного колебания. Но именно в последнем случае управление природой, которая производит такое движение в сторону перевеса чего-то, должно посредством эмпирических случайностей, быстрее (как в неурожайные годы) или медленнее (как при подъеме того же труда в других краях и при дешевизне, которая снимает там соразмерное отношение избытка к целому) — утвердить действующее и противодействующее и, так как природа сняла спокойную середину, утвердить ее и достигнуть равновесия. Ибо колебание стоимости какого-либо избытка и неспособность такового представить целокупность потребности, поскольку с этой способностью часть народа связывала в доверии к всеобщему свое существование, разрушает последнее и обманывает доверие народа.

Правительство есть реальное обладающее властью целое, которое безразлично по отношению к частям; оно не является абстракцией и, значит, вполне безразлично к единичному виду избытка, с которым часть связывает его реальность, но не к существованию самой этой части. Абстракция равновесия вполне верна в том, что некий

вид излишка, который не имеет больше соответствия с целокупностью потребностей, приобретает его опять, следовательно, результат будет состоять в том, что, с одной стороны, люди в значительной мере занимаются чем-либо лишь тогда, когда посредством этого они могут жить так, что стоимость излишка будет повышаться, а, с другой стороны, если потребностей слишком мало для тех, потребностью которых является этот избыток, его стоимость будет падать; однако для реальности и правительства низкая стоимость, поскольку она образует часть, физическое существование которой сделалось зависимым от целого и теперь через это целое полностью разрушается, а с другой стороны, и слишком высокая стоимость, которая начинает мешать всем в их целокупности наслаждения и удобств, угрожает интересу, от которого отвлекается абстракция равновесия, остающаяся в колебании интереса вне его как бесцельное безразличие созерцания, правительство же остается реально властвующим и определяющим различие.

Но эти эмпирические колебания и формальные, не необходимые различия, по отношению к которым правительство представляет собой безразлично властвующее, случайны, не являются необходимым, ведущим к нарушению равновесия влечением различия.

Органический принцип этой потенции — это единичность, чувство, потребность; и последняя эмпирически бесконечна. Поскольку она существует для себя и должна оставаться тем, что есть, она полагается безграничной, и так как ее природа — это единичность — эмпирически бесконечной. Правда, наслаждение кажется чем-то твердо определенным и ограниченным; но его бесконечность — это его идеальность, и в ней оно бесконечно. В качестве самого наслаждения оно делает себя идеалом в виде самого чистого, самого облагороженного наслаждения. Сформированное наслаждение, в котором исчезает грубость потребности, должно отыскивать или приготавливать самое благородное, и чем более различными будут его соблазны, тем больше будет труд, который они делают необходимым; ибо и то, и другое, и различие соблазнов и их безразличие, их концентрация, должно объединить в себе вместе то, что развивается реально-

стью природы; безучастное, которое присуще природному продукту как целокупности для себя, должно быть снято, а остаться должно лишь его различие в отношении и наслаждение.

Во внешнем отношении продукта эта идеальность наслаждения предстает затем как инобытие, как чужеродность и связывается с исключением; и как этот чужеродный, так и самый удобный, уже ранее усвоенный через определенный род подготовки вид удовлетворения вводит всю землю в расходы.

Эмпирически бесконечной представляется, наконец, идеальность наслаждения в объективированном, сдерживаемом наслаждении, во владении, и в этом плане она также снимает все ограничения. Этой безграничности противостоит особенность наслаждения и владения, и так как возможное владение, в качестве какового существует объективный момент потенции наслаждения, и труд имеют границы, являются определенным количеством, то по мере скопления владения в одном месте оно должно уменьшаться в другом месте.

Это неравенство богатства необходимо в себе и для себя; всякое естественное неравенство в состоянии выразить себя как таковое, если природное обращено в эту сторону; и стремление к увеличению богатства есть не что иное, как необходимость снять в бесконечном определенное единичное, каковое есть владение. Ремесло же, которое является более всеобщим, более идеальным, есть то, что в качестве такового приносит себе более значительную прибыль.

Но это необходимое неравенство, которое внутри ремесленного сословия, разделенного на многочисленные особые сословия, ремесла, эти последние снова делит на сословия, обладающие различным богатством и потреблением, — это неравенство благодаря своему свойству, которое касается степени и способно только на определение степени, порождает отношение господства. Отдельный неслыханный богач становится силой; он упраздняет форму сплошной физической зависимости — зависимости от всеобщего, но не от особенного.

Далее — огромное богатство, которое равным образом связано с глубочайшей бедностью, ибо в разделении

труд становится всеобщим, объективным с обеих сторон, — с одной стороны, в идеальной всеобщности, с другой стороны, в реальной; и этот чисто количественный момент, вплоть до понятия единичного, неорганического в труде, непосредственно есть высшая жестокость. Основная характерная черта ремесленного сословия, состоящая в том, что оно способно на органическое абсолютное созерцание и внимание хотя и вне его находящегося божественного, исчезает, и возникает животность презрения ко всему высокому. Лишенное мудрости, чисто всеобщее, масса богатства — вот что такое «в-себе»; абсолютная связь народа, нравственное исчезли, и народ распался.

Этому разрушению и своей и чужой нравственности должно в высшей степени противодействовать правительство. Внешне оно может это сделать непосредственно через препятствование высокой прибыли, и если оно принуждает часть этого сословия к машинному и фабричному труду и предоставляет его жестокости, то целое оно должно поддерживать просто в возможной для этого целого жизненности. Совершается же это по необходимости, или, скорее, непосредственно через конституирование сословия в-себе.

Отношение физической зависимости есть абсолютное обособление и зависимость от мыслимого, абстрактного. Конституция полагает живую зависимость, и отношение индивидуальности к индивидуальности полагает иную, внутренне действующую связь, которая не является физической зависимостью. Это сословие конституировано в себе, т. е. внутри своих границ оно является живой всеобщностью; то, что составляет его всеобщее, его закон и право, одновременно как сущее в индивидуумах, как реальное в них, существует посредством их воли и их самостоятельности. Это органическое существование данного сословия делает каждого единичным, поскольку в нем имеется жизненность, поскольку он един с другими; но сословие не может существовать в абсолютном единстве. Следовательно, оно делает его частично также зависимым, но нравственно, в доверии, внимании и т. п., и эта нравственность снимает элементарное, чистую массу, количество, и полагает живое отношение; богатч непосредственно вынужден [смягчить] посредством допущения бо-

лее всеобщего участия в нем отношении господства и даже подозрение в таковом; внешнее неравенство смягчается внешне — бесконечное не делается определенностью, но существует как живая деятельность, и, таким образом, искореняется само влечение к беспредельному богатству.

Эта конституция относится скорее к природе самого сословия и его органическому существу, а не к правительству; к последнему относятся внешние ограничения. Но это нечто особое, забота о существовании отдельных сословий внутри этой сферы через сопротивление бесконечному колебанию стоимости вещей. Но правительство как всеобщее само обладает всеобщей потребностью; прежде всего это, вообще, забота о первом сословии, лишенном собственности и занятия, сословии, которое живет в постоянной и абсолютной всеобщей нужде; затем — о формально всеобщем сословии, а именно о том, которое в других сословиях действует в качестве органа правительства и только во всеобщем; наконец, забота о потребности всеобщего, народа как такового в целом, например, о его жилищах и т. д., т. е. его храмах, улицах и т. д.

Правительство должно вырабатывать у себя эти потребности, но его труд не может быть не чем иным, как тем, что оно овладевает прямо готовыми продуктами без труда или само трудится и добывает. Последнее, поскольку противно природе всеобщего существовать в особенном, — а правительство здесь является формально всеобщим, — может быть лишь владением и сдачей этого владения в аренду; тогда на его долю не выпадает непосредственный промысел и работа, но они ему достанутся в форме прибыли, результата, всеобщего. В первом же, [касающемся] овладения готовыми продуктами, готовые продукты являются готовым трудом, существуют как всеобщее, как деньги, или как наиболее общие потребности. Они сами суть обладание единичными, и снятие этого владения должно иметь форму формальной всеобщности или справедливости.

Однако система обложений приходит в прямое противоречие с тем, что она должна быть абсолютно справедливой, что каждый человек должен вносить вклад в величие своего владения; но это владение не является покоя-

щимся, застывшим, а в силу приобретательского усердия оно есть живое бесконечное, нечто неисчислимое. Если капитал оценивается и исчисляется по доходам, то, формально говоря, это возможно, но доходы суть нечто совсем особенное, непохожее на недвижимое имущество, нечто объективное, известное и познаваемое. Таким образом, следовательно, отдельное владение по справедливости нельзя дебетовать, потому что оно, как единичное владение, само не обладает формой объективного.

Объективное же, недвижимое имущество, хотя здесь всегда играет роль также и особенность, нужно оценивать по стоимости, которой оно обладает в соответствии со своей производительной возможностью; так как владение в форме особенности наличествует в то же время в качестве мастерства, то этим охватывается не все, и если продукты недвижимого имущества облагаются чрезмерно, то стоимость продукта не может установиться, ибо количество его, то, от чего зависит стоимость, остается постоянным, и в той степени, в какой уменьшилось бы производство, уменьшились бы и доходы государства; намного правильнее было бы, если бы оно облагалось в растущей прогрессии и таким же образом, наоборот, сдерживался доход. Мастерство, следовательно, может в то же время внушать уважение, но не в соответствии с тем, что приносит доход,— это особенное, своеобразное,— а в соответствии с тем, что оно расходует; ибо то, что оно покупает, проходит через форму всеобщности из своей особенности, иными словами, становится товаром; и по той же причине, а именно потому, что количество продукта или остается постоянным, и тогда эта статья не изменяет стоимости и производящий ее трудящийся класс нищает; или, далее, если меньше производится, то меньшими становятся доходы, и на какую отрасль падает обложение, это дело случая; следовательно, оно должно распространяться на возможно большую особенность таковой. Хотя отсюда равным образом следует также и то, что сокращение потребления — это как раз внешнее средство ограничить приобретение, и в налогообложении правительство имеет средство влиять на это ограничение или расширение отдельных частей.

б. [Вторая система правления. Система справедливости]

В первой системе противопоставление всеобщего и особенного формально. Стоимость, всеобщее, и потребности, владение, особенное, не являются определяющими существо вещи, а находятся вне таковой. Существом остается ее соотношение с потребностью. Но в этой системе определения одного другим существенной является идеальная определенность. Соотносящаяся с потребностью вещь как собственность определяется так, чтобы в качестве этого особенного владения было, по сути дела, всеобщее, чтобы соотношение с потребностью, — а потребность есть нечто всецело единичное, — было чем-то признанным. Вещь есть мое, не ее уничтоженность, а относительное тождество, в котором я нахожусь с ней, или идеальность уничтоженности (владение); эта объективность положена как субъективная, как сущее в интеллигенции. Отсюда — в качестве этого тождества уничтоженность есть созерцание и не единичное, присущее данному единичному человеку, а абсолютное созерцание. Указанное соотношение имеет объективную реальность. Я есть всеобщее, нечто упорочное, имеющее бытие; это соотношение определяется как всеобщее.

Средний термин, реальность этого соотношения, есть правительство. То, что отношение владения есть не только идеальное, но одновременно и реальное, есть то, что все «я» полагают это соотношение, что эмпирическое «я» соотносится существует как все множество «я». Это множество, после абстракции его количества, есть общественная власть, и она существует как мыслящая, сознательная, а правительство здесь выступает как правосудие.

В качестве правосудия оно является целокупностью всего права, но при полном безразличии в отношении интереса к соотношению вещи с потребностью данного, определенного, индивидуума. Этот индивидуум является для него совершенно безразличным всеобщим лицом. Если принять во внимание чистую определенность, получается лишь всеобщее, абстракция определенного рода владения и занятия. Но справедливость сама должна быть чем-то живым и принимать в расчет лицо.

Право в форме сознания есть закон, который относится здесь к единичности. Но эта форма безразлична, хотя необходимо, чтобы право наличествовало в форме сознания как закон.

Право восходит к единичности и является абстракцией всеобщности, поскольку в нем должна заключаться единичность. Эта единичность есть либо живая единичность индивидуума, либо относительное тождество такового, либо сама жизненность индивидуума, положенная как единичность, как относительное тождество.

Таким же образом существует и отрицание единичности, которое есть отрицание посредством единичности, — а не посредством абсолютно всеобщего, — отрицание владения просто как такового; или отрицание живой единичности в индивидууме; или отрицание целостности живого индивидуума; второе есть насилие, третье — убийство.

Абсолютное правительство могло бы помимо этого предоставить второе и третье сословие, которое существует в первом, гражданском праве, самому себе и дать ему свободу действий в его тщетном стремлении снять положенное абсолютным «конечное» владение в бесконечности; каковое усилие представляется полнотой гражданских законов, абсолютным сознанием судебного акта, так чтобы правило в форме правила было совершенным и судья стал бы чистым органом, абсолютной абстракцией данной единичности, вне жизненности и созерцания целого.

Эта ложная бесконечность должна быть устранена посредством органического в конституции; в качестве такового, в качестве органического, она абсолютно снимает всеобщее в особенном.

Органический принцип есть свобода, состоящая в том, что правящее само является управляемым; но поскольку правительство в качестве всеобщего противостоит коллизии единичностей, то это тождество должно полагаться прежде всего таким образом, что указанное сословие конституирует равенство, конституцию, существующие в узком кругу, в целое, в обитель, существующую среди того же бюргерства, в живое бытие единого. Затем, сообразно с действительностью, в отдельном судебном решении — в соответствии с тем, что не абстракция закона должна

быть абсолютом, а абстракция удовлетворенности и справедливости, сопровождаемой убеждением и согласием партий,— должно быть представлено целое бюргерства в качестве уравнивания, принимающего в расчет индивидуумов.

Этот принцип свободы в его механическом строении понимается как организация суда и представляет собой анализ спора и решения суда.

В гражданском правосудии определенность как таковая в споре абсолютно отрицается, и определенность может стать живым пополнением, трудом, «личным».

В уголовном же правосудии нет определенности, а есть индивидуальность, безразличие к целому, жизненность, личность. Отрицание в гражданском праве является чисто идеальным, а в уголовном — реальным; ибо отрицание, которое направлено на целокупность, реально. Во владении собственностью я являюсь другим, не через хищение или кражу, а потому, что я утверждаю ее как мою и утверждаю законным образом. Так я признаю за другими право на владение; насилие же, хищение против этого признания. Они являются нападающими, выступают против целого; они снимают свободу и реальность бытия в качестве всеобщего, в качестве признания. Если преступление не отвергает признания, то оно может то, что оно совершает, с таким же успехом предоставить другому, всеобщему.

Гражданское правосудие направлено поэтому только на определенность; уголовное помимо определенности должно также снимать отрицание всеобщности и всеобщность, положенную на ее место; противоположность против противоположности.

Это снятие есть наказание, и определяется оно как раз в соответствии с определенностью, в которой всеобщность снимается.

I. Гражданское наказание, II. уголовное наказание, III. война. Здесь всеобщность и единичность едины, и существом является эта целокупность.

В I сущностью является всеобщность, во II — единичность, III является целокупностью; народ становится преступником, как он представлен во II, и приносит в жертву владение, как оно представлено в I, сражается

на стороне отрицательного, как оно рассматривается в I и во II, за первым же сословием остается сама война — III.

с. [Третья система правления. Система дисциплины]

В этой системе всеобщее является абсолютным и только в качестве такового определяющим. В первой системе налицо сырое, чисто количественное, лишенное мудрости всеобщее, во второй — всеобщность понятия, формальная всеобщность, признание. Для абсолютно всеобщего, следовательно, также имеется различие, которое снимается им в его определенности, поверхностно-формальное; сущностью различенного является абсолютная всеобщность, подобно тому как в первой системе сущностью различенного является чувство, потребность и наслаждение, во второй должно быть единичное, формально абсолютное. Всеобщее, причина определяются по своему существу как особенное.

I. Воспитание, II. Образование и дисциплина; таланты, изобретения, наука — формальное. Реальное целое, абсолютно всеобщее, в себе движущееся начало народа, нечто абсолютно обязательное, истинная абсолютная реальность науки; изобретения направлены только на единичное, так же как отдельные науки, и там, где они существуют абсолютно, как философия, они существуют все же совершенно идеально; истинное образование, предполагающее уничтожение всего мнимого, есть образующий себя, обсуждающий и сознательный народ; другое есть полиция как дисциплина в единичном. Великой школой дисциплины являются всеобщие обычаи, порядок, подготовка к войне, испытание в ней правдивости единичного человека.

III. Рождение детей; объективное становление самого себя в качестве этого народа; чтобы правительство, народ производил другой народ. Колонизация.

d. [Свободное правление]

Возможные формы свободного правления. I. Демократия, III. Аристократия, III. Монархия.

Каждое из них может быть несвободным — I. Охлократия, II. Олигархия, III. Деспотия; внешнее, механическое есть то же самое. Различие составляет отношение правительства к подданным; то же ли самое здесь существо и только ли поверхностна форма противоположности?

Монархия представляет абсолютную реальность нравственности в индивидууме, аристократия — во многих; монархия отличается от абсолютного правления наследованием и еще большим владением, и поскольку она имеет форму абсолютного правления, но не обладает его сущностью, она является наихудшей. Демократия представляет абсолютную реальность нравственности во всех, следовательно, является смещением владения и не знает обособления абсолютного сословия. Для абсолютного правления безразлично, существует ли оно в форме аристократии или монархии, абсолютным правлением является также и демократия в сословиях.

В монархии религия должна находиться подле монарха. Он есть тождество целого, но в эмпирической форме, и чем он эмпиричнее, чем более варварским является народ, тем большей властью он обладает и утверждается более независимо. Чем больше народ един сам с собой, с природой и нравственностью, тем больше вбирает он в себя божественное и теряет его в этой противостоящей ему религии; и проходит затем через примирение с миром и самим собой посредством утраты фантазий в иррелигиозности и в рассудке.

В аристократии это также есть, но поскольку предпочтение отдается отечественности, всеобщему понятию, здесь мало фантазии и религии.

В демократии хотя и есть абсолютная религия, но недостаточно прочная, скорее, естественная религия; нравственное связано с естественным, связь с объективной природой делает ее доступной рассудку; полагание природы как объективного — эпикурейская философия; религия должна быть чисто нравственной; такова фантазия абсолютной религии, таково искусство — Юпитер, Аполлон, Венера; не гомеровское, где Юпитер, Юнона — это воздух, Нептун — вода. Этот разрыв должен быть полным, нравственное движение бога абсолютным, не преступления и слабости, а абсолютное преступление, смерть.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ.

Берлин, 22 октября 1818 г.

Господа!

Выступая сегодня впервые с милостивого соизволения его королевского величества¹ в качестве преподавателя философии здешнего университета, я хотел бы, если мне это будет дозволено, выразить в данной вступительной лекции мое глубокое удовлетворение и искреннюю радость по поводу того, что я приступаю к более обширной академической деятельности именно в данный момент и именно здесь. Если говорить о времени, то сложившаяся ситуация позволяет надеяться на то, что для философии настал момент, когда она вновь сможет рассчитывать на проявление к ней внимания и любви, когда эта почти совсем умолкнувшая наука сможет вновь поднять свой голос. Ибо еще совсем недавно бедствия нашего времени, придававшие особую важность мелким интересам повседневной жизни, с одной стороны, высшие интересы действительности, интересы и борьба, направленные на восстановление и спасение прежде всего политического целого и жизни народа — с другой, в такой степени заполнили собой помыслы и силы всех сословий, требовали такого полного применения всех возможных средств, что внутренняя жизнь духа была лишена необходимого ей покоя. Мировой дух, столь занятый действительностью, насильственно направленный вовне, не мог обратиться внутрь самого себя, пребывать в своей родине и наслаждаться ею. После того как этому потоку действительных событий была поставлена преграда, и немецкий народ спас себя как нацию, сохранив основу всякой живой жизни, наступило время, когда в государстве наряду с реальными проблемами правления должно достигнуть своего расцвета и царство мысли. И вообще власть духа в наше время настолько утвердилась, что сохраниться могут теперь только идеи и то, что соответствует им, а все, что хочет быть значимым, должно обосновать это перед лицом

познания и мысли. Государство, которое теперь принимает меня в число своих граждан, обрело свое высокое положение в мире действительности, в политике, стало равным по силе и самостоятельности государствам; превосходящим его по своим внешним возможностям, прежде всего благодаря своему духовному превосходству над ними. Здесь образованность и расцвет наук — один из существенных моментов самой государственной жизни. Здешний университет, университет центра страны, должен стать центром, где обретет свое место и должное внимание философия в качестве сферы формирования духа, всех наук и истины.

И не только духовная жизнь вообще составляет основополагающий момент в существовании этого государства, но великая борьба народа в союзе со своим государем, борьба за самостоятельность, за уничтожение чужой бездушной тирании и за свободу брала свое высокое начало непосредственно в духе. Именно нравственная сила духа ощутила свою энергию, подняла свой стяг и заставила признать это ее чувство в качестве власти и силы мира действительности. Мы должны считать своим бесценным преимуществом то, что наше поколение жило и действовало, побуждаемое этим чувством, чувством, в котором концентрировалось все правое, моральное и религиозное. В подобной глубокой и всеохватывающей деятельности дух возвышается в себе до своего подлинного достоинства, пропадает пошлость жизни и пустота интересов, предстают в своем подлинном виде и исчезают поверхностные взгляды и мнения. Эта глубокая серьезность, проникнувшая в души людей, и есть подлинная основа философии. Философии противостоит, с одной стороны, погруженность духа в заботы и интересы повседневности, суетность мнений — с другой. В преисполненной такой суетности душе нет места для разума, который не ищет того, что соответствует лишь ее собственным интересам. Эта суетность должна рассеяться в своем ничтожестве, если человеку представляется необходимым субстанциальное содержание, если дело дошло до того, что только оно имеет значение. Мы видели это субстанциальное содержание нашего времени, видели, как возникали ростки, чье дальнейшее всестороннее развитие, политическое,

нравственное, религиозное и экономическое, доверено нашему времени.

Наше призвание и дело — способствовать развитию философского аспекта субстанциальной основы, которая обрела новые силы. Ее обновление, непосредственное воздействие и выражение которого обнаружилось в политической действительности, проявляется затем в росте нравственной и религиозной серьезности, в требовании добропорядочности и основательности вообще, предъявляемом всем сторонам жизни. Наиболее глубокая серьезность есть сама по себе серьезность, направленная на познание истины. Это требование, отличающее духовную природу от природы только ощущающей и потребляющей, именно потому и составляет глубочайшую сущность духа, оно само по себе есть всеобщая потребность. Эта потребность отчасти стала более глубокой вследствие серьезности нашего времени, однако она вообще свойственна немецкому духу. Что касается выдающегося положения немцев в области философских исследований, то само состояние этих исследований и значение их наименования у других народов свидетельствует о том, что наименование у них осталось, но значение его изменилось; предмет искажен и предан забвению, причем настолько, что о нем едва сохранилось воспоминание и отдаленное представление. Эта наука бежала к немцам и продолжала существовать только у них. Нам доверено сохранить это священное пламя, наше призвание и задача питать его, заботиться о том, чтобы то наивысшее, чем может обладать человек, — сознание своей сущности — не погасло и не исчезло.

Но и в самой Германии до ее возрождения настолько утвердилось плоское мышление, что предполагался доказанным тезис, согласно которому познание истины не существует; бог — сущность мира и духа — якобы не может быть понят, постигнут; дух не должен проникать в сферу религии, а религия должна удовлетвориться верой, чувством и интуицией и не стремиться к разумному знанию. Познанию якобы не доступна природа абсолютного, бога, и то, что в природе и духе истинно и абсолютно; предметом познания является либо только негативное, понимание того, что ничто истинное не может быть познано, — тем самым, с этой точки зрения, преимуществом

быть познанным пользуется только неистинное, временное и преходящее, — либо все то, что, собственно говоря, относится к этой чисто внешней сфере, а именно историческое, случайные обстоятельства, при которых состоялось это пресловутое мнимое познание; и само это познание следует воспринимать как нечто чисто историческое, критическое научное его исследование должно быть основано на этих внешних сторонах — к содержанию его нельзя относиться с серьезностью. Эти мыслители подобны Пилату, римскому проконсулу, который в ответ на слова Христа об *истине* задал вопрос: что есть истина? И вопрос этот в устах Пилата означал, что сам он уже покончил с этим и знает, что истина не может быть познана. Поэтому то, что испокон веку считалось самым позорным и недостойным, — отказ от познания истины — возвещается в наше время как высочайший триумф духа.

Разочарование в разуме сочеталось сначала с болью и тоской, однако вскоре религиозное и нравственное легкомыслие, а затем и пустое поверхностное знание, именующее себя просвещением, без всяких обиняков признало свое бессилие и высокомерно сочло своей заслугой полное забвение высших стремлений. В завершение всего так называемая критическая философия² освободила сторонников этого незнания вечного и божественного от укоров совести, заявив, что ею доказана невозможность постичь вечное и божественное, постичь истину. Это мнимое познание именуется философией, и нет ничего, что более соответствовало бы поверхностности знания и характера, что было бы ему приятнее, чем подобное учение, которое способствовало тому, что это незнание, эта несерьезность и пустота выдавались за наилучшее, за цель и результат всех интеллектуальных стремлений.

Не знать истины и познавать лишь поверхностное, временное и случайное — только ничтожное, — подобная ничтожность все больше распространялась в философии и продолжает распространяться и претендовать на приоритет в наши дни. Можно с полным основанием утверждать, что за время существования в Германии философии эта наука никогда не доходила до подобного состояния и подобная точка зрения, подобный отказ

от разумного познания никогда раньше не достигали такой степени и такого широкого распространения— точка зрения, которая является наследием предшествующего времени и столь противоречит зрелому чувству, новому субстанциальному духу. Я приветствую эту зарю чистого духа, взываю к нему; только к нему я обращаюсь, утверждая, что философия должна иметь содержание, и знакомя Вас с этим содержанием.

И вообще я взываю к духу молодости, ибо молодость — лучшая пора, когда жизнь еще не заключена в систему ограниченных целей, определенных нуждой, и способна свободно посвятить себя бескорыстному занятию наукой; она свободна также от негативного духа суетности, от бессодержательности чисто критического рвения. Здоровое сердце обладает еще достаточным мужеством, чтобы требовать истины; а царство истины и есть обитель философии, которую она создала и к которой мы становимся причастны, занимаясь философией. Все то, что в жизни истинно, величественно и божественно, становится таковым посредством и де и; цель философии — понять идею в ее истинном содержании и в ее всеобщности. Природа связана тем, что может осуществлять разум только силою необходимости; но царство духа — это царство свободы. Все, что связывает человеческую жизнь воедино, что имеет ценность и значимость, — духовно по своей природе; и это царство духа может существовать только посредством осознания истины и права, посредством постижения идей.

Смею желать и надеяться, что мне удастся завоевать и заслужить Ваше доверие на пути, на который мы вступаем. Однако в данный момент я могу претендовать лишь на то, чтобы Вы преисполнились доверием к науке, верой в разум, доверием и верой к самим себе. Мужественное приятие истины, вера в силу духа — первое условие занятий философией. Человек должен уважать самого себя и считать себя достойным наивысшего. Он не может преувеличить в своих помыслах величие и мужество духа. Скрытая сущность вселенной не обладает достаточной силой, чтобы противостоять мужеству познания; вселенная должна открыться ему, позволить его взорам проникнуть в ее богатство и глубины, разрешить наслаждаться ими.

АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О РЕФОРМЕ 1831 Г.

Представленный в настоящий момент на рассмотрение английского парламента билль о реформе¹ направлен прежде всего на то, чтобы сделать участие различных классов и слоев общества в избрании парламентских депутатов более справедливым и равномерным посредством введения большей симметрии в беспорядочность и неравенство, которые в настоящее время господствуют в этой области. Предполагается ввести иное количественное и территориальное соотношение, пересмотреть интересы частных лиц; однако одновременно эти изменения посягают и на благородную основу, на жизненные принципы английской конституции и государственного строя Великобритании. Этот аспект рассматриваемого билля заслуживает особенно пристального внимания, и задачей данного очерка является резюмировать именно такого рода более высокие соображения, которые были высказаны в ходе состоявшихся парламентских дебатов. То обстоятельство, что уже в палате общин билль встретил столь сильную оппозицию и что при втором чтении он прошел лишь случайно, большинством *одного* голоса, само по себе не вызывает удивления, поскольку предполагаемая реформа посягает на права аристократии, достаточно сильно представленной и в палате общин. Если бы все те, кто лично или через своих представителей теряет свои прежние привилегии и вес в обществе, воспротивились принятию билля, они, безусловно, составили бы оппозиционное большинство. Те, кто внес законопроект на рассмотрение, могли уповать лишь *на то*, что в сознании людей, обладающих привилегиями, чувство справедливости вытеснит упрямое стремление к выгоде; и это чувство в значительной степени питалось той озабоченностью, которую вызвал у заинтересованных в этом вопросе депутатов пример соседней Франции; едва ли неполное единодушие

англичан по вопросу о необходимости реформы явилось для парламента, как это обычно в таких случаях бывает, веским доводом в пользу законопроекта. Однако даже если бы общественное мнение Великобритании было совершенно единодушно в своем требовании реформы в рамках того расширения или ограничения прав, которое предлагает билль, то это еще не означало бы, что можно воздержаться от проверки содержания подобного требования; ведь мы в не столь давние времена неоднократно убеждались в том, что такие требования оказывались невыполнимыми или приносили вред при их реализации и что общественное мнение может с такой же горячностью отвергать то, чего оно еще совсем недавно добивалось и в чем видело благо. В древности люди, с юности знакомые с демократическими порядками, имевшие большой жизненный опыт в этой области и посвятившие проблеме демократии глубокие размышления, имели совсем иное представление о голосе народа, чем то, которое *a priori* сложилось в наши дни.

Проектируемая реформа исходит из того неоспоримого факта, что основания, в силу которых различные графства и общины Англии некогда получили право посылать своих представителей в парламент, с течением времени полностью потеряли свое значение, что тем самым теперь «права подобного участия» совершенно не соответствуют прежним основополагающим принципам и противоречат тому, что представляется простому здравому смыслу правильным и несомненным в этой сфере государственного устройства. Один из наиболее значительных противников билля, Роберт Пиль², признает, что перечислить аномалии и нелепости английской конституции чрезвычайно легко — все проявления ее абсурдности достаточно часто освещались в парламенте и в прессе. Поэтому здесь можно удовлетвориться упоминанием главных пунктов, например, того, что малонаселенные города или даже только их магистраты, пополняющие свой состав посредством кооптации без какого-либо участия других жителей города, даже местечки, население которых в настоящее время не превышает двух-трех человек (причем арендаторов), сохраняют право на парламентское представительство, тогда как многие возникшие позже и процветающие

ныне города со ста тысячами и более жителей этого права лишены; между названными полюсами существует еще множество самых разнообразных проявлений неравенства. Ближайшим следствием этого оказалось, что значительное количество мест в парламенте принадлежит небольшому числу лиц (по произведенным расчетам, майоратом в аристократических семействах располагают 150 знатных лиц), что еще большее число мест продается, в ряде случаев является признанным предметом торговли; таким образом, место в парламенте обеспечивается подкупом, прямой уплатой определенной суммы избирателям, или посредством множества других модификаций фактически сводится к денежной сделке.

Вряд ли можно где-нибудь обнаружить подобный симптом политического падения народа. Монтескье провозгласил принципом демократического устройства *добродетель*, бескорыстное выполнение своего долга перед государством; в Англии демократическому принципу отведена значительная область — народ участвует в избрании членов нижней палаты и государственных деятелей, обладающих преимущественным правом выносить решения по делам общегосударственного значения. По мнению большинства прагматических историков, такое состояние, когда избрание государственных деятелей в значительной степени определяется частными интересами и грязными соображениями денежной выгоды, следует рассматривать как стадию, несомненно, предвещающую утрату политической свободы, уничтожение конституции и самого государства.

Гордому сознанию английской свободы мы, немцы, можем противопоставить то, что прежняя конституция Германской империи, будучи также лишь бесформенным агрегатом частных прав, создавала лишь внешнюю связь между немецкими землями, тогда как государственная жизнь в этих землях, если иметь в виду состав сословных собраний и избирательные права населения, была свободна от вышеупомянутой аномалии, и тем более от проникающего во все общественные классы корыстолюбия. В свете того, что в Англии наряду с демократическим элементом значительной силой является и элемент аристократический (а чисто аристократическое правление,

примером которого могут служить Венеция, Генуя, Берн и пр., постоянно упрекают в том, что их твердость и уверенность покоится на моральном упадке подвластного ему народа, его низкой чувственности и испорченности) и что существенным признаком свободы считается возможность полностью располагать своим голосом, каким бы мотивом это ни определялось, то добрым предзнаменованием возрождения моральных основ в английском народе следует считать, что одной из побудительных причин реформы было отвращение к упомянутой испорченности нравов. Безусловно правильным методом следует считать и то, что предпринятые попытки усовершенствования основываются уже не на чисто моральных средствах воздействия — убеждении, увещевании, создании объединений, члены которых отказываются от системы коррупции и борются с ней, — а на преобразовании институтов; тем самым оказывается наконец преодоленным обычный, основанный на инертности, предрассудок, в силу которого вера в пригодность института сохраняется и тогда, когда зависимое от него состояние уже давно пришло в полный упадок. Требования коренной реформы звучали тем решительнее, что все меры, которые в ответ на обвинения в подкупе постоянно принимал каждый парламент в своем новом составе, оказывались почти безрезультатными, и когда недавно было внесено явно разумное предложение передать городу Бирмингему избирательное право, отнятое за обнаруженный подкуп у одного местечка, и тем самым проявить должную склонность хотя бы в некоторой степени устранить самое явное неравенство в правах, то это предложение было снято методами парламентской тактики и маневрированием министров, причем в первую очередь прославленного своим свободомыслием министра Пилля². Таким образом, напумевший в начале заседания парламента нового созыва вопрос свелся к запрещению кандидатам в депутаты раздавать ленты настроенным в их пользу избирателям. Обвинения в подкупе, предъявляемые какой-либо имеющей избирательные права территории, расследования такого рода дел и связанные с ними процессы слишком часто во всеуслышание назывались бесстыдным фарсом и бессмысленной процедурой, чтобы от них можно было ожидать какого бы то ни было эф-

фекта; дело заключается в том, что члены обеих палат, составляющие персонал суда по рассмотрению дел такого рода, в своем подавляющем большинстве связаны с существующей системой коррупции, и большинство депутатов палаты общин обязано ей своими местами в парламенте.

Обычно выдвигаемое в парламенте при нападках на позитивные права обоснование, черпающее свои аргументы в *мудрости предков*, в данном случае использовано не было, ибо мудрости, сущность которой заключалась в том, чтобы предоставлять избирательные права в зависимости от населения графств, городов и бургов или их общей значимости, этой мудрости слишком резко противоречит то соотношение, в котором ныне находится население, богатство и значимость отдельных территорий и интересов. Не было высказано и соображение, что реформа избирательной системы многим нанесет имущественный, а еще большему количеству — денежный ущерб, ведь эта извлекаемая из прямого подкупа выгода, хотя в ее создании и участвуют, уплачивая или получая деньги, все классы общества, тем не менее противозаконна. Капитал, которого лишаются бурги, потерявшие свое избирательное право, основан на постепенном превращении политического права в денежную стоимость; несмотря на то, что приобретение за цену, которая теперь снизилась, было совершено *bona fide* (наподобие того, как это происходило при работорговле), и обычно при обнародовании новых законов английский парламент уделяет большое внимание тому, чтобы была сохранена реальная собственность и возмещены возможные убытки, в данном случае никто на это не претендовал, и трудности такого рода не возникали, хотя для многих членов парламента это обстоятельство должно было служить серьезным доводом против принятия билля.

Однако билль посягает и на другой характерный для Англии правовой принцип, а именно на *позитивность*, которая лежит в основе всех публично-правовых и частно-правовых институтов Англии. Право и основанные на нем законы всегда по форме позитивны, установлены и даны верховной государственной властью; и закону, поскольку он является таковым, должно быть оказано повиновение.

Однако в настоящее время, больше чем когда-либо, люди стали задавать себе вопрос, являются ли права и по своему *материальному содержанию* только позитивными или вместе с тем справедливыми и разумными, и это различие особенно важно иметь в виду при оценке английской конституции, после того как континентальным народам долгие годы импонировали разглагольствования об английской свободе и гордость этой нации своими законами. Последние, как известно, целиком и полностью основаны на особых правах, свободах, привилегиях, которые король или парламент по каким-либо особым побуждениям предоставлял, продавал, дарил или вынужден был уступить. Великая Хартия Вольностей, Билль о правах³ — эти важнейшие основы английской конституции, подтвержденные в ходе дальнейших парламентских решений, являются вынужденными уступками или милостиво предоставленными дарами, договорами и т. д., и эти государственные права по сей день сохранили свою исконную частноправовую форму и случайный характер своего содержания. Этот лишенный внутренней связи агрегат позитивных определений еще не претерпел развития и преобразования, имевших место в цивилизованных континентальных государствах, — плодами этих преобразований пользуются, в частности, уже более или менее длительное время немецкие земли.

В Англии вплоть до настоящего времени отсутствовали те моменты, которые в первую очередь обуславливают это столь же славное, сколь и счастливое развитие. К упомянутым моментам в первую очередь относится научная разработка права, направленная, с одной стороны, на то, чтобы подвести общие основы под особые права и их взаимопереплетение, с другой — чтобы свести все конкретное и специальное к простым определениям. Это послужило предпосылкой для возникновения земских прав и публично-правовых институтов континентальных государств нового времени, в основу которых были положены в первую очередь общие принципы; причем в понимании того, какое содержание права действительно справедливо, существенную роль сыграл обычный здравый смысл и ясный разум. Следует упомянуть о еще более важном моменте в преобразовании права, это — величие помыслов

князей, их стремление сделать путеводной звездой своей законодательной деятельности такие принципы, как благо государства, счастье своих подданных, всеобщее благосостояние и прежде всего справедливость как таковую. Для того же, чтобы провести эти принципы в жизнь, сделать их реальными, противопоставить их позитивным привилегиям, традиционным частным, корыстным интересам и непониманию толпы, с этой законодательной деятельностью необходимо сочетать власть монарха. Столь очевидное отставание Англии от других цивилизованных государств Европы в области создания подлинно правовых институтов произошло по той простой причине, что правительственная власть этой страны находится в руках тех, кто обладает множеством привилегий, противоречащих сущности разумного государственного права и истинно справедливого законодательства.

Таково положение дел, на которое должен оказать значительное воздействие проект билля о реформе, однако отнюдь не посредством усиления монархического элемента конституции; напротив, для того чтобы билль сразу же не встретил всеобщего неодобрения, необходимо прежде всего не посягать на самое сильное предубеждение англичан — боязнь усиления королевской власти; и своей популярностью предлагаемый законопроект отчасти обязан тому обстоятельству, что он как будто ослабляет влияние короля. Одни опасаются, что реформа избирательного права повлечет за собой дальнейшие реформы, другие надеются на это, — чем и объясняется большой интерес к биллю. И в самом деле, билль наносит сокрушительный удар английскому позитивному принципу, на котором, как уже было упомянуто, в этой стране покоится все здание права — потрясение для Англии совершенно новое и неслыханное, и это ниспровержение формальной основы существующего инстинктивно воспринимается как начало глубоких последующих изменений.

В ходе парламентских дебатов кое-какие соображения такого рода высказывались, правда, только вскользь; создатели законопроекта и его сторонники отчасти, вероятно, действительно полагают, что билль не выйдет за свои рамки, отчасти же скрывают свои надежды, опасаясь возбудить неудовольствие своих противников; противники

же билля не хотят представить то, чего они опасаются, как результат победы; впрочем, обладая многим, им есть что терять. Тот факт, что парламент не уделил большего внимания этой субстанциальной стороне реформы, в значительной степени объясняется привычкой этого собрания занимать при рассмотрении важных проблем большую часть времени выяснением личной позиции депутатов, и излагают они свои взгляды не как государственные деятели, а как частные лица и ораторы, обладающие определенными привилегиями. В Англии объектом реформы может быть пространная сфера, охватывающая важнейшие гражданские и государственные вопросы. Необходимость этого все более ощущается; кое-что из сказанного по данной проблеме может служить иллюстрацией того, сколько трудностей, уже преодоленных в других странах, еще стоит перед английским обществом. Перспективы материального улучшения жизни основываются здесь прежде всего на *экономии* в сфере управления; однако каждое требование оппозиции добиться этой экономии средств, необходимой для облегчения бремени и нищенского состояния народа, неизменно сопровождается указанием на то, что все усилия такого рода не приводили к каким-либо результатам, а надежды, вызванные обещаниями министерств и даже тронной речью короля, оказывались иллюзией. Такого рода декларации повторяются в течение последних 15 лет после каждого снижения налогов. Для удовлетворения этих требований в реформированном парламенте складывается как будто более благоприятная обстановка, которая, в частности, находит свое выражение в большей независимости ряда его членов от кабинета министров, чья слабость, жестокосердие по отношению к народу и личные интересы служат, как полагают многие, причиной непрекращающихся непомерных затрат. Однако если принять во внимание основные статьи государственных расходов Англии, то станет очевидным, что возможность достигнуть *экономии* здесь очень невелика; что касается процентов на огромный государственный долг, то они сокращены быть не могут, затраты же на сохранение престижа сухопутной и морской державы в сочетании с пенсиями самым тесным образом связаны не только с политическим положением Англии, с коренными

интересами, составляющими основу всего ее существования, с интересами торговыми, и с опасностью внутренних волнений, но и с привычками и требованиями представителей определенного сословия, не желающих уступать другим сословиям в благосостоянии и роскоши; поэтому достигнуть здесь чего-либо, не подвергая себя непосредственной угрозе, невозможно.

Исчисления, вызвавшие столько шума в связи с пресловутыми синекурами, показали, что даже полное устранение этих синекур (которое неизбежно приведет в ряде случаев к серьезному нарушению справедливости) не повлечет за собой важных последствий. Впрочем, останавливаться более подробно на материальной стороне этого вопроса нет необходимости; достаточно указать на то, что даже все усилия Юма, изучившего вплоть до мельчайших деталей состояние английских финансов, остались без ощутимых результатов; причиной этого нельзя считать только коррупцию парламентской аристократии и уступки ей со стороны кабинета министров, зависящего от ее поддержки, что позволяет парламентской верхушке извлекать для себя и своих родственников бесконечные выгоды посредством синекур и вообще доходных мест в аппарате управления, армии, церкви и при дворе. Сравнительно ничтожное число голосов, обычно подаваемых за подобные предложения по сокращению расходов, указывает на то, что большинство не верит в возможное облегчение этого как будто всеобщего бремени, от которого члены парламента защищены своим богатством, или проявляет к данному вопросу весьма ограниченный интерес. Та часть депутатов, которая считается независимой, обычно принимает сторону кабинета министров, и эти члены парламента склонны подчас идти в своей независимости дальше, чем можно было бы предположить по их обычному поведению или по упрекам оппозиции; происходит это в тех случаях, когда кабинет министров высказывает прямую заинтересованность в утверждении какой-либо статьи расходов; так, например, когда несколько лет тому назад министерство настойчиво домогалось прибавки в 1000 фунтов для почтенного Хаскиссона, вынужденного вследствие чрезмерного бремени важных дел в торговом бюро отказаться от доходной должности, — это предложе-

ние было отклонено подавляющим большинством голосов. Тем же завершались и предложения повысить апанажи, не слишком щедро предоставляемые в Англии членам королевской семьи. В подобных случаях, связанных с интересами определенной личности или с соображениями благопристойности, парламент проявляет рвение, далекое от его обычного равнодушия в вопросах экономии. Одно, во всяком случае, несомненно — ни один билль о реформе не может устранить непосредственные причины высоких налогов в Англии. Более того, пример Англии и Франции позволяет как будто прийти к выводу, что именно в тех странах, где управление государством зависит от избранных народом представительных собраний, налоговое обложение наиболее высоко; во Франции, где в значительной степени достигнуто то, что является целью билля о реформе, т. е. распространение избирательного права на большее число граждан, бюджет был недавно уподоблен в прессе этой страны многообещающему ребенку, рост которого увеличивается изо дня в день. Для того чтобы решительно изменить положение в Англии и уменьшить бремя ее государственного аппарата, необходимо было бы принять решения, посягающие на самую сущность структуры частных прав. В Англии нет силы, которая при огромных богатствах частных лиц могла бы принять серьезные меры для существенного сокращения огромного государственного долга. Высокая стоимость запутанного судопроизводства, открывающая доступ в суд только богатым (таксу для бедных в Ирландии, где этого требует как необходимость, так и простая справедливость, кабинет министров едва ли сумеет провести), характер церковных доходов, о чем еще будет сказано ниже, и состояние ряда других важных областей общественной жизни могут быть преобразованы при условии значительно более радикального изменения государственной власти, чем то, которое предполагает билль о реформе.

В парламенте вскользь упоминалось об отмене во Франции церковной десятины, прав земельной аристократии, права на охоту, причем все это якобы произошло под эгидой патриотически настроенного короля и реформированного парламента; вся направленность этой речи сводится, по-видимому, к тому, чтобы определить само

устранение этих прав как прискорбное ниспровержение конституции в целом, которое к тому же привело к ужасающей анархии в стране. Как известно, устранение этих прав в других государствах не только не привело к подобным последствиям, но и послужило росту благосостояния и действительной свободы. Ввиду этого по рассматриваемому вопросу здесь будут высказаны еще некоторые замечания.

Коснемся прежде всего *десятины*; тяжесть этого налога давно уже стала очевидной в Англии; оставляя в стороне то обстоятельство, что налоги такого рода вообще особенно ненавистны (в Англии эта ненависть тем более не вызывает удивления, поскольку там есть местности, где служители церкви ежедневно отбирают каждый десятый горшок выдоенного молока, десятую часть снесенных яиц и пр.), недовольство вызывает наносимый ими ущерб хозяйству; он заключается в том, что вместе с ростом доходности земли, достигнутой затратами усилий, времени и денег, растет и налог, в результате чего улучшение сельскохозяйственной культуры, в которую здесь вкладывают большие капиталы, не только не поощряется, а облагается дополнительным налогом. В Англии десятина принадлежит церкви; в других странах, в первую очередь в протестантских, десятина без всякого шума отменена либо уже давно (в прусских землях более ста лет тому назад), либо сравнительно недавно, причем без каких-либо несправедливых посягательств на права церкви, которые могли быть в ряде случаев выкуплены; тем самым церковные доходы перестали быть обременительными для населения и обрели большую целесообразность и более подобающий им характер. Впрочем, в Англии исконное право на взимание десятины было и в других отношениях искажено в самой своей сущности: средства, предоставляемые священнику для существования и для строительства и содержания церкви, стали рассматриваться как доход с частной собственности; должность духовного лица превратилась в выгодное место, а обязанности священника — в права на определенный доход. Не говоря уже о том, что множество прибыльных духовных должностей, должностей каноников, вообще не требует выполнения каких-либо обязанностей, хорошо известно и то, как часто ан-

глийские священники занимаются чем угодно — охотой или другим времяпрепровождением такого рода, — только не выполнением своих прямых функций, как они проедают свои доходы в других странах, поручив свои обязанности какому-нибудь бедняге-кандидату за мизерную плату, которая едва спасает его от голодной смерти. Прослушанное несколько лет тому назад судебное дело дает яркое представление о том, какие обязанности и какой нравственный облик вообще может быть связан здесь с саном духовного лица и его доходами. Истец требовал, чтобы суд объявил некоего священника по имени Франк неспособным управлять своим имуществом вследствие безумия и учредил над имуществом названного Франка опеку. Обвиняемый имел приход, с которого он получал 800 фунтов стерлингов, помимо других приходов, дававших ему около 600 фунтов стерлингов, т. е. около 10 тыс. талеров. В качестве истца выступал в интересах семьи недавно достигнувший совершеннолетия сын Франка. Многочисленные свидетельские показания по обвинению в безумии, выслушанные в ходе длительного открытого процесса, выявили недопустимые проступки, которые этот священник совершал в течение ряда лет без какого-либо вмешательства со стороны церковных властей. Так, например, однажды он среди бела дня, находясь в совершенно непристойном обществе, продефилировал по улицам и мосту города, сопровождаемый гиканьем уличных мальчишек; еще значительно более скандальными были семейные отношения этого человека, что также выяснилось в ходе свидетельских показаний. Подобное бесстыдство священнослужителя английской церкви не мешало ему, однако, пользоваться доходами со своих приходов; презрение, объектом которого становится церковь в ходе обнаружения подобных фактов, вызывается в первую очередь тем, что она, несмотря на церковную иерархию и власть епископов, не может своими силами предотвратить подобную испорченность нравов и связанные с ней скандальные разоблачения; это обстоятельство наряду с корыстолюбием ряда духовных лиц, проявляемым при взимании десятины, сыграло известную роль и в том, что уважение, которое требуется от английского общества к имущественному праву церкви, значительно уменьшилось.

Английскому обществу, по-видимому, еще чуждо и неизвестно, что подобная собственность по самому своему подчинению религиозной цели носит совсем иной характер, чем частная собственность, предоставленная в полное распоряжение ее владельца, что это различие служит обоснованием для различия в праве и что пользование церковным имуществом обусловлено определенными обязанностями; что, наконец, в протестантских странах эта религиозная цель служит основанием для участия государственной власти в контроле за ее реализацией и выполнением связанных с доходами обязанностей. Абстрактная частноправовая точка зрения по этому вопросу выгодна, однако, тому классу, который имеет преобладающее влияние в парламенте и тем самым связан с министерством, распределяющим наиболее доходные церковные должности; именно этот класс прямо заинтересован в том, чтобы обеспечить доходными приходами иеимущих младших сыновей и братьев в аристократических семьях Англии, где земельная собственность полностью наследуется старшим сыном. Упомянутый класс сохраняет свое влияние в парламенте и даже расширяет его по биллю о реформе; поэтому весьма проблематично, сочтет ли этот класс в своих интересах предпринять какие-либо меры, направленные против богатства церкви и ее патроната.

Опасения, связанные с реформированием подобного состояния английской церкви, вполне обоснованно относятся прежде всего к положению в Ирландии, где англиканская церковь уже в течение многих лет подвергалась столь решительным нападкам в связи с проблемой освобождения Ирландии, проблемой чисто политической по своей сущности. Прежние земли католической церкви, к которой, как известно, принадлежит большинство ирландцев, сами церкви, десятины, обязанность общин следить за состоянием церковных зданий, за обеспечением прихода церковной утварью, содержанием служащих церкви и т. п.— все это по праву завоевателя отнято у католической церкви и передано церкви англиканской. В Германии 150 лет тому назад в результате Тридцатилетней войны⁴, а в новое время — в результате распространения разумных идей в образованном обществе, в каждой земле, провинции, городе, деревне оставались

неприкосновенными владения церкви, к которой принадлежало население, или предписывалось иным образом позаботиться о нуждах культа. Даже турки обычно оставляли порабощенным ими христианам, армянам, евреям их церкви; и даже если восстанавливать эти церкви, когда они приходили в упадок, запрещалось, то разрешение на это можно было купить; англичане же отняли у побежденного ими католического населения все церкви. Ирландцы, чья нищета, жалкое состояние и проистекающие отсюда одичание и деморализация являются постоянной темой парламентских обсуждений, неотложной проблемой для всех министерств, вынуждены своими жалкими крохами оплачивать собственных священников и обеспечивать помещение для богослужения; десятину же со всего дохода уплачивать англиканским священникам, в чьих обширных приходах — в две, три, шесть и более деревень — часто бывает очень немного протестантов (подчас единственным прихожанином является церковный служака); ирландцы вынуждены оплачивать также ремонт церквей, где теперь происходит англиканская служба, расходы по приобретению церковной утвари и т. п. Противники освобождения Ирландии пугали тем, что вполне вероятным следствием реформы может оказаться устранение этой вопиющей несправедливости. Однако сторонники этой меры успокаивали себя и своих единомышленников тем, что вместе с освобождением Ирландии будут удовлетворены требования католиков, и положение англиканской церкви в этой стране станет еще более прочным. Это беспрецедентное для протестантских народов цивилизованного мира положение, это позитивное правооснование, связанное с чисто эгоистическими интересами, вплоть до настоящего времени успешно противостояло предполагаемым у англиканского духовенства религиозным воззрениям и разуму английского народа и его представителей в парламенте; билль о реформе, правда, несколько увеличивает число ирландских депутатов в палате общин, среди которых могут быть и католики, однако это вполне уравновешивается предоставляемым тем же биллем увеличением числа представителей именно того класса, чьим интересам соответствует сохранение прежнего положения церкви.

Права лендлордов, на которые, как того опасаются, также со временем могла бы распространиться реформа, уже давно не основываются в Англии на полной зависимости класса земледельцев; однако обременяют земледельцев эти права не меньше, чем крепостное состояние, доводят их, пожалуй, до еще большей нищеты. В самой Англии эти земледельцы, лишенные земельной собственности и доведенные до состояния арендаторов или поденщиков, подчас находят работу в этой богатой стране, особенно в периоды подъема ее гигантской промышленности; еще в большей степени последствия крайней нужды земледельческого населения Англии предотвращают законы о бедных, обязывающие каждый приход заботиться о своих бедных. В Ирландии же неимущий класс, живущий плодами своего труда, не находит такой поддержки; описания путешественников, а также данные парламентских документов рисуют картину столь ужасающей нищеты в ирландской деревне, что трудно найти аналогию ей в самых мелких и бедных районах цивилизованных, даже отсталых в своем развитии, стран континента.

Отсутствие собственности у земледельческого класса уходит своими корнями в отношения и законы старого ленного права, которое, однако, будучи сохранено еще в ряде государств, обеспечивает существование сидящих на земле и обрабатывающих ее крестьян; поскольку же ирландские крепостные обладают личной свободой, лендлорды настолько прочно завладели собственностью, что вообще отказались от всякой ответственности за тех, кто обрабатывает принадлежащую им землю. Это дает им право в тех случаях, когда они считают более выгодным для себя насаждение культуры, требующей применения меньшего числа рабочих рук, беспрепятственно изгонять прежних землепашцев, связанных не меньше, чем крепостные, с этой землей, чьи семьи веками жили на этой земле и обрабатывали ее, прогонять их сотнями, тысячами из хижин, не являющихся собственностью своих обитателей. Таким образом, люди, лишенные имущества, теряли и родину и унаследованные средства к существованию, причем все это совершалось законно, законным было и то, что лендлорды сжигали эти хижины, чтобы

тем самым окончательно изгнать их прежних обитателей, исключить возможность какого-либо промедления или попытки вернуться под привычный кров.

Эти язвы государственного устройства Англии из года в год предлагаются вниманию парламента. Сколько речей было произнесено на эту тему, сколько комитетов учреждено, сколько свидетелей заслушано, сколько основательных отчетов представлено, сколько мероприятий предложено — и все это оказывалось либо совершенно неудовлетворительным, либо неосуществимым! Проект сокращения чрезмерного количества бедняков посредством колонизации должен был бы, для того чтобы оказаться действенным, распространиться не менее чем на миллион жителей, а как это осуществить? Не говоря уже о том, что при сохранении существующих законов и условий образовавшийся благодаря названному мероприятию вакуум был бы вскоре заполнен на прежний манер. Парламентский акт (*subletting act*), направленный на то, чтобы ограничить в Ирландии деление на мелкие арендные участки, служащие для плодovitого нищего класса Ирландии местопребыванием и почвой, где он разрастается, оказался столь малоэффективным, что через несколько лет после бесплодных попыток его пришлось отменить. Переходный период от ленного владения к собственности не был использован для того, чтобы предоставить классу земледельцев собственность на землю; известную возможность этого могло бы дать изменение наследственного права, введение равного распределения между детьми унаследованного от родителей имущества, право закладывать и продавать землю для уплаты долгов и вообще полное преобразование всего правового характера земельной собственности, устранение формальностей и издержек при отчуждении и т. д.

Однако английские законы о собственности в этом, как и во многом другом, слишком далеки от той свободы, которой пользуются в этой сфере жители континентальных стран; все частноправовые отношения слишком связаны этими оковами; и к тому же, предоставление классу земледельцев возможности посредством изменения существующих законов приобретать землю в собственность оказалось бы весьма малоэффективной мерой в рамках го-

сударственного устройства Англии в целом; монарх при слабости его власти не мог бы осуществлять контроль над этим преобразованием; что касается парламентского законодательства, то оно и после принятия билля о реформе останется во власти того класса, который по своим интересам и еще более по своим косным привычкам связан с прежней системой прав собственности; и все предшествующие парламентские решения были направлены только на то, чтобы в тех случаях, когда нужда и бедствия народа становятся вопиющими, смягчить следствия системы либо прямо, т. е. посредством паллиативов (подобно *subletting act'y*), либо посредством высокоморальных пожеланий (например, чтобы ирландские лендлорды имели свою резиденцию в Ирландии и т. п.).

Упоминались также в связи с реформой и права на охоту — вопрос, который затрагивает за живое многих членов английского парламента в отдельности и всех их вместе; однако безобразия и недостатки достигли таких размеров, что не поднять вопрос об изменении законов в этой области было невозможно; всеобщее внимание было в первую очередь привлечено к учащающимся нападениям на сторожей парков и к убийствам, совершаемым браконьерами, к исчезновению дичи в парках лендлордов, к росту преступлений по браконьерству, разбираемых судом и составляющих лишь незначительную часть действительно совершаемых преступлений, к непомерно жестоким установленным законом и присуждаемым наказаниям за незаконную охоту, ибо законы эти составляет сама обладающая правом охоты аристократия; она же в лице магистратов и присяжных заседает в суде. Любители охоты проявляют большой интерес к расширению прав на охоту в открытой местности; сын сквайра обладает правом охоты, а сквайром считается каждый священник; таким образом, его сын может иметь эту привилегию, которой лишен его отец, если он сам не является сыном сквайра.

Уже в течение нескольких лет в парламенте рассматривается билль об охоте, целью которого является исправить существующие в этой сфере законы; однако ни один закон такого рода еще не был проведен, поскольку это противоречило интересам привилегированных лиц, рас-

полагающих правом на охоту; теперешнему парламенту также предъявлен на рассмотрение такой билль. Весьма проблематично, произведут ли содержащиеся в этом проекте реформы значительное воздействие на характер существующего законодательства — смогут ли они смягчить наказания, ограничить частные права на охоту прежде всего в интересах класса земледельцев, оградить последних от права лендлордов преследовать оленей, зайцев и лисиц по засеянным полям и по всей вспаханной земле со сворой собак, с 20, 30 и более верховыми и еще большим количеством спешившихся охотников. Во многих немецких землях ущерб, наносимый охотой, — опустошение полей, уничтожение посевов и плодов — некогда составлял постоянную статью петиций в земские собрания; вплоть до настоящего времени английская свобода не наложила ограничений на права, от которых князья Германии уже давно отказались для блага своих подданных.

Беспорядочность и перегруженность английского частного права, которое сами англичане при всей их гордости своей свободой называют авгиевыми конюшнями, с полным основанием могли бы послужить поводом для надежды на упорядочение этой сферы. То немногое, что удалось несколько лет тому назад провести Роберту Пиллю, вызвало всеобщее одобрение и признание. Дальнейшие предложения по улучшению юстиции, выдвинутые позднее в семичасовой речи теперешним лорд-канцлером Броугэмом и встреченные с большим удовлетворением, привели, правда, к образованию комитетов, но и по сей день не дали результатов. То, что в Германии было достигнуто многовековой исследовательской деятельностью в тиши научных кабинетов, мудростью князей и их любовью к справедливости, Англии не дало ее народное представительство, а в новом билле также не содержатся элементы, которые способствовали бы тому, чтобы грубое невежество охотников и сквайров или образование, полученное в свете из чтения газет и парламентских дебатов, и основанная обычно на рутине ловкость правоведов были вытеснены подлинным пониманием и основательными знаниями. Необходимые в Германии условия для участия в решении общих и специальных вопросов государственного управления (они предъявля-

ются и к лицам знатного происхождения, располагающим богатством, земельными владениями и пр.) — обладание теоретическими знаниями, образованием, практической подготовкой и опытом — в такой же мере не предусматриваются новым биллем, как и прежней организацией, и по-прежнему не предъявляются членам представительного собрания, которым принадлежит вся полнота власти в сфере государственного управления и администрации. И в новом билле такого рода условия полностью отсутствуют; он также санкционирует положение, согласно которому свободная рента в 10 фунтов, основанная на земельном владении, дает вполне достаточную квалификацию для того, чтобы судить и выносить свое решение по вопросу, насколько то или иное лицо пригодно для того, чтобы входить в правительство и вести дела в области находящегося в ведении парламента государственного управления. Представление о необходимости создать испытательные комиссии, которые состояли бы из знающих и опытных людей, занимающих государственные должности, а не из лиц, единственным качеством которых является рента в 10 фунтов, или требовать от кандидатов в будущие законодатели и администраторы каких-либо доказательств их пригодности к этому — все это, конечно, слишком далеко от непреложного суверенитета тех, кто предназначен для решения упомянутых дел.

В Англии как будто еще не пробудилась потребность в рассмотренных выше и прочих материальных моментах разумного права, давно уже получивших свою реализацию в цивилизованных государствах континента, в первую очередь в немецких землях, и поэтому понимание необходимости реформы сложилось отнюдь не на основе опыта, который показал бы, что парламент, сформированный в соответствии с действующим правом, может достичь очень немногого, если он вообще способен достигнуть чего-либо в этой области. Вся Англия разделяет мнение герцога *Веллингтона*⁵, сказавшего недавно в палате лордов, что «с 1688 г. (год, когда в ходе революции был свергнут католический дом Стюартов) вплоть до настоящего времени союз богатства, талантов и разнообразных знаний, который представляет важные интересы королевства, наилучшим и наидостойнейшим образом осу-

ществлял управление страной». Надо сказать, что национальная гордость англичан служит постоянным препятствием к тому, чтобы они ознакомились с прогрессом, достигнутым в разработке правовых институтов другими странами. Шум и трескучие речи, являющиеся следствием формальной свободы обсуждать государственные дела в парламенте и в любых других собраниях всех классов и сословий и выносить решения по этим делам в парламенте, а также безусловное право на это, мешают англичанам спокойно продумать вопросы законодательства и управления и проникнуть в их сущность (среди европейских народов редко обнаруживается сочетание столь изощренного резонирования для защиты своих предрассудков с таким отсутствием подлинно глубоких принципов); слава и богатство этой страны приводят к тому, что пересмотр основных положений существующих прав представляется излишним, тогда как народы, ощущающие бремя этих прав, вынуждены совершить это под влиянием внешней необходимости и пробужденной ею потребностью разума.

Вернемся к формальным точкам зрения, непосредственно примыкающим к данному биллю о реформе. Очень важная точка зрения, выдвигаемая и противниками билля, сводится к тому, что в парламенте должны быть представлены разнообразные важные интересы нации и поэтому очень существенно, какие изменения внесет в это представительство рассматриваемый билль.

На этот счет существуют, по-видимому, различные мнения; так, герцог *Веллингтон* полагает, что в случае принятия названного билля большинство избирателей составят лавочники; тем самым преимущество будет как будто на стороне торговых интересов; однако общим мнением является, и это обстоятельство подчеркивается в пользу принятия билля, что земельная собственность и интересы земледелия не только не потерпят никакого ущерба, но даже в известной степени выиграют; дело заключается в том, что проект предоставляет из общего числа избирательных мест большим городам, т. е. торговой сфере, только 25, графствам же, т. е. землевладельцам, вместе с мелкими городами, где также большей частью действует влияние землевладельцев, — осталь-

ные 81. Особенно показательно, что ряд коммерсантов; причем наиболее крупных лондонских банкиров, связанных с Ост-Индской компанией и Английским банком, высказались против принятия билля; они аргументировали это тем, что данное мероприятие, которое кладет в основу представительства собственность и предполагает еще расширить эту основу, приведет в своем практическом применении к закрытию *основных доступов* в парламент для тех, кто до сих пор представлял там интересы финансовых, торговых, мореходных и колониальных кругов наряду со всеми другими интересами внутри страны и ее заморских, даже самых отдаленных, владений.

Этими *основными доступами* являются местечки и поселки, где можно открыто купить место в парламенте. До сих пор этот путь прямой торговли местами давал полную гарантию того, что в парламент войдут директора банков и директора Ост-Индской компании, а наряду с ними крупные плантаторы Вест-Индских островов и другие коммерсанты важных торговых отраслей, тоже позаботившиеся о парламентских местах, чтобы защитить таким образом собственные интересы и интересы своих ассоциаций, в значительной степени отражающие и интересы страны в целом. Из состава предшествующего парламента был выведен банковский директор Маннинг, много лет подряд заседавший в парламенте; ему было предъявлено обвинение в подкупе избирателей, доказанное его конкурентом.

Требование, чтобы важные интересы различных слоев общества были представлены в верховном учреждении нации, является специфическим для Англии; в несколько преобразованном виде этот принцип лежал и в основе устройства прежних общегосударственных и местных сословных учреждений всех европейских монархий; в конституции Швеции этот принцип и теперь является основополагающим при избрании парламентских депутатов. Это противоречит современному принципу, в соответствии с которым представлена должна быть лишь абстрактная воля индивидуумов как таковых, и если в Англии основой замещения парламентских мест служит также субъективное волеизъявление баронов и прочих лиц, обладающих привилегией быть избранными в парламент, и тем

самым представительство интересов в известной мере осуществляется по воле случая, то оно само по себе считается столь важным, что виднейшие банкиры не стыдятся участвовать в коррупции и поддерживать торговлю парламентскими местами, открыто обращаясь с жалобой в парламент, суть которой заключается в том, что билль закроет для представителей важных интересов этот не зависящий от случайности способ получить место в парламенте посредством подкупа.

Перед столь важными соображениями требования морали отступают на второй план, однако конституция, которая ставит необходимое в зависимость от случайности и принуждает достигать необходимого посредством коррупции, отвергаемой моралью, безусловно, не является совершенной. Органическое различие интересов по сословиям (в приведенном выше примере в Швеции, это — знать, духовенство, горожане и крестьяне), правда, уже не соответствует полностью теперешнему состоянию большинства государств, ибо повсюду, так же как в Англии, на первый план выступили иные интересы; однако этот недостаток конституции легко можно было бы устранить, если поставить своей целью понять сущность прежней основы внутреннего государственного права, а именно — понять, что реальные основы государственной жизни (поскольку они действительно различены и поскольку к этому различенному их содержанию следует с достаточной серьезностью отнестись в правительственной и административной сфере) должны быть сознательно и недвусмысленно выявлены и признаны; в тех случаях, когда о них идет речь или по отношению к ним принимаются какие-либо решения, их представители должны сами, не завися от случайности, открыто выразить свою волю. Исходя из этой точки зрения, *Наполеон* в конституции итальянскому королевству распределил право представительства между классами *possidenti*, *dotti* и *merchanti*.

В прежних парламентских дебатах при обсуждении реформ весьма частного характера основной аргумент против их принятия (он выдвигается и теперь) сводился к тому, что при существующем составе парламента представлены все крупные интересы, что возможность заявить о себе и отстаивать свои права должна быть предостав-

лена делу, а не индивидуумам как таковым. С этим моментом, по-видимому, связано (хотя об этом прямо не говорится) то, на что обратил внимание палаты лордов в своей последней речи герцог *Веллингтон* и что до сих пор не встречало, по его мнению, достаточного понимания ни здесь, ни в палате общин; а именно, что речь идет о создании *законодательного собрания*, а не *корпорации лиц, имеющих право голоса, нижней палаты*, а не новой избирательной системы. Если речь идет не об избирательных правах и о том, кто должен их иметь, а о результате, о конституировании законодательного собрания и палаты общин, то можно с полным правом сказать, что такая палата уже конституирована на основе прежнего права представительства; и в своей речи герцог *Веллингтон* действительно приводит высказывание одного сторонника билля о реформе, по мнению которого лучше палата общин быть не может. И в самом деле билль о реформе не дает никаких гарантий, что новый состав палаты общин, избранный на иной основе, отвергающей нынешние позитивные права, окажется более совершенным, чем прежний. Эти права герцог *Веллингтон* уподобляет в своей речи тому праву, которое делает его место в палате лордов столь же прочным, как владение министра, графа *Грея*, его йоркширскими поместьями. В основу билля положен, правда, новый принцип, согласно которому привилегия избирательного права не подводится более под одну категорию с правом собственности как таковым. С этой точки зрения следует признать правильным то, на что указывают противники билля, а именно, что этот новый принцип ведет к внутренней непоследовательности билля. Упрек более личного характера заключен в указании на то, что граница, сохраняющая за маленькими городками избирательное право, намеренно проведена в билле таким образом, чтобы не лишить этой привилегии *boroughs* * герцога *Бедфордского*, брата лорда *Расселла* ⁶, который внес билль на рассмотрение палаты общин. Билль действительно представляет собой сочетание старых привилегий с принципом всеобщего равного избирательного права граждан (при внешнем ограничении рен-

* Местечки (англ.).

той в 10 фунтов) отдавать свой голос тем, кто будет их представлять. Поскольку в билле заключено противоречие позитивного права и общего теоретического принципа, здесь значительно более ярко подчеркивается непоследовательность существующего законодательства, чем тогда, когда все привилегии были основаны на позитивном праве.

Теоретический принцип как таковой влечет за собой, впрочем, бесконечное множество претензий, поставить предел которым может прежде всего парламентская власть; последовательное проведение этого принципа было бы скорее революцией, чем реформой. Однако общее удовлетворение биллем со стороны средних и низших классов трех королевств указывает на то, что эти дальнейшие требования не будут в ближайшее время предъявляться с особой настойчивостью. Создается впечатление, что потребность в вышеупомянутых материальных правах еще почти не пробудилась в сознании английского народа с его так называемым практическим складом ума, направленным на приобретение, рост благосостояния и богатство; еще меньший интерес проявляет английский народ к чисто формальным принципам абстрактного равенства, фанатизм которых ему еще более чужд. Правда, в данном случае будут непосредственно затронуты именно эти практические интересы, поскольку вследствие пятикратного повышения прежнего имущественного ценза в 40 шиллингов многие будут лишены того дохода, который им давали подкупы на выборах. Если до сих пор этот более высокий класс * извлекал из своих избирательных прав реальную выгоду, то он сохранит ее и впредь. Совсем недавно некий избранный городом Ливерпулем депутат был выведен из состава парламента по обвинению в подкупе, которое было доказано избирателями; поскольку избиратели этого города очень многочисленны, а город чрезвычайно богат, можно предположить, что среди подкупленных были и весьма состоятельные жители города. И подобно тому как крупные землевладельцы нашли способ превратить сотни и тысячи своих

* Недавно в палате лордов этот класс с рентой в 10 фунтов был именован «рауперс».

неимущих арендаторов в свободных обладателей ренты в 40 шиллингов, найдется возможность сохранить этот своеобразный способ добывать голоса и при новом имущественном цензе: те же зависимые люди выступят теперь в качестве обладателей рент в 10 фунтов. Сохранится, несмотря на введение нового имущественного ценза, и пьяный разгул, которому в течение многих недель с диким упоением предается английская чернь с ведома и на деньги будущих парламентариев. В предпоследних выборах указывалось, что в многолюдном графстве Йорк на избрание местного землевладельца, некоего Бомона, было истрачено 80 000 фунтов стерлингов*; если в ходе парламентских дебатов высказывается мнение, что расходы, связанные с выборами, становятся непомерно высоки, то возникает вопрос, как народ отнесется к попытке богачей произвести экономию за его счет. Чем обернется этот аспект реальной выгоды, какие новые спекулятивные комбинации будут открыты неутомимыми агентами, занимающимися торговлей парламентскими местами,—все это еще неясно; и строить предположения, основываясь на переменах в сфере этих интересов, было бы преждевременно.

Большой интерес должно было бы вызывать как будто само право голоса, поскольку все желают иметь это право и требуют его всеобщности. Однако опыт показывает, что осуществление этого права не представляется столь завидным, чтобы служить основанием для настойчивых требований или связанных с ними волнений. Скорее создается впечатление, что избиратели проявляют полное равнодушие к своему праву, и это невзирая на связанную с ним возможность подкупа; из многочисленного класса тех, кто теряет право голоса вследствие повышения имущественного ценза или чей голос, будучи причислен к общему числу правомочных жителей графства, отчасти теряет свою значимость, не поступило до сих пор никаких петиций против столь вредоносного для них билля. Напротив,

* На одном из последних заседаний парламента было установлено, что расходы по вышеупомянутому избранию депутата в Ливерпуле составили 120 000 фунтов стерлингов (т. е. больше 800 тыс. талеров).

возражения поступили от тех, для кого гарантированность или вероятность парламентского места уменьшается или вообще теряется.

Год тому назад в Ирландии 200 000 человек были лишены парламентским актом права голоса в результате повышения необходимой для избирателей ренты; и за этим не последовало со стороны пострадавших никаких жалоб на то, что их лишили права участвовать в делах государственного управления. По всей видимости, избиратели рассматривают свое право как нечто, идущее на пользу преимущественно тем, кто хочет быть избран в парламент, для блага, желаний и интереса которых они отказываются от той доли участия в управлении и законодательстве, которую предоставляет им избирательное право.

Основная задача в период выборов, для выполнения которой кандидаты нанимают агентов, знакомых с местными условиями и с людьми, а также с принятым обычаем угощения, сводится к тому, чтобы обеспечить явку избирателей и настроить их, главным образом с помощью подкупа, в пользу их патронов; крупные землевладельцы отдают распоряжение согнать своих арендаторов, часть которых, как уже было указано выше, мгновенно превращается во временных обладателей требуемой ренты.

*Броугэм*⁷ забавно описал, как в ходе прошлых выборов этих арендаторов располагают бивуаком у костров во дворах лендлордов, угощают пуддингом и портером и во избежание влияния со стороны противников держат под замком до того момента, когда им надлежит покорно проголосовать должным образом. Это безразличие к избирательному праву и его осуществлению находится в резком противоречии с утверждением, что именно оно предоставляет народу возможность участвовать в решении государственных дел, в высших интересах страны и правительства, что осуществление этого права является высоким долгом гражданина, поскольку конституирование существенной сферы государственной власти, представительного собрания, покоится на реализации этого права и поскольку это право и его осуществление на французский манер является якобы актом народного суверенитета, причем едипственным.

Исходя из названного безразличия по отношению к

этому праву, можно с легкостью обвинить народ в политической тупости или испорченности так же, как это можно было бы умозаключить, основываясь на широко распространенном подкупе избирателей. Однако эту суровую оценку следует смягчить, вспомнив об обстоятельствах, создающих подобную пассивность; совершенно очевидно, что в основе такого поведения лежит ощущение незначительности отдельного голоса в общей массе многих тысяч участников предвыборной борьбы. Из 658 человек (приблизительно), которые в настоящее время должны быть избраны в английскую палату общин, или из 430 депутатов — во французскую палату депутатов (возможное изменение этих цифр в будущем здесь значения не имеет) в данном избирательном округе избирается *один* депутат — что уже само по себе свидетельствует о незначительности роли избирателя, однако каждый отдельный голос играет еще гораздо меньшую роль в выборах, поскольку в этом акте принимают участие 100 или 1000 голосов. Если количество избирателей (по новому избирательному закону Франции) исчислять в 200 000 человек, число же депутатов, которые должны быть выбраны, в 450, то отдельный голос избирателя составит одну двухсоттысячную часть избирательной воли и одну девяностомиллионную часть одной из трех видов власти, именно той, которая ведает законодательством страны.

Если отдельный человек и не оценивает свою роль в подобных числах, то он, безусловно, так или иначе ощущает эту количественную ничтожность своего голоса, а здесь практическое, решающее значение имеет только количественный момент, т. е. число голосов. Пусть даже в противопоставлении этой пассивности всячески подчеркиваются высокие принципы качественного аспекта этого права — свобода, долг гражданина осуществлять свое суверенное право, участвовать в решении общегосударственных дел; однако здравый смысл склонен держаться того, что обладает эффективностью, и когда индивидуум высказывают известную истину, — если *каждый* человек проявит подобную пассивность, под угрозой окажется государство и еще в большей степени свобода, — то этот индивидуум не может не вспомнить о принципе, на котором зиждется его долг, все его право на свободу, со-

гласно этому принципу, каждый человек действует безот-носительно к тому, что делают другие, руководствуясь только своей волей, и эта индивидуальная воля есть то высшее и суверенное, чем он обладает по общему признанию. Кроме того, это уже само по себе ничтожное влияние ограничивается *личностями* и становится еще гораздо более ничтожным благодаря тому, что оно не распространяется на *предмет*, который полностью находится вне этого влияния. Лишь демократическая конституция III года во Франции⁸ при Робеспьере, принятая всем народом, но не получившая практического применения, устанавливала, что законы общегосударственного значения также должны быть предъявлены гражданам для ознакомления и утверждения. Избиратели не являются даже комитентами, т. е. не уполномочены давать своим представителям определенные инструкции, *cahiers*, которые, правда, будучи переданы членам Национального собрания, кладутся под сукно и быстро забываются обеими сторонами; к тому же одним из важнейших конституционных принципов Англии и Франции является то, что избранные члены парламента обладают таким же суверенитетом при голосовании в парламенте, как их избиратели при голосовании на выборах. Те и другие, участвуя в совещаниях и решениях по общегосударственным вопросам, не выступают в качестве должностных лиц и разделяют со своим королем то, что для него санкционировано, т. е. не несут ответственности за выполнение своих обязанностей.

Ощущение всей ничтожности влияния отдельного человека и его связанной с этим правом суверенной воли приводит к тому, что избирательные собрания посещают немногие. Публикуемые иногда в прессе данные, сопоставляющие общее число избирателей с действительно голосовавшими на выборах, показывают, что во Франции даже в последние бурные годы правления Карла X⁹, эти цифры сильно различаются; в ходе последних проходивших в Париже выборов, которые находились в центре политических интересов, — вряд ли может возникнуть сомнение в том, что партии с достаточным рвением призывали избирателей к подаче голосов — из общего числа избирателей, равного примерно 1850, 600 не явились.

В свете этих данных интересно было бы ознакомиться со средним соотношением общего числа избирателей с теми, кто действительно голосует, в других странах, где избирательное право является достоянием всех граждан и касается их значительно более непосредственных интересов, например, с данными о собраниях избирателей, на которых выдвигаются депутаты органов городского управления в Прусском государстве. В ранний период Французской революции фанатизм якобинцев и их поведение в избирательных собраниях привели к тому, что мирные, добропорядочные граждане утратили желание пользоваться своим правом голоса, понимая к тому же, что это может оказаться опасным, и якобинцы получили полную свободу действий. Если в настоящее время, принимая решения о предоставлении избирательного права, важные государственные органы видят свой высокий долг в том, что они в соответствии с требованиями справедливости изменяют условия этой привилегии и предоставляют их большему числу лиц, то они, по-видимому, забывают, что тем самым они уменьшают влияние отдельного человека, изменяют его представление о значимости этого права, а вместе с тем ослабляют его стремление это право реализовать, не говоря уже о том, правомочна ли вообще государственная власть и на каком основании распоряжаться этим правом граждан, класть в основу его 50, 100 франков или столько-то фунтов стерлингов или менять его в соответствии с этими величинами,— правом, которое по самому своему назначению принято считать суверенным, исконным, необсуждаемым, и сама природа которого исключает возможность того, что оно может быть дано или отнято.

Подобно тому как прославленный здравый смысл английского народа помогает ему понять, какое незначительное влияние оказывает голос отдельного избирателя на государственные дела, этот же здравый смысл создает и правильное представление о весьма ограниченной способности любого человека судить о том, какие именно таланты, деловые навыки, умение и образованность необходимы для тех, кто занимает высокие государственные должности, и могут ли обладатели этого здравого смысла поверить в то, что земельный доход в 40 шиллингов или

10 фунтов, что 200 франков прямого налога, включая или исключая добавочные сантимы, действительно дадут им необходимую силу суждения? В этой связи характерно строгое постановление обеих палат французского парламента, исключаящее все иные обоснования для предоставления права голоса, кроме налога в 200 франков, включая или исключая дополнительные сантимы, и предоставляющее это право лишь определенным лицам; уважение к чисто формальному признаку — к 200 франкам налога — оказалось выше доверия к пригодности и доброй воле советников префектуры и суда, врачей, адвокатов и т. д., не платящих налоги в таком размере. К тому же избиратели знают, что в силу своего суверенного права они свободны от необходимости выносить суждение о лицах, выставляющих свою кандидатуру, и тем более не обязаны подвергать их проверке, и что их решение ничем не обусловлено. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие англичане (невольнo возникает вопрос, не большинство ли?) выполняют эту обременительную и не имеющую для них существенного значения обязанность лишь под бурным натиском кандидатов и получают за выполнение этой обременительной, нужной только кандидатам, обязанности возмещение в виде лент, жаркого, пива и нескольких гиней.

Французы, будучи относительными новичками на политическом поприще такого рода и связанные к тому же важными интересами недостаточно консолидировавшегося и находящегося под постоянной угрозой внутренних потрясений государства, еще не приобрели подобных навыков и не получают подобных возмещений; однако, следуя подстрекательству относиться к *делу* и к своему участию в нем с большей серьезностью, они компенсировали ничтожное значение своего индивидуального суверенитета в решении государственных проблем самовольным участием в тех делах, которые возникали в ходе восстаний, в клубах, ассоциациях и т. д. и оказались, таким образом, в обладании своих прав.

Упомянутая выше особенность стоящего у власти английского учреждения, которое должно быть по своему характеру подчиненным, что, однако, не мешает его членам выносить решения по всем делам государственной важно-

сти без какой-либо инструкции, не неся за это ответственности и не состоя на государственной службе, — эта особенность определяет и ту часть конституции, где устанавливаются права монарха; здесь следует остановиться на том, какое влияние билль о реформе окажет на положение монарха и на характер правительственной власти вообще. Для этого необходимо напомнить прежде всего о ближайшем следствии упомянутой особенности английского государственного устройства, которое заключается в том, что в Англии власть монарха и власть, осуществляющая управление страной, сильно отличаются друг от друга. Во власти монарха находятся основные вопросы верховного государственного правления, в частности все то, что связано с отношениями с другими государствами, — вопросы войны и мира, распоряжение армией, назначение министров (правда, по сложившемуся этикету монарх назначает только премьер-министра, который затем формирует кабинет), командующих армией и офицеров, послов и т. д. Поскольку же парламент обладает суверенитетом в утверждении бюджета (в том числе даже той суммы, которая отводится на содержание королевской семьи), т. е. определяет общий объем средств, необходимых для ведения войны и заключения мира, содержания армии, послов и пр., и министерство может управлять страной, т. е. вообще существовать, лишь постольку, поскольку оно солидаризируется со взглядами и волей парламента, то участие монарха в управлении государством более иллюзорно, чем реально, — субстанция правительственной власти заключена в парламенте. *Сийес*, признанный авторитет в вопросах организации свободного государственного устройства, смог наконец после замены директории консульством извлечь из своего портфеля свой проект и предоставить Франции плоды своего опыта и глубоких размышлений. По этому проекту во главе государства должен, как известно, стоять человек, располагающий функциями пышного внешнего представительства и назначающий членов высшего государственного совета — ответственных министров, а также прочих подчиненных по иерархической линии чиновников, причем верховная правительственная власть должна быть доверена государственному совету, а *proclamateur — électeur* должен быть

от нее отстранен. Известно солдафонское суждение об этом проекте *Наполеона*, считавшего себя прирожденным властителем и правителем, — названный глава государства выполняет, по его мнению, лишь роль *cochon à l'engrais de quelques millions*, и на эту должность не согласится, как он полагал, ни один человек, обладающий хоть в какой-либо степени талантом и чувством собственного достоинства. Автор рассматриваемого проекта упустил из виду (причем в самом деле, а не преднамеренно и сознательно, как это делается другими), что назначение министров и других должностных лиц, обладающих исполнительной властью, само по себе не более чем формальность и по существу целиком зависит от той инстанции, которой действительно принадлежит правительственная власть. В Англии она сосредоточена в парламенте; хотя в многочисленных конституциях, возникавших на наших глазах, правительственная власть в качестве исполнительной формально отделялась от *только* законодательной и судебной власти, причем первая облакалась особой пышностью, замещение министерских должностей всегда оставалось главным поводом для столкновений и борьбы — невзирая на то, что право этого замещения без всяких ограничений было передано королю, — и так называемая только законодательная власть постоянно брала верх; и после того, как вступила в действие последняя французская конституция, в каждодневных политических и иных запросах и столкновениях отчетливо проступает тенденция принудить министерство переместить центр управления в палату депутатов, где министерству предписывается публично разбирать свои несогласия с подчиненными ему чиновниками.

С правительственной властью парламента связано прежде всего то, что противники билля о реформе приводят в пользу сохранения представительства бургов, владение которыми гарантирует отдельным лицам и семьям места в парламенте. Именно это владение бургами открыло доступ в парламент, а оттуда и в министерство, наиболее выдающимся государственным деятелям Англии. Случается, конечно, что выдающийся, яркий талант находит признание в первую очередь в дружеском кругу и занимает благодаря великодушию отдельных людей принадле-

жащее ему по праву место, которого он из-за недостаточного богатства и отсутствия необходимых родственных связей мог бы быть лишен, если бы это зависело от решения жителей города или графства. Однако примеры такого рода относятся к сфере случайности, где одной вероятности легко может быть противопоставлена другая, возможному ущербу — возможная выгода. С этим тесно соприкасается якобы другое, более важное следствие, на что указал герцог *Веллингтон*; он не пользуется репутацией оратора, поскольку его выступления не отличаются плавностью, занимательностью и далеки от той многочасовой хвастливой болтовни, с помощью которой столько членов парламента достигло признания в качестве красноречивых ораторов; однако речи герцога Веллингтона, несмотря на недостаточно совершенный стиль, в чем его постоянно упрекают, отнюдь не лишены ни содержания, ни проникающей в самую суть дела постановки вопросов. Он высказывает, в частности, опасение, что вместо тех людей, которым в настоящее время в парламенте доверены интересы государства, придут совсем другие, и вновь задает вопрос, являются ли лавочники, которые после принятия нового билля составят, по его мнению (как уже указывалось выше), большую часть избирателей, теми людьми, кому можно доверить избрание членов высокого собрания нации, чьи полномочия охватывают все вопросы внутренней и внешней политики, интересы сельского хозяйства, колоний, промышленности? Герцог исходит из положения в английском парламенте, где наряду с массой неспособных и невежественных людей, чье поверхностное образование состоит из обычных предрассудков и почерпнутых в салонах сведений (а подчас они лишены даже этого), есть целый ряд талантливых депутатов, отдающих все свои силы политической деятельности и интересам государства. Большинству этих людей гарантировано место в парламенте либо вследствие их собственного богатства и влияния, которым они или их семья пользуются в бурге, городе или графстве, либо вследствие влияния министерства, а также их друзей по партии.

К этой группе примыкает множество людей, считающих политическую деятельность делом своей жизни то ли

из личной склонности, обладая для этого достаточной независимостью в имущественном отношении, то ли потому, что занимают государственные должности, полученные благодаря парламентским связям; однако, если они достигли этого положения и иным способом, должностное их положение и внутреннее призвание обязывают их примкнуть к классу политиков и к какой-либо политической партии.

Там, где государственная служба не обусловлена определенными требованиями — обучением, государственными экзаменами, практическими подготовительными курсами и т. д., — индивидуум вынужден примкнуть к этому классу; здесь человеку надлежит обрести значимость, использовать влияние этого класса, который в свою очередь использует его влияние. Находящиеся вне этих связей индивидуумы, подобно, например, *Ханту*, составляют исключение и, попав в парламент, производят там странное впечатление.

Основной элемент всего этого устройства (на все прочие его составные части — семейные связи, политиканство, речи на приемах и т. д., на бесконечную, охватывающую все страны переписку политического характера, а также на совместное времяпрепровождение в поместьях, на скачках, охотах за лисицами и т. п. — билль не посягает), а именно право распоряжаться множеством парламентских мест, будет в случае принятия билля в самом деле существенно изменен; и это изменение может привести к тому, о чем говорил герцог, т. е. что места тех, кто в настоящее время представляет интересы государственного правления, могут занять другие люди; однако билль может иметь и тот положительный эффект, что однородность максим и воззрений, присущих этому классу и образующих парламентское разумение, будет нарушена. Правда, нет оснований считать, что, например, *Хант* при всей своей изолированности выходит за рамки обычных представлений об испытываемом народном налоговом бремени, о синекурах и т. д., однако реформы могут открыть доступ в парламент идеям, которые противоречат интересам названного класса и поэтому не пришли им в голову. Эти идеи составляют основу реальной свободы и затронут вышеназванные отношения церковной собствен-

ности, церковной организации, обязанностей духовенства, ряд прав лендлордов и иных связанных с ленной системой странных прав и ограничений в сфере собственности, а также ряд других хаотических сфер английского законодательства; во Франции эти идеи переплелись с множеством далеко идущих абстракций и привели ко всем известным насильственным действиям; в Германии же они давно утвердились в своем более чистом виде в качестве непреложных принципов внутреннего убеждения и общественного мнения и способствовали подлинному, спокойному, постепенному и законному преобразованию правовых отношений. Таким образом, в Германии развитие институтов подлинной свободы достигло больших успехов, главные из них уже нашли свое завершение и используются на благо общества, тогда как парламентское правительство едва только начинает серьезно помышлять о преобразовании такого рода; между тем настоятельная необходимость в этих принципах, а также требование их быстрого осуществления может в самом деле вызвать катастрофические потрясения в общественном и государственном устройстве Англии. Как ни велик контраст между огромным богатством и ужасающей бедностью внутри Англии, не меньший, если не больший, контраст составляют, с одной стороны, привилегии английской аристократии и вообще институты английского позитивного права, а с другой — правовые отношения, законы, в том виде, какой они обрели в цивилизованных государствах континента, и принципы, которые, будучи основаны на общих положениях разума, не могут и впредь остаться чуждыми английскому народу. *Novi homines*, которые, как того опасается герцог Веллингтон, могут занять места прежних государственных людей, способны обрести в этих принципах прочную опору для своего честолюбия и стремления к популярности. Поскольку в Англии эти принципы не могут быть восприняты и проведены в жизнь правительственной властью, которая по сю пору находится в руках привилегированного класса, то сторонники этих принципов могут выступить только в качестве оппозиции против правительства, против существующего порядка вещей, а сами эти принципы — не в своей конкретной истине и практическом применении, как это было в

Германии, а в опасном образе французских абстракций. Противоположность между *hommes d'état* и *hommes à principes*, резко выступившая во Франции в начале революции и еще не упрочившаяся в Англии, может быть подготовлена созданием широкого доступа в парламент; новый класс может утвердить свое положение с тем большей легкостью, что эти принципы как таковые очень просты, быстро воспринимаются даже невежественными людьми, и при некоторой гибкости таланта (ввиду своей всеобщности они вообще претендуют на то, чтобы быть всеобъемлющими) и достаточно энергичном и настойчивом характере они образуют требуемую основу всеразрушающего красноречия и оказывают сокрушительное воздействие на разум неопытной в этих вопросах толпы; напротив, значительно труднее приобрести знания, опыт и деловые навыки *hommes d'état*, необходимые как для применения разумных принципов, так и для внедрения их в жизнь.

Между тем введение подобного нового элемента послужило бы помехой не только тому классу, который ведаёт государственными делами, но вся правительственная власть могла бы быть таким образом вытеснена из обычной колеи. Как уже было сказано, власть эта принадлежит парламенту; как ни резко разъединен на партии парламент и с какой бы резкостью эти партии ни обрушивались друг на друга, они тем не менее не являются противоположными фракциями, их интересы находятся в одной сфере, и смена министерства имела до сего дня скорее внешнеполитические, чем внутренние последствия, т. е. играла роль в решении вопроса войны и мира. Что касается монархического принципа, то ему в Англии терять почти нечего. Падение министерства Веллингтона было, как известно, вызвано тем, что оно оказалось в меньшинстве при обсуждении вопроса о предстоящем урегулировании цивильного листа короля — причина эта вызывает особый интерес, поскольку она касается одного из немногочисленных элементов монархического принципа, которые еще сохранились в Англии. Остатки домениальных земель королевского дома, которые являются по своему характеру таким же фамильным имуществом, такой же частной собственностью, как земельные владения герцогских, графских, баронских и других домов английской

знати, были в прошлом веке переданы казне; возмещением должна была служить сумма, соответствующая доходу с этих земель, которая входила в бюджет, ежегодно утверждаемый нижней палатой. Эти домениальные владения короля, жалкие остатки некогда значительного имущества короны, расточительно израсходованного прежде всего в гражданских войнах на оплату войск и поддержки баронов, не были разделены на то, что должно остаться во владении королевской семьи, и то, что следует использовать на общие государственные нужды. И если характер фамильной, частной собственности, присущей части этого имущества, формально уже претерпел изменения вследствие преобразования земельной собственности и ее денежной компенсации, сумма которой входила в ежегодно утверждаемый парламентом бюджет, то все-таки оставалась еще некоторая видимость влияния монарха — хотя и подчиненного кабинету министров — на эту незначительную часть ежегодных государственных расходов Великобритании. Принятое недавно решение парламента выделить часть названной суммы на содержание короля и его семьи и передать другую часть, которая и до этого времени использовалась на государственные нужды, в ведение парламента, уничтожит последние остатки влияния короля и его права распоряжаться своей собственностью. При этом нельзя не заметить, что большинство, выступавшее против монархического принципа, было настолько значительно, что повлекло за собой отставку министерства Веллингтона, тогда как при втором чтении билля о реформе, когда под угрозу были поставлены прерогативы аристократии, это большинство составило, как известно, только *один* голос.

Характерным для значения монархического элемента в Англии является упрек, выдвинутый в адрес министерства как при слушании билля об эмансипации католиков, так и в ходе дебатов по поводу билля о реформе; упрек этот сводился к тому, что кабинет министров позволил просочиться слуху о положительном отношении короля к этим меропрятиям. Речь шла отнюдь не о возможности короля осуществить всю полноту монархической власти; недозволенным здесь считается даже проявление авторитета короля, влияние, которое могла бы оказать его лич-

ная точка зрения. Несмотря на то что делается попытка объяснить упомянутое недовольство деликатным желанием избежать в ходе дебатов возможного нарушения воли монарха, дело по существу сводится к тому, чтобы инициатива, которая принадлежит монархическому элементу, короне, также была бы полностью сосредоточена в зависимом от парламента, состоящем из членов парламента кабинете министров; другими словами, к тому, чтобы парламента имел дело только со своими собственными членами, поскольку только в качестве таковых министры могут внести законопроект на рассмотрение палаты; столь же иллюзорно и право короля в качестве третьей инстанции законодательной власти утверждать принятый обеими палатами билль или налагать на него вето, ибо кабинет составляет то же министерство, состоящее из членов парламента. В ответ на вышеназванное нареkanie кабинету министров граф Грей¹⁰ пояснил, что самый факт внесения билля на рассмотрение парламента свидетельствует об одобрении билля королем; что касается просочившихся сведений об отношении короля к законопроекту, то это обвинение было отведено заверением, что источником слухов являются не министры, а совсем иные лица.

Поэтому сущность раскола, который могли бы внести в парламента новые люди, отнюдь не уподобилась бы той борьбе, с которой начиналось во Франции введение каждой новой конституции, т. е. решению вопроса, должна ли правительственная власть действительно принадлежать королю и его министерству, которым она фактически и принадлежала; в английском государственном управлении давно уже решено то, для чего во Франции понадобилось решающее аутентичное толкование посредством восстаний и насилий со стороны восставшего народа. Поэтому новшества, привносимые биллем о реформе, могут коснуться лишь эффективной правительственной власти, сосредоточенной в парламенте; в настоящее время эта власть испытывает лишь поверхностные колебания в виде смены министерств, а не подлинный принципиальный раскол — новое министерство разделяет те же интересы и состоит из государственных деятелей того же класса, что и предыдущее.

Если так называемые интересы земледелия предпола-

гается как будто учесть в новом избирательном законе и значительная часть прежних патронатов над парламентскими местами, а также связанные с ними торговые комбинации будут сохранены, то тем не менее введение новых людей и гетерогенных принципов не может не изменить положения господствовавшего по сей день в парламенте класса, который предлагал каждому кабинету министров готовый материал для существующей системы общественного устройства. Билль о реформе по самой своей сущности направлен против основы этой системы, а именно против принципа позитивного права, утверждающего определенные привилегии, как бы они ни относились к правам действительной свободы. Если претензии нового типа, которые до сих пор находили свое выражение скорее в бессознательном бормотании и в неопределенных опасениях, чем в действительных требованиях, теперь будут отчетливо сформулированы в парламенте, характер оппозиции изменится; перед партиями будет поставлена иная цель, не исчерпываемая занятием мест в новом министерстве. Если мы обратимся к иной разновидности оппозиции, оппозиции в том крайнем выражении, которое она приняла во Франции, то ее наилучшим образом характеризует изумление французов при каждой смене министерства; оказывается, что оппозиционные политические деятели, заняв министерские места в новом правительстве, мало чем отличаются по своей деятельности от своих предшественников; во французской оппозиционной прессе часто появляются наивные сетования на то, что после пребывания в должности министра многие выдающиеся деятели нарушают верность тем левым партиям, к которым они принадлежали, другими словами, это означает, что если они ранее признавали существование правительства *in abstracto*, то теперь они узнали на собственном опыте, что значит действительно управлять, и поняли, что для этого одних принципов мало. Последние, как известно, состоят в общих представлениях о свободе, равенстве, народе, его суверенитете и т. п. Государственное законодательство по существу почти исчерпывается для этих «людей принципов» созданными *Лафайетом* и положенными в основу прежних французских конституций *Droits de l'homme et du citoyen*; впрочем,

дальнейшее законодательство, организация государственной власти и административных учреждений, а также подчинение народа этим публичным институтам и их авторитету признаются необходимыми и утверждаются. Однако деятельности этих институтов, воплощающих в себе государственный порядок и подлинную свободу, противопоставляются те общие места, которые тем, что они требуют для свободы, создают в конституции внутреннюю противоречивость. Так, признается необходимость повиновения законам; однако, если подобное требование исходит от учреждения, т. е. от индивидуумов, оно, согласно этим общим принципам, нарушает свободу; право приказывать, различия в этом праве, в приказе и повиновении вообще — все это противоречит равенству; множество людей может именовать себя народом, и с достаточным основанием, ибо народ и есть подобное неопределенное множество, однако от него отличаются учреждения и чиновники, вообще все элементы организованной государственной власти, тем самым они оказываются виновными в том, что нарушили равенство и противопоставили себя народу, признанному носителю суверенной воли.

Таково крайнее выражение противоречий, в кругу которых мечется нация, отдавшая себя на волю подобным формальным категориям. Члены английского парламента при прежней системе и англичане вообще отличаются практическим смыслом в государственных делах, имеют достаточно ясное представление о сущности правительства и управления; к тому же в соответствии с их конституцией правительство по существу вообще не вмешивается в особые сферы общественной жизни, в управление графствами, городами и др., в дела церкви и школьного обучения, а также в такие коллективные действия, как, например, дорожное строительство. Эта большая свобода гражданской жизни может способствовать тому, что формальные принципы свободы не так скоро, как предсказывают противники билля о реформе, проникнут в тот класс, который возвышается над низшим классом Англии, правда, чрезвычайно многочисленным и наиболее восприимчивым к упомянутому формализму.

Если же билль, скорее вследствие своей принципиальной направленности, чем в результате своих установле-

ний, действительно откроет доступ в парламент, т. е. в центральное учреждение правительственной власти, противоречащим существующей системе положениям, и они обретут там бóльшую значимость, чем при обсуждении прежних радикальных реформ, то может вспыхнуть борьба, тем более опасная, что в стране отсутствует высшая власть, способная занять промежуточную позицию между интересами носителей позитивных привилегий и требованиями сторонников реальной свободы, призвать их к умеренности и заставить прийти к соглашению, ибо монархический элемент не обладает здесь той силой, с помощью которой монархи других государств осуществили переход от прежнего, основанного только на позитивном праве, законодательства к законодательству, построенному на принципах реальной свободы, и осуществили они этот переход без каких-либо потрясений, насилия и грабежей. Третьей силой является народ, и оппозиция, сформированная на чуждой существующему составу парламента основе и ощущающая свою неспособность победить в парламенте партию, находящуюся у власти, могла бы уступить соблазну и обратиться за помощью к народу, что привело бы не к реформе, а к революции.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

О ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЯХ В ВЮРТЕМБЕРГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО О НЕДОСТАТКАХ КОНСТИТУЦИИ, КАСАЮЩИХСЯ УПРАВЛЕНИЯ МАГИСТРАТОВ *

Работа написана Гегелем во Франкфурте в 1798 г. Ввиду политически острого и оппозиционного характера статьи друзья посоветовали Гегелю воздержаться от ее публикации. На русском языке работа публикуется впервые. Перевод сделан М. И. Левиной по книге: *G. W. F. Hegel. Sämtliche Werke, Bd. VII. Hrsg. von C. Lasson, Leipzig, 1923, S. 150—154— «Über die neuesten innern Verhältnisse Württembergs, besonders über die Gebrechen der Magistratsverfassung».*

Перевод сверен В. С. Нерсесянцем.

¹ Первоначальное заглавие, затем вычеркнутое, было: «О том, что магистраты должны избираться гражданами».— 49.

² Ко времени написания гегелевской работы (1798) отношения между вюртембергским герцогом Фридрихом и сословиями крайне обострились. Если в начале своего правления (1797) герцог Фридрих довольно терпимо относился к ландтагу, то в дальнейшем предпринял атаки против сословного представительства.— 49.

³ Первоначально было: «Стремление народа снести», затем слово «народа» вычеркнуто.— 49.

⁴ Прервано в рукописи.— 52.

⁵ Последующий раздел был впервые опубликован Р. Гаймом в 1857 г. но не сохранившейся до нас копии рукописи.— 52.

— — — — —
* Примечания составлены В. С. Нерсесянцем.

ИЗ «КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ ПИСЕМ
О ПРЕЖНЕМ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ ОТНОШЕНИИ
ЗЕМЛИ ВААДТА (ВО) К ГОРОДУ БЕРНУ».

ПОЛНОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПРЕЖНЕЙ ОЛИГАРХИИ
СОСЛОВИЯ БЕРНА.

Перевод с французского писем покойного швейцарского автора и комментарии к ним. Франкфурт-на-Майне. Книгоиздательство Егера 1798.*

Aus den «Vertraulichen Briefen über das vormalige Staatsrechtliche Verhältnis des Wadtlandes (Pays de Vaud) zur Stadt Bern, Eine völlige Aufdeckung eines verstorbenen Schweizers übersetzt und mit Anmerkungen versehen. Frankfurt am Main. In der Jägerschen Buchhandlung. 1798».

«Конфиденциальные письма...» — самая первая опубликованная Гегелем работа. Она вышла в свет анонимно в 1798 г. во Франкфурте-на-Майне у книгопродавца Егера. В этой небольшой брошюре Гегель действительно перевел и снабдил своими комментариями письма бывшего вадтского адвоката Жака Карта. Ж. Карт (находившийся в момент издания настоящей брошюры в полном здравии) в упомянутых письмах резко обличал те деспотические порядки, которые господствовали в Берне до прихода туда французов.

На русском языке данная работа публикуется впервые. Перевод сделан М. И. Левиной по книге: «Dokumente zu Hegels Entwicklung. Herausgegeben von Johannes Hoffmeister». Stuttgart, 1936, S. 247—257. Перевод сверен Л. С. Мамутом.

¹ jus aggratiandi — право помилования.— 57.

² jus aggravandi — право обвинения.— 57.

³ Каролина (Constitutio Criminalis Carolina) — уголовно-судебное уложение императора Карла V (1500—1558), изданное в 1532 г. Каролина явилась первым общеимперским уложением, действовавшим на всей территории Священной Римской империи германской нации. Содержит нормы как уголовного, так и уголовно-процессуального права. Закрепление в законе открытого юридического неравенства, инквизиционного характера процесса, жестокости наказаний (представлявших по сути своей способ классовой расправы феодалов с крестьянством) и т. п.— все это сделало Каролину одним из самых реакционных правовых актов европейского средневековья.— 60.

⁴ Шультгейс — глава городской общины.— 62

* Примечания составлены Л. С. Мамутом.

КОНСТИТУЦИЯ ГЕРМАНИИ *

«Конституция Германии» («Die Verfassung Deutschlands») — неоконченная рукопись, над которой Гегель работал с перерывами с конца 1798 г. (или начала 1799 г.) по 1802 г. (или даже — по 1803 г.). При жизни Гегеля работа не издавалась. Впервые полностью она была опубликована Г. Моллатом в 1893 г. (II изд. — в 1935 г.). Еще ранее некоторые ее фрагменты были опубликованы К. Розенкранцем (в 1844 г.) и Р. Гаймом (в 1857 г.). После публикации Моллата было еще несколько изданий рукописи — Г. Лассоном (в 1913, 1923 гг.), Г. Геллером (в 1922 г.), И. Гоффмейстером (в 1936 г.). На русский язык переводится впервые. Перевод сделал М. И. Левиной по книге: *G. W. F. Hegel. Politische Schriften. Akademie Verlag. Berlin, 1970, S. 1—123. Herausgegeben und eingeleitet von G. Irrlitz.* Это последнее немецкое издание опирается на публикацию Г. Лассона (1923 г.). Перевод сверен В. С. Нерсесянцем.

Самим Гегелем рукопись не была озаглавлена и упорядочена. — это сделали ее издатели. Перевод названия «Конституция Германии» кажется по ряду соображений (приятность такого названия в нашей литературе, его краткость, емкость понятия «конституция», включающего в себя и значение «устройство», «государственное устройство») предпочтительнее такого возможного варианта его перевода, как «Государственное устройство Германии».

Рукопись включает в себя ранние наброски вводного характера и основной ее текст в последней авторской редакции. О структуре рукописи, датировке ее различных частей и комментариях к ним см.: «Die Verfassung des Deutschen Reichs». Eine politische Flugschrift von G. W. F. Hegel, neue herausgegeben von G. Mollat. Stuttgart, 1935; *Rosenzweig F. Hegel und der Staat, 2 Bde. München — Berlin, Bd. 1, 1920, S. 88 u. ff.*; *Hoffmeister I. Dokumente zu Hegels Entwicklung. Stuttgart, 1936, S. 282—288*; «Hegel — Jahrbuch 1971», Hrsg. von W. R. Beyer, Meisenheim am Glan, 1972, S. 98—111 (Angelo Carcagni); *Hegel G. W. F. Politische Schriften. Nachwort von J. Habermas. Frankfurt am Main, 1966, S. 343—370.*

¹ Под одного из таких «прежних ученых в области государственного права» вполне подходит, например, известный пемейский государствовед И. Пюттер (1725—1807), автор обстоятельного труда по истории германской конституции. См.: *Johann Stephan Pütter.*

* Примечания составлены В. С. Нерсесянцем.

Historische Entwicklung der heutigen Staatsverfassung des Teutschen Reichs. Drei Theile, Göttingen. 1786.—65.

² Имеется в виду Вольтер (1694—1778). См. «Фрагменты к «Конституции Германии»» (с.181).—65.

³ Эта война Германии с Францией охватывает 1793—1801 гг., исключая время работы Раштатского конгресса (декабрь 1797—апрель 1799 гг.); конгресс закончился безрезультатно.—66.

⁴ Речь идет о Люневильском мире между Германией и Францией, заключенном 9 февраля 1801 г.—66.

⁵ Так называемые «римские деньги» (в оригинале — «Römermonate») — чрезвычайный имперский налог. Его необычное название связано с тем, что он взимался (с 1541 г.) на основании имперского матрикула от 1521 г., первоначально изданного для сбора денег к римской процессии (коронации и т. п.) Карла V. В дальнейшем это название (Römermonate) закрепилось за налогами, которыми ежемесячно стали облагаться те или иные сословия (земли) — для них наступали «римские месяцы», т. е. время платежей.—73.

⁶ «Fiat justitia, pereat Germania!» (лат.) — «Пусть свершится справедливость, если даже погибнет Германия!» Гегель использует, иронически изменяя, латинский афоризм: «Fiat justitia, pereat mundus!» — «Пусть свершится справедливость, если даже погибнет мир!» — 73.

⁷ Государство рассматривается как машина, например, таким известным в то время немецким государствоведом, как А. Л. Шлёцер (см.: *August Ludwig Schlözer. Allgemeine Staatsrecht- und Staatsverfassungslehre. Göttingen, 1793, S. 3f.*).—83.

⁸ Под «гениальным человеком» имеется в виду король Пруссии Фридрих II (1712—1786), правивший в 1740—1786 гг.—87.

⁹ Данная оговорка содержится в тексте Вестфальского мирного договора 1648 г. (п. 8. § 2).—91.

¹⁰ *Питт Уильям* (мл.) (1759—1806), видный консерватор, возглавлял английское правительство — 94.

¹¹ Семилетняя война была в 1756—1763 гг.—98.

¹² Нимвегенский мир заключен в 1679 г.—102.

¹³ Рисвикский мир заключен в 1697 г.—102.

¹⁴ Бадельские мирные переговоры относятся к 1714 г.—102.

¹⁵ *Карл XII*, Шведский, умер в 1718 г. Договоры Швеции с Галловером, Пруссией и Данией были заключены в 1720 г., с Россией (Ништадтский мир) — в 1721 г.—103.

¹⁶ Вепский мир заключен в 1738 г.—103.

¹⁷ *Иосиф II* (1741—1790), император Германии в 1765—1790 гг.—111.

¹⁸ Дело Юлпха и Берга относится к 1609—1614 гг.—112.

¹⁹ Тридцатилетняя война охватывает 1618—1648 гг.; она завершилась Вестфальским миром.—112.

²⁰ Дело о «баварском наследии» относится к 1778—1779 гг.—112.

²¹ Соглашение между сторонами состоялось в 1735 г.—112.

²² Лютигское дело относится к 1789—1791 гг.—112.

²³ Попытка, о которой идет речь, имела место в 1522—1523 гг.—113.

²⁴ Пражский мир заключен в 1635 г.—119.

²⁵ *Карл Великий* (742—814), с 768 г.— франкский король, с 800 г.— германский император.— 125.

²⁶ *Фердинанд II* (1578—1637), с 1619 г.— германский император.— 127.

²⁷ *Густав Адольф* — король Швеции, полководец; погиб в 1632 г.; его выступление, упоминаемое Гегелем, относится к 1630 г.— 127.

²⁸ Под «*императрицей*» имеется в виду Мария-Терезия (1717—1780), которая в 1740 г. после смерти отца (Карла VI) унаследовала престол германской империи; в 1745—1765 гг. германским императором был ее муж Франц Стефан Лотрингский, после его смерти — сын Марии-Терезии Иосиф II.— 130.

²⁹ Здесь Гегель, прямо не называя его, полемизирует с Ш. Монтескье, который в работе «О духе законов» по поводу представительной системы писал: «Эта прекрасная система найдена в лесах» (см.: *Монтескье Ш. Избранные произведения*. М., 1955, с. 300).— 132.

³⁰ Эти положения о смене различных эпох в мировой истории были развиты Гегелем и в последующих произведениях (в «Философии права», «Философии истории» и др.). Так, в «Философии права» (§ 354) Гегель выделяет следующие четыре всемирно-исторических царства: восточное, греческое, римское и германское.— 132.

³¹ Титул «*господарь*» послал, в частности, тогдашний правитель Валахии и Молдавии.— 133.

³² Генеральные штаты — собрание сословных представителей во Франции начиная с 1302 г.— 134.

³³ Под «*моралистами*», критикующими политику, Гегель, видимо, прежде всего имеет в виду И. Канта (с его появившейся в 1795 г. работой «К вечному миру») и И. Г. Фихте (с его восторженной рецензией 1796 г. на названную работу Канта). «Истинная политика, — писал Кант, — не может сделать шага, не присягнув заранее морали... так как мораль разрубает узел, который политика не могла развязать, пока они были в споре» (см.: *Кант И. К вечному миру*. — Трактаты о вечном мире. М., 1963, с. 185).— 139.

³⁴ Начало земского мира относится к 1495 г.— 140.

³⁵ Шмалькальденский союз был в 1530—1547 гг.— 142.

³⁶ Протестантская уния заключена в 1608 г.— 142.

³⁷ Союз князей организован в 1785 г.— 142.

³⁸ Речь идет о работе Иоганна Мюллера (1752—1809) (*Darstellung des Fürstenbundes*, 1787), упоминаемого Гегелем и в Предисловии к «Философии права». — 143.

³⁹ *Вильгельм Оранский* — принц Вильгельм III Оранский, штат-гальтер (глава государства) Голландской республики (1672—1702). — 143.

⁴⁰ *Людовик XIV* — король Франции (1661—1683). — 143.

⁴¹ Под этим псевдонимом выступал Б. Ф. Хемницц (1605—1678), который в 40-х годах XVII в. опубликовал на латыни свою работу о германской государственности — «*Dissertatio de Ratione Status in Imperio nostro Romano-Germanico*». — 144.

⁴² Ришелье (1585—1642) — кардинал, в 1624—1642 гг. был первым министром Франции.— 146.

⁴³ *Мазарини* (1602—1661) — кардинал Франции, преемник и продолжатель политики Ришелье.— 146.

⁴⁴ Под «государственным деятелем Италии» имеется в виду Никколо Макиавелли (1469—1527), который в течение 14 лет был секретарем правительственного Совета десяти Флоренции.— 150.

⁴⁵ *Моисей* — библейский законодатель Израиля; согласно преданиям, вывел израильтян из египетского плена и рабства.— 150.

⁴⁶ *Кир I*, сын Камбиса, — основатель Персидской державы (558—529 гг. до н. э.).— 150.

⁴⁷ *Тезей* — герой и правитель Афин мифического периода. Аристотель («Афинская политика», ч. I, XV, 2) относит деятельность Тезея (Фесся) ко времени, предшествующему законодательству Драконта (621—620 гг. до н. э.). Согласно сохранившимся сведениям (см.: *Аристотель. Афинская политика*. М., 1937, с. 94—97) Тезей провел разделение афинского населения на три класса — эвпатридов, геоморов и демиургов. Он первый из афинских деятелей отказался от царского правления и усилил политическое влияние демоса. По преданию, Тезей на острове Скирос был вероломно скинут со скалы Ликомедом, опасавшимся за свою власть.— 150.

⁴⁸ Речь идет о Фридрихе II, который еще до вступления на престол написал сочинение с претенциозным названием «Анти-Макиавелли».— 152.

⁴⁹ *Катон (мл.)*, *Марк Порций* (95—46 гг. до н. э.).— 153.

⁵⁰ *Помпей Гней* (106—48 гг. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель.— 153.

⁵¹ *Цезарь Гай Юлий* (100—44 гг. до н. э.) — известный римский полководец и государственный деятель.— 153.

⁵² *Герцог Валентино* — Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI Борджиа. Вместо «дяди» поэту следовало сказать «отца».— 154.

⁵³ Юлий II правил в 1503—1513 гг.— 154.

⁵⁴ Этим «будущим монархом» был Фридрих II.— 154.

⁵⁵ Первая Силезская война проходила в 1740—1742 гг.— 155.

⁵⁶ *Фридрих I Барбаросса* (1125—1190) — германский король (с 1152 г.) и император (с 1155 г.).— 156.

⁵⁷ События относятся к 1508 г.— 156.

⁵⁸ Пруссия и Франция заключили мир в Базеле 5 апреля 1795 г.— 157.

⁵⁹ Имеется в виду Люневильский мир от 9 февраля 1801 г.— 158.

⁶⁰ *Бонапарт* — *Наполеон I* (1769—1821), полководец и император Франции.— 160.

⁶¹ Иезуитский орден был распущен в 1773 г. при Клементе XIV.— 165.

⁶² *Карл V* (1500—1558) — германский император с 1519 г.— 167.

⁶³ *Леопольд I* (1747—1792) — германский император.— 171.

О НАУЧНЫХ СПОСОБАХ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, ЕГО МЕСТЕ
В ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
И ЕГО ОТНОШЕНИИ К НАУКЕ О ПОЗИТИВНОМ ПРАВЕ *

Работа написана в Иене, напечатана в совместно издававшемся Гегелем и Шеллингом «Критическом журнале философии» (1802, т. 2, № 2; 1803, т. 2, № 3).

На русском языке публикуется впервые. Перевод сделан М. И. Левиной по книге: *Hegel G. W. F. Sämtliche Werke, Bd. VII. Hrsg. von G. Lasson. Leipzig, 1923, S. 325—411.*— «Über die wissenschaftlichen Behandlungen des Naturrechts, seine Stelle in der praktischen Philosophie und sein Verhältnis zu den positiven Rechtswissenschaften». Перевод сверен В. С. Нерсесянцем.

Небольшой фрагмент этого гегелевского произведения в переводе П. П. Гайденко опубликован в работе: *Гегель Г. В. Ф. Эстетика, т. 4. М., 1973, с. 67—72.*

¹ Речь идет о философии Канта, которую вместе с философией Фихте Гегель критически анализирует в данной работе в качестве типичного случая формального способа трактовки естественного права.— 187.

² Так характеризовал естественное состояние Томас Гоббс (1588—1679). Усматривая «в природе человека» три основные причины войны — соперничество, недоверие и любовь к славе, он писал в «Левиафане»: «Отсюда очевидно, что пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» (см.: *Томас Гоббс. Левиафан. М., 1936, с. 115.*)

Позицию Гоббса, следовательно, Гегель расценивает как эмпирический подход к естественному праву.— 196.

³ Подобное представление, широко распространенное в естественно-правовых доктринах нового времени, восходит к античным авторам. Так, по Аристотелю, «человек, по природе своей,— существо политическое» («Политика», I, 1, 9—1252b). «Во всех людей,— продолжает он,— природа вселила стремление к государственному общению» (там же, I, 1, 12—1253a).—197.

⁴ Сходные взгляды развивал Ж.-Ж. Руссо, противопоставлявший свободу человека в естественном состоянии его несвободе в гражданском состоянии. Эта мысль звучит в знаменитом положении «Общественного договора»: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах» (см.: *Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., 1969, с. 152; см. также с. 154—155, гл. III «О праве сильного».*)— 197.

⁵ Речь идет о тогдашних кантовцах и прежде всего о позиции Якова Фридриха Фриза (1773—1843), скрытая или явная полемика

* Примечания составлены В. С. Нерсесянцем.

с которым присутствует и в последующих произведениях Гегеля.— 200.

⁶ К эвдемонистическим (от греч. *eudaimonia* — блаженство, счастье) относятся различные философские концепции (античности и нового времени), трактующие стремление к счастью в качестве высшего и определяющего начала. В данном контексте эвдемонизм упоминается в связи с присущей ему абсолютизацией некоего субъективно взятого момента, абстрагируемого от других моментов и отношений.— 203.

⁷ Основной закон чистого практического разума звучит у Канта следующим образом: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства».— 209.

⁸ Аналогична критика кантовского «формализма» в гегелевской «Философии права» (§ 135, Примечание): «Все неправовые и неморальные способы действия могут, напротив того, быть оправданы, исходя из этого принципа».— 213.

⁹ В качестве специального независимого органа фихтевский эффорат при коллизии между правительством и народом приостанавливает своим интердиктом деятельность правительства и созывает народ для решения вопроса о правительстве.— 223.

¹⁰ Как «восстановление права» и «возмездие» трактуется наказание и в «Философии права» (§ 99, 101). С этими представлениями связан и взгляд на преступника как на свободную личность и на наказание как право самого преступника (§ 101 «Философии права»)— 227.

¹¹ Это суждение о войне цитируется Гегелем (очень редкий случай в его писательской практике!) в «Философии права» (§ 324, Примечание).— 229.

¹² Необходимость правления философов подробно обосновывается Платоном в «Государстве». Выразительно эта идея сформулирована в VII письме Платона (Диону): «Таким образом, человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами» (см.: Платон. Сочинения в 3-х т., т. 3, ч. 2. М., 1972, с. 525).— 237.

¹³ *Орест* — мифологический персонаж (выведен в трагедиях Эсхила, Еврипида и др.).— 242.

¹⁴ *Эвмениды* — в древнегреческой мифологии богини мести.— 242.

¹⁵ *Ареопаг* — верховное государственное учреждение в Афинах, пришедшее (примерно в VII в. до н. э.) на смену племенному совету; в дальнейшем — оплот консервативных сил, пока его позиции не были подорваны реформами Эфиальта (462 г. до н. э.) и Перикла.

Об ареопаге как священном судилище на Аресовом холме в Афинах Демосфен (XXIII, 65) сообщает: «...Это — единственное судилище, в котором удостоили боги дать и получить удовлетворение за убийство и стать судьями при споре между собой; по рассказу, удовлетворение получил Посейдон за сына своего Галипр-

рофия от Ареса, а судьями были между Эвменидами и Орестом двенадцать богов» (цит. по: *Аристотель*. Афинская полиция. М., 1937, с. 217, Приложение).— 242.

¹⁶ *Линдар* (518 г.— примерно 440 г. до н. э.) — прославленный лирический поэт, фиванец.— 244.

¹⁷ Положение Аристотеля о том, что народ в целом (также и государство, полис) по своей природе предшествует индивиду (а также семье и селению) Гегель разделял и в дальнейшем, используя его в своей концепции соотношения индивида, семьи, гражданского общества и государства. В «Философии права» (§ 256, Примечание) он пишет: «В действительности поэтому государство есть вообще скорее *первое*, лишь в пределах которого семья развивается в гражданское общество, и сама идея государства раскалывается на эти два момента...» — 251.

¹⁸ *Эпаминонд* (примерно VII — VI вв. до н. э.), сын Досида, полумифологическая личность, критский мудрец и законодатель; упоминается у Платона, Аристотеля и других древних авторов.— 253.

¹⁹ Гегель критикует фикцию договорной теории государства — договорного происхождения и договорного определения сущности и целой государства (см. также: «Философия права», § 75, 100, 258).— 264.

²⁰ Аналогичная оценка вклада Ш. Л. Монтескье (1689—1753) в исследование форм государственного правления и законодательства имеется и в гегелевской «Философии права» (§ 261, 273).— 269.

²¹ Здесь и далее Гегель полемизирует против позиции исторической школы права и прежде всего против воззрений предтечи этой школы — Густава Гуго (см. также: «Философия права», § 3).— 271.

²² Эта проблематика обстоятельно освещена Гегелем в работе «Конституция Германии».— 272.

²³ Полемика ведется против положений кантовской работы «К вечному миру» (1795 г.). Следует, правда, отметить, что у Канта — и этот момент обходит Гегелем — «союз народов» не должен быть «государством народов» (Вторая дефинитивная статья вечно мира).— 274.

СИСТЕМА ПРАВСТВЕННОСТИ *

Рукопись «Система нравственности» («System der Sittlichkeit») относится к первым годам пребывания Гегеля в Иене (по всей вероятности, к концу 1802 — началу 1803 г.). Тематически примыкает к статье «О научных способах исследования естественного права». Есть основания расценивать «Систему нравственности» как одну из самых ранних разработок той концепции, которая позднее получила воплощение в труде «Основные черты философии права

* Примечания составлены Л. С. Мамутом.

или естественного права и государственной науки в сжатом очерке» («Философия права»).— Берлин, октябрь 1820. Отрывки из этого манускрипта были впервые напечатаны Г. Моллатом в 1893 г. Сочинение полностью опубликовано в 1913 г. Георгом Лассоном. На русском языке публикуется впервые (за исключением одного абзаца из первого раздела третьей части рукописи, переведенного М. А. Лившицем и помещенного в издании — *Гегель Г. В. Ф. Эстетика*. Т. 4. М., 1973, с. 72). Перевод сделан Е. А. Фроловой по книге: *G. W. F. Hegel. Sämtliche Werke*, Bd. VII, Hrsg. von G. Lasson. Leipzig, 1923, S. 415—499. Перевод сверен Л. С. Мамутом.

Цель настоящей рукописи — двоякая: во-первых, развить метод объяснения (конституирования) «нравственности», во-вторых, раскрыть в самых общих чертах содержание этой конкретной целостности духа, заключающей в себе отдельные его моменты. Гегель проводит идею, что в объективном проявлении нравственности индивид познает свою истинную сущность и через это соприкасается с вечностью. Его эмпирическое бытие и действие становится общим, ибо в данном случае в нем действует не индивидуальный, а всеобщий и абсолютный дух. В слиянии с общим человек находит свое истинное предназначение.

¹ Subsumptio (от *subsum esse* — находиться внизу, под, лежать в основе, быть подчиненным, входить в состав). В логике понятием *subsumptio* (подведение) обозначается прием, заключающийся в том, что на исследуемые частные факты распространяется известное общее правило. Оценка особенностей гегелевского способа «подведения» дана К. Марксом в его рукописи, посвященной критике «Философии права» Гегеля (см.: *Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.*, т. 1, с. 273).— 276.

² Излагаемая Гегелем здесь и далее трактовка вопроса об отношении господства и рабства в некоторых существенных пунктах предвосхищает идеи «Феноменологии духа» (см.: *Гегель. Соч.*, т. IV, с. 103—104). Вместе с тем в этой трактовке содержатся моменты, не получившие развития в упомянутом труде.— 304.

³ Обращает на себя внимание вероятность проведения некоторых параллелей между гегелевским взглядом о распределении нравственных свойств по различным сословиям и известным представлениям Платона о невозможности для отдельных лиц воплощать в себе всю полноту добродетели — невозможности, порождающей соответствующую социально-юридическую дифференциацию общества (см., например: *Платон. Государство*, II 369c—374d. IV 423d, IV 433a — 444d).— 335.

⁴ Слово «гражданин» здесь у Гегеля — *bourgeois* — прямо и непосредственно выступает производным от слова «град (город)» — *bourg*.— 340.

⁵ «Фихтевский эффорат». В своем учении о государстве И. Г. Фихте выдвинул идею создания эффората — постоянного учреждения, наделяемого прерогативой высшего надзора за всеми органами власти и долженствующего обеспечить правопорядок и суверенитет народа. В конце жизни Фихте был вынужден признать эту идею нереалистичной ввиду невозможности ее осуществления. — 349.

⁶ Гегель имеет здесь в виду следующее место из работы И. Канта «Метафизика правов (Часть первая. Основные начала учения о праве)»: «Каждое государство содержит в себе три *власти*, т. е. общесовокупную волю, выступающую в трех ипостасях (*trias politica*): *верховную власть* (Souveränität) в лице законодателя, *исполнительную власть* в лице правителя (согласно закону) и *судебную власть* (как признание за каждым его права по закону) в лице судьи (*potestas legislatoria, rectoria et judiciaria*), подобно трем посылкам в практическом умозаключении: большей посылке, заключающей в себе *закон* воли, меньшей, заключающей в себе *приказ* поступать по закону, т. е. принцип подчинения таковому, и вывод, содержащий в себе *решение* (приговор) о том, что в данном случае является соответствующим праву» (см.: Immanuel Kant's sämtliche Werke. In sechs Bänden. Bd. V, o. j. Leipzig, S. 433—434). — 353.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ.

БЕРЛИН, 22 ОКТЯБРЯ 1818 Г. *

Этой речью Гегеля начинается последний, берлинский, период его творческой биографии. Уже в январе 1818 г. Гегель, будучи профессором Гейдельбергского университета (1816—1818), получил при содействии прусского министра Альтенштейна приглашение в Берлинский университет. С октября 1818 г. он занимает в Берлинском университете профессорское место, которое после смерти Фихте (в 1814 г.) никем не занималось.

Перевод сделан М. И. Левиной по книге: *Hegel G. W. F. Recht, Staat, Geschichte. Hrsg. von F. Bülow. Stuttgart, 1955, S. 255—260.* — Hegels Anrede an seine Zuhörer bei Eröffnung seiner Vorlesungen in Berlin am 22. Oktober 1818. Перевод сверен В. С. Нерсисянцем. Имеется и другой перевод этой работы (см.: *Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, «Наука логики».* М., 1975, с. 79—83). Учитывая важность данной небольшой работы для понимания эволюции гегелевских воззрений, редколлегия сочла целесообразным поместить в настоящем издании подготовленный М. И. Левиной перевод гегелевской речи.

* Примечания составлены В. С. Нерсисянцем.

¹ Королем Пруссии в это время был Фридрих-Вильгельм III (1770—1840).— 368.

² Под «так называемой критической философией» здесь имеются в виду взгляды Канта и кантианцев, особенно кантианца Якова Фридриха Фриза (1773—1843), давнего соперника Гегеля на литературно-служебном поприще, антипатичного ему идейно-теоретического противника. Воззрения Фриза Гегель остро критиковал и ранее (например, в «Науке логики») и позже. В Предисловии к «Философии права» (см. соч., т. VII. М.—Л., 1934, с. 9) Фриз характеризуется как «вождь этой поверхностности, которая называет себя философствованием». Далее (см. там же, с. 44) Гегель пишет: «Свобода во всякой рефлексивной философии, например в философии Канта, а затем в философии Фриза, представляющей собой до конца доведенное разжижение кантовой философии, есть не что иное, как эта формальная самодеятельность».— 371.

АНГЛИЙСКИЙ БИЛЛЬ О РЕФОРМЕ 1831 Г.*

«Английский билль о реформе 1831 г.» («Über die englische Reformbill 1831») — последнее произведение Гегеля, созданное им незадолго до смерти. Эта работа представляет собой своего рода политическое завещание Гегеля. Первоначально она была напечатана лишь частично и появилась в 1831 г. в № 115, 116 и 118 «Прусской государственной газеты». Содержание данной работы было одобрено королем Фридрихом-Вильгельмом III. Однако прусский монарх воспрепятствовал публикации полного ее текста ввиду боязни того, что английский королевский двор может почувствовать себя задетым сю. На языке оригинала впервые полностью опубликована в XVII томе Полного собрания сочинений Гегеля (так называемого «издания друзей»), состоявшего из 18 томов и вышедшего в свет в 1832—1840 гг. На русском языке работа публикуется впервые. Перевод сделан М. И. Левиной по книге: *Hegel G. W. F. Politische Schriften*. Berlin, 1970, S. 253—294. Перевод сверен Л. С. Мамутом.

В «Английском билле о реформе 1831 г.» отчетливо виден процесс нарастания консервативных элементов в социальной позиции Гегеля. В этой своей работе Гегель выступает как явный противник активизации политической борьбы и революционных методов осуществления прогрессивных общественных преобразований.

¹ *Билль о реформе*. Весной 1831 г. в палату общин английского парламента был внесен законопроект, предусматривавший изменение представительства в парламенте за счет уничтожения так называемых «гнилых местечек» — обезлюдивших избирательных

* Примечания составлены Л. С. Мамутом.

округов в сельских местностях, где депутатов фактически назначал лэндлорд. Земельная аристократия, преобладавшая тогда в парламенте, была против реформы избирательной системы. Но в июле 1832 г. билль о реформе был утвержден. Согласно принятому закону, создавались новые избирательные округа, преимущественно в новых промышленных центрах, ранее не имевших представительства в парламенте. Но трудящиеся не получили избирательных прав: последние были предоставлены имущим классам, плательщикам высокого подоходного налога.— 373.

² *Пиль, сэр Роберт* — английский государственный деятель, умеренный тори, в 1841—1846 гг. премьер-министр.— 374.

³ *Великая Хартия Вольностей* (Magna Charta libertatum) — подписанный английским королем Иоанном Безземельным 15.VI 1215 г. акт, навязанный ему коалицией борющихся с ним баронов и рыцарей. Документ подтверждал старинные вольности баронов в отношении короля и ставил его в существенную зависимость от феодалов. Провозглашался принцип, согласно которому арест свободных лиц мог производиться лишь на законном основании. Хартия сыграла большую роль в последующей общественно-политической истории Англии.— 378.

Билль о правах (Bill of Rights) — акт, принятый в 1689 г. учредительным парламентом — конвентом Англии. Закрепил основы английской буржуазной конституционной монархии и явился юридической базой для формирования ее принципов: ограничения prerogative короля, разделения властей, верховенства парламента в законодательной области, либерализации условий парламентской деятельности и т. д.— 378.

⁴ Тридцатилетняя война — общеевропейская война, проходившая в 1618—1648 гг. В нее оказались так или иначе втянутыми многие феодальные государства Европы.— 385.

⁵ *Веллингтон Артур*, герцог — английский полководец, реакционный государственный деятель, тори, в 1828—1830 гг. премьер-министр.— 391.

⁶ *Рассел Джон*, лорд — английский государственный деятель, лидер вигов, в 1831 г. был министром внутренних дел.— 395.

⁷ *Броуэзм Генри Петер* (1778—1868) — лорд-каядлер Англии.— 398.

⁸ Конституция III года во Франции. Прията 24.VI 1793 г. якобинским Конвентом. Закрепляла такие революционные завоевания, как республиканский строй, отмена имущественного и образовательного цензов, всеобщее избирательное право, широкие демократические свободы граждан. Конституция признавала право граждан на сопротивление угнетению. Вместе с тем эта Конституция санкционировала и освящала общественные порядки, базировавшиеся на частной капиталистической собственности и на системе наемного труда.— 400.

⁹ *Карл X* (граф д'Артуа, брат Людовика XVIII, глава ультра-роялистов) — с 1824 по 1830 г. король Франции.— 400.

¹⁰ *Грей Чарльз*, виконт, лорд Гауик — английский политический деятель, в период принятия Билля о реформе премьер-министр.— 410.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббат (аббатство) 79, 89, 113, 115, 162, 163
Абсолютное (абсолют) 179, 186—190, 202, 236, 251
— и относительное 189, 202, 206, 225, 236
Абстрактное (абстракция) 189, 194, 196, 198, 200—202, 224, 250
— и конкретное 233
Автономия 207, 209
Адвокат 52—54, 57, 58
Анархия 65, 73, 114, 124, 125, 140, 149, 153, 168, 181, 383
Априори (априоризм) 193—195, 203, 233, 269, 270
— и апостериори 195
Ареопаг 242
Аристократия 74, 149, 181, 183
— как форма правления 61, 74, 149, 181, 183, 366, 367
— как сословие 59, 74, 99, 133, 134, 162, 171, 372, 375, 382, 387
Армия 73, 81, 88, 89, 90, 173
— имперская 88—92, 98, 173
— отдельных земель 73, 88, 91
— иноземные армии 89—91, 103
— наемные войска 150
Атрибут 97, 206, 250
Бедные 83—85, 214
— и богатые 359
Безопасность 139, 157, 160, 241
— государства 138, 139, 143, 160
— индивидуума 241
— имущества 241
Бесконечное 187—191, 198, 203, 206, 207
— и конечное 203, 204, 207
— в сфере нравственности 198
Благо 49, 51, 68, 134, 144, 172, 236
— государственного целого 49, 51, 59, 68, 69, 144, 172, 236, 379
— индивидуумов 379
Бог 71, 151, 197, 239, 243, 247, 251, 255, 326, 346, 350, 351, 367, 370
Богатство 88, 123, 131, 162, 264, 359, 360
Большинство 52, 66, 94, 95, 102, 120, 124, 174
— и меньшинство 85, 120, 124
Брак 191, 270
— правовой смысл 270
Бытие 81, 187, 194, 196, 203, 234, 236
Бюргер (бюргерство) 60, 61, 116, 117, 131, 133, 135, 162, 170, 241, 252, 364
— и небытие 187
Вассал 80, 98, 123, 132, 133, 146
Вера 50, 144, 154, 178, 219, 370
Вина 52, 126
— и проступок (преступление) 126
— и наказание 126
Владение 51, 71, 83, 101, 112, 182, 183, 231, 236, 237, 239, 241
— и право 101, 182, 183, 239, 363, 365
Власть 50, 52, 65, 66, 68, 72, 82, 94, 123, 168, 275
— государства 68—70, 72—76, 78, 93, 94, 99, 136, 168, 173, 197, 222, 343
— отдельных государственных органов 173
— высших и центральных органов 69, 72, 77, 178, 197, 222
— князей 76, 121, 172, 175
— разделение властей 132, 183, 399, 404

- борьба за власть 245
- политическая 71, 182
- Возмездие 227
- как цель наказания 227, 313
- Возмещение 115
- ущерба 115
- Возможность 70, 195, 196, 225, 228
- невозможность 50, 108, 167, 225
- Война 65, 66, 73, 81, 88, 93, 95, 97, 103, 112, 120, 138—140, 145, 151, 157, 159, 167, 178, 181, 196, 229, 231, 244
- и нравственность 229, 231, 332, 366
- и право (бесправие) 139, 140, 145, 323
- внутренняя 90, 104, 121, 126, 130, 143, 155
- внешняя 88, 138, 352
- завоевательная 88, 138, 167
- оборонительная 88, 138
- и справедливость 138, 151
- исторически конкретные войны 103, 112, 129, 177
- Воля 52, 70, 71, 77, 79, 116, 131, 143, 151, 168, 179, 200, 208, 220, 239, 260
- и право 239
- всеобщая воля 220, 222, 223
- своеволие 70
- добровольно 51, 144, 223
- Воспитание 84, 85, 239, 240, 254
- и государство 84, 85, 240, 366
- и законы 239
- Восстание 98, 120, 222, 410
- Выборы 53, 71, 77, 174, 373
- и сословное представительство 62, 63, 174

- Горожане 78, 83, 139
- Господин (господство) 54, 70, 78, 87, 132—134, 152, 179, 198, 238, 272
- и подданный 169
- и раб (рабство) 150, 237, 238, 269, 305—307
- и подчинение 152, 176, 198, 238, 320

- Государство 50, 54, 66—78, 87, 102—106, 113, 121, 177, 181, 184, 228, 230, 240, 368, 369
- понятие 71, 75, 78, 95, 173, 178, 184
- как нравственность 231
- как народ (нация) 69, 152, 176, 182
- как машина 83, 85
- как организм 65, 71, 105
- как организация (государственные учреждения и институты) 72, 79, 87, 114, 390, 391
- древности и нового времени 79, 80, 82, 87, 114, 121, 132, 135, 146, 156, 171, 374
- функции государства 71, 72, 82, 361, 405
- формы и типы государств 74, 84—87, 123, 132, 146, 148, 149, 176
- союзы государств 81, 91, 104, 105, 113, 114, 142
- признание государства 160
- Гражданин 73, 77, 78, 85, 97, 182, 230, 239—241, 369
- и государство 73, 182, 230, 240, 241, 369, 399—401
- и права и обязанности 58, 73, 77, 79, 118, 165, 182, 230, 400
- Государственное право 65, 69, 71, 81, 108, 123, 183, 200, 264, 265
- Гражданское право 56, 106, 110, 263, 264, 265
- Гуманизм (гуманность) 139, 245

- Движение 65, 180, 184, 219, 221, 229, 236, 244, 245
- в социальном мире 65, 221, 229, 232, 236
- и изменение 49, 51, 136, 238
- Дворяне 79, 134, 135
- Действительность 49, 67, 68, 76, 108, 180, 181, 222, 228, 368
- и точка зрения должного 67, 181
- Декрет 93, 94, 107, 109
- Демократия 74, 149, 176, 183, 374, 366, 367
- Депозит 211, 216

- Депутат 53, 171, 174, 373, 375, 376, 380
 Деспотия (деспотизм) 74, 146, 166, 171, 181, 265
 — как форма правления 132, 133, 181
 — как политический режим 74, 133, 146, 171
 — и право (бесправие) 133, 146, 166, 171, 265
 Диалектика 223
 Дифференция 189, 205, 206, 215, 217, 219, 230, 235, 249
 — и индифференция 205, 206, 214, 219, 234, 235, 249
 Добродетель 117, 139, 144, 229, 237, 252, 253
 — индивида 134, 139, 252
 — нравственного целого 144, 229
 — политическая 134
 Доверие 81, 86, 144, 162, 176, 180, 216, 247
 Договор 71, 73, 91, 92, 103, 127, 137, 161, 245, 264
 — в частном (гражданском) праве 239, 264, 301
 — в публичном (государственном) праве 71
 — международном праве 71, 73, 91, 92, 100, 102, 103, 115, 137, 155, 161
 — договорные теории государства 264
 Долг 145, 153, 192, 209, 213, 218, 233
 — моральный 145, 213
 — правовой 153
 Должность (государственная) 71, 85, 86, 93, 120, 134, 135, 169, 170, 182, 183
 Домен 80, 173, 175
 Достоинство 85, 86, 89
 Дух 50, 66, 70, 73, 80, 105, 156, 172, 181, 200, 238, 242, 246, 274, 368, 370, 372
 — народный (национальный) 150, 172, 238
 — мировой 68, 132, 268, 368
 — как движущее начало 50, 66, 67, 105, 156, 181, 200, 238
 Духовенство 52, 131
 Душа 49, 52, 70, 88, 150, 184, 238, 247, 369
 Единство 69, 70, 75, 80, 81, 94, 100, 116, 127, 150, 173, 176, 181, 190, 194, 196, 198, 206, 251
 — в государстве 65, 69, 74, 78, 94, 127, 150, 173, 239, 251
 Естественное право — см. Право
 Естественное состояние 194, 196—198
 Жизнь 68—70, 74, 75, 87, 152, 178, 202, 228, 236, 268, 275, 370
 — индивидов 70, 75, 178, 179, 303, 304, 312
 — общностей 68, 87, 152, 370
 — и смерть 60, 153, 164, 178, 221, 227, 229, 236, 237, 242, 272
 Завещание 270
 Закон 50, 66, 68, 69, 76, 78, 82, 84, 90, 91, 93, 97, 99, 106—108, 148, 182, 191, 228, 240, 271
 — применение закона 106, 107, 109, 233, 234
 — нарушение закона 69, 108
 Законность 70, 108
 Законодательство 96, 106, 168, 209, 211, 213, 214, 232, 239, 255, 373, 377, 379, 390, 411, 413
 Залог 170
 Здоровье 123
 — нравственное 50, 65
 Земли (имперские) 66, 97, 99—101, 123, 165, 177, 390
 Зло 50, 51, 52, 110, 126, 153, 160, 177
 — и добро 137, 144
 Знак 292
 Знание 53, 66, 134, 185, 198, 370
 Идеал 49, 76, 82, 139, 194
 Идея 65, 96, 151, 167, 178, 185—187, 190, 198, 199, 225, 255, 265, 274, 277
 Иерархия 85—87, 221
 — социально-политическая 71, 85—87, 133
 Император 74, 91, 94, 96, 99, 110, 125, 148, 153, 171, 174, 184, 239

- Империя 74, 91, 95, 99, 110, 174, 238
- Имущество 79, 107, 118, 137, 182, 191, 230, 245
- Индивид 70, 216, 220, 224—226, 237, 241, 246, 250, 254, 303, 304
- Индивидуальность 70, 235—237, 244, 248, 267—270, 274, 275
- народов (наций) 229, 236, 269, 270
- и государстве 70, 236, 402
- Инстинкт 154, 179, 180, 189
- Институты (публичные) 376, 377, 412
- Интеллигенция 248, 249, 290, 291
- Интерес 50—53, 68, 70, 75, 78, 94, 102, 114, 115, 129, 133, 139, 163—166, 169, 171, 368
- личности 111, 133
- общности 68, 78, 94, 131, 133, 139, 141, 166, 171
- и право 139
- Интуиция 370
- Иск — 239
- Искусство 244, 246
- Истец 240
- и ответчик 240, 384
- Истина 51, 131, 151, 180, 201, 209, 232, 371, 372
- и заблуждение 151, 186, 200
- История 74, 132, 143, 152, 158, 166, 187, 195, 265, 271, 272
- исторический подход 152, 197, 257, 271
- Кара 50, 126, 153, 227, 237
- Качество 189, 191, 195—197, 201, 217, 219, 248
- и количество 195, 196, 217, 219, 248
- Князь 53, 78, 103, 113, 121, 150, 154, 172, 175
- княжеская власть 71, 121, 172, 175, 378, 379
- Коалиция 81, 158, 163
- государств 81, 91, 104, 158, 163
- Кодекс 60
- Комедия 243, 245, 246
- Конституция 120, 177, 181, 184, 257
- как основной закон 50, 56, 90, 112, 120, 400, 410
- государственное устройство 49, 52, 56, 65, 68, 76, 177, 184, 364, 373
- конституция Германской империи 65, 375
- Контрибуция 115, 161
- Контроль 77, 82, 84, 170, 220, 223
- центральной власти 77, 349
- корпорация 79, 84, 86, 182
- Космополитизм 274
- Кража 70, 316, 317
- Крестьяне 79
- крепостные 78, 387
- Культура 80, 82, 132, 171, 268
- Ландтаг 53, 172, 176
- функции и компетенция 172—174
- решения 172
- Легальность 201, 218, 219, 255
- и моральность 201, 213, 218, 219, 251—253, 255
- и нравственность 201, 236
- Леп (лепное устройство) 80, 93, 94, 115, 123, 132—135, 148, 268, 269, 388
- Либерализм 134
- Личность 253
- в праве 317, 363
- в государстве 402
- в морали 252
- Магистрат 50, 78, 170, 374
- полномочия 57, 170
- способы формирования 78, 389
- Максима (моральная) 208, 209, 210, 214
- Материя 50, 107, 190, 192, 196, 209, 213, 228, 237, 266, 268, 281, 298
- Месть 50, 321, 322, 341
- Методы трактовки естественного права 185, 190, 200, 217
- эмпирический 185, 189—196, 199—202, 270
- формальный 189, 190, 203—205, 208, 212, 218
- абсолютный 228—242

- Мир 65, 66, 73, 91, 95, 100—103, 120, 129, 138, 157, 177, 178, 229, 238, 241
 — мирные договоры 71, 73, 91, 100—103, 115, 128, 137
 — азмский мир 113—115, 141
 — и война 65, 120, 138, 157, 177, 178, 229, 324
 Монарх 72, 74, 82, 91, 131, 184, 239, 366, 367, 379, 389, 403, 409
 Монархия 74, 146, 148, 149, 181, 183, 264
 — универсальная 156, 166, 167, 171
 Мораль 139, 140, 145, 152, 154, 213, 251—255, 261
 — и право 140, 252, 330
 — и нравственность 145, 251, 252, 332, 333
 — и политика 139, 140, 152, 154
 Мощь 50, 88, 97, 113, 136, 163, 222
 — государства 71, 72, 80, 88, 136
 — целого 163
 — частей 113, 115
 Мышление 66, 67, 179, 210, 370
 — и мысль 67, 180, 181, 195, 258, 368, 369
- Наказание 109, 259
 — цели 227, 341
 — соответствие наказания преступлению 60, 61, 259, 365
 Налоги 55, 66, 79, 83, 96, 124, 230, 361, 362, 380, 402
 Народ (нация) 50, 51, 69, 80, 87, 92, 123, 127, 130, 236, 242, 251, 257, 368, 412
 — как нравственное целое 228, 229, 236, 251, 264, 268, 277, 326, 327, 329, 331
 — как государство 96, 152, 176, 182, 236, 405, 412
 — немецкий народ (немцы) 51, 67, 69, 73, 75, 88, 90, 97, 116, 117, 124, 125, 132, 144, 176, 272, 368
 Население 50, 52, 84,
 Насилие 108, 115, 117, 152, 179, 181, 199, 223, 295, 319, 410
 Наследство 78, 112, 133, 140, 169
 — наследственное право 126, 133, 178, 388
 Наука 65, 71, 74, 152, 168, 186—192, 200, 217, 230, 244, 253, 265, 273, 369, 372
 — методы науки 97, 185, 187—190, 245, 256
 — о позитивном праве 185, 190, 256, 262, 266, 378
 Начальство 53
 Независимость 53, 70, 72, 98, 100, 104, 135, 146, 156, 159, 184, 251, 264
 — индивидов 181, 237
 — государства 66, 74, 98, 121, 131, 146, 156, 159
 — частей целого 72, 73, 90, 100, 104, 115, 135, 156, 159, 184
 Нейтралитет 73, 91, 104, 157—160, 172
 Необходимость 49, 51, 66—70, 74, 77, 87, 94, 176, 185, 192, 195, 216, 274
 — и случайность 50, 66, 67, 70, 77, 79, 87, 182, 193, 195, 216, 274
 Нравственность 190, 198, 201, 215—219, 226, 235, 240, 250, 265, 275
 — понятие 205, 228, 248, 254, 326, 329
 — античная и нового времени 240, 242
 — как народ (нация) 228, 229, 242, 264, 326, 327, 329
 — как государство 231
 — и мораль 201, 252, 265
 — и право 231, 241, 252, 330
 Нравы 50, 66, 68, 70, 80, 82, 88, 123, 131, 136, 144, 148, 182, 237, 250, 255, 375
 Нужда 68, 117, 131, 181, 294
- Обмен 300—301
 Образ 178, 186, 200, 234, 244, 293
 Общество 82, 83, 87, 124, 135, 139, 143, 148, 155, 197, 241
 — и государство 83, 87, 124, 135, 197, 392, 403
 — и индивид 176, 241, 393

- строение общества 82, 83, 377, 394
- общественное мнение 139, 143, 155, 161, 168, 180, 374, 392, 407
- Община 79, 81
- Обычай 70, 82, 83, 169, 270
- обычное право 169
- и закон 82, 270
- Объективное 185, 187, 227
- субъективное 227, 257
- Обязанности 53, 67, 79, 84, 91, 132
- видов 71
- между государствами 91
- должностных лиц 53, 84
- Олигархия 54, 149
- Оппозиция 274, 380, 411
- Определенность 78, 79, 106, 107, 119, 140, 160, 179, 190, 200, 201, 224
- и неопределенность 91, 140, 161, 166
- Опыт 66, 67, 144, 151, 185, 201, 202, 207, 233, 245, 258, 270
- Орган 85, 223, 236, 270
- Организация 71, 104, 135, 144, 173, 176, 226, 234, 235, 242, 244, 254, 272
- государства 71, 72, 79, 134, 144, 173, 183, 244
- Организм (тело) 65, 68, 71, 105, 123, 182, 191, 202, 238, 244
- политический 65, 68, 71, 105, 171, 182, 238
- Отрицание 191, 200, 204, 212, 224, 229, 298
- Отчуждение 226
- Охлократия 149

- Парламент 56
- Партия (партия) 98, 111, 120, 124, 127, 139, 147, 149, 153, 165, 264, 405, 406, 408, 413
- борьба партий 98, 119, 127, 147, 165, 400, 401
- Патриот 177
- и патриотизм 72, 73, 172
- Петиция 52
- Повиновения 79
- личные 80, 95
- сословные 79
- Подданный 67, 78, 84—86, 93, 120, 147, 183, 239
- Позитивное 171, 179, 187, 189, 218, 227, 266, 275
- и негативное 171, 178, 179, 187—189, 218, 227, 275
- Политика 72—75, 78, 81, 97, 99, 112—117, 126, 130, 136, 141, 156, 162, 177, 236, 244, 369
- цели и средства 112—114, 136, 139
- и мораль 136, 139
- Полномочие 70, 264
- целого 264
- частей 70
- Понятие 65, 74, 168, 180, 182—186, 191, 199, 204, 217, 224, 228, 235, 248
- государства 71, 75, 78, 95, 181, 183, 184,
- права 183
- нравственности 217, 228, 235
- Порядок 72, 76, 102, 107, 149, 170, 175
- Потенция 241, 249, 256, 262, 263, 265, 273
- Потребности 50, 83, 96, 118, 134, 175, 178, 182, 230, 237, 278
- Правительство 54, 77, 82, 84, 168, 222, 223
- функция и полномочия 57, 77, 222, 223, 344, 407, 410
- во внутренней политике 84, 166, 349
- во внешней политике 60, 84
- Право 51, 54, 65—81, 91, 108, 113, 118, 126, 136, 139—141, 163, 176, 180, 202, 218, 231, 233, 236
- понятие 297, 299, 300, 364
- позитивное право 183, 185, 190, 257, 377, 378, 396, 411, 413
- естественное право 82, 185, 187, 188, 190, 200, 203, 217, 250, 252, 330
- частное право 71, 109, 126, 136, 137, 178, 183, 265
- международное право 264, 265
- правовое состояние 73, 88, 91, 106, 113, 115, 119, 195, 198

- правовая основа 72, 73, 139, 152, 183
- правовые отношения 54, 78, 137, 239, 407
- римское право 78
- и государство 54, 65, 68, 69, 99, 139
- и война 139, 140, 145
- политические права 54, 71, 121, 136, 148, 183, 378
- публичное право 71, 183, 265, 270
- кулачное право 114, 140
- уголовное право 200
- и закон 255
- бесправие 52, 69, 115
- Правосудие 59, 78, 85, 111, 170, 234, 363—365
- Превенция 201
- Предмет 141, 232
 - науки 232
- Представительство 49, 56, 132—135, 150, 161, 168—174, 176, 382, 390, 394
- Представление 75, 189, 197
- Преступление 118, 126, 153, 191, 227, 228, 261
 - и наказание 126, 153, 191, 201, 227, 228, 259, 313, 365, 389, 390
- Привилегии 53, 79, 169, 174, 387, 393, 395, 401, 405
- Приговор 57, 98, 109—113, 234
- Прилуждение 109, 113, 201, 219—228, 252, 259
 - психологическое 201, 259
- Принцип 69, 70, 84, 90, 95, 113, 114, 121, 127, 132, 147, 152, 167, 171, 184—188, 201, 211, 265
- Природа 72, 74, 172, 176, 178, 184, 194, 198, 206, 226, 235, 248, 278, 286, 294, 314, 325, 326
- Причина 66, 68, 69
 - следствие 80
- Произвол 66, 67, 77, 82, 108, 119, 133, 170, 194, 208, 302
- Промышленность 116
- Противоположность (их тождество) 300, 313
- Психология 194, 201, 260
- Рабство 150, 166, 237, 238, 269, 337
- Равенство 51, 79, 139, 160, 161, 186, 201, 231, 238, 248
 - и равноправие 77, 92, 299, 305, 412
 - неравенство 79, 81, 157, 230, 231
- Разум 65, 69, 117, 151, 192, 199, 201, 204, 205
 - и рассудок 50, 66, 179, 185, 199, 200, 202, 210, 237
- Революция 78, 274, 391, 396, 408, 413
- Редукция 196, 221
- Рейхстаг 71, 72, 91, 94, 97, 102, 120, 122, 130, 165, 175, 184
 - полномочия 109, 112, 166, 184
 - формирование и состав 122, 165, 170
 - решения 71, 72, 91
- Религия 70, 71, 81, 82, 88, 102, 116, 117, 142, 146, 156, 164, 173
 - католическая 118—120, 122, 130
 - протестантская 102, 118—120, 122, 142
 - религиозный раскол 115, 117—119, 121
 - и государство 72, 102, 117, 121, 156, 165, 367
- Республика 66, 124, 132, 148, 160
 - мировая республика 274
- Рефлексия 186, 192, 196, 202, 216, 217, 267, 354, 355
- Реформа 52, 59, 373, 396, 413
- Решение 50, 51, 78, 91, 95, 98, 130, 155, 170
 - государственных органов 72, 78, 95, 109, 170
- Самостоятельность 66, 155, 156, 161, 171, 243, 369
 - государства 66, 155, 369
 - отдельных земель и сословий 161, 171
 - индивидуумов 70, 84
- Самоуправление 73, 84
- Санкции 91, 98, 171, 184

- Свобода 49, 69, 77, 82, 128, 153, 166—169, 185, 198, 200, 224, 227, 247, 369, 372
 — и произвол 69, 77, 108, 168
 — и право 55, 301
 — и нравственность 198, 247
 — и государство 69, 84, 151, 375, 412, 413
 — пидивидуума 77, 132, 224, 227, 376, 399
 — народа (нации) 69, 77, 132, 151, 166, 369, 406, 407
 Сделка (юридическая) 239
 Семья 307, 309, 334, 341, 342
 Сила 50, 69, 76, 88, 101, 117, 139, 149, 160, 176, 184, 221, 239
 — сильные и слабые 92, 98, 112, 140, 149, 160, 197
 — в политике 51, 69, 76, 92, 101, 104, 114, 139, 149, 160, 176
 Сиптез 190
 Система 72, 74, 79—82, 93, 106, 139, 156, 157, 166, 219, 230, 239, 249—251, 255, 265
 — права 70, 73, 104, 239, 245, 263
 — представительства 132—135
 Скачок 274
 Служащие 52, 182, 264, 406, 408
 Спятие 190, 213
 Собственность 70, 75, 96, 106, 126, 183, 211, 216, 231, 237, 239
 — право собственности 56, 78, 133, 136, 182—184, 239, 297, 377, 387, 392
 Совесть 52, 67, 68, 118, 119, 127, 179, 313, 371
 Созерцание 186, 189, 190, 199, 201, 202, 215, 230, 241, 274, 295—303, 325, 328
 Сознательно 53, 241
 — бессознательно 49, 178, 192, 202, 203, 230, 271, 327
 Сословия 49, 51, 69, 71—73, 78—82, 91, 101, 105, 112, 123, 145, 156, 237, 238, 337, 368
 — дворяне 78, 134, 337—342
 — рыцарство 99, 113, 150, 159, 175
 — духовенство 79, 83, 131, 157
 — горожане 78, 79, 83, 133, 340
 — крестьяне 78, 79, 342
 Справедливость 49—51, 68, 72, 94, 128, 153, 181, 184, 232, 379
 — несправедливость 49, 51, 120, 139
 Стоимость 299—300
 Страх 50, 51, 119, 141, 157, 166, 168, 182, 228, 247
 Субъект 180, 198, 203, 212, 216—219, 220, 226, 259, 297
 Субсумция 276, 282, 283, 354
 Суверенитет 74, 98, 101, 102, 130, 146, 147, 149, 150, 156, 159, 160, 169, 172, 184
 Суд 71, 78, 82, 85, 94, 98, 107, 109, 169, 178, 233, 240
 — организация и виды судов 57, 71, 78, 79, 109, 110, 173
 — судьи 53, 57, 84, 110, 234, 239
 — судебная волокита 102, 109—111
 Судьба 49, 52, 68, 69, 71, 100, 114, 117, 179, 243, 244, 275
 Суждение 66, 75, 134, 139, 161, 184, 215
 Сущность 66, 67, 72, 79, 81, 106, 114, 135, 160, 184, 191, 217, 219, 370, 372
 Тавтология 209, 211—213, 216, 253
 Теория 76, 81, 83, 84, 89, 101, 187, 200—202, 229, 259
 Территория 99, 104, 114, 156, 158, 159
 Тирания 127, 149, 152, 369
 Титул 72, 74, 99, 184
 Товар 228
 Толкование 201
 Торговля 111, 116, 231, 264
 Трагедия 242, 243, 246
 Труд 79, 86, 110, 134, 162, 230, 236, 237, 249
 Убеждение 51, 119, 128, 145, 164
 Убийство 57, 150, 152, 312, 320, 321
 Уважение 228
 Угнетение 50, 118, 127, 166, 171, 197, 320
 Ум 51, 53, 152, 176, 244

- Управление 49, 65, 72, 79, 82, 85, 134, 143, 165, 170, 173, 182, 220, 368
 — местное 79, 412
 — центральное 72, 171, 380, 381, 404
 Ущерб 115, 191, 313
- Фикция** 195, 197
- Философия** 81, 148, 178, 200—202, 218, 236, 256, 264, 273, 368, 372
 — как наука 185, 186, 266, 273, 326, 368, 369, 372
 — критическая философия 187, 192, 208, 371
 — метафизика 180, 185, 200, 201, 261
- Финансы** 72, 80, 85, 93—97, 170, 173, 178, 184, 408, 409
- Форма** 50, 68, 75, 100, 111, 124, 131, 148, 171, 186, 190, 203, 212, 228, 262, 267
 — и содержанию 171, 189, 193, 201, 208, 212, 274, 284, 311
 — формализм 189, 193, 210, 213, 274
- Характер** 69, 70, 153, 176, 182
 — индивидуальный 153, 154, 164, 176, 182, 269
 — национальный 67—69, 73, 75, 88, 90, 97, 116, 124, 130, 144, 238, 269, 376
- Цель** 67, 85, 104, 105, 152, 177, 191, 272
 — и средства 104, 110, 152, 272
 Ценность 372
- Церковь** 81, 83, 118, 119, 127, 148, 165, 383, 384
 — и светская власть 81, 119, 148, 165, 385
- Часть** 50, 65, 69, 72, 80, 107, 119, 126, 145, 156, 173, 184, 234, 251, 265
 — и целое 66, 69—71, 74, 86, 93, 105, 116, 121, 144, 156, 173, 180, 184, 191, 196, 201, 223, 228, 234, 251, 265, 272, 319, 323, 343, 346, 356, 360
- Честь** 51, 69, 86, 88, 147, 181, 214, 238, 319, 320
- Человек** 51, 69, 71, 77, 82, 144, 145, 176, 178, 181, 194, 229, 241, 264, 286, 370
 — права человека 81, 182, 274
- Чернь** 223
- Чувство** 189, 201, 207, 230, 248, 278—280, 370
- Штраф** 54
- Эгоизм** 49
- Экономика** 230, 370
- Эмпирия** 65, 185—194, 197—200, 202, 207, 233
- Этика** 253
- Эфорат** 223
- Юрисдикция** 57, 83, 111, 174
- Юстиция** 57, 73, 111, 390
- Язык** 52, 80, 81, 88, 250
 293

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр VI Борджиа 154
Аполлон (миф.) 242, 367
Аристотель 181, 236, 237, 244, 251
Афина (миф.) 243
- Берг 112
Бомон 397
Бриарей (миф.) 329
Броугэм 390, 398
- Валентино (Цезарь Борджиа) 154
Веллингтон 391, 392, 395, 405, 407—409
Венера (миф.) 367
Вильгельм Оранский 143
Вольтер 181
- Ганнибал 253
Гиббон 238
Гомер 244, 290
Грей 410
Густав Адольф 127, 146
Hippolytus a Lapide (Б. Ф. Хем-нитц) 144
- Диоген Лаэртский 254
- Иосиф II 11, 119, 142, 164, 171
- Кант 203, 209, 211, 218, 308, 353
Карл Великий 125
Карл V 167
Карл X 400
Карл XII 146
Карт 54—56, 59, 60, 62
Катон (Мл.) 153
Кир I 150
Клеве 140
Кобург-Эйзенберг 112
- Лафайет 411
Леопольд I 171
Людовик XIV 143
- Мазарини 146
Макиавелли 151—155
Маннинг 393
Марс (миф.) 323
Моисей (библ.) 150
Монтескье 269, 375
Мюллер 143
- Наполеон Бонапарт 160, 394, 404
Нептун (миф.) 367
- Орест (миф.) 242
- Пилат 371
Пиль 374, 376, 390
Пивдар 244
Питт (Мл.) 94, 133
Платон 232, 236, 237, 239, 244, 247
Помпей 153
- Рассел 395
Ремгильд 112
Ришелье 146, 147, 176
Робеспьер 400
- Сийес 403
Сократ 244
Софокл 244
Стюарты 391
- Тамерлан 314
Тезей 150, 176
- Фердинанд II 127, 146
Фихте 187, 203, 218, 219, 223, 265

Ф. Зиккинген 113
Франк 384
Фридрих I Барбаросса 156
Фридрих II 119, 143

Хант 406
Хаскиссон 381
Христос (библ.) 371

Цезарь 153, 253

Чингисхан 314

Эвмениды (миф.) 242, 243
Эпампонд 253
Эсхил 244

Юлий II 154
Юлих 112, 140
Юм 381
Юнопа (миф.) 367
Юпитер (миф.) 367

СОДЕРЖАНИЕ

Политическая философия Гегеля: становление и развитие	6
О внутренних отношениях в Вюртемберге нового времени, прежде всего о недостатках конституции, касающихся управления магистратов 1798	49
Из «Конфиденциальных писем о прежнем государственно-правовом отношении земли Ваадта (ВО) к городу Берну»	54
Конституция Германии	65
О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве	185
Система нравственности	276
Вступительная речь к курсу лекций. Берлин, 22 октября 1818 г.	368
Английский билль о реформе 1831 г.	373
Примечания и комментарии	414
Предметный указатель	427
Указатель имен	436

Гегель
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Утверждено к печати
Институтом государства и права

Редактор

Л. В. Пеняева

Художник

Ю. А. Марков

Художественный редактор

С. А. Литвек

Технический редактор

Е. Н. Евтянова

Корректоры

Л. С. Агапова, В. А. Шварцер

ИБ № 4180

Сдано в набор 10.10.77₂

Подписано к печати 14.04.78.

Формат 84×108^{1/32}

Бумага типографская № 1.

Гарнитура обыкновенная,

Печать высокая

Усл. печ. л. 23,1. Уч.-изд. л. 23,6. Тираж 27 800.

Тип. зак. 2938

Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука»,

117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94-а

2-я типография издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10